

ЖИЛЬБЕР ШАРЛЬ ПИКАР

КОЛЕТТ ПИКАР

КАРФАГЕН

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УСТРОЙСТВО

РЕЛИГИЯ

КУЛЬТУРА

АРМИЯ

ЛЕТОПИСЬ ЛЕГЕНДАРНОГО
ГОРОДА-ГОСУДАРСТВА
С ОСНОВАНИЯ
ДО ГИБЕЛИ

Annotation

Карфаген – самое загадочное и малоизученное государство Древнего мира. Французские историки Ж.Ш. Пикар и К. Пикар на страницах своей книги воссоздают семивековую историю легендарного города-государства, основанного финикийцами на Африканской земле, опираясь на греческие и римские источники, а также на научные данные, полученные ими в археологических экспедициях. Авторы описывают культуру, религию, политический строй, торговые связи и взаимоотношения Карфагена с другими странами, рассказывают, как в течение веков небольшая финикийская колония богатела и расширялась, захватывая все новые и новые территории, пока не превратилась в грозную соперницу Рима. В последних главах историки освещают военные кампании Ганнибала, одного из величайших полководцев древности, и завершают свою книгу описанием разгрома и гибели Карфагена.

- [Жильбер Шарль Пикар, Колетт Пикар](#)
 -
 - [Предисловие](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Тир и Таршиш: открытие Запада](#)
 - [Основание Карфагена](#)
 - [Карфаген. Ворота на запад](#)
 - [Первоначальный город](#)
 - [Ремесла и искусство](#)
 - [Торговля](#)
 - [Финикийцы и греческая колонизация запада](#)
 - [Религия](#)
 - [Приложение I](#)
 - [Глава 2](#)
 -
 - [Малхус](#)
 - [Магониды](#)
 - [Создание империи](#)
 - [Союз с этрусками](#)
 - [Конец этрусско-пунического союза](#)
 - [Греческие победы](#)

- [Способ правления, установленный Магонами](#)
- [Ганнон Мореплаватель. Захват владений в Африке](#)
- [Атлантические экспедиции](#)
- [Месть за поражение в Химерской битве](#)
- [Культурная и экономическая жизнь Карфагена](#)
- [Приложение II](#)
- [Глава 3](#)
 -
 - [Переходный период и революция: 396–373 годы до н. э](#)
 - [Ганнон Великий](#)
 - [Конституция Аристотеля](#)
 - [Религиозная реформа](#)
 - [Реставрация власти дома Ганнона: 345–339 годы до н. э](#)
 - [Создание нового мирового порядка](#)
 - [Конец пунической монархии](#)
 - [Карфаген – властитель Западного Средиземноморья: 307–264 годы н. э](#)
- [Глава 4](#)
 -
 - [Причины войны](#)
 - [Ход войны до экспедиции Регула: 264–256 годы до н. э](#)
 - [Экспедиция Регула](#)
- [Глава 5](#)
 -
 - [Война наемников](#)
 - [Гамилькар у власти. Завоевание Испании](#)
 - [Гасдрубал: 229–222 годы до н. э](#)
 - [Карфаген при Баркидах](#)
- [Глава 6](#)
 - [Личность ганнибала](#)
 - [План Ганнибала](#)
 - [Положение дел в Риме](#)
 - [Сагунт и объявление войны](#)
 - [Начало войны: переход через Галлию](#)
 - [Великие победы: 218–216 годы до н. э](#)
 - [Борьба за морские базы: 216–211 годы до н. э](#)
 - [Культура Карфагена в эпоху Ганнибала](#)
- [Глава 7](#)
 -

- [Попытка Ганнибала возродить мощь Карфагена и ее провал](#)
 - [Угроза со стороны Нумидии](#)
 - [Культура Карфагена во II веке до н. э](#)
 - [Гибель Карфагена](#)
- [Хронология](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)

- [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
-

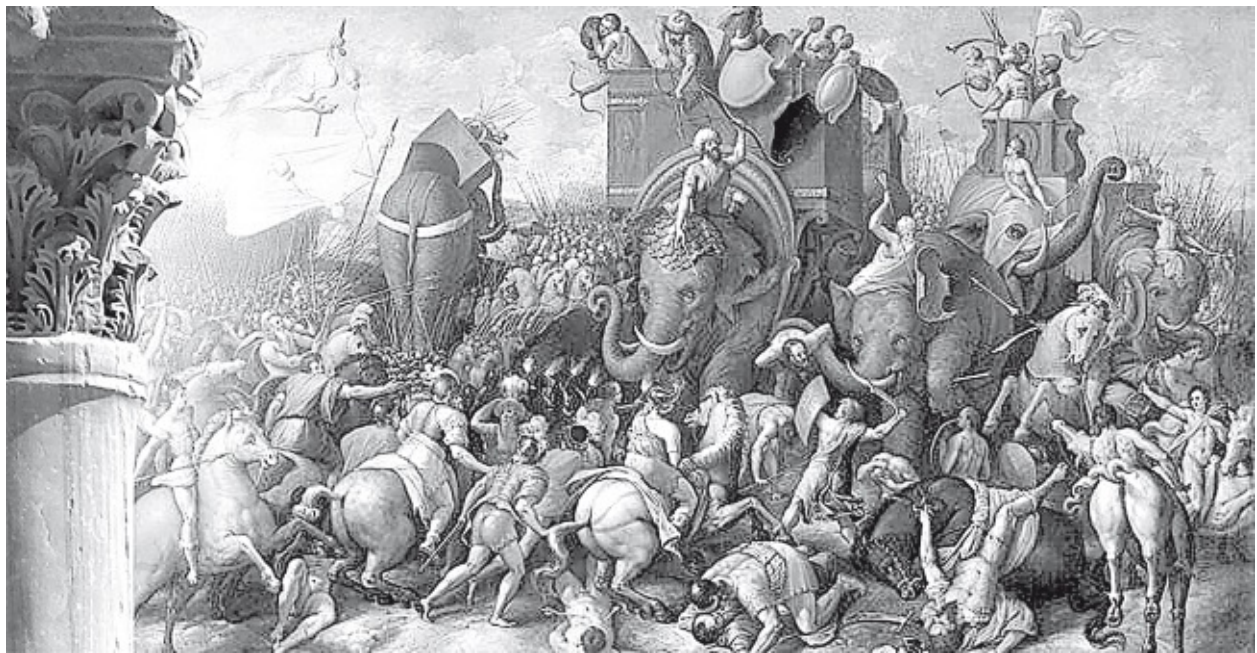
**Жильбер Шарль Пикар, Колетт Пикар
Карфаген. Летопись легендарного города-
государства с основания до гибели**

GILBERT CHARLES PICARD
COLETTE PICARD

The Life and Death
of
Carthage

**A SURVEY OF PUNIC HISTORY AND CULTURE FROM ITS
BIRTH TO THE FINAL TRAGEDY**

Оформление художника Е.Ю. Шурлаповой

Предисловие

Большинство исследователей истории Карфагена согласны с тем, что Западное Финикийское государство оставалось практически неизменным в течение шести или семи веков своего существования. Этому мнению придерживался в своем труде и Гсел, книга которого до недавнего времени оставалась основной работой по этой теме, что наложило отпечаток на все его книги, как и на труды многих других исследователей. В них сначала описываются разные теории, связанные с Тирийской колонизацией, а потом отдельно изучается внутренняя и внешняя политика Карфагена, причем внутренняя везде преподносится одинаково. Гсел использовал все сведения, оставленные нам древними писателями в своих книгах, вне зависимости от времени их создания, однако он не предпринял никаких попыток свести весь этот материал в единое целое. Это касается описания обычаев, религиозных верований и даже хозяйственной жизни Карфагена. Гсел, несомненно, пытался свести к минимуму значение любых изменений или эволюции. Так, он сам, а в недавнее время и Уормингтон пытались доказать, что должность суфетов в Карфагене появилась уже в глубокой древности, хотя достоверная информация по этому вопросу, которой мы обладаем, относится лишь к двум последним векам существования этого города. Свидетельства о культе Танит также относятся к более позднему времени, тем не менее эту богиню часто считают всего лишь усовершенствованным воплощением кипро-финикийской богини-матери, которую ввела в религию Карфагена Дидона.

В нашем труде все построено иначе. Автор разделил историю Карфагена на хронологические отрезки, в каждом из которых описывается вся структура финикийского сообщества в Африке, ее зависимость от этого сообщества. Например, во время правления Магонидов (около 550–396 до н. э.) Карфаген находился в состоянии открытого конфликта с греками в отношении контроля над Западным Средиземноморьем и имел поэтому милитаристскую монархию. В дальнейших попытках сдержать экспансию эллинов Карфаген вступил в союз с этрусками, благодаря чему между двумя народами возникли тесные культурные связи. Это подтверждают крупные открытия, сделанные Паллотино в Пирге.

Теория о «монолитной» истории Карфагена была основана на том, что пунический язык является семитским, родственным ивриту, что евреи и арабы ведут очень интенсивную религиозную жизнь и крайне

консервативны, и потому одни и те же принципы обобщения можно применять ко всем народам, говорящим на языке этой группы. Конечно, Народ Книги старается следовать ее заветам как можно точнее и часто считает все нововведения грехом, но, несмотря на сходство еврейской и финикийской религий, в последней эта тенденция была выражена гораздо слабее, чем в первой. Более того, пуническая экономика была основана на морской торговле и коренным образом отличалась от экономики Израиля, а еще больше – от пасторального, кочевого образа жизни, который господствовал в Аравии и в древности, и сейчас. С этой точки зрения карфагеняне были гораздо ближе к грекам, чем другие семиты. Аристотель изучал их «политеию», используя информацию, которая до нас не дошла, и сделал вывод, что она очень похожа на политику некоторых греческих городов.

Ни одна из традиций древности не подтверждает теорию о том, что Карфаген всегда был одинаковым. Классические авторы конечно же отмечали, что жители Карфагена упорно держатся за некоторые обычаи, которые уже давно устарели, – например, за обычай человеческих жертвоприношений. Но подобное «окаменение», ограниченное четко определенными видами деятельности, прослеживается и в ряде других сообществ, но при этом структура общества может радикально изменяться. Рим славился своим религиозным консерватизмом; это мнение, выражаемое древними, было подкреплено Дулизилом, который обнаружил, что основы латинского общества уходят корнями в древнейшие индоевропейские сообщества; однако это не помешало римлянам первыми в средиземноморском мире перейти от города к государству.

На самом деле идея о том, что современники Ганнибала жили и думали точно так же, как спутники Дидоны, возникла потому, что до нас дошло очень мало сведений и предметов, связанных с Карфагеном. Все авторы Античности, за исключением Аристотеля, проявляли интерес к Карфагену только в одном вопросе – в его отношениях с греками и римлянами. Освещая эту тему, они попутно приводили немногочисленные сведения о законах и обычаях карфагенян. Картина, собранная по частям, имеет множество пропусков, и современные авторы, естественно, попытались заполнить эти лакуны своими домыслами, полагая, что утверждения, справедливые для одного периода, подходят и для другого, если не имеется доказательств обратного.

За последнее время, однако, наши знания значительно расширились, благодаря находкам археологов. Когда Гсел издавал свой большой труд (1913–1929), единственными дошедшими до нас сооружениями были

гробницы Карфагена, а методы классификации материала, который в них содержался, были далеки от совершенства. Наш подход к большому числу вопросов изменился после обнаружения тофета (святилища) Саламбо (его раскопки велись с 1921 по 1949 год), раскопок домов и храмов Карфагена, изучения города III и II веков до н. э. в Дар-эс-Сафи около Керкуана на полуострове Кап-Бон и находок итальянских археологов на Сицилии, Сардинии и Мальте. К примеру, дата основания Карфагена – 814 год до н. э. – была установлена на основе изучения древних текстов и признавалась всеми учеными, однако археологический материал, найденный на месте города, датируется не ранее второй половины VIII века. Изучение погребальных предметов (дольменов), обнаруженных в тофете, свидетельствуют о том, что религиозная жизнь Карфагена подвергалась радикальным переменам. По общему мнению, самой важной реформой стало возведение богини Танит в ранг «покровительницы Карфагена», которое произошло после революции, приведшей к власти аристократию. И наконец, в ходе недавних раскопок в Пирги были обнаружены надписи, посвященные богине Астарте этрусским царем тефария Велиунасом, которые позволили нам понять практически неразрешимые проблемы пуническо-этрусских отношений, а также установить дату подписания первого договора между Римом и Карфагеном.

Эти новые данные заставили нас пересмотреть свои взгляды на старые проблемы. Гсел и Бел ох, в начале XX века, не могли прийти к общему мнению о том, какой была монархия Карфагена. Восторжествовала точка зрения француза, обладавшего большими познаниями в этом вопросе, но его ученики и издатели работ не захотели принять во внимание сделанные им упущения. Ниже мы рассмотрим причины, по которым теория Белоха нуждается в пересмотре.

Несмотря на большой прогресс, пуническая история по-прежнему остается малоизученной. Некоторые читатели, несомненно, будут удивлены, а может, и обрадованы, узнав, что автор несколько раз приходил к иному мнению, нежели то, которого он придерживался в прошлом. Остается надеяться, что либо он, либо его последователи смогут в будущем пересмотреть ряд пунктов в этой временной картине. Мы сумеем воссоздать прошлое только с помощью диалектического подхода; очень редко ученому удастся решить проблему путем обнаружения абсолютной истины, а если это ему и удастся, то лишь для очень короткого периода времени и с ограниченными последствиями. Поэтому необходимо прибегнуть к историческому синтезу (иначе история рискует превратиться в занятие для одних посвященных), но читатель должен понимать, что

такой синтез имеет чисто гипотетический и временный характер.

Глава 1

Карфаген до магонидов

Тир и Таршиш: открытие Запада

Карфаген был финикийской колонией, основанной неподалеку от современного города Тунис, в том месте, где африканское побережье поворачивает на юг, а Средиземное море разделяется на два больших бассейна. Финикийцы представляли собой небольшой азиатский народ, живший в той части сирийского побережья, которое сейчас называется Ливаном. Они говорили на языке, похожем на иврит, и принадлежали к той же семитской семье. В отличие от своих арабских кузенов, которые поселились на североафриканском побережье 18 столетий спустя и подарили ему свою культуру и язык, финикийцы пришли в Африку вовсе не по суше. Они двигались не на конях или верблюдах, подчиняя по пути своей власти местное население, а приплывали небольшими группами на кораблях и хотели не воевать, а торговать.

Дату и обстоятельства этого события древние люди отметили в хорошо известных нам текстах, которые относительно точны, но в чьей достоверности современные ученые начали сомневаться. Но перед тем, как исследовать эту проблему, необходимо установить ее исторический фон. Следует кратко рассказать о плаваниях и торговле финикийцев в Средиземном море.

Самую важную и достоверную информацию об этом дает нам Библия в пророчествах Иезекииля, который рассказывает, что финикийцы торговали с таинственной страной под названием Таршиш:

«О Тир, ты сказал, что я прекрасна. Твои границы – в середине моря...

И моряки Таршиша поют о тебе на рынках твоих: среди морей ты изобильна и знаменита.

Твои корабли бороздят великие воды...

Твой рынок зовется Таршишем из-за изобилия разных богатств: серебром, железом, оловом и свинцом торгуют на твоих ярмарках».

(Иезекииль, XXVII: 3–4, 25–26, 12)

Именно торговле с Таршишем и обязан Карфаген своим возникновением и процветанием. Слово «Таршиш» несколько раз

встречается в Ветхом Завете и вызывает много споров, поскольку меняет свое значение в зависимости от контекста или описываемого периода. Иногда – это название страны, иногда – разновидность товара (как современный кашемир). Определить его первоначальное значение невозможно. Обсуждение этого вопроса уведет нас далеко от Тира и его торговли, однако интересно отметить, что в Ветхом Завете словом «Таршиш» называют особый вид корабля и особый вид груза, который был нужен для дальних плаваний и которого старались взять на борт как можно больше. Это «корабли Таршиша» ходили в Офир, в Красное море, чтобы привезти домой золото, слоновую кость и драгоценные камни, которые Хирам, царь Тира, поддерживавший связи с Соломоном, покупал вместе с медью, добытой в Эйлате. Эта торговля обогащала обоих царей. Но Таршиш – это также и название Тарсуса в Киликии. И наконец, так называли далекую, плохо известную страну, расположенную в Средиземноморье, в тех местах, где садится солнце, – землю, где человек может сказочно разбогатеть. Это земля изобилия, Эльдорадо. Чтобы понять, откуда взялось столько значений этого слова, надо вспомнить, что в описываемые нами времена моряки и купцы, уходившие в море, чтобы разбогатеть, возвращались домой лишь спустя несколько лет, а часто – вообще не возвращались. И что важнее всего, они держали сведения о пути своего следования и товарах, которые везли, в строжайшем секрете, желая сохранить свою монополию. Отсюда все эти домыслы и легенды, которыми окутаны рассказы об их путешествиях. Тем не менее список товаров, которые они привозили из Таршиша, о чем поведал нам Иезекииль, – олово, железо и свинец – помогает установить место, где располагался этот самый Таршиш. Это была богатая полезными ископаемыми область в западной части Средиземноморья, иначе говоря, юг Иберийского полуострова. Литературные источники стали называть его целью финикийских плаваний уже с конца XII века до н. э., а источником сказочных богатств Тира – с конца второго и начала первого тысячелетия до н. э.

В этот период благоприятные обстоятельства позволили финикийцам стать поставщиками самых разных товаров для Ближнего Востока. Минойская и микенская талассократии рухнули; Египет был ослаблен войной с ужасными «морскими народами» и не мог уже удерживать под своей властью своих азиатских подданных; Митаннская и Хеттская империи, служившие противовесом Египетскому государству, тоже пришли в упадок и рухнули, породив множество мелких, независимых и неустойчивых царств.

Одним из них было Тирское царство. Благодаря своим предприимчивым и способным правителям – из которых самым выдающимся был Хирам – Тир сумел избежать опустошительных и бесполезных войн с соседями и обратил ситуацию себе на пользу, снабжая промышленность Востока необходимым сырьем и продавая предметы роскоши своим соседям, завоевателям и будущим господам Ближнего Востока, ассирийцам.

Самым популярным материалом в ту пору была бронза; ее использовали не только в армии, но и на флоте и в сельском хозяйстве. Шалманезер III приказал обить бронзой ворота своего дворца в Балавате. Медь привозили с Кипра и Эдома, расположенных неподалеку; олово было гораздо более редким металлом, и, вне всякого сомнения, именно в поисках олова финикийцы и отправились на запад. Они воспользовались тем, что Средиземное море, после ухода микенцев, стало доступным для всех.

Многие греческие и римские тексты рассказывают нам о том, как финикийцы занялись изучением западных земель. Они сообщают нам гораздо подробнее, чем Иезекииль, о разных этапах их путешествий.

Первой на пути моряков, шедших с востока, лежала Сицилия. Согласно Фукидиду, финикийцы заселили ее полуострова и соседние острова еще до прихода туда греков. Иными словами, это случилось до начала VIII века до н. э. Можно догадаться, что финикийцы использовали порты Сицилии как базы для своих экспедиций в Западное Средиземноморье. Диодор Сицилийский, цитируя Тимея, греческого историка IV века до н. э., утверждает, что они ходили в Ливию, Сардинию и к Иберийскому полуострову. Они плыли на запад южным путем, обходя Италию и Лионский залив по вполне очевидным причинам. На море им пришлось бы выдерживать ужасные штормы, бушующие в заливе, а на суше – столкнуться с еще относительно дикими народами, которые сами стремились использовать свои природные богатства и были очень воинственными^[1].

С другой стороны, африканское побережье было практически не заселено, покрыто лесами и изобиловало дичью. Люди, которых встречали там финикийцы, находились на крайне примитивной стадии развития – большинство из них жило еще в каменном веке, – и их можно было без труда подчинить. На побережье было много пляжей и природных бухт, которые располагались близко друг от друга – финикийцы могли переходить из одной в другую за один день пути. В среднем расстояние между заливами составляло от 20 до 30 миль.

Согласно Страбону, который цитирует Посидония, тирийцы добрались

до Геркулесовых столпов (Гибралтарского пролива) вскоре после Троянской войны, ближе к концу XIII века до н. э., всего лишь через несколько десятилетий после основания Тира. По-видимому, они даже выходили в Атлантический океан и, чтобы защитить подходы к проливу, основали Ликсус и Гадир, или Гадес (по-финикийски «крепость») на побережье Атлантического океана.

Первой гаванью стал Ликсус, который был хорошо защищен от северных ветров и океанских волн. Сюда финикийцы пришли, преодолев Гибралтар. Современный город Лараш, воздвигнутый на старой границе Испании с Марокко, стоит неподалеку от места древней крепости. Ликсус был построен в устье реки. Он раскинулся на холмах, которые отделяла от внутренних районов река Лукос, огибавшая эти холмы по глубокой долине. Поэтому город был не только защищен от нападения с суши, но и стоял в устье Лукоса, который представлял собой единственную дорогу в глубь страны. Эта часть Марокко покрыта густыми лесами и в те далекие времена давала множество рабов, слонов и золота. Считалось, что святилище бога Мелгарта, возглавлявшего Тирийский пантеон и ставшего главным богом Ликсуса, было построено там раньше, чем в Гадесе, – около 1100 года до н. э.

Гадес (современный Кадис) расположен севернее и совсем не похож на Ликсус. Место, где он был построен, очень напоминало Тир. Это был длинный остров, который, по словам Страбона, тянулся параллельно побережью и отделялся от материка проливом «шириной около одного стадия». Он выходил на величественные дороги, где сейчас проводят свои маневры военные корабли Испанского флота. К югу от острова, который в наши дни называется островом Льва, располагалось святилище Мелгарта, патрона этого города. Оно стояло на острове Св. Петра, который откололся от главного острова, но во времена финикийцев составлял с ним одно целое.

Кадис возник в устье реки Баэлис – теперь эта река называется Гвадалквивиром. Почвы в ее долине исключительно плодородны. С северо-запада ее окаймляют горы, богатые медью, свинцом и серебром. Андалузская равнина была тем самым местом, где моряки из Средиземноморья встречались с моряками Атлантики. И хотя великая мегалитическая культура, которая процветала на всем океаническом побережье Европы, к 1000 году до н. э. пришла в упадок, контакты между народами, которые когда-то принадлежали к этой культуре, не прекратились. Жители Андалузии получали из Португалии и Галисии олово и экспортировали его на Восток. Равнина Баэлиса была местом, где

возникло процветающее государство, жизнь в котором была легка, а металл необыкновенно дешев. Диодор пишет, что финикийцы сказочно обогатились, покупая у иберийцев серебро по дешевке, поскольку они не имели никакого понятия о его стоимости. Если верить легендам, то Тартессийское царство, как его называли, было, вероятно, известно на Востоке с микенских времен. Гесиод рассказывает нам о царях, которые выходили из вод океана, – Хрисаоре и его наследнике Герионе, который сражался с Гераклом. Гаргарис, изобретатель сельского хозяйства, принадлежал к другой расе.

Страбон, современник Августов, утверждал, что хроники тартессийан появились 6 тысяч лет назад. Нет сомнений, что тартессийане создали свое собственное письмо в глубокой древности. Тартесс уже давно отождествляли с библейским Таршишем, но сейчас филологи отказываются от этой идеи. Как уже было сказано, это еврейское название применялось ко многим землям, но Иезекииль отождествляет его с долиной Баэтиса.

Прибыль, которую финикийцы получали в ходе своих торговых экспедиций, была огромной и покрывала все расходы. Плавание в землю Офира, на побережье Красного моря, продолжалось три года. Вполне вероятно, что, поскольку корабли могли бороздить моря только в летнее время, а закупка металлов занимала много времени, на плавание из Тира в Гадес и обратно уходило по меньшей мере четыре года.

Веллей Патеркул считает, что Гадес основали Гераклиды, возвращаясь с Троянской войны, то есть в конце XII века до н. э. Такой же точки зрения придерживался и Страбон, который утверждал, что те же самые моряки, несколько лет спустя, основали и Утику, то есть примерно в 1100 году до н. э. Более поздний компилятор подтверждает это, и оба автора сходятся во мнении, что основателями обоих городов были жители Тира. Таким образом, согласно литературной традиции, Утика является древнейшей финикийской колонией в Африке, но позже мы убедимся, что в наши дни это утверждение оспаривается учеными. Плиний Старший приводит точную дату основания города – сооружение храма Аполлона в Утике, которое произошло за 1178 лет до 1101 года до н. э. («Естественная история», книга XVI, 216). Однако если мы признаем, что финикийцы плавали в Испанию уже в конце второго тысячелетия до н. э., то надо согласиться и с тем, что в Тунисе к тому времени уже существовал по крайней мере один финикийский порт. Место расположения Утики похоже на Ликсус – город был построен в устье реки Баградас, или Меджерда, при впадении в нее реки Черчера, на холме, который окружает излучина этого сухого русла. В наши дни речные отложения, принесенные Меджердой,

заполнили залив и бухту Утики, и место древнего города находится теперь в 6 милях от моря. Это была прекрасная плодородная долина; река даже в сезон дождей ее не заливала, и вся она была покрыта тучными пастбищами. Долина Меджерды сейчас является житницей Туниса^[2].

В IX веке до н. э., как гласит легенда, наследники Хирама продолжили его дело. Иосиф рассказывает нам об основании Итобаалом города Ауза в Ливии. Страбон утверждает, что до эпохи Гомера финикийцы владели лучшей частью Иберии. Поэтому считалось, что Тирийские колонии, основанные, кроме Гадеса, на берегах Альборанского моря, восточнее Гибралтара, появились в IX веке. К ним относятся Абдера, Малага (сохранившая свое имя до наших дней) и Секси.

Эта традиция существовала во все времена. С тех пор как евреи лишились Эзионгебера, финикийцы не могли больше плавать в Красном море.

Восточная торговля финикийцев прекратилась после наступления ассирийцев, после того, как Ашурнасерпал захватил Каркемиш и «вымыл свое оружие в великом море земли Амурру». Тирийцы могли поддерживать свое процветание одним лишь расширением торговли на запад. И если корабельные шпангоуты, как утверждает Дж. Г. Феврия, были изобретены именно в это время, то более крепкие суда, которые стали строить финикийцы, позволили им совершать дальние плавания.

В ходе археологических раскопок конца XIX и начала XX века не было обнаружено никаких следов финикийских поселений, возникших ранее IX века до н. э. ни на Сицилии, ни в Испании, ни в Африке. Никто не нашел следов города Ауза. Именно тогда Белох и заявил, что литературным источникам доверять нельзя. До недавнего времени теория Белоха подтверждалась археологическими исследованиями, результаты которых были крайне неутешительными, а большая часть раскопок не приносила ничего нового. Тирийцы использовали Сицилию в качестве базы для своего продвижения на запад, и финикийцы, согласно Фукидиду, отступили сюда после прихода греков. Однако ни на западном, ни на восточном побережье этого острова не было найдено никаких следов их поселений, которые находились бы ниже слоев греческих колоний. Слова греческого историка подтверждались лишь семитскими названиями вроде Фапус, но этот аргумент считался очень слабым, и теория колонизации Сицилии финикийцами была признана несостоятельной.

В начале XX века Тарамелли обнаружил бронзовый подсвечник кипрского происхождения в Сардинском храме Св. Виттории де Серри. Он датировал его концом IX века до н. э., но, по-видимому, этот подсвечник

мог принадлежать и к следующему веку. Вполне возможно, что его привезли на Сардинию финикийские купцы. Позже была обнаружена стела в Норе. На ней имелась финикийская надпись, тоже датированная IX веком до н. э. И хотя утверждение Олбрайта о том, что он нашел в этой надписи слово «Таршиш», не было принято в ученом мире, эта стела тем не менее неопровержимо доказывает, что во время создания надписи финикийцы находились на этом острове. Тем не менее Рис Карпентер не согласен с исследователями этой эпитафии, которые утверждают, что она была сделана в IX веке до н. э., и полагает, что она могла появиться не ранее последней четверти VIII века до н. э. На Сардинии не найдено ни одного финикийского предмета, который был бы древнее VII века до н. э.

Тщательные методические исследования Тараделла и Понсиха в Ликсусе не выявили ни одного предмета старше VI века до н. э., которые могли бы принадлежать жителям Тира.

В Испании Бонсор раскопал гробницы Кармоны, но, хотя ему и удалось найти изделия из слоновой кости, ряд которых принадлежит к восточному типу и относится к IX веку до н. э., основная часть убранства гробниц датируется VII веком до н. э. Более древние финикийские предметы не обнаружены нигде. В Кадисе, на том месте, где стоял когда-то древний Гадир, все найденные вещи относятся к VI веку до н. э., а в Малаге – к V веку до н. э. И наконец, в древнем некрополе Утики, который раскопал Кинтас, не было найдено ни одного предмета, о котором можно было бы с уверенностью сказать, что он появился раньше чем в последние годы VIII века до н. э.

До того как была получена вся эта масса доказательств, Рис Карпентер предлагал считать началом финикийских плаваний в Западном Средиземноморье конец VIII века до н. э. Однако за последние несколько лет были сделаны несколько открытий, которые позволили изменить наш взгляд на эту проблему. Неподалеку от Сциакки, небольшого порта вблизи Агригентума, в сеть одному сицилийскому рыбаку попала бронзовая статуэтка высотой всего 38 см. Это – фигурка бога, относящаяся к тому типу, который был распространен на территории всей Финикии (например, в Библосе и Угарите) между XV и XI веками до н. э. Киапписси, опубликовавший фотографию этой находки, датирует ее XI веком до н. э.

Работа Бернабо Бреа, основанная на сицилийском материале, относящемся к началу первого тысячелетия до н. э., появилась в двух публикациях. В ней автор указывает, что керамика, найденная в восточной части острова (то есть там, где, согласно Фукидиду, финикийцы поселились еще до прихода греков), очень похожа на современные

палестинские изделия, а фибулы (застежки) с островов Липари мало отличаются от своих прототипов из Мегиддо. И наконец, в месте, называемом Лаурита, в Серро-де-Сан-Кристоваль в провинции Гренада, были случайно обнаружены двадцать гробниц. Среди найденных там предметов были: алебастровые кувшины с клеймом фараонов Осоркона II (870–847 до н. э.), Шешонга II (847 до н. э.) и Такелота II (847–823 г.), керамика финикийского типа, датируемая в Палестине XI–IX, а на Кипре – VIII веком до н. э. Около 700 года до н. э. она появилась в Утике и Карфагене. И наконец, там же были обнаружены греческие протокоринфские чаши, изготовленные в конце VII века до н. э. Эти замечательные находки помогли Пеллисери Каталани установить место города Секси. Он датировал этот некрополь началом VII века до н. э., поскольку в нем были найдены греческие вазы. Тем не менее некоторые гробницы могут быть более древними и относиться к VIII веку до н. э., но не древнее IX века до н. э., поскольку именно в этом веке и появились алебастровые кувшины. Проблема заключается в том, что мы не знаем – были ли эти кувшины привезены в Испанию в IX веке до н. э., когда они были изготовлены, или в VIII, когда их положили в гробницы.

Однако если ученые не обнаружили никаких следов постоянных тирийских поселений, созданных около 1000 года до н. э., то даже от более поздних эпох почти ничего не сохранилось. Самое важное, что остались следы пребывания левантских моряков в Западном Средиземноморье IX и VIII веков до н. э. И хотя этих следов явно недостаточно, чтобы с абсолютной уверенностью подтвердить даты, зафиксированные литературными источниками, они тем не менее позволяют пересмотреть даты, предложенные Рисом Карпентером. Таким образом, этот вопрос еще далек от окончательного решения.

Все это можно объяснить условиями морской торговли, которые существовали в древности. Моряки не были завоевателями; они не собирались захватывать земли или создавать постоянные поселения. Им нужно было только одно – песчаный берег в дружественной стране, на который можно было бы вытащить свои корабли, и место, где можно было бы построить несколько хижин, чтобы переждать зиму. Найти следы таких временных жилищ практически невозможно. Города основывались, валы сооружались и гавани строились гораздо позже, чтобы оказывать сопротивление врагу или помогать расселиться своим согражданам, которые приехали сюда, как мы еще увидим, без намерения вернуться. Переход от одной фазы к другой в разных местах происходил в разное время. В Гиппоне (современная Аннаба в Алжире) постоянное поселение

появилось лишь после 200 года до н. э., а создание порта датируется I веком до н. э.

Можно привести несколько примеров. В случае с кипрским городом Китион, который тирийцы одно время называли Карт-Хадашт, как и свой африканский город, и который был их главным поселением на острове, шведские археологи подтвердили, что с XI века до 850 года до н. э. тирийцы жили здесь отдельно от местного населения. Они перевезли сюда свои семьи и построили город лишь во второй половине IX века до н. э.

В Сабрате, колонии, расположенной на окраине Большого Сирта, неподалеку от Большого Лепсиса, раскопки, проводимые Хейнесом, выявили ниже уровня пола в домах IX века до н. э. остатки хижин VIII века до н. э., построенных на песке, а также кусочки керамических изделий того же века. Хорошо видно, что это место заселялось с перерывами, и лишь в V веке до н. э. тирийцы построили постоянные дома. В Истрии, на Черном море, аналогичным образом поступали греки.

На берегу, неподалеку от местного города, Кондурачи обнаружил остатки хижин, в которых обитали греческие купцы, приезжавшие сюда торговать еще до основания колонии. Когда источники сообщают нам об «основании колонии», они, несомненно, имеют в виду поселения подобного типа. Тарадел предлагает изменить дату создания знаменитых храмов (в особенности храма Мелгарта в Ликсусе), заявляя, что точкой отсчета надо считать не закладку его фундамента, а освящение огороженного пространства, или *магома*, где под открытым небом приносились жертвы богам^[3].

Прекрасно описывал жизнь моряков и купцов, отправившихся в далекое плавание на поиски богатств, Гомер. Когда плавание было подготовлено, отобрали 52 молодых гребцов: «Дойдя до корабля и спустившись на берег, они стащили черное судно в море, установили на нем мачту и паруса, закрепили весла в кожаных петлях, все, как следует, и подняли белый парус. Затем они поставили его на мертвый якорь...»

А тем временем женщины занялись погрузкой на корабль всего необходимого. Телемах говорит: «Послушай, няня, не подаришь ли ты мне несколько кувшинов с вином? И пусть оно будет самым лучшим из того, что у тебя есть... Налей мне двенадцать кувшинов и заткни их пробками. И насыпь мне в прочные кожаные мешки ячменной муки – двадцать мер, пожалуйста, молотого зерна...»

Когда он поднялся на корабль: «Причальные канаты были отвязаны, и Телемах велел морякам взяться за снасти. Они охотно подчинились, подняли еловую мачту, установили ее на место, укрепили ее подпорками и

с помощью плетеных кожаных канатов подняли белый парус».

Точно таким же образом образом: «[Менелай] плавал в тех дальних краях (Египетского побережья), где люди говорят на чужом языке, накапливая богатства в товарах и золоте...»

При хорошей погоде, в водах дружественных стран, они плыли днем и ночью. В противном случае на закате подходили к берегу, как сделал Одиссей: «Мы спустили парус лишь после того, как пристали к берегу. Спрыгнув на песок, мы повалились спать».

Но вот Одиссей и его товарищи добрались до места, где можно было запастись пресной водой: «Мы сошли на берег, чтобы набрать воды, и мои моряки тут же уселись у своих кораблей, чтобы пообедать».

С целью пополнить запасы продовольствия они охотились, как только появлялась такая возможность: «Мы взяли с кораблей свои изогнутые луки и длинные копья, разделились на три группы и отправились на охоту; вскорости провидение послало нам богатую добычу... В моей группе было двенадцать судов: каждому досталось по девять козлов... И весь день, пока не село солнце, мы наслаждались обильной мясной едой, которую запивали выдержанным вином, ибо красное вино на наших судах еще не перевелось... Солнце село, наступила ночь, и мы уснули на морском берегу...»

В плохую погоду они ночевали на кораблях – гребцы укладывались под лавками, а капитан – на кровать, которая стояла у мачты, над люком, где хранились «сокровища» экспедиции.

И наконец, Гомер описывает прибытие финикийцев, вложив в уста Эвмея такие слова: «Однажды на остров явились эти негодные финикийцы, жадные разбойники, на черном корабле, который был нагружен всякой ерундой. В доме моего отца оказалась женщина их расы, красивое и здоровое создание с очень умелыми руками. И этим подлым финикийцам удалось вскружить ей голову. Один из них оболстил ее, когда она стирала белье, и овладел ею у борта нашего судна...»

Она тут же решила вернуться в родные края, но хотела бежать так, чтобы никто об этом не узнал: «Скорее закупи все, что тебе нужно. Когда судно будет нагружено, тайно пошли дать мне знать об этом. Ибо я хочу прихватить с собой кое-какое золотишко – все, что мне удастся найти. И есть еще кое-что, что я с радостью отдам тебе в уплату за то, что ты увезешь меня. Я здесь нянчу ребенка моего благородного господина... Ты получишь за него целое состояние в любом иностранном порту, где захочешь его продать». Купцы прожили у нас целый год, во время которого закупили и погрузили на борт множество самого разного товара. Когда их

трюм был заполнен до отказа, а судно готово было выйти в море, они послали гонца предупредить эту женщину».

И она убежала с финикийскими моряками, прихватив с собой Эвмея.

Во всех этих событиях, записанных прямо из жизни, «черный корабль» был для моряков одновременно гостиницей, магазином и складом, а финикийцы, укравшие Эвмея, жили на этом берегу целый год. Их поселение, которое вмещало не менее 500 человек, вероятно, было очень похоже на поселение буров или мормонов, только роль фургонов здесь играли корабли. Вытащенные на берег, они образовывали вал, который защищал моряков, спавших под открытым небом или в хижинах, не только от диких животных, но и от местных жителей, которые не всегда были настроены к пришельцам дружелюбно. Знаменитые верфи Сент-Мало появились лишь три с половиной столетия назад, но стоит только увидеть ряды гниющих там столбов, как сразу станет понятно, что отыскать следы временных поселений тирийских первопроходцев, построенных три тысячи лет назад, практически невозможно.

Когда временные пристанища превратились в постоянные порты, «черные корабли» по-прежнему использовались как жилища и склады, но теперь они стояли на якоре в море, в безопасных местах. Даже в августовские времена, когда их описывал Страбон, жители Гадеса все еще жили на кораблях. Если бы они поселились на суше, Гадес, как и Рим, превратился бы в самый густонаселенный город Римской империи. Благодаря этому корпусу кораблей не рассыхались, что неизбежно бы произошло, если бы они простояли на суше всю зиму. К тому же решалась проблема жилья, которая в таких местах, как остров Св. Петра, где находился Гадес, была очень острой. Финикийские корабли, стоявшие на якорях, были, вероятно, очень похожи на китайские сампаны, которые используются под жилье. Со старых грузовых кораблей, вероятно, снимали мачты и весла, а корпуса использовали под доки и склады, но можно ли надеяться обнаружить их следы в наши дни? Единственным сооружением на суше был деревянный палисад со рвом и столбами, вроде того, который служил внешним укреплением Карфагена в дни Пунической войны. Святылище состояло из алтарей и раков, построенных из необожженного кирпича и похожих на маленькие домишки, которые стояли на девственной земле и были обнаружены Кинтасом в Саламбо. Там же, вероятно, располагались и хижины, плетеные стены которых были обмазаны глиной.

Все это лишь предположения, но они помогают объяснить расположение некоторых финикийских торговых пунктов, которое в противном случае показалось бы совершенно непонятным. Вильмот провел

систематическое обследование таких пунктов на побережье вокруг Орана и обнаружил, что при выборе места для поселения соображения безопасности и необходимости плавания при дневном свете не являлись первостепенными. По традиции бухты, где моряки запасались водой, отстояли друг от друга на расстояние 20 миль (что равно однодневному переходу по морю). Они были защищены от ветров с моря и располагались либо на острове у самого побережья, либо у основания полуострова, который служил наблюдательным пунктом. Финикийцы, однако, часто выбирали совсем другие места. Ликсус стоял в устье реки; Утика – на берегу протоки, хотя условия здесь были не очень благоприятны для здоровья; часто выбирались лагуны; а иногда торговые пункты ставились в таких местах, как Лес-Андалусес и Мерса-Мадах, к западу от Орана, в которые во время шторма было очень сложно войти. Последние два места располагались недалеко друг от друга; иные разделяли несколько дней плавания, и, наконец, ряд пунктов был открыт западным или, наоборот, восточным ветрам. Единственное, что было у них общего, так это размер гавани, и это, как мы еще убедимся, стало главным условием при выборе места для Карфагена.

Основание Карфагена

Ликсус, Гадир и Утика были уже созданы; настало время и Карфагена. Примерно в шести милях южнее Утики находился холмистый полуостров, сложенный из песчаника. Он когда-то отделял бухту, в которую и сейчас впадает река Меджерда, от залива, называемого в наши дни Тунисским. Песчаные наносы еще не засыпали устье этой реки, и в открытое море вдавался полуостров. Он соединялся с материком двумя песчаными насыпями, которые сейчас окружают Тунисское озеро, изобилующее рыбой. Южный берег этого полуострова тянулся с северо-востока на юго-запад, предоставляя прекрасную возможность превращения его в якорные стоянки и гавани. Берег был защищен от свирепых северных и западных ветров, и большие суда, проходившие в залив, можно было вытаскивать на сушу, как и малые каботажные суденышки, а также посыльные суда, перевозившие в город людей и товары и доставлявшие сюда рыбу.

В небольшом устье, в которое впадала река, стекавшая с холмов Малги, находилась очень удобная стоянка для судов; она тогда еще не была засыпана песком и имела вполне приличную глубину. И наконец, канал, шедший из залива Ле-Крам, который был защищен ото всех ветров с моря, вел в две лагуны Дуар-Шотта, которые образовывали великолепную природную гавань. Проход в эти внутренние гавани и к будущему городу с севера был защищен высокими, крутыми утесами современного мыса Сиди-Боу-Саид, а с юга – перешейком шириной семь с половиной миль. Это открытое пространство можно было легко защитить.

Полуостров изобиловал свежей пресной водой; уровень ее был высок, а подход – не труден. Зимой и летом у подножия северного утеса бил родник. Воздух здесь здоровый, и на холмах даже бодрящий. Горячий юго-западный ветер, который в этих краях называют сирокко, прежде чем достичь Карфагена, проходил над водами пролива и охлаждался. И наконец, вокруг города было достаточно земли, чтобы прокормить его растущее население. На плато росли пшеница и ячмень, а на солнечных, защищенных от ветра склонах – виноград. Словом, здесь было все необходимое, чтобы превратить Карфаген в идеальный порт, который Гомер описал такими словами: «Роскошный остров покрыт лесами, где обитает много коз... ни в коем случае не бедная страна, но способная, в свой сезон, давать урожай любой культуры. Вдоль берега серого моря тянутся мягкие орошаемые долины, где никогда не переводится виноград;

хватает и ровной земли для плуга, где они могут надеяться собрать в надлежащее время богатый урожай, ибо почва здесь необыкновенно плодородна. Имеется и безопасная гавань, в которой не надо закреплять корабли. Нет нужды бросать якорь или привязываться канатами: команда должна лишь вытащить судно на берег и ждать, когда подуют попутные ветра и можно будет плыть дальше. И наконец, в основании гавани есть ручей с пресной водой, вытекающей из пещеры в тополиной роще... [он] может служить [гаванью для кораблей], заходящих в иностранные порты во время своих путешествий, которые корабли совершают между разными странами».

Первые группы поселенцев, без сомнения, поселились на пляже, у лагуны Дуар-Шотт, и на холмах Бирсы – будущем акрополе, – которые высятся над гаванью, словно маяки. Такое место конечно же было гораздо лучше того, на котором стоял город Утика, и Карфаген быстро его перерос и превратился в финикийскую метрополию на западе. Он был так богат, что о нем пошли легенды, касающиеся в особенности обстоятельств его зарождения. Здесь переплелись между собой мифы и факты, поэтому вопрос об основании Карфагена является одним из самых сложных в истории.

Это объясняется двумя причинами. Во-первых, от Карфагена не осталось хроник, в которых была бы указана точная дата его возникновения. В литературе об этом ничего не говорится; на пунических монетах не чеканили дат; а метод датировки по именам магистратов, занимавших эту должность в тот или иной год, к Карфагену неприменим. «Городские хронологии» были изобретены греками, их переняли сначала римляне, а потом – и весь цивилизованный мир. В ту пору же, когда был основан Карфаген, его писцы следовали восточной традиции, используемой в метрополии, и заносили в городские анналы лишь имена царей, указывая, сколько лет они правили, и называя главные события их царствования. Именно так составлялись исторические книги Библии. Позже, в последние века существования города, карфагенские писцы, следуя греческой традиции, составляли списки людей, занимавших должность магистратов, которых называли суффетами. Суффетов избирали на один год, и их имена помогают ученым датировать события. Но в 146 году до н. э. Сципион приказал сжечь Карфаген, и все городские архивы, анналы и списки суффетов, составленные писцами, погибли в огне, а с ними и все другие документы, которые могли бы подсказать нам, сколько веков на самом деле просуществовал Карфаген. Не имея в своем распоряжении пунических текстов, современные историки вынуждены

полагаться на греческие и римские версии основания Карфагена.

Однако эти версии не согласуются не только между собой, но и с данными археологии.

Три группы текстов дают нам три разные даты. Первую группу составил греческий историк Филлист Сиракузский, живший в IV веке до н. э. Он приписывает основание города Шору и Кархедону. Аппиан и позже Евдоксий Кузикус следуют его примеру; последний датирует возникновение Карфагена 803 годом «эры Авраама», то есть 1213 годом до н. э. Однако такого быть не могло, а имена двух героев являются, несомненно, транскрипцией названий Тир (Шур по-финикийски) и Карт-Хадашт или Карфаген (Кархедон по-гречески). Что касается так называемой «эры Авраама», то это было более позднее изобретение и не имеет под собой никакой документальной основы.

Другая группа текстов датирует основание Карфагена 814 или 813 годами до н. э. Тимей, греческий ученый, живший в IV веке до н. э., пишет, что Карфаген был основан Элиссой, сестрой царя Пигмалиона, после того как ее муж был убит по приказу царя. Принцесса бежала из родного города, а с ней и несколько тирийцев; после многих тягот и приключений они добрались до Ливии и основали город. Когда Элисса стала царицей, местные жители называли ее «Дейдо». Говорят, что эти события произошли за 38 лет до первой Олимпиады, то есть в 814 или 813 годах до н. э. (Тимей).

Позже Юстин, обработавший труд римского историка Помпея Трога (жившего в I веке до н. э.), записал аналогичную историю, навеянную ему тем же источником, что и Тимею. Эта история содержит больше подробностей, но в ней переплелись быль и легенда. События тоже происходят во время правления в Тире Пигмалиона, и главной героиней является Элисса. Ее муж: Ацербас был верховным жрецом бога Мелграта, но по приказу царя его убили. Принцесса бежала из Тира и сначала прибыла на Кипр, где к ней присоединилась группа тирийских сенаторов. Они увезли с собой женщин, чтобы обеспечить продолжение рода; к ним присоединился и верховный жрец Юноны, который прихватил с собой статую этой богини. Все они отправились в Африку и в конце концов сошли на берег в том месте, где позже возник Карфаген. Им разрешили поселиться на клочке земли, размер которого не должен был превышать площадь участка, покрытого бычьей шкурой. Царица разрешила узкие полосы и получила во владение холм, на котором потом расположился акрополь. Его называли Бирса (бирса по-гречески «шкура быка»). После этого оракул сообщил им, где надо построить город.

От одного места пришлось отказаться, поскольку там был найден череп быка, предвещавший тяжелые времена и непосильную работу. Выбрали другое место, где был найден череп коня – символ власти. После этого идет рассказ о жертве царицы. Иарбас, местный вождь и царь гетулийцев, стал требовать, чтобы Элисса вышла за него замуж, угрожая, в случае неповиновения, уничтожить город. Царица велела соорудить под окнами ее дворца, стоявшего неподалеку от городских ворот, погребальный костер, сославшись на то, что ей надо принести жертву манам ее мужа. Заверив Иарбаса, что станет его женой, Элисса, стремясь спасти город от уничтожения, бросилась в костер, не желая изменять своему мужу Ацербасу. Юстин связывает эти события с основанием Рима, которое произошло 72 годами позже. У Варрона эти 72 года превращаются в 62, и мы получаем дату 814 год до н. э., которая совпадает с датами других источников. Сервий приводит цифру 70 лет, а Веллей Патеркул – 65; если же принять римскую эру Полибия, то снова, в качестве года основания Карфагена, мы получим 814 год до н. э.

Но, к сожалению, история Юстина не выдерживает никакой критики. Наиболее правдоподобная ее часть практически совпадает с версией Тимея и, несомненно, была взята из его труда, поскольку Помпей Трог хорошо знал работу этого греческого историка и часто ее цитировал. Все новые факты, приводимые Юстином, несомненная выдумка, ибо они совершенно неправдоподобны и относятся к разряду легенд, которые использовались для придания законности факту основания города и власти нового царя. Насильственный увоз киприотских женщин очень напоминает историю о похищении сабинянок товарищами Ромула; упоминание об оракуле, намерение Иарбаса жениться – всему этому можно легко найти исторические параллели. Рассказ о жертве имеет все характеристики этиологического мифа, созданного для оправдания древнего ритуала, значение и смысл которого были забыты. Тот факт, что датировка Тимея, привязанная к первой Олимпиаде, а Юстина – к римской эре, согласуются между собой, мог быть весьма примечательным, если бы составлял главную часть этой истории, а не был бы присоединен к ней в самом конце. Юстин, таким образом, не приводит никаких доказательств, которые подтверждали бы историю Тимея.

Третий текст, по-видимому, был взят не из Тимея, а из другого источника. Используя хронологическую систему, отличную от греческой, его автор называет другую дату основания Карфагена – не 814 год до н. э., а 826-й. Как мы уже говорили, финикийские города имели свои хроники. Карфагенские анналы погибли, но тирские дошли до нас в трудах Иосифа

Флавия, еврейского историка I века н. э., который создавал свои произведения в надежде защитить Библию от антисемитских атак греков. Иосиф цитирует эллинского автора, Менандера Эфесского, который опирался на хроники царей Тира. Он пишет, что на седьмой год правления царя Пигмалиона сестра этого царя бежала в Ливию и основала Карфаген. Согласно хроникам Тира, это произошло через 155 лет и 8 месяцев после восшествия на престол Хирама, царя Тира и союзника Давида и Соломона, которые помогли ему возвести храм в Иерусалиме. Седьмой год правления Пигмалиона пришелся на 826 год до н. э., о котором писал Флавий. Это близко к дате Тимея, но не совпадает с ней (разницу в 13 лет можно объяснить либо несовершенной системой летосчисления, которую использовали восточные летописцы, либо ошибкой того, кто снимал копию).

На первый взгляд может показаться, что существовал какой-то финикийский источник, который Тимей и Менандер использовали независимо друг от друга и который относит основание Карфагена к правлению Пигмалиона. К сожалению, мы не можем быть уверены, что Менандер и Иосиф Флавий приводят правдивое изложение тирийских хроник. При этом нет никаких сомнений, что оба они вводят в свой рассказ истории, взятые из какого-то другого источника. Вполне возможно, что одним из таких рассказов и стала история о побеге Элиссы, поскольку она характеризует царя Пигмалиона не с лучшей стороны, и вряд ли поэтому ее могли зафиксировать официальные писцы. Вполне возможно также, что Менандер и Флавий включили в свои книги рассказ, выброшенный из хроники Тимея. Этого автора они оба хорошо знали и часто цитировали.

Датировку Тимея признавало большинство античных авторов, в особенности Цицерон и Аппиан. Только Апион, противник Иосифа Флавия, считал, что Карфаген был основан позднее, в 751 году до н. э. Однако ни один критик той эпохи не признавал мнения этого дискредитировавшего себя автора^[4].

До недавнего времени критика информации, касающейся времени основания Карфагена, базировалась исключительно на сопоставлении текстов. Гсел хотя и неохотно, но признал дату, предложенную Тимеем, – 814 год до н. э. Белох же, наоборот, ее отвергал. И лишь недавно Форрер предложил другую дату – на полтора столетия позже, которая основывается исключительно на исторической критике. Он утверждает, что древние историки перепутали две финикийские колонии с одинаковыми названиями, а анализ надписей подтверждает, что кипрский город, известный в более позднее время как Китион, первоначально назывался

Карт-Хадашт. Форрер утверждает, что в 814 году до н. э. Элисса, сестра Пигмалиона, основала Карфаген на Кипре, а африканский Карфаген был создан в 663 году до н. э. Дидоной и Анной, дочерьми тирийского царя Баалу, которые бежали из Финикии, чтобы не попасть в гарем Ашурбанипала Ассирийского. Тот же Вергилий сообщает нам, что отцом Дидоны был некий царь Белус, это имя очень похоже на латинизированную форму Баалу. К сожалению, Вергилий весьма вольно обращался с историей; он связывает бегство Дидоны с Троянской войной, то есть с XIII веком до н. э. Его Дидона, как мы уже сказали, приходилась дочерью царю Баалу, что не помешало ей быть сестрой Пигмалиона.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что, столкнувшись с таким разбросом мнений, современные историки отложили древние тексты и обратились к археологическим находкам. Позже мы увидим, что самыми древними руинами, обнаруженными в Карфагене, являются останки часовни, которые располагаются в самых нижних слоях святилища Саламбо. В наши дни это святилище называется тофетом.

В этой часовне сохранилось собрание votivных греческих ваз, изготовленных между 750 и 725 годами до н. э. Эти артефакты говорят о том, что Карфаген был основан ближе к середине VIII века до н. э., то есть подтверждают предположение Апиона.

Конечно, никто не спорит, что нижние слои Карфагена исследованы еще недостаточно. Часовня, о которой мы говорили, была обнаружена Кинтасом только в 1947 году. Она располагается в той части тофета, которая, как считалось, была тщательно изучена до самого дна. До обнаружения останков этой часовни у ученых не было ни единого археологического доказательства того, что город появился раньше 700 года до н. э. Если бы у археологов была возможность изучить оставшуюся часть тофета, которая находится сейчас под застройкой, они, вполне вероятно, обнаружили бы и другие останки, говорящие о более раннем заселении этого места. Эти артефакты вполне могли бы быть древнее уже найденных.

Ученые, не согласные с тем, что Карфаген был основан в 814 году до н. э., указывают на то, что керамика, обнаруженная в могилах, относится к первой половине VIII века до н. э. или даже к его последней трети. Это справедливо и для горшков, найденных на самом дне тофета в пустотах подстилающих скалистых пород, на одном уровне с часовней Кинтаса. Вряд ли этот факт можно объяснить случайностью или незавершенностью раскопок. Во всех других местах, даже в тех, в которых раскопки велись весьма поверхностно, всегда предполагалось, что будут найдены керамические свидетельства более древнего периода колонизации. Трудно

поверить, что финикийцы могли прожить более 80 лет в Карфагене, не оставив после себя ни малейшего следа.

Таким образом, в настоящее время проблема датировки Карфагена еще не решена. Мы можем быть уверены только в одном – во второй половине VIII века до н. э. Карфаген уже существовал. Тем не менее следует подчеркнуть, что мы не можем использовать дату, предложенную Тимеем (814 год до н. э.) или Иосифом Флавием (826 год до н. э.), как хронологический критерий датирования археологического материала, найденного в девственной почве, но это вовсе не означает, что можно сбросить со счетов данные литературных источников. Вполне возможно, что корабли тирийских моряков бросили якорь в лагунах Ле-Крама, укрытых от ветров мысом Карфаген. Возможно также, что во главе этой экспедиции стояла царица по имени Дидона и что благодаря ее присутствию новый промежуточный торговый порт с самого начала стал более важным, чем другие финикийские аванпосты на западе. Как и они, этот порт представлял собой место стоянки морских кораблей, которые заходили сюда по пути или оставались в этих краях на зиму, благодаря чему появился новый экономический центр. На берегу, скорее всего, стояло всего лишь несколько маленьких домиков и один-два алтаря, сооруженные из легких материалов. На горе Бирса, вероятно, был оборудован наблюдательный пункт, охранявший этот порт. Возможно, постоянного населения здесь еще не было; проживало всего несколько стражников, которые, завершив свою службу в этом краю, возвращались домой в Финикию. Как мы увидим ниже, прошло целых сто лет, прежде чем в Карфагене появились экономические, социальные, политические и религиозные структуры, которые и превратили его в город.

Карфаген. Ворота на запад

В настоящее время недостаток имеющейся у нас информации не позволяет воссоздать географические особенности первого поселения в Карфагене, созданного Дидо и ее спутниками. Не можем мы похвастаться и тем, что имеем четкое представление о его социальной, политической и экономической жизни. Город упоминается в текстах, созданных еще до перехода власти в руки Магонидов, что произошло около 550 года до н. э. В них говорится, что ближе к 654 году до н. э. Карфаген послал отряд колонистов на остров Ивису Болеарского архипелага. Поэтому нашим единственным источником информации являются данные археологических раскопок, которые ограничиваются находками, сделанными в городском некрополе и в одном из святилищ, тофете в Саламбо, где сжигали тела принесенных в жертву детей и хоронили их прах.

Древние считали, что после смерти люди будут вести примерно такой же образ жизни, что и на земле, поэтому родственники клали в могилу все, что должно было пригодиться им в загробной жизни. Археологи нашли в могилах керамику, остатки сундуков, ювелирные украшения, туалетные принадлежности и амулеты. Все эти предметы, лежавшие вокруг тела, помогли нам убедиться, что город процветал, и познакомили нас с художественными изделиями, которые в нем использовались. Первоначально Карфаген не имел своего производства, и все товары были привозными. Поэтому мы можем воссоздать, в определенной степени конечно, его торговые связи и периоды экономического роста и упадка.

В тофете в Саламбо было найдено несколько статуэток и впечатляющая коллекция керамических изделий, которые составляли неотъемлемую часть погребальных предметов. Начиная с 600 года до н. э. в сосуды, в которые складывали прах умерших, стали помещать небольшие вещицы. Это – миниатюрные часовни, троны и алтари, посвященные богам.

Тем не менее в наших знаниях о Карфагене имеются большие пробелы. Жизнь, которую вели мертвые, являлась лишь жалким подобием земной жизни. В отличие от Египта, например, ничто не говорит о том, к какому слою общества принадлежал умерший, или о том, какая роскошь и какие обстоятельства сопутствовали ему в жизни. Очень редко простой инструмент, вроде рыболовного крючка или блока веретена, давал нам

некоторое представление о том, чем занимался их владелец. Но в целом мы ничего не знаем о профессии усопшего – был ли он жрецом, солдатом, торговцем или моряком. Во всех могилах была одна и та же мебель, и только тип керамики и богатство ювелирных украшений помогали определить финансовый статус умерших. Одежда покойника, несомненно, могла бы указать на его занятие и социальный статус, но она давным-давно истлела в сырой почве. У каждого человека имелось клеймо, на котором был вырезан особый знак. Эти знаки, несомненно, снабдили бы нас бесценной информацией, если бы их удалось расшифровать. По одним этим останкам судить о социальной жизни или учреждениях Карфагена невозможно.

И наконец, мы не имеем огромного массива информации: не сохранилось никаких следов общественных или частных зданий, нет у нас ни планов, ни свидетельств о методах их сооружения. Отсутствуют и крупные артефакты вроде инструментов, которыми пользовались ремесленники и крестьяне, кораблей и снастей, а также вооружения воинов. Ниже мы приводим краткое описание пунических ремесел и торговли до 550 года до н. э.; следует, однако, помнить, что любое новое открытие может полностью изменить всю эту картину.

Первоначальный город

Мы не знаем, где располагалось самое первое поселение, из которого вырос Карфаген. Впрочем, финикийский обычай хоронить мертвых сразу же за городскими воротами позволил нам составить довольно точное представление о территории, которую занимал город, и о том, как он расширился в течение веков. Самые первые могилы пунического Карфагена, датируемые 700 годом до н. э., протягиваются дугой по прибрежной равнине, лежащей за пляжами Тунисского залива, у основания холмов, выходящих на полуостров. Севернее линия захоронений тянется от подножия плато Бордж-Джедид на северо-западном берегу эстуария реки Малга. Это – сухое русло, которое в сезон дождей наполняется водой. Оттуда линия могил поворачивает на запад, пересекает это сухое русло и тянется до горы Юноны. Она проходит вдоль подножия этой горы, от места, называемого Дуимес, которое располагается на одном уровне с современной трамвайной линией, соединяющей Тунис с Марсой.

Круглая лагуна Дуар-Шотта, вероятно, отмечает южную границу древнего города, ибо за пределами современных берегов озера, в Саламбо, были обнаружены знаменитые места детских жертвоприношений. Эти жертвы приносились в честь Дидоны, на том самом месте, где когда-то находился ее погребальный костер, который, по словам Юстина, был устроен под окнами ее дворца, у ворот города. И вправду, это святилище вряд ли могло располагаться в центре города, ибо даже легкий ветерок, дующий не туда, куда нужно, мог вызвать в городе пожар. Более того, маленькая часовня, которую Кинтас обнаружил на скале, на самом нижнем уровне раскопок, была, очевидно, частью первоначального царского некрополя. Кинтас считает, что первые поселенцы сошли на берег и разбили лагерь именно здесь. Как бы то ни было, время создания часовни, благодаря найденной в ней греческой керамике, датируется приблизительно 725 годом до н. э. Это не только остатки самого древнего поселения, обнаруженного археологами, но и единственный памятник, сохранившийся от первоначального города. Это – очень примитивное сооружение из земляных кирпичей, площадью всего 2 м². Оно состояло из центрального, почти квадратного, здания с консольным сводом, под которым располагался склад керамики. Перед ним был дворик, окруженный стеной, в которой находился алтарь, а на юге эта стена образовывала нечто вроде лабиринта. По-видимому, дома в городе сооружались по такому же плану; главным

строительным материалом был плетень, обмазанный глиной, поскольку никаких следов карьера на холме обнаружено не было. Плиты песчаника, которые использовали пунические архитекторы в VI веке до н. э., привозили с другого берега залива, с Кап-Бона.

Ремесла и искусство

Сначала Карфаген был промежуточным портом на пути кораблей, шедших за металлом, и некоторое время оставался совсем незначительным поселением. Если город действительно был основан в 814 году до н. э. и если археологи действительно обнаружили самое древнее кладбище, то между созданием финикийского пристанища на африканском побережье и прибытием первых поселенцев со своими семьями, которые построили город, прошел целый век. Самые древние могилы датируются примерно 700 годом до н. э., и первые группы жертв Молоху, обнаруженные вокруг и поверх часовни Кинтаса, должны относиться к этому же времени.

Прошло еще несколько десятилетий, прежде чем в Карфагене появились свои ремесла и художественные промыслы. В самом начале тирийским морякам и купцам приходилось везти на своих кораблях все, что им могло понадобиться. Об этом нам говорит пример Телемаха, который сходил на берег только для того, чтобы пополнить запасы воды, дров, дичины и рыбы. Химический анализ показал, что глина, использовавшаяся для производства керамики, найденной в самых древних могилах и в самых нижних слоях святилища в Саламбо, отличалась по своей плотности от глины, из которой изготавливали изделия более поздних эпох. Изменения произошли в середине VII века до н. э. Вот что пишет Кинтас: «У пришельцев возникли новые потребности, и они вскоре научились удовлетворять их на месте. Несмотря на то что на поиски залежей качественной глины, на организацию ее доставки, строительство печей для обжига, прокладки каналов для воды и открытия лавок для продажи керамики потребовалось время, гончары, по крайней мере, довольно быстро организовали производство, удовлетворявшее потребности города».

В повседневной жизни и экономике древних городов гончарное производство играло роль, которую очень трудно представить себе сейчас. Из глины делали блюда, тарелки, чаши, кувшины и кружки – стекло было очень дорогим; керамические изделия использовались для приготовления пищи, для хранения масла, вина и благовоний; вместо буфетов применялись большие кувшины. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в любом новом городе в первую очередь возникает гончарное производство. Тот факт, что пуническая керамика появилась лишь во второй четверти VII века до н. э., свидетельствует о том, что и сам город возник совсем недавно. Примерно в 700 году до н. э. появилось первое

городское поселение. Кинтас пишет дальше: «Естественно, [гончары] изготавливали свои изделия в соответствии с технологиями, принятыми в своей родной стране, – это была керамика, созданная с помощью гончарного круга».

Более того, они придавали своим изделиям форму и украшали их так, как это было принято в Финикии; поэтому очень трудно с первого взгляда определить, был ли горшок изготовлен в Карфагене или привезен с востока. Позже у керамики Карфагена появились свои отличительные черты; яркие, тщательно отполированные красные изделия постепенно исчезают из употребления, хотя финикийцы продолжали ввозить их в свои колонии на западе.

Фигурные изделия появились примерно в то же самое время; наиболее замечательными среди них являются маски демонов, которые клали в могилы. Они свидетельствуют о том, что гончары Карфагена ничуть не уступали в мастерстве своим тирийским коллегам, а самых умелых из них можно поставить на одну доску с греческими гончарами, и в особенности со спартанскими.

Хотя Карфаген возник благодаря своему выгодному положению на торговом пути, по которому перевозили металлы, руда, скорее всего, проходила через него транзитом. При раскопках были найдены лишь небольшие вещицы из железа и бронзы, использовавшиеся в повседневной жизни, причем очень низкого качества. Вероятно, качественные изделия привозились из других стран, и только очень дешевые предметы, вроде ручек для сундуков, рыболовных крючков, наконечников для стрел и небольших ножей, создавались местными кузнецами. Трудно сказать, были ли украшения из золота и серебра, найденные в могилах, произведены в Карфагене по старым финикийским образцам или импортированы из Тира или с Кипра. Справедливо было бы предположить, что ткани и изделия из дерева создавались в самом Карфагене, но доказать это мы не можем. Ясно одно: до V века до н. э., как мы убедимся позже, все предметы роскоши и основная часть готовых изделий ввозились из Тира и из других стран.

Торговля

Отсутствие до V века до н. э. собственного производства в Карфагене напоминает о том, что нам известно, как снабжался город, но сведений о том, кто покупал все эти товары, у нас нет. Гомер называл финикийских купцов торговцами вразнос (такowymi они и были), а их пунические потомки ничем от них не отличались. В течение всего описываемого периода карфагенские торговцы шли протоптанными тирийцами путями. Трудно сказать, имел ли Карфаген в этот период свой торговый флот или использовал суда метрополии. Некоторые факты подтверждают первое предположение, поскольку Карфаген находился на взлете, а Тир – клонился к упадку, и даже если Карфагенская колония на Ивисе появилась не тогда, когда это было зафиксировано в литературных произведениях (то есть в 654 году до н. э.), то через сто лет она уж точно существовала.

Наличие греческой керамики среди вещей, найденных в часовне Кинтаса и в хранилище в ее подвале, говорит о том, что с самого начала эта колония на берегу Африки поддерживала торговые связи с эллинскими центрами на островах, а Тир или Кипр, по-видимому, выступали в роли посредников. Вероятно, причиной того, что в более ранних захоронениях, датированных периодом около 700 года до н. э., единственной импортной вещью является небольшой флакон для духов протокоринфского стиля, служила бедность жителей Карфагена, а вовсе не его изоляция. Этот флакон назывался арибаллосом и появился в VIII веке до н. э. Во второй четверти VII века до н. э. импортных вещей стало больше и они чаще попадают в могилы. Так продолжалось до середины VI века до н. э. (были найдены лишь три греческие вазы, изготовленные в первой четверти VII века н. э.). Первыми в могилы появились фигурки скарабеев из Мемфиса, потом – амулеты (тоже из Мемфиса); небольшие флакончики для духов из Коринфа, украшенные розетками, пальмовыми листьями и рядами животных; блюда, чаши и коробочки, большая часть которых тоже была изготовлена в Коринфе, но некоторые привезены из Аттики, Лаконии и с островов. Все они были погребальными вещами. Торговля с Этрурией началась ближе к середине VII века до н. э., отсюда привозили небольшие кувшины и полированные блюда из обожженной глины с рельефными узорами, называвшиеся буккоро неро (черная земля).

Предметы из слоновой кости: расчески, фигурки, ручки от зеркал и рукоятки кинжалов, а также несколько бронзовых вещиц, найденных в

могилах, – очевидно, прибыли с востока. Как мы уже говорили, установить, откуда были привезены различные типы украшений, очень трудно. Где бы ни появлялись финикийцы, везде археологи находят те же самые ожерелья из золота или карнельского бисера, которые часто имеют форму сердца; подвески в форме масок, пальмовых листьев или маленьких коробочек, очень часто с фрезерованными краями; серьги в форме колец, кольца для носа и браслеты; перстни с египетским скарабеем в золотой или серебряной оправе; печатки и кольца с печаткой с прикрепленным на шарнире гнездом, куда вставлен скарабей в золотой оправе.

Небольшие флакончики для духов из матового стекла, которые украшались зигзагами ярких цветов, изготавливали в Финикии и Греции, а позже – в Египте, и сказать, откуда они были привезены, без анализа стеклянной массы невозможно.

Основав колонию в Навкратис на Ниле, греки обнаружили, что жители Карфагена охотно покупают у них скарабеев, вазы и амулеты из глазурованного фаянса, которые они начали изготавливать в начале VI века до н. э. Активная торговля велась до тех пор, пока в 525 году до н. э. Камбис не уничтожил Навкратис.

Приведенный выше перечень товаров только подчеркивает упадок Тира. В Карфагене не было найдено ни одного золотого или серебряного блюда, украшенного гравированными или рельефными узорами, ни одной фигурки или пластинки из слоновой кости, которые украшали троны или кушетки, а ведь именно они прославили финикийцев во втором тысячелетии и в начале первого тысячелетия до н. э.

Финикийцы и греческая колонизация запада

Резкий подъем Карфагена в течение VII и VI веков до н. э. не был ни изолированным, ни спонтанным явлением; он составляет часть исторического процесса, который включал в себя ассирийское завоевание Среднего Востока и греческую экспансию на запад.

Во время правления Саргона II, Синаххериба и Асархаддона ассирийцы одерживали одну победу за другой, опустошая земли Тира. Как показал Форрер, самым тяжелым был, вероятно, период между 670 и 662 годами до н. э., и Асархаддон хвастался, что наказал этот город за то, что он осмелился послать свои корабли на помощь египетскому фараону, оказавшемуся в очень сложном положении. Чувство опасности усиливалось еще и потерей восточного рынка, и тирийцы толпами эмигрировали в Африку. Этим, по-видимому, и объясняется резкое увеличение могил в Карфагене во второй четверти VII века до н. э. и быстрый рост торговли. Центр коммерческой активности переместился на запад, и плоды этого пожинал Карфаген.

На другом берегу Средиземного моря появилась другая опасность, которая поставила под угрозу единственный источник дохода города Тира, который позволял ему выплачивать огромную дань, наложенную на него ассирийцами. Греция была переселена, и греки стали искать новые рынки сбыта для своего растущего производства, в особенности своей роскошной керамики. Для этой цели они приступили к колонизации Южной Италии и Сицилии. Сказочные богатства «Таршиша» не могли не возбудить у них зависти, и путь, по которому финикийцы ввозили металлы, оказался под угрозой. Тир остался один на один с греками, превосходящими его по численности на своей земле и в Ионии. Они строили здесь города, селились со своими женами и детьми, привозили с собой твердую валюту, керамические изделия и бронзу, а Тир мог рассчитывать лишь на свои гавани, тесные связи с местным населением и на то, что его торговые корабли были гораздо крупнее, чем быстроходные, но более легкие суда греков, по мнению историков, плохо приспособленные к длительным путешествиям и атлантическим штормам. Тир поэтому вовсе не стремился противостоять греческой экспансии в этих районах военной силой, а стремился ограничить и сократить ее, сохраняя за собой ключевое положение в тех местах, где он тоже имел колонии. Мы не можем с уверенностью утверждать, что существовали тирские противовесы

греческим городам, но мы знаем, что финикийцы тоже сооружали крепости, и в этом смысле очень примечательно название Гадир, что означает «Огороженное место». Таким образом, Тир получил контроль над южной частью Западного Средиземноморского бассейна, по которому проходил прямой путь к Геркулесовым столпам. Этот путь с обеих сторон защищали крепости Гадес и Ликсус.

Самыми важными датами являются следующие: на Сицилии греки основали в 757 году до н. э. Наксос, а в 735-м – Сиракузы; на Итальянском полуострове – Кумы и Тарент в 725 и 708 годах до н. э. соответственно. Вероятно, именно в это время финикийцам пришлось покинуть Восточную Сицилию, о чем упоминал Фукидид, и переселиться поближе к своим западным союзникам, элимийцам, обитавшим неподалеку от Утики и Карфагена. Два этих города, а также Секси на юге Испании появились именно в этот период – в конце VIII века до н. э. Никаких намерений захватить земли на Иберийском полуострове, как полагал Шультек, у финикийцев в это время не было, как не было и стремления захватить какую-либо из вышеупомянутых стран. Об имперских устремлениях можно говорить лишь после появления Баркидов. Временная гавань, которая до этого использовалась лишь в определенное время года, превратилась в город, и там, где когда-то был промежуточный порт для отдыха моряков, поселились семьи финикийцев.

В течение VII века до н. э. греческая колонизация усилилась, и греческие колонии появились: в 688 году – в Геле, в 650 году – в Селине; родосцы начали торговать с людьми, жившими по берегам залива, и продвигались вдоль побережья Каталонии. Они основали Роде (современный город Родос) у подножия Испанских Пиренеев и вошли в контакт с тартессиианцами (иберийцами, о которых мы уже упоминали. Они жили рядом с Португалией и имели монополию на добычу олова, которое продавали только финикийцам).

В середине VII века до н. э. финикийцы основали поселение на острове Рахгоун, который охраняет устье реки Тафна, к западу от Орана. Этот остров был гол и негостеприимен, и к середине V века финикийцы оттуда ушли, поселившись на более плодородной прибрежной равнине. Отсюда они могли контролировать южный путь в Альборанское море и к поселениям Секси, Абдера и Малага. Это было совсем не лишним, поскольку около 640 года до н. э. самиец по имени Колеус, плывший в Египет, был отнесен штормом к берегам Ливии и оттуда, двигаясь к Геркулесовым столпам, добрался до двора Аргантония, царя Тартесса, который принял его очень гостеприимно и осыпал дарами. Самиец

сколотил огромное богатство, но, по словам Геродота, эта экспедиция так и осталась единственной в истории, а это означало, что путь в Гадес хорошо охранялся.

Богатства Иберии не были единственным побудительным мотивом для движения на запад. Моряков, вероятно, привлекали слоновая кость и золото Африканского континента, ибо на Атлантическом побережье Марокко в Могadore сохранились следы еще одного финикийского поселения, которое возникло в середине VII века до н. э.

И наконец, поселение Мотья, расположенное на западной оконечности Сицилии, тоже датируется серединой VII века до н. э. Мотья охраняла пролив между Сицилией и Африканским континентом с севера, а Карфаген и Утика – с юга, в то время как главные гавани Южной Сардинии, захваченные в конце этого века, защищали подходы к ней с севера.

Однако в 631 году до н. э. финикийская талассократия снова оказалась под угрозой: греки основали на африканском побережье, между Египтом и Сиртикой, неподалеку от современной Бенгази, город Кирену. Коммуникации по морю между Карфагеном и Египтом были перерезаны. Впрочем, существовала еще и сухопутная дорога, которая шла по низине параллельно побережью, от Паретониума (Мермах-Матрух), стоявшего к западу от Нила, до оконечности Большого Сирта. У нас нет доказательств того, что этот путь действовал в конце VII века до н. э., но во времена Геродота по нему ходили караваны, несмотря на то что он пролегал по «безводной песчаной пустыне, где не было никакой жизни». Вдоль этого пути располагались оазисы, среди которых наиболее крупными были Сивах, где жил знаменитый оракул Амона – древнеегипетского бога с головой барана, с которым советовался Ганнибал, и Аугула, окруженная соляными горами. Горы эти отличались необычным плодородием, поскольку здесь били родники с чистой водой. В среднем путь от одного оазиса до другого занимал десять дней, но идти надо было по барханам. По дороге часто случались песчаные бури (когда дули пустынные или южные ветра), при которых люди и животные сбивались с пути и их засыпало раскаленным песком. Камбис, двигаясь в Сивах, потерял всю свою армию, а Александра от гибели спасло только чудо – неожиданно пошел сильный дождь. Тем не менее главным средством для существования у местных жителей, насамонов, была караванная торговля. Аристотель рассказывает нам, как можно научиться переносить жажду: «Некий Андрос Архонид ел очень много соленого и прожил всю свою жизнь, не страдая от жажды. Похожим образом, Маго из Карфагена три раза пересекал безводные земли, питаясь лишь сушеным мясом без глотка воды».

Караванная тропа заканчивалась у Большого Сирта, неподалеку от Большого Лепсиса, в стране Гарамантес. Тот факт, что рост этого города в конце VII века до н. э. совпал с основанием Кирены, позволяет предположить, что караваны начали ходить по этому пути именно в это время. Дешевые египетские товары очень подходили для подобной торговли, поскольку были небольшими и легкими. Но, несмотря на это, большая часть египетского импорта, вероятно, поступала в Карфаген по морю, поскольку, после разгрома Химеры, когда морские коммуникации между Карфагеном и Восточным Средиземноморьем и Египтом были перерезаны, в могилах Карфагена больше уже не встречаются египетские вещи.

Около 600 года до н. э., когда ситуация стабилизировалась, фокейские греки из Ионии основали Массалию (Марсель), неподалеку от дельты реки Рона, а потом поселились в Каталонии в Ампурии (Эмпории). Это позволило им контролировать, с этих двух ключевых позиций, всю северную часть Западного Средиземноморского бассейна, а также движение по реке Роне. По ней, среди прочего, везли олово, добытое в Корнуолле, и янтарь с берегов Балтийского моря. Эти товары провозились в Галлии, частично по суше и частично по рекам. Отсюда часть товаров отправлялась через Альпы в Италию и Этрурию, а оставшаяся часть поступала в порты и становилась главным источником дохода Фокейской колонии, которая очень быстро превращалась в опасного соперника Карфагена.

Мы не можем сказать, насколько богат был Карфаген и каковы были его отношения с Тиром в начале VI века до н. э. По-видимому, он все еще зависел от метрополии, по крайней мере в поставках готовых товаров, однако превратился в главный порт на «металлическом пути» и начал уже затмевать Утику. Если карфагеняне около 654 года до н. э. действительно основали колонию в Ивисе, то это говорит о том, что они уже пользовались определенной автономией и, вероятно, имели свой собственный флот. Впрочем, до середины VI века до н. э. Карфаген все еще подчинялся Тиру, а раскопки в Секси, Рахгоуне, Мотье и Большом Лепсисе показали, что Карфаген не мог снабжать провизией финикийские колонии на Западе. Керамика, обнаруженная в этих городах, относится к греческому, египетскому или финикийскому типу, но никак не к пуническому.

Религия

Тирийские переселенцы, обосновавшиеся в Карфагене, принесли с собой и своих богов, которым продолжали поклоняться и за пределами своей родины. О первых годах существования колонии не осталось никаких записей, но начиная с текстов IV века до н. э. и до падения Карфагена мы имеем свидетельства того, что жители этого города поклонялись тирийским богам. Скорее всего, так оно и было, пока не появилась письменность. Впрочем, с течением времени характер и атрибуты богов несколько изменились. В семитской религии Эл, отец богов, постепенно лишился власти, которая перешла к его сыновьям, и удалился в отдаленную часть своего небесного дома. В Карфагене же он снова возглавил пантеон и приобрел таинственный титул Баал Хаммона. Происхождение слова «хаммон» неизвестно. Возможно, это было производное от корня *хmn* (нагревать или сжигать), и тогда имя бога можно перевести как «Бог каминов фимиама (*хмн*)» или «Бог Печи» – такое толкование совсем недавно предложил Феврия. Кроме того, ХМН – это географическое название – так именовали пригород Тира, где стояло святилище бога Мелгарта.

В Карфагене, по-видимому, богине плодородия Ашерат, которая в Финикии была женой Эла, не поклонялись. Но быть может, здесь она носила другое имя. Как мы увидим ниже, супругу Баал Хаммона, наследника Эла, звали Танит, или Таннит; вероятно, это был один из титулов Ашерат. Второстепенных богов звали: Баал Шамим, повелитель небес; Решеф, бог плодородия и подземного мира; Мелгарт и его супруга Астарт, Дии Патрии Тира и Эшмун, бог растительности, который умирал и возрождался в соответствии с временами года.

Карфагеняне приносили в жертву Баал Хаммону своих детей. Этот обычай в Финикии исчез, но в Северо-Африканской колонии возродился и приводил в ужас персов, греков и римлян, как и нас с вами. Согласно письменным источникам, детям, обреченным на смерть, давали имя МЛХ; их приносили в жертву во времена большой опасности: «Более того, финикийцы в трудные времена – во времена войны, сильной засухи или нашествия саранчи – приносили в жертву самого любимого ребенка, которого выбирали для этой цели. Финикийская история также изобилует примерами человеческих жертвоприношений. Эта история была написана Санхониато на финикийском языке и переведена на греческий в 8 книгах

Фило Библиусом». Подобные жертвоприношения, по-видимому, были весьма многочисленными: во время раскопок были найдены тысячи останков этих жертв, которые грудями лежали на освященной огороженной территории тофета в Саламбо, расположенного у ворот города, неподалеку от внутренних гаваней. Вокруг и поверх часовни Кинтаса были обнаружены урны с обгоревшими костями младенцев и детей, небольших животных и собак – все они были преданы огню одновременно. Самые древние были засыпаны небольшими пирамидами из камней, но более поздние урны составлены вместе и увенчаны резной стелой, сооруженной по обету. Описания Исаии, Плутарха и, особенно, Диодора Сицилийского позволили Феврии воссоздать эти мрачные церемонии.

Действие происходило ночью, при свете луны. В огороженном святилище, тофете стояла бронзовая статуя бога, у ног которой была выкопана яма, где зажигали огонь. Статую окружали помощники и родители жертв, а также музыканты и танцоры. Жрец приносил тело уже убитого в соответствии с «тайными ритуалами» ребенка, которого «посвящали» богу. Жрец клал его на руки статуи, откуда оно соскальзывало в огонь. После этого музыканты начинали играть на флейтах, тамбуринах и лирах, заглушая крики родителей, а танцоры пускались в дикий пляс. Помощникам запрещалось на все это смотреть, выкрикивать или слушать, поскольку считалось, что тело ребенка охватывает сверхъестественное пламя, зажженное от божественного дыхания, и нельзя привлекать внимания «ужасных демонов мщения». В могилах были обнаружены терракотовые маски ужасных гримасничающих демонов, а поскольку они были посвящены богу тофета, эти маски, скорее всего, были копиями тех, что надевали на себя танцоры во время молоховых церемоний.

Количество урн и их расположение в тофете говорит о том, что такие церемонии проводились довольно часто. Диодор Сицилийский утверждает, что, по обычаю, сыновья самых знатных семей регулярно приносились в жертву Баал Хаммону. Во времена, когда городу угрожала опасность, бог должен был получить особую жертву; так произошло тогда, когда на Кап-Боне высадился Агафокл, намереваясь захватить Карфаген.

Мифическая история о смерти Дидоны представляет собой попытку Юстина объяснить и оправдать ритуал Молоха с помощью исторического факта. Как мы уже рассказывали, царица велела соорудить погребальный костер рядом со своим дворцом и сожгла себя, чтобы уберечь город от гибели и сохранить верность своему мужу Ацербу, ибо она не желала выходить замуж за ливийского царя Иарбаса. После этого она была причислена к лику богов, и ее культ отправлялся на этом самом месте до

тех пор, пока Карфаген не был захвачен римлянами. Согласно Юстину (или скорее традиции, существовавшей во время его жизни), Молох возник одновременно с городом и был связан с погребальными ритуалами, посвященными древним царям. Часовня Кинтаса, как мы уже видели, является самой древней ракой в тофете Саламбо, и автор этой книги выяснил, что она очень похожа на огороженные участки, которые обнаружил в царском некрополе в городе Угарит Клод Шеффер. Поэтому нет никаких сомнений, что часовня входила в состав погребального комплекса, созданного в честь погибшего здесь человека его сторонниками. Кинтас обнаружил следы охлаждающих ритуалов, а также отверстия в каменных плитах, куда вливали жидкости, которые, как считалось, должны были помочь умершему в загробной жизни. Хешас обнаружил также тофетовую стелу с изображением жрицы, которая вливает жидкость в священную могилу. Более того, до VI века до н. э. святилище, вероятно, напоминало место захоронения погребальных урн, в которых находились останки принесенных в жертву детей. Под ними либо сооружали пирамиду из камней и покрывали ее землей, либо ставили эти урны в небольшие саркофаги. На могилах детей, которые были «посвящены богу», проводились те же самые ритуалы, что и на захоронениях финикийских царей в Угарите.

Юстин сообщает нам о последствиях таких жертвоприношений: мощь и процветание города было гарантировано, как и после жертвы Дидоны. Фрейзер изучил и описал ритуал (часто встречающийся у примитивных сообществ), во время которого царя, олицетворявшего жизненную силу своего народа, предавали смерти, когда силы начинали ему изменять. В более развитом обществе для царя находили заместителя, который должен был погибнуть вместо него, и им чаще всего становился его сын, как самый близкий к нему человек. Тогда жертвоприношение не теряло своей силы. Связь между приношением в жертву царя и Молохом демонстрирует нам история, записанная Фило из Библоса. В ней Эл-Кронос (Баал Хаммон карфагенян) принес в жертву своему отцу Урану собственного сына. Мы увидим ниже, что в истории Карфагена было много случаев, когда его правители приносились в жертву богу. Это доказывает, что история Дидоны была основана не на историческом факте, а на царском обычае.

Трудно понять, по каким причинам был возрожден столь примитивный обычай. Скорее можно ожидать человеческих жертв у дикарей, чем у жителей цивилизованной колонии, метрополия которой давно уже отказалась от этого ритуала. Быть может, основатели Карфагена думали, что они разгневали богов и спаслись от мести царя, как утверждают Тимей,

Юстин и Иосиф Флавий. Культ тофета в Саламбо возник в последнюю четверть VIII века до и. э., то есть примерно через сто лет после основания города, когда погребальная часовня, несомненно сооруженная на могиле царя, уже обветшала и превратилась в руины. Современники этих царей, причисленных к лику богов, уже давно умерли, и прошло достаточное количество времени, чтобы развился культ героев.

Для умерших не существовало особого погребального культа, и, хотя их не причисляли к лику богов, люди считали, что они должны получать удовольствие от своей жизни в гробницах, которые назывались «залами вечности». Карфагеняне предпринимали все, чтобы сделать загробную жизнь своих родственников приятной. Древнейшие гробницы, возникшие около 700 года до и. э., были еще бедными и примитивными, фактически представляли собой простые ямы. В ту пору умерших предпочитали кремировать, тогда как в самой Финикии и позже в Карфагене их зарывали в землю. Вскоре на могилы стали класть каменные плиты, а тело укладывали в каменные или, возможно, деревянные саркофаги. (Ученые обнаружили медные ручки от этих саркофагов.) Могилы становились все глубже и глубже, и попасть в них можно было через вертикальную шахту, которую закрывали сразу же после похорон. Начиная с VI века до н. э. богатые люди стали сооружать для себя «залы вечности» из хорошо обработанного камня, не скрепленного известковым раствором. Часто гробница имела потолок из кедрового дерева и островерхую крышу, сложенную из каменных плит, чтобы она могла выдержать вес земли. Внутренние стены покрывались штукатуркой, а под потолком порой сооружали лепной карниз. Умерший брал с собой в иной мир керамические изделия, состав которых был постоянен; начиная с VI века до н. э. в него входили следующие предметы: лампа на блюде, два кувшина и амфора. Иногда небольшой алтарь указывал, где находится голова, и именно на него во время похорон ставили подарки. Покойного хоронили с украшениями, которые свидетельствовали о его положении в жизни и богатстве; туалетные принадлежности клали рядом с ним – несомненно, ради ритуальных целей. Они состояли из зеркала, бритвы в форме топорика и коробочки с косметикой. Завершали убранство гробницы бесчисленные талисманы, в состав которых входили: скарабеи, страусиные яйца, раковины каури, египетский анх – символ вечной жизни, терракотовые маски, медные колокольчики, цимбалы, египетские амулеты – все это должно было защищать умершего и отгонять злых духов. На многих телах заметны следы бальзамирования, сделанного поверхностно с помощью смолы; некоторые, по ливийскому обычаю, были покрыты красным

веществом. Особых правил для расположения тела и погребальных вещей не существовало; вполне вероятно, что у разных классов и кланов были свои ритуалы. В тот период в могилах не было ни статуй, ни настенной живописи.

Древний Карфаген, как мы убедились, был очень тесно связан с метрополией: экономическая зависимость от Тира также означала, что между городами существуют и мощные политические связи. Однако нет сомнений, что, когда Магониды захватили власть, Карфаген уже добился определенной автономии от метрополии. Очень хочется представить себе не маленькую промежуточную гавань, а большой торговый порт, где корабли, пришедшие с Востока, разгружают свои товары и принимают на борт руду, чтобы отвезти ее на Восток, а карфагенские торговые суда уходят в Таршиш, где продают товары из метрополии, Греции и Египта, чтобы купить эту самую руду. Иными словами, Карфаген играл в ту пору роль перевалочного пункта.

Приложение I

«Часовня Кинтаса» и погребальный характер ритуалов в тофете в честь жертв, приносимых Молоху

На этой и соседних страницах изображены планы и разрезы раскопок в «часовне Кинтаса».

Небольшое сооружение, которое Кинтас обнаружил на скале в тофете в Саламбо, можно, как мы уже видели, разделить на три части:

а) Комната, площадью примерно 2 м², стены которой сложены из камня без скрепляющего раствора, перекрытая сводом на консолях. Пяты этого свода сохранились до сих пор. В комнату входили через дверь высотой 60 см. Сюда, в углубление в скале, в двух разных случаях были помещены следующие предметы: сначала – греческие и финикийские изделия из керамики, а потом – амфора, содержащая прах жертвы, принесенной Молоху, и небольшие предметы, положенные сюда в конце VII века до н. э.

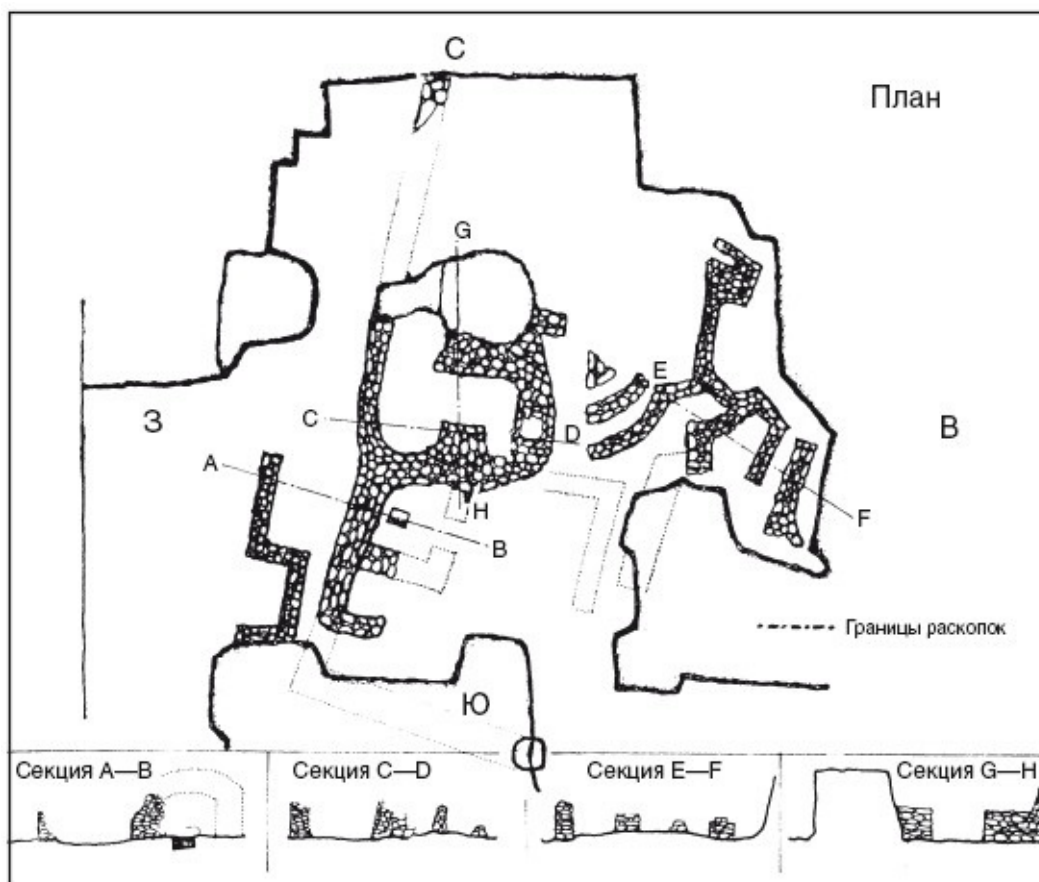
в) Дворики и проходы. Дворик, расположенный к востоку от комнаты, служил передним двором. Он был замощен плоскими камнями, на которых остались осколки ламп. Севернее комнаты располагалось огороженное место, где находился алтарь, построенный у разделительной стены. Следов жертвоприношений здесь нет; по-видимому, этим алтарем никогда не пользовались. Проходы, расположенные к северу и югу, вели во дворик и в огороженное для алтаря место. Отложения фундамента позволили датировать этот комплекс временем первого захоронения керамики в комнате.

с) В северном углу комплекса, между огороженным алтарем и проходом, ведущим к нему, сохранились остатки трех концентрических оград, что говорит о том, что здесь было место, окруженное тройной стеной. Кинтас предположил, что это миниатюрный лабиринт, и он, вероятно, прав.

Руины здания были засыпаны землей, в которой сохранились останки вотивных жертвоприношений (сделанных по обету). Некоторые из них были даже помещены в небольшие ниши, устроенные в развалившейся стене.

Вот как Кинтас интерпретирует события:

1. Перед сооружением этого комплекса здесь находилось углубление в скале.

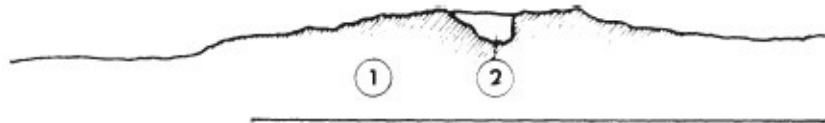

2. Это углубление расширили, чтобы положить сюда первую партию керамики; эту жертву, по его мнению, принесли первые переселенцы из Тира, которые хотели тем самым закрепить за собой эти земли. Кинтас полагает, что, судя по греческой керамике, это событие произошло в начале IX века до н. э.

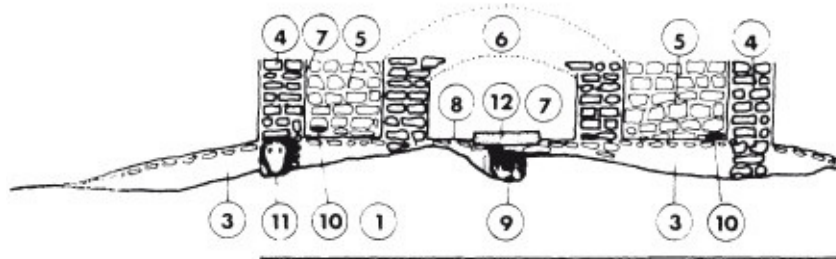
3. После того как первые переселенцы ушли отсюда, сооружение было заброшено и превратилось в руины.

4. Финикийцы, которые в конце концов осели в Карфагене, выбрали место этого древнего почитаемого святилища для создания своего тофета. Сюда они приносили свои жертвы. Эту четвертую фазу следует датировать последними годами IX века до н. э. или самым началом VIII века до н. э. После публикации отчета Кинтаса ученые, изучавшие историю эллинского периода, показали, что древнейшая греческая керамика в святилище, вместе с керамикой в нише фундамента, которая и позволила датировать этот комплекс, не могла быть сюда положена ранее 740–725 годов до н. э.

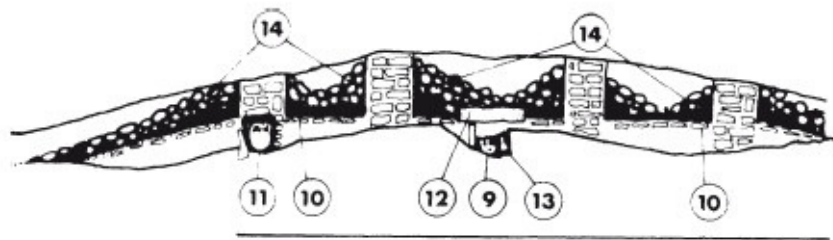
Таким образом, предположение Кинтаса, которое очень хотелось бы принять, противоречит авторитетному мнению этих ученых. Ясно, что самые древние votivные жертвоприношения появились почти одновременно с керамическими изделиями в нише фундамента. Если же эта глубоко почитаемая рака была создана после основания Карфагена в центре святилища, в котором постоянно приносились жертвы, то как же тогда объяснить тот факт, что она была заброшена и превратилась в руины?

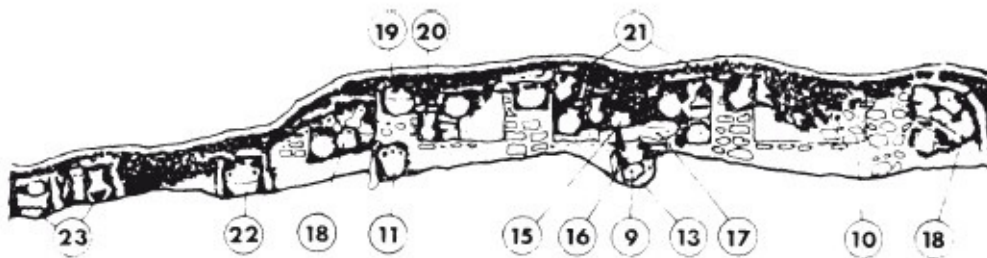
Первый этап: перед созданием тофета

Второй этап: сооружения докарфагенского периода

Третий этап: сооружения в руинах

Четвертый этап: первое пуническое поселение, уровень А святилища

Танит и Баал Хаммона

Обозначение разрезов

1. Подстилающие породы
2. Естественное углубление в скале
3. Террасы, сооруженные из мелких камней
4. Внешние стены
5. Небольшой дворик
6. Центральная сводчатая комната
7. Побелка
8. Каменные плиты
9. Святая святых
10. Погребальные предметы
11. Хранилище в фундаменте
12. Крышка «гира»
13. Частично разрушенное помещение
14. Упавшие стены
15. Что осталось от крышки после вторичного использования гробницы
16. Новые погребальные предметы
17. Плита, запиравшая комнату (вторично использованная)
18. Пуническая керамика вокруг раки
19. Предметы, лежавшие поверх стены
20. Повторное использование старой стены (на боковых краях лоджии, содержавшей урну в старой стене)
21. Разлом в стене, позволивший создать место для погребальных предметов
22. Более раннее обрушение было расчищено, чтобы освободить место для погребальных предметов на подстилающей породе
23. Уровень А святилища

Автор этой книги считает, что у него есть объяснение этому. По его мнению, сразу после того, как в нишу была положена дорогая керамика, все это сооружение было засыпано землей, и над ним был создан могильный холм или курган. Рака была построена неудачно и под тяжестью земли быстро развалилась. С тех пор появился обычай насыпать над жертвоприношениями курган, который становился священным, как и находившееся под ним сооружение. Впрочем, курган насыпали обычно поверх захоронения, и «часовня Кинтаса» имеет все признаки

погребальной камеры. Ее главная черта – комната со сводом на консолях, которая является полной миниатюрной копией критских гробниц. Замечательные образцы этих гробниц обнаружил на сирийском побережье Клод Шеффер; они были сооружены в середине второго тысячелетия до н. э. К началу первого тысячелетия эта форма захоронения в Финикии исчезла, но сохранилась на Кипре, например в Ксилотимбу. Здесь, как и в пунической часовне, гробницы были засыпаны землей, образуя курган. Лабиринт в двориках и проходы, окружавшие погребальную камеру, воспроизводят в Карфагене в сильно уменьшенном виде план восточных рак, на что указывал Кинтас. В Угарите в могильных плитах были проделаны отверстия для вливания жидкости, как и в могилах микенских времен. Есть несколько признаков того, что эту же практику применяли и в тофете Саламбо. Автор этой книги опубликовал фотографию плиты с отверстием для вливания воды, а также дно бассейна с проложенными в нем каналами. На стеле из музея Бардо изображена стоящая на коленях жрица, вливающая при свете факела воду в могилу, а на стеле из музея Карфагена видим кувшин, из которого вытекает струя воды. Поэтому вполне справедливо было бы предположить, что алтарь, построенный рядом с камерой, имеющей хранилище для керамики, тоже мог получать воду, которую вливали в него сверху. Это свидетельствует о погребальном характере камеры, а также объясняет наличие лабиринта и кургана. Весь этот комплекс представляет собой могилу ребенка, сожженного на погребальном костре в качестве жертвы богу, которого люди, поклонявшиеся ему, считали бессмертным.

Следует отметить, что руины, окружающие часовню Кинтаса, тоже относятся к погребальным сооружениям. Весь нижний уровень тофета состоит из урн, в которых находится прах жертв, принесенных Молоху; их ставили в углубления в скале и защищали пирамидой из камней или миниатюрным дольменом, а поверх насыпали курган. Таким образом, это святилище практически ничем не отличается от некрополей железного века, разве что в нем погребен не прах кремированных покойников, а останки детей, принесенных в жертву Молоху. Например, в Хаме в Сирии Риис раскопал одно из таких кладбищ, где рядом с урнами клали небольшие предметы и керамические изделия, очень похожие на те, что были найдены в самом нижнем слое тофета Саламбо, а поверх насыпали невысокий курган. В Карфагене иногда на вершину кургана клали большой камень, стелу грубой формы или бетил.

Этиологический рассказ, который записал Юстин и который объясняет, как возник обычай приносить жертвы Молоху, описывает

погребальные практики, применявшиеся в тофете Саламбо. Юстин пишет, что после смерти Дидоны обожествленную царицу почитали на том самом месте, где она принесла себя в жертву, и так продолжалось до падения Карфагена.

Если принять подобное толкование за истинное, то «часовню Кинтаса» нельзя считать самым древним финикийским сооружением в Тунисе, появившимся после того, как тирийцы впервые высадились на Карфагенской земле. Эта теория, как мы уже убедились, сильно усложнила решение вопроса о дате основания Карфагена, которую отодвинули в глубь веков, в VIII век до н. э., что противоречит литературной традиции. Приводимую Тимеем дату (IX век до н. э.) можно было бы полностью подтвердить, если бы эта часовня была необычно крупным вотивным памятником VIII века до н. э. и совсем небольшой частью святилища, которое ученые только начали изучать. Вполне возможно, и даже вероятно, что в один прекрасный день здесь будут найдены другие, более древние памятники.

Глава 2

Магонида: 550–396 годы до н. э

История Карфагена до середины VI века до н. э. окутана мраком. С середины же этого века греческие историки регулярно сообщают нам об отношениях – обычно очень натянутых – между своей страной и финикийцами, обосновавшимися на западе. В ряде случаев до нас дошли оригинальные труды греческих ученых, но чаще всего мы пользуемся их изложением, которое сделал Помпей Трог, или сокращенной версией его работ, созданной Юстином. Дополняют картину редкие эпиграммы той поры и археологические данные. По крайней мере, теперь мы будем говорить о реальных людях и событиях.

Малхус

Первого руководителя Карфагенского государства после Дидоны, имя которого дошло до нас, звали Малеус, Масеус или Мазеус (именно так называет его в своих манускриптах Юстин). Воссий предложил называть его Малхусом, и с тех пор это имя прижилось. Впрочем, мы не знаем, являлось ли это слово именем собственным семитского происхождения или, что кажется нам более вероятным, это был титул^[5].

Согласно Юстину, Малхус был генералом (дуком), который одержал много побед на Сицилии, но на острове Сардинии оказался менее удачливым. В качестве наказания за поражение его приговорили к ссылке вместе со всей армией. Изгнанные не смогли добиться помилования и осадили город. Тем временем сын Малхуса, Карфало, служивший в Мелгарте жрецом, был отправлен в Тир с десятой частью сицилийской добычи. Когда он возвратился в Африку, отец стал убеждать его присоединиться к мятежникам. Сначала Карфало отказался и приступил к выполнению своих религиозных обязанностей, но, добившись согласия народа, вернулся к отцу. Тот, однако, обвинил его в том, что он приехал, чтобы оскорблять и насмехаться над ссыльными, и велел распять на виду у всего города, прямо в жреческом облачении. Вскоре после этого Карфаген был захвачен, но Малхус проявил благоразумие и казнил всего лишь десять сенаторов. Через некоторое время его самого обвинили в тирании и казнили.

Впрочем, Малхуса упоминает только Юстин^[6]. Геродот и Диодор, описывая греческо-финикийскую борьбу за главенство на Сицилии, ничего не говорят об этом карфагенском генерале, который, предположительно, сумел захватить большую часть острова. Если не считать первых четырех глав и последнего предложения, касающегося Маго (к которому мы еще вернемся), XVIII книга Юстина посвящена историям Дидоны и Малхуса. Правда, между ними вставлен небольшой абзац, рассказывающий о человеческих жертвах, которые приносились для того, чтобы остановить распространение эпидемий (конец VI главы). У всех этих трех разделов есть одно общее – они рассказывают о человеческих жертвах того или иного рода. История Дидоны, как мы еще увидим, объясняет ритуальное самоубийство царя.

Рассказ о Малхусе – это попытка оправдать распятие царского сына; в Карфагене таких случаев больше не было, а вот Библия приводит нам еще

один пример. Раздел между двумя этими историями рассказывает о принесении в жертву простых людей; их смерть не имела никакого политического значения. Книга в целом посвящена религиозной тематике. Между правлением Дидоны и Малхуса никакие политические вопросы, связанные с внутренней или внешней политикой, не обсуждаются. Не упоминается и о карфагенской колонизации Ивисы, хотя Диодор сообщает, что это случилось, вероятно, в середине VII века до н. э. или, что более вероятно, в начале VI века до н. э.

Поэтому напрашивается вывод, что Помпей Трог взял сведения для этой части своей книги из трактата о человеческих жертвоприношениях в Карфагене, а не из какого-то исторического источника. Автор трактата, вероятно, пытался объяснить этот варварский обычай мнимым историческим событием, связанным с какой-то выдающейся политической фигурой, совсем как Лукиан, который в своей книге о сирийской богине или в рассказе о Комбабе дает объяснение кастрации Галла. Семитские мифы переставляли, рационализировали и риторически совершенствовали, чтобы сделать более сентиментальными.

Имя Малхус – если принять точку зрения Воссия – это не что иное, как титул МЛК, семитский эквивалент «царя». Вполне возможно, что это не конкретная историческая личность, а «царь» как понятие. Распятие Карфало в его жреческом облачении носит все признаки жертвоприношения. Даже в III веке н. э. жертвы, приносимые Баал Хаммону, или, в его латинском эквиваленте, Сатурну, облачались в одежды жрецов Сатурна. Эта одежда символизировала принадлежность к этому богу и его право требовать, чтобы жертва отдала ему свою жизнь. Поэтому распятие Карфало, царского сына, можно рассматривать как пример «царской жертвы», чье имя идентично Малхусу. В отличие от нее жертвы Молоху – другая форма царского жертвоприношения, практиковавшаяся Дидоной и подтвержденная историками и археологами, – подвергались не распятию, а сожжению на тофете. Библия сохранила для нас пример принесения в жертву царских сыновей путем повешения или распятия, в обстоятельствах, которые, по-видимому, очень похожи на те, что приводятся в рассказе о Малхусе. Чтобы положить конец трехлетнему голоду, Давид отдал Гидеонитам семь сыновей Саула, «и они повесили их на холме перед Господом; и все семь упали одновременно и были преданы смерти в дни сбора урожая, в самые первые дни, в начале сбора ячменя» (2, Самуил, XXI. 7–9). Жертвоприношения в форме повешения встречались и среди других народов, например у германцев.

Если принять эту гипотезу, то историческая часть рассказа Юстина

теряет свое значение. Нам кажется, что эту историю придумал сам Помпей Трог, задумавший преобразовать трактат о «религиозном жертвоприношении», на который он опирался, в трактат по политической истории, в особенности истории Карфагена III и II веков до н. э. Мы видим, как геронты – иными словами, сенаторы – изгоняют побежденного генерала и его армию; зато люди даруют Карфало неприкосновенность, что напоминает нам об адеёе классического закона; наконец, Малхус сообщает правительству о своих планах на заседании Народного собрания. Здесь впервые, как отмечал Гсел, мы находим упоминание о Народном собрании в Карфагене, и в те далекие времена оно, по-видимому, играло такую важную роль, которая была немыслима даже во времена Аристотеля и которую оно снова стало играть при Баркидах.

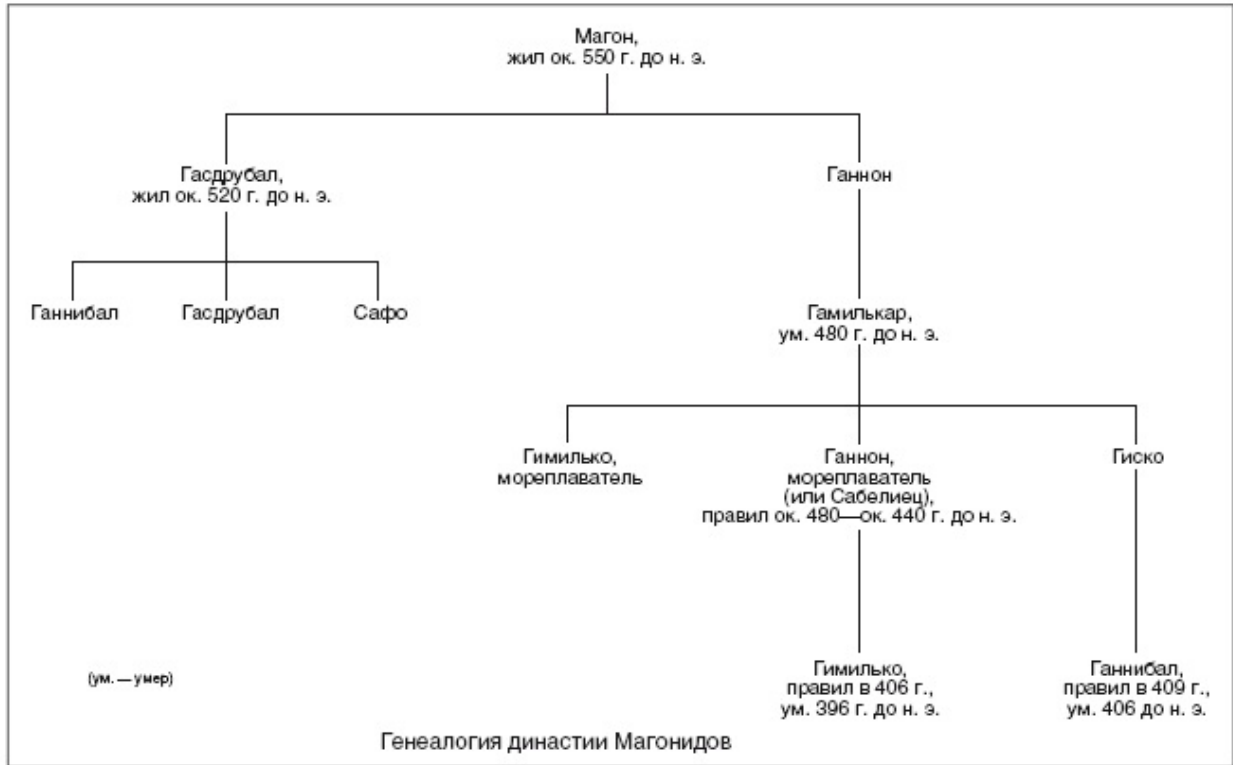
Рассказ о военных подвигах Малхуса тоже, вероятно, сильно преувеличен. Несмотря на победы, которые он, как нам сообщают, одержал над Ливией, три или четыре поколения жителей Карфагена по-прежнему должны были платить ей дань. На Сицилии финикийцы отошли в западную часть острова и вступили в союз с элимийцами^[7], с которыми они около 580 года до н. э. воевали против греческой колонии Пентафла, попытавшейся создать свою колонию на земле Лилибея (совр. Марсала). Вполне возможно, что Малхус тоже принимал участие в этой войне, но Диодор приводит «Тимееву» версию развития событий, в которой ничего не говорится о том, что карфагеняне там воевали. Он утверждает, что Пентафл был разгромлен соединенными силами элимийцев и финикийцев. Последние на Сицилии жили автономно, что подтвердили раскопки в Мотье. Археологические находки здесь коренным образом отличаются от находок в Карфагене, из которых самые ранние датируются 550 годом до н. э. Самые первые следы карфагенской интервенции в центральной и западной части острова появляются лишь после конца VI века до н. э.

Единственное заключение, которое мы можем сделать из легенды о Малхусе, – это то, что в первой половине VI века до н. э. в Карфагене продолжали существовать цари-жрецы.

Магониды

Примерно около 550 года до н. э. человек по имени Магон создал новую династию, которой суждено было править Карфагеном полтора столетия. Это событие означало, что с прошлым покончено и во внешней политике наступили перемены. С той поры Карфаген перестал быть одной из многочисленных колоний Западной Финикии; он заявил о своем превосходстве и установил военное господство над всем Западным Средиземноморьем. И лишь в экономическом отношении он продолжал зависеть от Тира.

Магону наследовал его сын, Гасдрубал, и мы имеем о нем конкретную информацию, несмотря на римскую терминологию, которую использовал Юстин. Он, очевидно, одиннадцать раз становился «диктатором» и четыре раза устраивал триумф. В следующем поколении Карфагеном правил Гамилькар, который, по-видимому, был внуком Магона и сыном Ганнона, предположительно младшего брата Гасдрубала и женщины из Сиракуз. Это был тот самый Гамилькар, который погиб в 480 году до н. э., во время Химерской битвы, однако Маурин сообщает нам, что это поражение не привело к гибели династии и она правила еще почти целый век. Юстин рассказывает нам о трех сыновьях Гасдрубала, которых звали Ганнибал, Гасдрубал и Сафо, – и о трех сыновьях Гамилькара: Гимилько, Ганноне и Гиско. В V веке до н. э. все они были очень влиятельными людьми. Однако до нас дошли сведения лишь о трех последних. Гиско был отправлен в ссылку и поселился в Селине. Его брат Ганнон, по-видимому, создал Карфагенскую империю в Тунисе, и был великим мореплавателем своего времени: рассказ о его плавании вдоль африканского побережья дошел до нашего времени. Третий брат, Гимилько, вероятно, исследовал моря, расположенные севернее. В 410 году до н. э. карфагенские армии, которыми командовали кузены Ганнибала, сыновья Гиско и Гимилько, а также сын Ганнона, возобновили наступление на Сицилию, но потерпели поражение. Их разгром привел к падению династии Магонидов, о которой впоследствии нет никаких упоминаний.

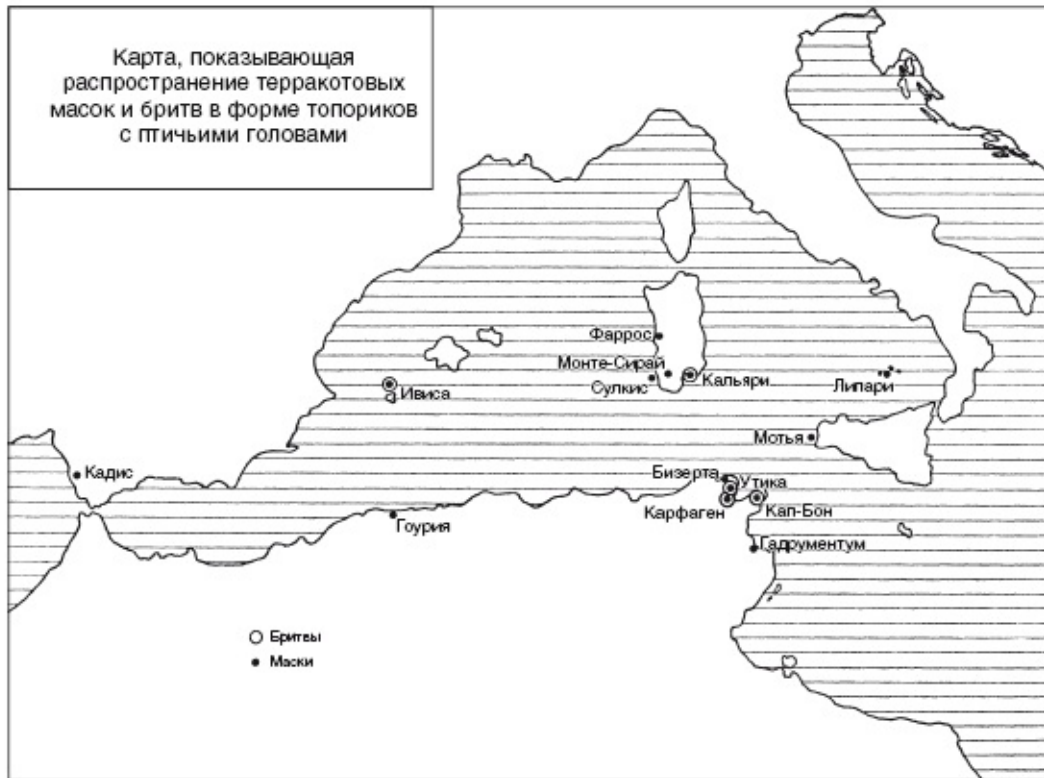
Генеалогия династии Магонидов

Создание империи

Как мы уже видели, разгром под Химерой в 480 году до н. э. делит эпоху Магонидов на два этапа. Во время первой фазы владения Карфагена интенсивно расширялись за счет захвата соседних территорий – совершенно новое явление в его истории. Прочитав Юстина: «Магон, генерал карфагенян, (был)... первым, кто установил строгую дисциплину в армии, изменил основы пунического могущества и... создал... сильное государство, не только благодаря своим полководческим талантам, но и своей доблести». Эти слова не согласуются с заявлением самого же Юстина о Малхусе и его завоеваниях, но они, вероятно, ближе к истине. В данном случае литературные и археологические источники не противоречат друг другу, поскольку и те и другие признают верховенство Карфагена на всем побережье Западного Средиземноморья во второй половине VI и первой декаде V века до н. э. Впрочем, литературные тексты, особенно касающиеся Испании и Сардинии, весьма туманны и не отличаются особой точностью, поэтому огромное значение приобретают данные археологии. При Магониде в Карфагене появилась своя собственная культура, и с этой поры ученые могут четко отличить остатки пунических поселений от западнофиникийских и датировать их.

Мы расскажем о ремеслах Карфагена в главе, посвященной цивилизации, а здесь отметим лишь особенности Пунической культуры и ее распространение.

В отличие от греков, карфагеняне никогда не производили предметов роскоши. Их керамика была грубой и не вывозилась в другие страны, но ее ни с чем не спутаешь и, если ее находят в каком-нибудь месте (например, в Мотье, начиная с 500 года до н. э.), то это является неопровержимым свидетельством того, что здесь жили карфагеняне. Однако уже около 600 года до н. э. ремесленники Карфагена перестали производить красную керамику кипро-финикийского типа, которую западные финикийцы в Испании и Марокко изготавливали еще очень долго – это говорит о том, что они пользовались автономией, и это подтвердили исследования Тараделла и Кинтаса.

Карта, показывающая распространение терракотовых масок и бритв в форме топориков с птичьими головами

Среди других типичных пунических артефактов VI и V веков до н. э. следует отметить терракотовые маски, о которых мы поговорим ниже. Похожие на них и даже точные копии масок были обнаружены в Палестине, на Кипре и особенно в Спарте, в святилище Артемиды Ортии. Их находят в Западном Средиземноморье только в тех местах, где жили карфагеняне, и карта их распределения (карта I) является одновременно и картой империи Магонидов, которая включала в себя – помимо Африки – Мотью, Сардинию и Ивису. Испания, Марокко и побережье вокруг Орана в эту империю не входили. Этот факт подтверждает автономию Западномедиземноморских земель, о чем мы уже упоминали, рассказывая о распространении красной керамики.

В слоях тофета Карфагена, которые датируются VII – началом VI века до н. э., обнаружены примитивные терракотовые фигурки – тела у них имеют форму колокола, а мужские и женские половые органы сильно увеличены. Очень похожие на них фигурки были найдены в Ивисе и Мотье, а также в Бифии и Фарросе на острове Сардиния. В трех этих местах подобные фигурки продолжали использовать в IV и даже III веках до н. э. В самом Карфагене они исчезли из употребления около 550 года.

Тофеты, или святилища, где похоронены люди, принесенные в жертву богам, были найдены в Африке, в Карфагене и Гадрументуме; их очень много в тех местах Туниса, которые находились под властью Карфагена (например, в Мактаре, Фигнике и в окрестностях Фисдруса) и даже на территории бывшего Нумидийского царства (например, в Эль-Хофре, у ворот Цирты (современный город Константина). Впрочем, тофеты, найденные в глубине материка, появились в более поздние времена; самые ранние из них (например, Эль-Хофра) не старше III века до н. э. Более того, мы можем быть уверены, что в Утике или городах Триполитании тофетов не было. С другой стороны, в Мотье тофеты начали сооружать уже с 550 года до н. э. Итальянские археологи обнаружили подобные святилища на Сардинии, в Сулее, Норе, а совсем недавно – в Монте-Сирас. Последний появился поздно – в III или II веке до н. э. Стелы, обнаруженные в Норе и Сулее, появились немного раньше, но, несомненно, были созданы по образцу карфагенских стел V века до н. э. (в форме маленького храма египетского типа).

Они не имеют ничего общего со стелами-обелисками, которые сооружались в Карфагене в IV веке^[8]. Таким образом, этот культ появился в начале V века до и. э.

Начиная с 65 года до и. э. в карфагенских гробницах на Сардинии и Ивесе появляются медные бритвы в форме топориков. На испанской земле их нет.

Были широко распространены и искусственные страусиные яйца с острым концом; их находят не только в Карфагене, но и в Мотье, Ивесе, Сардинии и в Джиджелли и Турае на побережье Алжира. Их также обнаружили в испанском некрополе в Вилларикосе, но рядом не было ни бритв, ни масок. Яйца украшались богатыми и необычными узорами, которые никоим образом не напоминают женские лица, которые рисовали на этих яйцах в Карфагене и в Ивесе начиная с 550 года до н. э. Поэтому мы не можем назвать некрополь в Вилларикосе пуническим только потому, что в нем были найдены раскрашенные страусиные яйца, хотя многие таким его и считают.

Все эти находки говорят о том, что после 550 года до н. э. стали создаваться пунические колонии, которые в культурном отношении зависели от Карфагена. Эти колонии находились в Мотье, в разных районах Сардинии и в Ивесе. Те же самые находки свидетельствуют о том, что другие западнофиникийские города в культурном, а значит, и в политическом плане контролировались Магонидами гораздо слабее. Среди этих городов были Сиртика, Утика, Палермо и, вероятно, Солунт на

Сицилии, Гадес и другие испанские портовые города, Ликсус и промежуточные порты на марокканском побережье и в окрестностях Орана.

Сравним теперь выводы, сделанные на основе археологических материалов, с сохранившимися текстами и определим размеры и историю Магонидской империи.

Вероятно, следует начать с того, что, каким бы странным это ни казалось, Магонидам не удалось улучшить положение Карфагена в Африке. В начале своего правления (вероятно, около 530 года до н. э.) Гасдрубал попытался освободить родной город от унижительной дани, которую он вынужден был платить соседним ливийским племенам, но потерпел поражение, и взимание дани продолжалось еще полвека. Даже ближайšie финикийские города отказались – по крайней мере, официально – признать верховенство Карфагена. В договоре с Римом 509 года до н. э. не упоминается Утика, но между этим и 348 годом она, вероятно, потеряла свою независимость, поскольку в договоре о возобновлении альянса она уже присутствует. Тофет в Гадрументе принял свои первые жертвы уже в 600 году до и. э., но этот город называл себя колонией Тира и не был поэтому основан карфагенянами. То же самое можно сказать и о Лепсисе и Сабрате в Сиртике, которая превратилась в колонию немного раньше, около 650 года до н. э. Однако эти города вынуждены были в 520 и 510 годах обратиться к Карфагену за помощью, когда изгнанный из Спарты царевич по имени Дорией попытался создать свою базу в 10 милях восточнее Лепсиса. Карфагеняне не смогли сами вмешаться в это дело; тогда воины соседнего племени мейков прогнали греков с захваченной ими территории.

Вместе с тем карфагенские корабли совершали нападения на гавани Испании, Марокко и Западного Алжира, а также на морское побережье Южной Галлии. Здесь финикийские колонии были вынуждены признать власть Карфагена, а греков либо изгоняли, либо вынуждали занять оборонительную позицию. Финикийским колониям на Сардинии тоже пришлось встать в общую шеренгу, не только в политическом, но и в культурном плане, особенно в религиозных вопросах; Тир сохранил свое превосходство только в сфере экономики. Сильные карфагенские армии завоевали всю Восточную Сардинию, захватили Панормус, Солунт и Мотью на Сицилии. Около 550 года до и. э. они заселили Мотью африканскими колонистами. Карфаген активно вмешивался в соперничество греческих городов и во внутреннюю политику острова. Карфаген вступил в союз с Анаксиллом, тираном Региума и Занкле (Мессины), который контролировал проливы. В Италии они заключили

союз с этрусками и совместными усилиями изгнали финикийцев с Корсики. К 500 году карфагеняне заселили остров и стали владельцами портового города Пирги, а тирийский царевич Кере, вероятно, был обязан им своим тронном. Когда власть этрусков в Кампанье и Лации начала уже ослабевать, карфагеняне не постеснялись вступить в переговоры с новыми властями и уже в 509 году до н. э. заключили союз с Римской республикой.

Эта экспансия происходила следующим образом. Диодор рассказывает нам, что карфагеняне создали свою колонию на Ивисе, самом южном острове Балеарского архипелага. Это произошло через 160 лет после возникновения их собственного города. Считается, что Диодор, позаимствовавший большую часть своих сведений из произведений Тимея, датировал основание Карфагена 814 годом до н. э. Таким образом, Ивиса стала колонией в 654 году. Однако, несмотря на обилие археологических данных, относящихся к периоду пунической оккупации острова, нет ни одного предмета из Карфагена, который появился бы здесь ранее 600 года до н. э. Этого расхождения не было бы, если бы Диодор, вслед за Апионом, считал датой основания Карфагена 751 год до н. э. Тогда бы выходило, что его колония на Ивисе возникла в 591 году. Но, какова бы ни была дата ее колонизации, Ивиса, несомненно, стала первой пунической базой в этих краях и до завоевания ее Баркидами оставалась единственной колонией, которая подчинялась непосредственно Карфагену.

В какое-то неизвестное нам время, как считают ученые, около 500 года до н. э., Магониды вторглись на Иберийский полуостров, чтобы защитить финикийские колонии, в особенности Гадес, от нападений местного населения. Шультен и многие другие ученые полагают, что это был первый шаг к созданию Пунической империи в Испании, которая, по их мнению, продержалась до конца V века до н. э. Карфагенские армии, вероятно, разрушили Тартесс и подчинили себе древнее царство Аргантоний. Однако этим предположения не подтверждаются данными археологии. Никто не сумел найти место, где стоял Тартесс; этого знаменитого города, вероятно, вообще не было. Эти именем, похоже, называли регион, в который входила долина Баэта, современного Гвадалквивира. Но скорее всего, пунические войска разгромили Тартесское царство, которое к III веку до н. э. оказалось разделенным между двумя народами: турдетанами из Андалузии и бастетанами из Гранады. Часть бастетан, которых римляне называли «бастуло-пуническим народом», населявших побережье между Гибралтаром и Малагой, приняла финикийский язык и культуру. Более того, старые тирийские города: Гадес, Секси, Абдера и Малага – вынуждены были подписать договор о союзе с Карфагеном, по которому,

хотя он и ограничивал их политическую свободу, они сохранили свою автономию и культурные традиции. Археологические находки на территории пунической Испании включают в себя несколько типично пунических предметов.

В своих отношениях с населением Иберийского полуострова выходцам из Карфагена пришлось ограничиться договорами, которые позволяли им брать в свою армию наемников. В этом качестве иберы впервые сражались в армии Гамилькара в Химерской битве 480 года до н. э. Более того, эти договоры, по-видимому, гарантировали Карфагену благоприятные условия эксплуатации рудников в Сьерре и отдавали ему большую часть добытой руды. Карфаген начал монополизировать иберийскую торговлю только в IV веке до н. э.; в соглашении с Римом 509 года до н. э. Испания, как одна из зон, куда был запрещен доступ итальянским купцам, не упоминается; это условие появилось лишь в договоре 348 года до н. э.

Вместе с тем Магониды не теряли ни единой возможности, чтобы вытеснить греков из Испании, и в особенности потому, что греков здесь представляли финикийцы, заклятые враги Карфагена. Вблизи Малаги, в Мейнаке, была основана греческая колония, которую Карфагену удалось разрушить около 500 года до н. э. Далее последовала отчаянная борьба за контроль над побережьем севернее Кабо-де-ла-Нао, из которой нам, к сожалению, известен лишь самый последний эпизод. Это была битва при Артемизионе, которая произошла почти одновременно с Химерской и положила конец завоеваниям Магонидов. До нее карфагеняне еще могли игнорировать греческие успехи в Ампуриасе и Роде и могли свободно плавать вдоль берегов Леванта, Каталонии и Руссильона. Надо отметить, что наемники из Руссильона воевали в армии Гамилькара в Химерской битве^[9].

Установив контроль над Южной Испанией, карфагеняне подчинили себе и другие западные земли: Оранский регион, Марокко и Португалию. Это нашло свое отражение в появлении новых типов археологических находок в слоях, датируемых от 500 года до и. э. и далее, в районах от Лес-Андалуза около Орана до Могадора на самом юге Марокко. Хотя пуническое влияние было весьма ощутимо, оно тем не менее выражено не очень сильно. Многие типично карфагенские артефакты (маски, бритвы и проч.), по-видимому, сюда не доставлялись.

На Сицилии Магониды поначалу удовлетворились приобретенными ранее территориями. Они надеялись сохранить тройственный союз, в который входили два финикийских города – Панормус и Солунт, а также эмилиане. С 550 года до и. э. Карфаген стал хозяином Мотьи и даже

освятил здесь тофет. Он использовал этот город в качестве базы в борьбе против спартанского царя Дориея, в которой карфагеняне играли решающую роль. Около 510 года до н. э., не сумев обосноваться в Ливии, Дорией попытался захватить Эрике, но погиб в бою. Его последователи основали город Гераклею, но вся Западная Сицилия объединилась, чтобы изгнать их.

Следует отметить, что война с Дориеем случилась примерно в то же самое время, что и подписание римско-пунического договора о дружбе, который ознаменовал ослабление связей между Карфагеном и Этрурией. Вскоре после этого их союз был расторгнут. С тех пор этруски начали проводить агрессивную политику у берегов Южной Италии, в районе Мессинского пролива и на самой Сицилии. Быть может, именно поэтому Гамилькар (пришедший к власти примерно в это же время) стал активно вмешиваться в дела восточной части Сицилии, где финикийцы уже несколько веков назад отказались от каких-либо притязаний.

Была и другая причина этого, основанная на внутреннем развитии греческих городов Западной Сицилии. Многими из этих городов, с момента их возникновения, управляли крупные земельные олигархи, которые проводили относительно мирную внешнюю политику. (Олигархи Сиракуз были известны под именем Гаморы.) Однако в те времена, о которых идет речь, города начали переходить в руки тиранов, которые заявляли, что будут защищать простой народ от олигархов, но вскоре стали усиливать свою личную власть, играя на национальных чувствах подданных, надеясь отвлечь их внимание от потери свободы. У Магонидов, разумеется, не было никаких идеологических причин противопоставлять себя правительству, которое мало чем отличалось от их собственного; однако они, естественно, пытались сдерживать империалистические стремления более сильных тиранов.

Не успел город Агригентум появиться на свет, как тут же попал под власть жестокого Фалария (570–554 до н. э.). Последний в течение шестнадцати лет своего правления, по-видимому, не имел никаких проблем с Карфагеном. Этот факт подтверждает наш взгляд на то, что Карфаген проводил в этот период политику невмешательства в дела Сицилии. Мир царил в течение всего правления преемников Фалария, до 480 года до н. э., когда на трон взшел Ферон, который положил конец политической структуре, сложившейся при Магонидах.

При этом в Сиракузах в течение длительного времени власть удерживал аристократический клан Гаморов, несмотря на протесты среднего и нижнего классов и претензии соперников-тиранов из

небольшого соседнего города Гелы. Магониды очень успешно поддерживали Сиракузы, и, чтобы закрепить этот союз, Ганнон женился на местной девушке. Этот альянс открыл карфагенянам дорогу в Грецию, в Финикию и в Персидскую Азию. Поэтому, когда в 485 году до н. э. Гелон, тиран Гелы, сумел наконец захватить Сиракузы и изгнать оттуда Гаморов, для Карфагена это стало катастрофой. Тем не менее одновременно с этим Магонидам удалось добиться большой дипломатической победы, которая сильно смягчила удар. С 493 года до н. э. в городе Региум, который теперь называется Реджио-ди-Калабрия, правил тиран Анаксил. Он положил глаз на город Занкл (стоявший на месте современной Мессины), на другом берегу пролива. Его жителей изгнал отряд самийцев, после чего Анаксил захватил Занкл и заселил мессинами, которые предположительно бежали с полуострова Пелопоннес от гнета спартанцев. Так город получил свое современное название – Мессина. Более того, Анаксил был женат на дочери Терилла, тирана Химеры, стоявшей на северном берегу Сицилии. Этот тиран был связан узами гостеприимства с Магонидом, которого звали Гамилькар. Благодаря этому союзнику Карфаген приобрел контроль над проливом. Ниже мы расскажем о том, каковы были последствия этой ситуации.

Контроль над Мессинским проливом был очень важен для Магонидов, поскольку у них были свои собственные интересы на Сардинии. Сначала Магон, а потом и Гасдрубал вели систематический захват острова. Последнему много лет сопутствовала удача; он и умер на земле Сардинии, вероятно в 510 году до н. э. Одновременно с основанием Карфагена тирийцы, с помощью киприотов, заселяли сардинское побережье. Здесь стояла их старейшая колония Нора, располагавшаяся на южном берегу, как раз напротив Африки. Этому городу, вместе с Каралисом (Кальяри), который позже стал столицей Сардинии, Фарросом на западном побережье и Олбией – на северном, пришлось признать власть Карфагена. Ни в одном месте Западной Финикии археологи не нашли таких явных свидетельств прямого влияния Карфагена, как здесь. Тофеты Норы и Сулка содержат стелы, которые почти полностью совпадают со стелами Саламбо, а маски и погребальные фигурки из Фарроса, Сулка и Каралиса говорят не только о том, что здесь существовало сообщество с богатой культурой, но и о том, что с конца VI века до н. э. здесь жило множество карфагенян, переселившихся из Африки. Финикийские колонисты на Сардинии получили от Магонидов, взамен своей свободы, надежную защиту от местного населения. До прихода финикийцев на острове существовала процветающая автохтонная цивилизация, от которой до нас дошли не только

нураги, но и прекрасные бронзовые фигурки. Сардинские предметы, найденные в могилах этрусков в городе Ветулония, свидетельствуют о том, что этот город в VIII и VII веках до н. э. процветал, но потом быстро пришел в упадок, что нельзя полностью объяснить одними лишь военными поражениями. Таким образом, Гасдрубал и его преемники сумели прочно утвердиться в западной части Сардинии, и финикийцы на Сардинии пользовались такой свободой передвижения, какой не могли похвастаться сами карфагеняне в Африке.

И все же на Корсике Магону не удалось помешать фокийцам, которых персы изгнали из Анатолии, использовать свое морское превосходство и укрепиться на восточном побережье Алерии. Активные пиратские действия, которые сразу же начали вести фокийцы, наносили вред не только карфагенянам, но и их союзникам этрускам. Обе стороны объединились в борьбе с пришельцами, которые, хотя и одержали несколько побед, понесли такие потери, что около 535 года до и. э. вынуждены были искать новое место для поселения.

Союз с этрусками

Политическая структура Магонидов не была бы завершенной без тесного союза с другой великой западносредиземноморской державой того времени – Тирренской империей, или, если быть более точным, конфедерацией, в состав которой входили Тоскана, Лаций и Кампанья. Хотя и не такая мощная морская держава, как сто лет назад, она тем не менее участвовала в завоевании долины реки По, от Фелсины (Болоньи) до Спины, считавшейся ключом к Адриатике.

Этрусско-пунический альянс – лучше всего задокументированное событие того темного времени. Геродот, живший менее чем через сто лет после заключения этого союза, упоминает о нем в связи с фокийскими событиями. Проблема заключается в том, что никто не знает, была ли это временная коалиция или союз на долгие годы. Это – очень важный вопрос, который неоднократно обсуждался, и свет на него был пролит после одного из самых важных археологических открытий.

Летом 1964 года итальянский этруссколог Паллотино проводил раскопки в Пирги, портовом городе Кере (Цере, также Черветери), одном из самых южных этрусских городов и одном из ближайших к Риму. Во время раскопок аллеи между двумя храмами были обнаружены три сложных золотых листа в обложке, которую можно было с уверенностью датировать около 500 года до н. э. Когда листы развернули, ученые увидели на них надписи, представлявшие огромный интерес. Две были сделаны на этрусском языке, а третья – на финикийском. Все они появились в одно и то же время, рассказывали об одних и тех же событиях и были сделаны от лица тефария Велиунаса, правителя Кере и Пирги. Последняя посвящена финикийской богине Астарте, которая у этрусов превратилась в Уни, а у римлян – в Юнону. С этим согласны все; мнения разделились лишь по поводу перевода всех трех надписей. Надо отметить, что перевод с финикийского внушает те же сомнения, что и оба перевода с этрусских.

Из этих надписей мы узнали, что в конце VI века до н. э. в Пирги существовала крупная финикийская колония. Это объясняет тот факт, что следующий промежуточный порт, расположенный севернее, на римских картах называется Пуникум. Впрочем, мы не знаем, явились ли основавшие его финикийцы из Карфагена или из какого-нибудь другого места. Леви делла Вида и Дюпон Соммер полагают, что это были киприоты; последний считает, что они переселились в Италию из Сардинии. Однако с этим не

согласен Гарбини. На самом деле этот вопрос с исторической точки зрения представляет чисто академический интерес, поскольку среди жителей Карфагена были и киприоты; во всяком случае, в 500 году до н. э. финикийцы, жившие на Сардинии, признавали верховенство Карфагена.

Финикийская колония в Пирги играла очень важную роль в политической и культурной жизни Кере и его порта. Она была противовесом греческой колонии, которая, по-видимому, очень активно вмешивалась в дела Кере. Само название города было греческим (оно означает «богини»); здесь поклонялись богине Уни, которую Велиунас отождествляет с Астартой, а грекам была известна под именем Левкотей.

Но Кере было не единственным этрусским государством, которое в те времена поддерживало тесные связи с Карфагеном. В Карфагене была найдена пластинка из слоновой кости с тирренской надписью, которую, по-видимому, сделали в Булей, а в могилах на африканском побережье была обнаружена керамика из этого города.

Конец этрусско-пунического союза

Победа под Алаллией открыла для этрусков и карфагенян широкие возможности; в последние года VI века до н. э. они, вероятно, рассчитывали полностью изгнать греков из Тирренского моря, закрыв для них Мессинский пролив. Однако для этого им нужно было захватить греческие колонии в Кампанье; после этого этруски могли без труда продвинуться на юг и соединиться с Пунической армией на Сицилии. В 524 году до н. э. мощная этруская армия попыталась овладеть Кумами, но была наголову разбита войсками этой древней халкидской колонии, которыми командовал Аристомед. После этой победы он объявил себя тираном и использовал власть для удовлетворения своих более чем странных фантазий. Он заставлял юношей надевать женскую одежду, а девушек – мужскую, за что получил прозвище «мягкого».

Победа Аристодема привела к плачевным последствиям для южных провинций этрусской империи. Она вызвала революцию 509 года до н. э., в результате которой династия Тарквиниев вынуждена была покинуть Рим. Весь предыдущий век Тарквинии управляли латинскими племенами от имени Тирренской федерации. Лидер этой федерации, Ларе Порсена из Клизия, немедленно выступил против восставших и на короткое время сумел овладеть Римом. Латины обратились за помощью к Аристомеду Кумскому, который в 504 году до н. э. одержал решающую победу над этрусской армией у стен Ариции.

В 509 году до н. э., когда Тарквинии были изгнаны из Рима, Карфаген заключил с ним свой первый договор, как сообщает Полибий. Ниже приводится текст этого договора: «Между римлянами и их союзниками карфагенянами будет дружба при следующих условиях:

Ни римляне, ни их союзники не должны заходить по морю за полуостров Фер, если, конечно, их не занесет туда шторм или страх перед врагами. Если кто-нибудь из них будет выброшен на берег, он не должен ничего покупать или забирать себе, за исключением того, что необходимо для починки корабля и для поклонения богам, и он должен отбыть в течение пяти дней.

Люди, высадившиеся ради торговли, должны заключать сделки только в присутствии герольда или городского служащего. Что бы ни продавалось в их присутствии, цена, назначенная продавцом, должна быть выгодной для государства – иными словами, такая же, как в Ливии или на Сардинии.

Если какой-нибудь римлянин придет в карфагенскую провинцию на Сицилии, он должен пользоваться теми правами, что и другие. Карфагеняне не должны наносить вреда жителям Ардеи, Антиума, Лаурентиума, Цирцей, Террацины, ни любым другим латинским людям, которые являются подданными Рима.

От тех же городов, которые не подчиняются Риму, они должны держаться подальше; если какой возьмут силой, то должны вернуть его Риму неповрежденным. Они не должны сооружать в Лации крепостей; если они войдут в какой-нибудь район вооруженными, то не должны оставаться там на ночь».

Об этом документе было написано много работ; и еще продолжают писать. В наши дни ученые разделились на два лагеря, один из которых принимает дату, указанную Полибием, а другой придерживается мнения, что этот договор был заключен в IV веке до н. э., как и все остальные, подписанные после него. Ниже приводятся аргументы в защиту более поздней даты, которые выдвинул самый активный ее сторонник, Андреас Алфёльди.

1. Полибий датирует этот договор, ссылаясь на консулов, которые его подписали: М. Горация и Юния Брута. Однако список консулов, правивших в первые два века существования республики, был составлен только в 304 году до н. э. Есть много оснований полагать, что эти консулы были придуманы.

2. Антиум и Террацина располагались на границе Кампании и Лация и в 509–508 годах до н. э. не могли принадлежать Риму. Территория, на которой позже раскинулся этот город, не доходила еще до моря, и у Рима не было своего военно-морского флота.

3. Как показал Эймард, второй договор, который цитирует Полибий, был на самом деле лишь адаптацией старого. Это может свидетельствовать о том, что оба документа были подписаны с интервалом в несколько лет, но нам точно известно, что второй договор был заключен вскоре после середины IV века до н. э. Поэтому дата подписания первого могла быть фальсифицирована Фабием Пиктором, который хотел отодвинуть дату зарождения римского владычества в глубь веков, что и ввело в заблуждение Полибия.

Хронологические аргументы Алфёльди были в некоторой степени опровергнуты Робертом Вернером. Последний указывает на то, что текст договора не содержит имен консулов или каких других косвенных ссылок, помогающих его датировать. То же самое касается и договора между Филиппом V Македонским и Ганнибалом, и многих других греческих

соглашений. Дату 509 год, вероятно, назвал Катон; к этой дате Полибий добавил ссылку на поход Ксеркса, ради того чтобы польстить своим греческим читателям. Поскольку мнение ученых зависит в обоих случаях от точности древних авторов и их источников информации, было бы предпочтительнее датировать договор по его историческому содержанию. Вернер пытался доказать, что он соответствует не политической ситуации, сложившейся в IV и VII веках до н. э., а ситуации V века до н. э. Так, карфагенянам нельзя было запретить торговлю с Ливией, поскольку они к тому времени еще не успели захватить внутренние районы Туниса. Он утверждает, что финикийские города на Сицилии оставались автономными союзниками Карфагена до самой Химерской битвы. Только после своего разгрома они попали в тесную зависимость от Карфагена. Далее он говорит, что в Лации сложилась точно такая же ситуация, как и перед завоеванием вольсков около 460 года до н. э. В связи с этим договор надо датировать примерно 470 годом. До этого времени в Риме вполне еще могли править этрусские цари, поэтому Катон и Полибий совершенно справедливо утверждают, что договор был подписан почти одновременно с возникновением республики.

Тойнби и Кассола согласны с датировкой Полибия. Кассола проанализировал известные нам факты по истории Рима и Карфагена с последних лет VI до середины IV века до н. э. и сделал вывод, что было всего два периода, когда Рим и Карфаген могли заключить подобное соглашение. Это был либо конец VI и первые годы V века до н. э., либо последняя четверть V и первая декада IV века до н. э., когда Карфаген возобновил наступление на Сицилию, а Рим продемонстрировал свою мощь, победив вольсков и захватив Вейи. Однако профессор Тойнби внес очень важный вклад в решение этой проблемы, отвергнув заявление Эймара о том, что второй договор состоял из поправок к первому. В этом он разделял мнение Таублера и Шахермейера. На самом деле эти документы в значительной степени отличались друг от друга. Первый имеет две части, и каждая посвящена одной из договорившихся сторон. Вторым договор состоит из трех глав, каждая из которых посвящена одной конкретной теме. Шахермейер показал, что деление текста договора на три главы было широко распространено в греческой дипломатии; этот стиль карфагеняне, вероятно, приняли в IV веке до н. э. Более того, Полибий заявляет, что первый договор был написан архаичным латинским языком, который в его эпоху с большим трудом понимали даже самые лучшие знатоки древности.

Таким образом, нам кажется, что те историки, которые поддерживают датировку Полибия, ближе к истине, чем их оппоненты. Да, мы не знаем,

как звали первых римских консулов, но их имен в тексте договора нет. Поэтому не можем сказать, как он был связан с capitoлийским летосчислением, которое стало нам известно благодаря римскому обычаю отмечать прошедшие года, вбивая в стены храма гвоздь. Как уже упоминалось, Тарквинии правили не только в Риме, но и по всему Лацию; то же самое можно сказать и о времени, когда в городе стояли войска Ларса Порсены. Таким образом, договор с Карфагеном, заключенный до или после падения Тарквиниев, распространялся на всю латинскую территорию. Но, хотя правительство республики и находилось в Риме, оно, несомненно, считало себя наследником всех земель Тарквиниев – отсюда бесконечные войны, которые Рим вел с другими народами Лация вплоть до 348 года до н. э. В этом случае договор, заключенный с Римом, должен был признавать территориальные требования Тарквиниев, даже в том случае, если они не имели никакой связи с реальностью. Что касается Антиума и Террацины, то эти города в любом случае были отрезаны от остальной территории Лация вольсками, горским народом, спустившимся в его долины после падения Тарквиниев.

Аргументы Вернера о том, что договор был заключен в 475 году до н. э., по нашему мнению, не выдерживают никакой критики. Как уже было сказано – и здесь мы снова расходимся во мнениях с профессором Тойнби, – территорией в Африке, куда запрещалось заплывать кораблям, никак не мог быть участок побережья к востоку от мыса Порто-Фарина, интересовавший Карфаген очень мало. Скорее всего, запрещенной зоной, как писал Полибий, стали Бизациум, Сиртика и Триполитания. Для того чтобы наложить запрет на торговлю, карфагенянам вовсе не надо было владеть внутренними районами материка; в любом случае вряд ли им удалось завоевать весь Западный Тунис за те десять лет, что прошли после Химерской битвы, как думал Вернер. Этот ученый предполагает также, что в запретную зону входили Северный Тунис и побережье Алжира, но эта точка зрения абсолютно неприемлема, поскольку карфагенянам так никогда и не удалось подчинить себе теллийцев, живших в Алжирских Атласских горах, или усмирить дикие кроумирские племена.

Таким образом, римско-пунический договор мог быть заключен в любое время после того, как Карфаген подчинил себе порты Бизациум и Триполитания. Раскопки в Гадрументуме, Лепсисе и Сабрате показали, что этот процесс происходил постепенно в течение всего VI века до н. э., и к началу V они превратились в пунические торговые центры. Все это полностью согласуется с тем, что нам известно о пунической интервенции против Дориея около 520 года до н. э.

Заявление Вернера о том, что Гасдрубал не смог подчинить себе Сардинию, противоречит как текстуальным, так и археологическим данным. И наконец, когда речь идет о Сицилии, очень странно было бы говорить о том, что Солунт, Панормус и элимиане находились в тесной зависимости от Карфагена после Химерской битвы, а не до нее. Наоборот, все свидетельствует о том, что после поражения Гамилькара Карфаген потерял к этому острову всякий интерес, удовлетворившись оккупацией Мотьи, что в любом случае является признаком упадка^[10].

И наконец, заключить договор с римлянами сразу же после Химерской битвы было бы совершенно невозможно: с 480-го по примерно 450 год до н. э. Карфаген находился в полной изоляции и импорт товаров в него полностью прекратился. Во второй половине V века до н. э. возобновилась небольшая торговля с Египтом, но из Италии и Греции до 400 года до н. э. в Карфаген не ввозилось ничего. Каковы бы ни были причины разрыва торговых связей, произошло ли это по доброй воле или под давлением обстоятельств, этот факт сделал невозможным подписание соглашения, позволявшего римлянам торговать с Карфагеном.

Когда Алфёльди, Вернер и Тойнби создавали свои труды, еще не было сделано открытия в Пирги, и это, конечно, очень весомый аргумент в пользу даты, приведенной Полибием. Благодаря ему мы знаем, что около 500 года до н. э. примерно в 38 милях от Рима была основана крупная пуническая колония, которая, в политическом отношении, стала самой активной из всех. Керэ, благодаря посредничеству своего царя тефария Велиунаса, находилась под полным пуническим контролем. Керэ была также этрусским городом, поддерживавшим самые тесные дружеские отношения с Римом. Даже Алфёльди признает, что после падения Тарквиниев Керэ (которая в политическом отношении была независима от Тирренской федерации) стала главным союзником Рима и служила посредником в его отношениях с Грецией и конечно же с Карфагеном. Как показала мисс Сорди, Римско-Керийский договор привел в начале IV века к созданию федерации.

Признав подлинность договора и точность его датировки Полибием, мы тем не менее должны решить еще одну очень важную историческую проблему, а именно – кто правил Римом в 509 году до н. э. – Тарквиний, Ларе Порсена или латинские республиканцы? Этого не может сказать никто, хотя, по общему мнению, это были этруски, которые по-прежнему оставались хозяевами города или сумели вернуть себе власть. В этом случае договор надо считать этрусско-пуническим. Однако существует ряд фактов, которые говорят о том, что Карфаген вполне мог заключить

соглашение с республиканским правительством, чтобы не оказаться на стороне проигравших. Этруско-пунический союз и вправду около 500 года до н. э. демонстрировал признаки сильного ослабления. Этруские войска не сражались с Гамилькаром в Химерской битве. Более того, Анаксил из Региума, главный греческий союзник Карфагена, был в таких плохих отношениях с этрусками, что затеял строительство вала на перешейке Скиллайон, чтобы лишить их возможности напасть на него. С другой стороны, в первые годы V века до н. э., когда этруски предприняли несколько неудачных нападений на Липарийские острова, никто их не поддержал. Латинская надпись в Тарквинии, по-видимому, свидетельствует о том, что магистрат этого города организовал экспедицию на Сицилию. Примечательно то, что этот же самый магистрат за несколько лет до этого воевал с Кере, союзником Рима и Карфагена. И наконец, с конца VI века до н. э. ввоз этрусских товаров в Карфаген неожиданно сократился. Все это невозможно объяснить экономическими ограничениями, введенными после Химерской битвы, поскольку она произошла лишь двадцать лет спустя.

Все эти факты, по-видимому, говорят о том, что победы Аристодема и неудачи Лация имели самые серьезные последствия для единства этрусской конфедерации и этруско-пунического альянса. В течение всей истории Карфагена в нем господствовал реалистический подход к жизни. Снова и снова Карфаген изменял своим друзьям в эпоху поражений и заключал союзы с победителями. В данном случае карфагенян оправдывало то, что этруски не выступили против врага единым фронтом, а их ближайшие союзники, жители Кере, порвали с конфедерацией и заключили союз с Римом. Вместе с тем Тирренская конфедерация проявляла на Сицилии большую активность, ущемляя при этом интересы Карфагена^[11].

Вполне возможно, что на отношение к союзу с этрусками повлияла ожидаемая Карфагеном помощь со стороны Персии. Великие ахеменидские цари считали себя повелителями всех финикийцев и помогали тем, кто соперничал с Грецией в Азии и на Кипре. Камбис собирался захватить Карфаген силой, но его преемники удовлетворились достижением морального и, возможно, политического превосходства. Согласно Юстину, Дарий прислал в Карфаген указ, в котором запрещал приносить человеческие жертвы и рекомендовал не хоронить мертвых в земле (что совершенно невероятно), а сжигать их. Карфагеняне отнеслись к этому совету с уважением, но не всегда ему следовали. Эфор и Диодор пишут, что Ксеркс отправил в Карфаген посольство, включавшее в себя очень важных финикийцев и персов, предлагая ему совершить набег на Сицилию, пока он будет воевать с Грецией. В результате этого, по-видимому, был заключен

союз. Мы не знаем, правдивы ли эти сведения или нет, но Ксеркс, несомненно, проявлял интерес к Крайнему Западу, о чем свидетельствует то, что он послал Сатаснеса в плавание с целью узнать, что находится за Гибралтарским проливом.

Такова была ситуация в начале 480 года до н. э., когда должна была решиться судьба Средиземноморского мира. На первый взгляд могло показаться, что был создан обширный тройственный союз, куда входили Азия, Африка и большая часть Европы, который готовился сокрушить греков. Если же присмотреться поближе, то мы поймем, что этот союз не имел всех тех связей, которые помогают скреплять современные коалиции. Этруски и карфагеняне были в политическом отношении независимы друг от друга, и если первые, вероятно, не вступали в контакт с великим царем, то вторые испытывали большие трудности при координации действий своих войск и его армии. Более того, греки никому не были врагами, и все три державы имели среди них друзей, которых они хотели защитить. Тем не менее война, готовая вот-вот разразиться, возбудила религиозную и этническую вражду, которая постепенно усиливалась, благодаря политическому и экономическому соперничеству. Все эллины, от Малой Азии до Галлии, объединились против варваров, а те, в свою очередь, включая иранцев и семитов, возненавидели идеи эллинизма.

Греческие победы

Одновременно с прибытием Ксеркса в Грецию Гамилькар с огромной армадой вышел из порта Карфаген. Диодор сообщает, что греки думали, будто против них выступило войско в 300 тысяч солдат. В любом случае это была самая крупная армия, которая когда-либо высаживалась на Сицилии; она состояла из карфагенян, сардинцев, корсиканцев, иберов из Испании, Руссильона, Лигурии и коренных жителей Ливии. Фронтин, латинский писатель, уверяет нас, что там были даже негры. За кавалерией двигались колесницы; для того чтобы собрать такое число колесниц, потребовалось три года.

Поводом для экспедиции стал небольшой инцидент: Ферон из Агригентума захватил трон Терилла Химерского, тестя Анаксила, который гостил у Гамилькара. Поскольку Ферон был союзником Гелона, этот захват объединил все главные силы эллинской Сицилии.

Кампания началась неудачно – шторм лишил карфагенскую армию лошадей и колесниц. Тем не менее оставшееся войско было достаточно сильным, чтобы осадить Химеру и запереть там войско Ферона. Гелон пришел на помощь своему союзнику. Ему удалось собрать всего 50 тысяч гоплитов (пехотинцев), но у него было 5 тысяч кавалеристов, и в этом он превосходил Гамилькара.

Мы не знаем, как развивалась битва, которая, согласно одним источникам, произошла в день Саламинского сражения, а если верить другим – то Фермопильского. К огромному изумлению греков, Гамилькар не принимал участия в сражении, хотя был прославленным полководцем; ему пришлось остаться в лагере, чтобы выполнить свои религиозные обязанности. Решающим фактором стала атака греческой кавалерии. Греки взяли штурмом лагерь карфагенян, и Гамилькар совершил ритуальное самоубийство. После этого они подожгли суда, которые использовались в качестве фортификационных сооружений лагеря. Пехота, оставшаяся без руководства, смешала ряды и бросилась в бегство; часть пехотинцев была убита, а другая попала в рабство. Десятую часть захваченной добычи Гелон отправил в Дельфы, о чем свидетельствует надпись на его пьедестале.

Нет сомнений, что примерно в это же время массильцы и другие финикийцы, жившие на западе, обратили свое внимание на Испанию. Под командованием беглеца из Ионии, Гераклида из Миласы, они одержали блестящую военно-морскую победу у основания святилища Артемиды,

расположенного на Кабо-де-ла-Нао^[12].

Пять лет спустя этруски, вероятно, очень пожалели, что не пришли на помощь карфагенянам. Гелон вскоре после битвы умер, а его преемник, Гиерон, послал флот на помощь Кумам, которые были вторично осаждены, и разгромил тирренский флот раз и навсегда. Персы потерпели поражение на востоке, а эллинизм одержал победу на западе.

Поворотным пунктом в пунической истории стала Химерская битва. Карфагеняне не позволили поражению сломить их дух; наоборот, оно еще больше укрепило их волю. Их политический режим не изменился, хотя многие ученые думали по-другому. Аристократия, как мы еще увидим, не имела достаточно сил, чтобы сокрушить монархию. Новое поколение Магонидов отказалось от завоевательной политики своих предшественников, и Карфаген отвернулся от внешнего мира и сосредоточил все свое внимание на внутренних проблемах. Его политика становилась все более националистической.

Способ правления, установленный Магонидами

Во всех греческих текстах Магон и его преемники именуются базилевсами. Вполне вероятно, что это перевод пунического титула МЛ К (царь), а не СФТ (судья), как думают Гсел и большинство современных историков. Мы увидим позже, что суффеты первоначально были мелкими магистратами и превратились в руководителей Пунического государства гораздо позже. К тому же их власть всегда была гражданской и никогда – военной, какой бы сильной ни была опасность. А вот Магониды были прежде всего военачальниками. Находка в Пирги непрямым образом подтверждает перевод, предложенный Белохом. В финикийской версии тефарии Велиунасу был присвоен титул МЛК'ЛКСРИ, который можно перевести как «правлящий в Кере». Далее слово Л МЛКИ употребляется в тексте, который не совсем нам понятен. В нем тефария Велиунас объясняет свои причины быть благодарным Астарте. Существует разница между выражением, обозначающим «правлящий в» [стране], и выражением «царь» [страны], которым обычно называют законных правителей. Этрускологи считают, что Велиунас, вероятно, не был реальным царем, или лаушуме (так этот титул звучал в этрусском языке). Его латинизированной формой является лукумо (lucumo). Он, скорее всего, был чем-то вроде диктатора, которого греки называли тираном, а этруски – zilch или zilath. В Пирги слово «зилакал» было обнаружено в этрусских надписях, в тех местах, которые соответствуют слову Л МЛКИ финикийской версии.

Если бы карфагеняне в тот период использовали термин СФТ для обозначения своих верховных лидеров, то вполне вероятно, оно было переводом слова zilch. Но они этого не делали, а использовали выражение, в котором присутствует корень МЛК, которое, по-видимому, лучше всего соответствовало их представлениям о верховном правителе.

Греки переводили слово МЛК как «базилевс», а не как «тиран», поскольку правители из рода Магонидов назначались в ходе установленной законом процедуры; они были «царями по законному праву», как писал Диодор. Геродот утверждает, что Гамилькар был избран царем за свою доблесть. Однако из этого вовсе не следует, что царей избирало Народное собрание или Геронтион, составленный из жителей Карфагена. Это означало, что трон не передавался автоматически от отца к сыну и что во время выборов учитывались личные качества кандидатов. По-видимому, Гамилькар принадлежал к младшей ветви семьи Магонидов. Его избрали

царем, несмотря на то что старшая ветвь, восходившая к Гасдрубалу, была представлена тремя наследниками. Тем не менее все кандидаты на пост верховного правителя относились к правящей династии.

Кто в таком случае выбирал царя и каким образом ему передавали власть? До недавнего времени ученые думали, что выборщиками были члены Народного собрания или совета старейшин. Однако нам кажется более вероятным, что в городе господствовал старый обычай, и власть монархии была еще не политической, а религиозной. В отличие от следующего века царей избирали среди представителей одной семьи – и сам этот факт говорит о том, что карфагеняне верили, будто мужчины из семьи Магонидов обладают сверхъестественными способностями. Истории, которые рассказывают нам о Гамилькаре и Гимилько, подтверждают, что их власть зиждилась на религиозной вере. Благодаря Геродоту, современнику Гамилькара, первая история всем хорошо известна. Во время Химерской битвы Гамилькар, вместо того чтобы командовать войсками, остался в лагере, с целью принести жертвы богам на костре. Он был храбрым человеком и вряд ли повел себя так бесславно, если бы не считал свои религиозные обязанности более важными, чем обязанности главнокомандующего. Узнав о разгроме своей армии, он бросился в костер и погиб. После самоубийства Гамилькара карфагеняне создали его культ и установили в Карфагене и своих колониях его статуи. Это второй пример царского самопожертвования, после которого возник культ героя. Он почти точь-в-точь совпадает с историей Дидоны.

Рассказ о Гимилько записал Диодор, а объяснил Маурин. Во время войны царь Карфагена совершил несколько святотатств: он разрушил гробницу Ферона в Агригентуме, а также могилу Гелона в Сиракузах. Его солдаты ограбили великое множество греческих храмов и убили тех, кто пытался найти там убежище. Сам Гимилько устроил штаб-квартиру в храме Зевса в Сиракузах, тем самым осквернив его. Кроме того, он разрешил разграбить храм Деметры и Коры в пригороде Ахрадины. Однако эти преступления были совершены вовсе не из презрения к греческим богам и не из-за чрезмерной снисходительности Гимилько к поступкам своих солдат. Вероятнее всего, это было сделано сознательно, под влиянием религиозного фанатизма, а осквернение могил Гелона и Ферона, если рассматривать его в этом контексте, стало мстью тем, кто в 480 году до н. э. победил Гамилькара. Это стало логическим завершением ритуала, который Гимилько организовал в честь своего деда и в котором важную роль играли человеческие жертвоприношения. Лишь небольшая часть пунической аристократии допускала существование иных религиозных

верований, отсюда и осквернение греческих храмов. Таким образом, Гимилько поступил как нетерпимый и фанатичный верховный жрец, который стремился навязать людям династическую религию ради благополучия своей семьи.

Однако Гимилько получил ужасное воздаяние: армия Карфагена была уничтожена эпидемией, а флот, блокировавший Сиракузы, погиб во время пожара. Гимилько потерял голову и, подписав в спешке условия позорного мира, бежал в Африку, бросив своих иберийских и ливийских наемников на растерзание грекам. В Карфагене он устроил публичное покаяние: облачившись в тунику раба, грязную и рваную, он обошел все храмы города, а вернувшись домой, покончил жизнь самоубийством.

Как мы уже говорили, Юстин утверждает, что Гасдрубала назначали «диктатором» одиннадцать раз. Автор этой книги полагает, что это означает вот что: Гасдрубал исполнял свои обязанности правителя определенное время, а когда оно истекало, его снова избирали на этот пост. Нам известны примеры того, как власть временно или периодически передавалась в руки монархов в других средиземноморских странах. В Египте обновление власти происходило во время праздника Седа. В минойском Крите правитель должен был каждые девять лет посещать священную пещеру на горе Ида, чтобы дать отчет о своих действиях, после чего снова занимал пост главы государства. Удивительнее всего то, что в Карфагене срок полномочий монарха был так мал, что его пришлось продлевать одиннадцать раз! Нет никаких сомнений, что аристократия пользовалась этим, чтобы контролировать царскую власть и ослаблять ее.

Магониды были не только царями-жрецами, но и главнокомандующими и отмечали свои победы триумфами. Гасдрубал четыре раза получал право проводить свой триумф. Вполне возможно, что эта церемония была заимствована в Египте; из единственного дошедшего до нас описания этой процессии, да и то фрагментарного, мы узнаем, что победитель (в данном случае – царь, живший в IV веке до и. э.) попирает ногой шеи пленников, как это делал фараон.

В целом представляется вполне вероятным, что многие черты карфагенская монархия позаимствовала в Египте. На пунических гравированных бритвах III века до и. э. и резных камнях очень часто встречается изображение фараона, принимающего участие в триумфальной или какой-нибудь другой церемонии. И это было не простым копированием египетских обычаев: царский ритуал, изображенный на предметах, был принят и ассимилирован жителями Карфагена.

Тем не менее, хотя в VI и V веках до и. э. пуническая монархия

оставалась в определенной степени теократической, она даже отдаленно не напоминала абсолютные монархии фараонов Египта или великих царей Персии. Диодор называет Магонидов и их преемников «конституционными монархами» (βασιλεις κατὰ νόμους). Современные ему источники подтверждают, что они были не единственными представителями политического сообщества, и утверждают, что Магониды чтили закон. В римско-пуническом договоре 509 года до и. э. в качестве сторон, его подписавших, названы карфагеняне и римляне, но нам не сообщают, были ли они царями и магистратами. С другой стороны, договор 216 года был заключен между Ганнибалом и его советом с одной стороны и царем Филиппом Македонским – с другой. В предисловии к «Путешествию Ганнона» утверждается, что он предпринял это путешествие по просьбе жителей Карфагена.

Аналогичным образом, царь не мог начать военные действия без разрешения Народного собрания^[13].

Магонидские цари были настоящими правителями государства, обладавшими всей полнотой военной, религиозной и, без сомнения, гражданской власти. Однако они могли использовать эту власть только с разрешения консультативных ассамблей, которым обязаны были докладывать о текущей политической ситуации. Вероятно, самой важной из этих ассамблей был совет старейшин, который упоминается впервые в конце V века до и. э., а другой была Народная ассамблея.

Мы не знаем, когда они появились – сразу же после основания города или в более позднее время. Легенды о Дидоне и Малхусе, как мы уже говорили, подверглись такому сильному искажению, что нет никакой возможности сделать какие-либо выводы о политической ситуации того времени. В Карфагене не было эквивалентов римскому сенату или греческой герусии, синклиту, синедриону, буле и другим органам. Даже в римские времена о сенате Великого Лептиса говорили как о «больших мужах Лептиса». Тем не менее до нас дошли названия различных религиозных группировок, что заставляет автора этой книги полагать, что политическая ассамблея у финикийцев появилась довольно поздно. Вполне вероятно, что она была создана под влиянием греков или этрусков, в результате экономического и социального развития. В начале первого тысячелетия морская торговля была царской монополией, и Хирам контролировал торговлю города Тира точно так же, как Соломон – торговлю Израиля. Однако в начале V века до н. э. царь Ханно мог отправиться в плавание только после одобрения ассамблеи, выраженном в специальном указе.

Изменения в политической жизни, вероятно, происходили постепенно. Пигмалион уже не имел полной монополии, как Хирам. Потом был основан Карфаген, где поселились различные группы иммигрантов из Тира и других мест. Каждая группа прибывала на своих кораблях и, несомненно, передавала их в распоряжение местного царя только после того, как он даровал им право участвовать в делах города. Поэтому начиная с VII века до н. э. царь, организуя какую-нибудь экспедицию, должен был учитывать желания определенного числа пользующихся влиянием судовладельцев. Конечно, бывали случаи, когда различные партии не могли прийти к соглашению, тогда в качестве арбитров выступали команды судов, точно так же, как это делалось во времена Гомера. Скорее всего, люди заявляли о своих предпочтениях криками, хотя права принимать решение у них не было. Эта процедура существовала еще во времена Аристотеля, но, очевидно, появилась в те времена, когда власть царя только еще начинали оспаривать.

Условия морской торговли в античные времена были такими ненадежными, что стабильная аристократия, черпавшая средства к существованию в морских походах, появиться в городе не могла. Гибель нескольких судов приводила к разорению даже очень богатых судовладельцев, и только сообщество в целом имело достаточно резервов, чтобы восполнить понесенные потери.

Большая часть царской мощи и проистекала из его положения администратора, распоряжавшегося этими резервами. Власть царя еще больше усилилась в ходе военных реформ Магона, ибо он придал армии ту структуру, которую она сохраняла до войн с Римом. Она почти полностью состояла из наемников, набранных среди варварских племен^[14], но костяк армии – особый контингент молодых аристократов, составлявших «священный» батальон, – вероятно, чувствовал, что царь ими особенно дорожит и высоко ценит. Этот «священный» батальон, вероятно, был его личной охраной, как у царя Спарты, и, хотя до начала IV века до н. э. у нас нет о нем никаких сведений, он, вероятно, появился задолго до этого.

Таким образом, несмотря на постоянное усиление власти аристократии, пуническая монархия в начале VI века до н. э. была еще достаточно сильной, чтобы пережить кризис 480 года. Она пала только после того, как в результате территориальных захватов аристократия добилась стабильного положения, которое дает владение землей.

Ганнон Мореплавателю. Захват владений в Африке

Разгром в Химерской битве привел к переориентации всей политики Карфагена. Город перешел на полное самообеспечение и закрыл все свои рынки для импортных товаров, откуда бы они ни поступали. На Сицилии и Сардинии Карфаген поддерживал статус-кво, не делая никаких попыток расширить свои владения. Гарнизон Мотьи покинул остров, и заброшенные сооружения разрушились. Старые союзники Карфагена, элимийцы, попали под влияние эллинов: их монеты, появившиеся сразу же после Химерской битвы, свидетельствуют об экономической и культурной интеграции в эллинский мир. Вероятно, около 430 года до н. э. они начали строить в своей столице дорический храм, который из-за афино-сиракузской войны так и остался незавершенным. В 456 году Сегеста попыталась избавиться от власти Сиракуз, присоединившись к Африканскому союзу, и Карфаген не использовал своего права вето, хотя Афины собирались завоевать Карфаген, после того как он подчинил себе Сиракузы. Здесь мы снова видим полное отсутствие у правителей Карфагена интереса к делам острова, с которым они когда-то сотрудничали, – верный город-вассал Селина полностью поменял свою ориентацию, приняв гегемонию Сиракуз, а по отношению к элимийцам стал проводить агрессивную политику. В центральной и западной частях Сицилии начиная с 461 года до н. э. энергичный лидер по имени Дуцетий подбивал сицилийцев на восстание против эллинов. К 453 году ему удалось объединить все города и создать лигу, в которой он занял пост верховного светского и военного лидера; Сиракузы и Агригентум объединили против него свои войска, но были наголову разбиты в битве при Мотионе. Если бы армия Карфагена высадилась в тот момент на Сицилии, греков удалось бы изгнать, но Карфаген даже не пошевелился. Сиракузы воспользовались этим, и к 451 году до н. э. Дуцетий был уже ослаблен и предан всеми, и ему не оставалось ничего иного, как умолять народ, собравшийся на агоре Сиракуз, пощадить его.

Подобная отстраненность Магонидов имела исключительно тяжелые последствия для культурной жизни финикийцев на Сицилии; три четверти века Карфаген ничего не делал, и, поскольку эллинизм был очень энергичным и агрессивным течением, у финикийской цивилизации на западе Сицилии не осталось никаких шансов на выживание. Когда в 409

году карфагеняне вернулись на этот остров, они пришли как разрушители и не принесли с собой ничего конструктивного или положительного.

То же самое, вероятно, происходило и на Сардинии, но сведений об этом у нас нет. Более поздние памятники следуют традиции, которую Карфаген принес сюда в конце VI – начале V века до н. э., что, по-видимому, указывает на то, что все связи были разорваны.

В самом Карфагене гробницы V века до н. э. столь бедны и незначительны, что долгое время ученые думали, что им просто не попадаются захоронения того времени. И вправду, если бы мы полагались только на приведенные выше данные, то вполне могли бы подумать, что «Тир Запада» пережил полное изменение привычного хода вещей, которое высосало из него все силы.

Однако Фукидид утверждает, что в 415 году Карфаген имел большие запасы золота и серебра. Гсел одно время считал, что Магониды лишились своей власти в результате поражения в Химерской битве; она же стала, по его мнению, и причиной ухода карфагенян с Сицилии. Но благодаря трудам Маурина мы теперь знаем, что эта династия находилась у власти до 396 года до н. э. Новая политическая ситуация, вероятно, сложилась в результате политики одного из Магонидов, скорее всего Ганнона, сына Гамилькара. К его имени Помпей Трог прибавлял странный эпитет Сабеллиус (Сабельский) – вероятно, это была искаженная форма первоначального титула. Именно этот Ганнон после 480 года организовал два великих предприятия Карфагена. Одним было приобретение африканских владений, а другим – исследование Атлантического побережья.

Такая полная переориентация политики, вероятно, вызвала раздоры в семье Магонидов. Брат Ганнона Гиско был отправлен в ссылку в Селин, где он и умер. Его сын Ганнибал, после смерти Ганнона, был избран царем. Он вернулся в 410 году к агрессивной политике своего деда Гамилькара.

Первым предприятием Ганнона, начатым сразу же после Химерской битвы, стало завоевание новых территорий в Африке. Об этом писал Помпей Трог, но Юстин, к сожалению, посчитал, что это событие заслуживает всего лишь одной строчки. Скорее всего, потому, что оно не давало повода для риторики: «Война была начата против мавров; они воевали с нумидийцами, и африканцам пришлось отказаться от требования дани, которую они использовали на строительство Карфагена».

Помимо этого краткого предложения, во всей древней литературе приводится лишь одно высказывание оратора Диона Хризостома, жившего в конце I века н. э., которое можно рассматривать как свидетельство

завоеваний Карфагена в Африке: «(Ганнон) превратил карфагенян из тирийцев в африканцев; благодаря ему они жили не в Финикии, а в Африке; стали очень богатыми, владели многочисленными рынками, портами и судами и правили на суше и на море».

В этих кратких описаниях два древних автора обобщили деятельность Ганнона на суше и на море. Юстин понимает под «маврами» арабов, и его первые слова, скорее всего, относятся к экспедиции вдоль Атлантического побережья Африки.

Карта пунической территории

Крайне трудно, если не сказать невозможно, установить, какие земли завоевал Ганнон на территории современного Туниса. Как мы увидим далее, страна в IV веке до н. э. была разделена на два района (РШТ; поллатыни пагусы; по-гречески – хопай). Мы довольно хорошо представляем себе, где они располагались (см. карту).

1. Пагус Махси находился к северу от долины Меджерды, во внутренних районах Утики, и, вероятно, протягивался до самой границы Алжира и Туниса.

2. Великие равнины включали в себя долину средней Меджерды

вместе с ее северными притоками; столицей этого района была Вага (современная Беджа).

3. Пагус Зевгей (Зевгитания императорской эпохи) находился, вероятно, к юго-западу от Карфагена, между Меджердой и Вади-Милианой, и включал в себя гору Загуан, которая, вероятно, получила свое имя от названия этого пагуса.

4. Пагус Гунзузи располагался южнее предыдущего, вероятно в долине Оуэд-эль-Кебира.

5. Кап-Бон, вероятно, напрямую подчинялся Карфагену, но пуническое название этого места нам не известно.

6. Бизациум находился южнее автономного района Гадрументума, который был довольно велик. Он имел круглую форму; протяженность окружности составляла две тысячи стадиев (Полибий, XII). Это означало, что ее радиус был равен 35 милям. Ее центром, вероятно, был Фисдрус (современный Эль-Джем).

7. Пагус Фуске, или земля Мактар, лежавшая восточнее Гадрументума и южнее пагуса Гунзузи. В середине II века до н. э. в этом районе было не менее пятидесяти городов.

Во времена Пунических войн эти земли с восточной стороны опоясывал ров; за ними располагались крепости, которые находились под управлением Карфагена: Сикка Венерия (теперь это Эль-Кеф), основанный элимийскими колонистами, и Тевесте, или Гекатомпиле (современная Тебесса), тоже входившая в эту категорию городов. Однако весьма сомнительно, чтобы они располагались на территории Пунического государства. Например, между Сиккой и Мактаром лежали земли нумидийцев Массили, со столицей в городе Зама. Эта страна, по-видимому, всегда была независимой. С другой стороны, между Сиккой и Тевесте проживало могущественное племя мусуламов, которых римляне, во времена Тиберия, покорили с огромным трудом. Аппиан сообщает нам, что карфагеняне захватили изолированные города, стоявшие за пределами пограничного рва, где они брали заложников («Либика», 54).

По крайней мере два пагуса из упомянутых выше были, вероятно, завоеваны позже, чем все остальные, ибо Масинисса утверждал, что Великие равнины и Фуске принадлежали его предкам. Однако самые древние останки, найденные в Мактаре, не древнее II века до н. э.

Таким образом, завоевания Магонидов, по-видимому, включали в себя только северную часть Телла, к востоку от горной цепи Могод (внутренние районы Бизерты и Утики), нижние долины Меджерды и Вади-Милианы до самого Дорсале, ключевой точки Загуана, а также Кап-Бон и Сахельское

побережье в направлении на Сфакс. Но уже тогда большую часть этого района пришлось отдать жителям финикийских свободных городов – особенно Гадрументуму, благодаря чему эти земли подчинились Карфагену.

Территории, которые находились внутри окружности, соединявшей Бизерту и Сфакс, могут показаться не очень большими, но они включали в себя основную часть плодородных земель Туниса. Благодаря этому Карфагену подчинялась гораздо более крупная провинция, чем любому другому городу на побережье Средиземного моря.

Мы ничего не знаем о ходе войны и ее продолжительности. Можно предположить, что она велась одновременно со стороны многих карфагенских и союзных с ним крепостей, расположенных на побережье, например из карьера Эль-Хауария на северной оконечности полуострова Кап-Бон, который Карфаген подчинил себе еще в конце VI века до н. э. Жители Гадрументума, образно говоря, полили маслом бурные воды вокруг своего города, то есть усмирили соседние территории, и им было разрешено сохранить за собой большую их часть. Объем наших современных знаний не позволяет сказать, были ли другие финикийские города: Бизациум, Фапсус (который, несомненно, уже существовал в середине IV века), Малый Лептис, Суллектум или Атолла – основаны до завоевания их земель Карфагеном или это произошло после. Аголла вполне могли основать мальтийские колонисты, приглашенные сюда карфагенянами. Основание Туниса, который уже существовал в IV веке, окутано тайной. Далее к северу Бизерта, а также Утика стали городами еще до завоевания их Магонидами. Раскопки Мореля показали, что Боне появился очень поздно, так что город Гиппо, который Саллюст называл финикийской колонией, можно отождествить только с Бизертой. Мы не знаем точно, где стоял Феудалис, но он, вероятно, располагался во внутренних районах, неподалеку от Бизерты, и тоже мог быть колонией финикийцев.

Эти города имели ограниченную независимость: ее условия определял договор о союзе с Карфагеном. Кроме того, карфагеняне основали несколько городов на своей собственной территории, которым позже, но неизвестно когда, была дарована определенная автономия – они освобождались от крупной дани. В ближайшем соседстве с Карфагеном и Кап-Боном земля использовалась для развития сельского хозяйства; здесь были плантации деревьев, виноградники и пастбища. Об этом свидетельствуют археологические находки – при раскопках в слоях той поры находили кувшины для хранения масла и вина, на ручках которых указаны имена владельцев. Самые ранние из них относятся к V веку до н. э.

Эти находки доказывают, что вновь завоеванные земли сразу же были пущены в сельскохозяйственный оборот. На полях Меджерды и Вадимилианой, а также Бизациумом выращивалась в основном пшеница. Ее выращивали, по-видимому, ливийские крестьяне, которые вынуждены были отдавать более трети урожая владельцу земли, а очень часто – и более. Эти крестьяне, вероятно, жили в условиях, очень напоминавших крепостное право. В начале IV века разразился первый из многочисленных бунтов. Они следовали один за другим до падения Карфагена и всегда подавлялись с ужасающей жестокостью.

Атлантические экспедиции

Завершив завоевания на материке, Ганнон перенес свое внимание на вторую часть задуманной программы. Он мечтал даровать Карфагену монополию на все ресурсы, которыми обладал запад и которые эксплуатировались финикийцами, пока Тир был достаточно могущественным, чтобы руководить всеми этими действиями.

В V веке до н. э. средиземноморский мир заинтересовался Сахарой и Западной Африкой^[15]. Уже в конце VII века фараон Нехо нанял финикийский корабль, который обошел всю Африку. Это, несомненно, была самая выдающаяся экспедиция до эпохи Великих географических открытий XVI века н. э.

Около 470 года до н. э. Ксеркс приказал совершить тот же самый подвиг, только двигаясь в противоположном направлении от Геркулесовых столпов. Однако Сатаснес, попавший в экваториальных водах в полный штиль, вынужден был вернуться назад, хотя хорошо понимал, что будет казнен за то, что не выполнил приказ царя. Одновременно была предпринята попытка пересечь Сахару, которая в те времена не была такой сухой, как в наши дни, и ее можно было пройти, навьючив на коней бурдюки с водой. В Киренаике Геродот собрал информацию о пустыне и, по-видимому, ссылаясь на горы Хоггар. Он рассказывает о насамонских юношах (уроженцах Южной Киренаики, района оазиса Ауджила), которые дошли до озера Чад или Нигера. В Феццане находилось знаменитое царство гарамантов, предков современных туарегов, которые жили в античные времена и помогали проводить подобные экспедиции. Финикийцы Триполитании контролировали самые важные пути через Сахару, и вскоре, вне всякого сомнения, начали использовать их сами. Вероятно, в конце VI века до н. э. за ними последовали и карфагеняне.

Те финикийцы, которые поселились за Геркулесовыми столпами, в особенности в Гадесе, вскоре стали плавать вдоль побережья Марокко. От местных жителей они узнали о золотых приисках, расположенных далеко на юге – в Гвинее. Негры, добывавшие там золото, пересекали Мавританскую Сахару и привозили на его побережье, которое позже получило название Рио-де-Оро. Средневековые купцы нашли здесь базу для выгодной торговли, которая на самом деле процветала еще во времена Геродота. Историк описывает ритуал, который ее сопровождал. Моряки раскладывали на берегу товары и возвращались на свои корабли. После

этого подходили негры, забирали товары, клали на песок золото и удалялись. Купцы вновь съезжали на берег, и, если количество золота их устраивало, они его забирали. Если же нет, то они удалялись на корабли, а негры приносили еще порцию золота, до тех пор, пока купцы не получали столько, сколько хотели. К тому времени, когда Геродот писал свою книгу, эта торговля находилась уже под контролем Карфагена, который отобрал ее у купцов Гадеса.

Помимо Ликсуса, еще одним городом, найденным учеными на Атлантическом побережье Марокко, является Могадор. И хотя он находится в 450 милях от пролива Гибралтар, он возник в глубокой древности – в середине VII века до н. э. Его основали, вероятно, западные финикийцы, прибывшие сюда из Гадеса. Они привезли с собой античные амфоры и множество своих собственных красных керамических изделий. Первая фаза их оккупации продолжалась до 500 года до н. э., после чего остров опустел. Время от времени его посещали проходящие суда – вероятно, карфагенские: вновь постоянное население появилось только в самом начале н. э., в правление Юбы II. После еще одного периода запустения сюда явились римляне и в IV веке н. э. даже построили здесь дом, украшенный мозаикой. В это время они владели на территории Марокко лишь Сеутским полуостровом и торговым пунктом Сала. По мнению автора этой книги, такое необычное положение вещей можно объяснить только тем, что этот остров, скорее всего, был в античные времена аванпостом торговли золотом с Гвинеей.

Как показал Каркопино, карфагенский царь Ганнон отправил экспедицию вдоль Атлантического побережья Африки, рассказ о которой дошел до нашего времени, именно за золотом Гвиней.

Царь Ганнон был, несомненно, Магонидом, поскольку, как мы уже говорили, в то время, когда было совершено это плавание (VI или V век до н. э.), правителей для Карфагена поставляла только эта семья. Нам известны два человека по имени Ганнон: отец Гамилькара, разбитого в Химерской битве, и его сын. Первый Ганнон, по-видимому, хотя утверждать это с определенностью мы не можем, никогда не был царем. Плиний в своей «Естественной истории», V, 8, сообщает, что плавание было совершено, когда Карфаген находился на вершине своего могущества. Виллар и Харден сделали из этого вывод, что оно было организовано еще до Химерской битвы. Но, как мы уже видели, Карфаген с необыкновенной быстротой оправился от поражения, так что этот аргумент не выдерживает критики. Наоборот, Карфаген вряд ли отправил бы свой флот за Геркулесовы столпы в то время, когда его корабли воевали не только у

берегов Сицилии, но и в Тирренском море, и в водах Испании. Колонисты, которые по приказу Ганнона поселились на побережье Марокко, были по большей части ливийскими финикийцами, то есть ливийскими подданными Карфагена. А их никак нельзя было набрать до того, как африканских земли починились Карфагену.

Плиний сообщает нам также о том, что Ганнон совершил свое плавание примерно в то же самое время, что и Гимилько, только тот пошел вдоль Атлантического побережья на север. Дело в том, что сына Гамилькара, разбитого в Химерской битве, тоже звали Гимилько.

В своей книге о правлении Ганнона Юстин, как мы уже писали, рассказывает о войне с маврами; это могло относиться и к экспедиции за Геркулесовы столпы. Со своей стороны Дио Хризостом, который, вероятно, писал о том же самом царе, упоминает о его победах на море.

О путешествии Сатаснеса, которое, вероятно, было совершено около 470 года до н. э., знал и Геродот, но он ничего не говорит ни о Ганноне, ни о Гимилько. Он был не очень хорошо информирован о делах Карфагена, но проявлял живой интерес ко всему, что было связано с исследованием новых земель, и в особенности Африканского континента. Именно поэтому мы и можем датировать плавание 470 годом до н. э., но не позже 460 года: когда Ганнон в 480 году наследовал своему отцу, ему должно было исполниться по крайней мере 20 лет. Столь утомительное путешествие можно было совершить только в расцвете своих сил.

Эвакуация жителей из Могадора около 500 года до н. э., по мнению автора этой книги, случилась еще до начала путешествия. И в самом деле, если Могадор отождествлять с островом Черне, который был упомянут в отчете о плавании и который Ганнон нашел покинутым людьми, тогда он должен был отправиться в путь после того, как западные финикийцы оттуда уже ушли. Как мы еще увидим, однако, остров Черне, скорее всего, располагался дальше к югу, на берегу Рио-де-Оро. Если бы в Могадоре жили финикийцы, Ганнон, несомненно, сделал бы здесь остановку и использовал бы его как свою базу. Поэтому, где бы ни располагался Черне, плавание должно было происходить уже после того, как город был оставлен.

Та часть рассказа о плавании, где говорится о ликситах, по-видимому, дает нам сведения о том, что было до него. Каркопино весьма убедительно показал, что ликситами называли жителей долины реки Лукос, как ее называют до сих пор. Она впадает в море у Лараша в Южном Марокко. Заключение, сделанные Жерменом и автором этой книги, подтверждают это отождествление, как мы увидим позже. Таким образом, негры и

троглодиты, о которых говорилось выше, очевидно, не жили в районе Лараша; здесь мы имеем дело с предложением, взятым из книги Геродота, которое не соответствует истине. У ликситов не было города; Ликсуса, который обнаружил во время своих раскопок Тараделл, еще не существовало. Тем не менее ликситы, которые, очевидно, были ливийцами, встретили карфагенян очень гостеприимно. Они, несомненно, говорили с карфагенянами на одном языке, поскольку снабдили их переводчиками; они, должно быть, были опытными моряками, поскольку хорошо знали жителей той местности, которая в наши дни называется Мавританией, и говорили на их языке.

Это может показаться странным, но на самом деле все эти сведения полностью согласуются с результатами раскопок Тараделла. Они показали, что, будучи старше Гадеса, Ликсус появился только в VI веке до н. э. Виллар продемонстрировал, что керамика Ликсуса произошла от керамики Могадора, и Ликсус был основан после того, как жители покинули Могадор.

Поэтому мы можем согласиться с предположением Тараделла, что ликситы были не финикийцами, а финикизированными ливийцами. В течение нескольких веков они с радостью принимали у себя финикийцев, переняли их религию и выучили их язык, но сохранили свою пасторальную экономику и кочевой образ жизни и решили построить город только в V веке до н. э.

Таким образом, можно сделать вывод, что плавание Ганнона, вероятно, произошло после оставления Могадора, но еще до основания Ликсуса, то есть в первой половине V века до н. э. Мы можем пойти еще дальше и рассмотреть связь между этими событиями.

Что же побудило финикийцев бросить город Могадор, в котором они жили полтора столетия? Если мы примем предположение о том, что ликситы не были финикийцами, тогда единственным крупным городом, который мог основать Могадорскую торговую станцию, был Гадес. Однако мы уже писали о том, что около 500 года до н. э. на Гадес напали автохтонные соседи, и ему пришлось обращаться к Карфагену за помощью. Вероятно, именно из-за этого нападения и был брошен Могадор. Карфагеняне воспользовались этой ситуацией и захватили контроль над выгодной торговлей золотом. Решив свои насущные проблемы – завершив сицилийские войны и завоевав внутренние районы, – они занялись преобразованием временного пункта в постоянное владение.

Карфагеняне без труда набрали колонистов в только что присоединенных туниских землях. К ним они, вероятно, добавили

эмигрантов из Малой Азии, которые бежали из своей страны, когда греки завоевали ее во второй раз в ходе медианских войн^[16]. Ганнону было поручено основать цепь колоний, которая позволила бы Карфагену полностью контролировать Атлантическое побережье. Его первым заданием было установить дружеские отношения с ликситами, которые уже были частично финикизированы в результате многолетних тесных связей с Гадесом. Мы не знаем, оставил ли он здесь колонистов, но он, несомненно, убедил ликситов построить город и, вероятно, оставил им архитекторов и планы.

Рассказ о плавании Ганнона, который дошел до нас, сохранился в небольшом греческом трактате и, вероятно, был переводом эпитафии, которую Ганнон посвятил самому себе в храме Кроноса в Карфагене. Для него, вероятно, и был сооружен тофет.

Согласно карфагенскому указу, Ганнон вышел в море на 60 судах, на каждом из которых было по 50 гребцов. Всего на корабли погрузилось 30 тысяч человек, мужчин и женщин. Их целью было основать колонии за Геркулесовыми столпами, на Атлантическом побережье Марокко. В первых шести абзацах идет рассказ о том, как выполнялась эта миссия. Было основано шесть колоний: Фимиатерион, Карикон Тейхос (Карийская стена), Гитте, Акра, Мелитта и Арамбис. Было высказано много предположений, где они располагались, но ни одну из этих колоний до сих пор не нашли. Кроме того, Ганнон основал храм на мысе Солоейс (вероятно, мыс Кантин), который он посвятил финикийскому богу моря. О нем упоминается в IV веке в греческих инструкциях для моряков, которые дошли до нас под названием «Периплус» Псевдо-Скилакса.

После основания колоний они добрались до земли ликситов. Каркопино показал, что после этого им пришлось вернуться на север, чтобы подготовить вторую экспедицию к землям, населенным их друзьями.

Эта вторая экспедиция описана в параграфах 8—11. После двух дней плавания на юг вдоль пустынного побережья, карфагеняне добрались до острова под названием Черне, где они основали поселение. Черне располагался на таком же расстоянии от Геркулесовых столпов, что и Карфаген; он должен был быть где-то в районе мыса Юби, но никакого острова там нет. Полибий побывал на Черне, который, по его мнению, располагается напротив хребта Антиатлас, примерно в том районе, где стоит Могадор. Впрочем, это название могло относиться к разным островам, как, например, Туле во времена Античности и Индии (Восточная и Западная) в Новое время. Все зависело от времени плавания и того, кто его совершил. Есть все основания полагать, что Черне Ганнона находился

на Рио-де-Оро, как убедительно доказал Каркопино. Здесь, неподалеку от побережья, есть остров под названием Херн; более того, эта часть побережья Сахары в эпоху Средневековья, до открытия Южной Америки, была центром торговли золотом. А ведь карфагеняне искали именно золото, а после них римляне поздней империи плавали сюда по той же самой причине, несмотря на все трудности морского перехода.

От Черне карфагеняне поднялись вверх по большой реке под названием Чретес. Здесь они увидели озеро с тремя островами. Впрочем, на горах, окружавших озеро, жили дикари, которые помешали им высадиться. Мореплаватели исследовали еще одну реку, в которой водилось огромное количество крокодилов и бегемотов, и вернулись на Черне.

Во время третьей экспедиции карфагеняне забрались еще дальше. Ганнон прошел вдоль побережья, населенного неграми, которые при виде судов убегали. После двенадцати дней плавания карфагеняне встали на якорь у подножия высокой горы, поросшей деревьями, древесина которых приятно пахла и была ярко окрашена. Далее лежал огромный залив; миновав его, они добрались до большой бухты, названной Западным Рогом, с многочисленными островами. По ее берегам рос лес, откуда доносилась странная музыка, а ночью зажигались многочисленные костры. После этого путешественники достигли вулкана, названного Колесницей Богов, и прошли вдоль равнины, покрытой текущей лавой. В другой бухте, получившей название Южный Рог, они обнаружили остров, населенный мохнатыми существами, похожими на людей. Карфагеняне захватили трех самок, но вынуждены были их убить, поскольку они оказались очень злобными. Впрочем, они привезли их шкуры домой, где они провисели в храме Танит до самого падения Карфагена, как утверждает Плиний.

Вряд ли стоит вступать в бесконечную дискуссию, касающуюся идентификации мест, которые посетил Ганнон. Нет никаких сомнений, что карфагенский флот продвинулся на большое расстояние в сторону экватора, несмотря на утверждения о том, что корабли античных времен и Средневековья не могли уходить далеко к югу от мыса Юба. Автор этой книги уже высказывал свои аргументы против этой точки зрения, и его мнение, по-видимому, разделяют сейчас все ученые.

Сейчас уже никто не станет отрицать, что карфагеняне и римляне доходили до Канарских островов, которые оказались недоступными для арабов. Уже одно это доказывает, что их капитаны были способны преодолеть те трудности, которые помешали достичь Канар средневековым морякам. Карфагеняне выходили в море на весельных галерах, которые

позволили им повернуть на север, после того как они достигли экваториальных вод, и пройти вдоль побережья Сахары, несмотря на пассаты и Канарское течение. Сахара в целом в ту эпоху не была такой сухой, как сейчас, а на Мавританском побережье имелось много источников пресной воды, так что такой подвиг был вполне реален.

К югу от Могадора ученые не нашли никаких следов пребывания здесь пунического флота, так что материальных останков, подтверждающих эту теорию, нет, но их отсутствие вовсе не противоречит рассказу Ганнона о своем плавании. Он подчеркивает, что пробыл на острове Черне совсем не долго, и только здесь он вступал в контакт с местным населением. Более того, археологические исследования в Сахаре и Мавритании еще практически не начинались. И наконец, между Ликсусом и Могадором пока еще не обнаружено никаких пунических артефактов, хотя они должны здесь быть. В самом деле, трудно себе представить, чтобы карфагенские моряки прошли около 375 миль вдоль этого негостеприимного побережья, ни разу не высадившись на берег. Их промежуточные порты исчезли без следа, это правда, и это превращает постоянно возобновляющиеся дискуссии о том, где располагались колонии Ганнона, в бессмысленную потерю времени. Поэтому мы не можем надеяться, что нам больше повезет на побережье к югу от Могадора, даже в том случае, если мы в конце концов сумеем установить точное местоположение острова Черне, о котором писал Ганнон.

Хотя сомнений в том, что плавание Ганнона действительно имело место, нет, значение его результатов преувеличивать не стоит. Карфагеняне конечно же совершили настоящий подвиг, который, по-видимому, никто не смог повторить, но практическая выгода от него была невысока. Поскольку ученые не нашли никаких следов колоний Ганнона, можно предположить, что они были очень быстро уничтожены. Вряд ли также какой-нибудь другой карфагенский мореплаватель решился пройти, вслед за Ганноном, вдоль очень опасного побережья Западной Африки. Тем не менее остров Черне часто посещался; в так называемом «Периплусе» Псевдо-Скилакса, греческом труде, написанном в середине IV века до н. э., упоминается остров, служивший центром оживленной торговли с «эфиопами». На острове, по-видимому, не было постоянного населения, и торговцы жили в шалашах. Черне Скилакса располагался в двенадцати днях пути от Гибралтара (примерно 750 миль) и поэтому должен был находиться южнее Могадора, лежащего примерно в 450 милях от этого пролива. Скилакс добавляет, что плавать на юг от Черне было невозможно из-за мелководья и морских водорослей. Вероятно, именно отсюда Карфаген получал большую

часть своего золота; а если верить Фукидиду, в конце V века его там было очень много.

Гимилько совершил плавание в Северную Атлантику, как мы уже говорили, примерно в то же самое время, что и Ганнон. Сохранился судовой журнал, и его отрывки дошли до нас в книге *Ogamaritima* Эстуса Авиена, римского аристократа IV века н. э. Это – собрание древнейших записей о морских плаваниях, которые сумел отыскать автор. Плавание Гимилько, по-видимому, продолжалось около четырех месяцев, во время которых он достиг Остримнианских островов. Суда неоднократно попадали в штиль и встречались с такими опасностями, как мели, морские водоросли, туманы и морские чудовища.

В Португалии осталось довольно много следов пребывания карфагенян. В музее Виго (Галисия) можно увидеть погребальную стелу имперского периода, на которой изображен знак Танит в сочетании с полумесяцем и солнцем – все эти предметы, скорее всего, пунического происхождения и свидетельствуют о том, что на берегах Галисии влияние карфагенской культуры было довольно сильным. Впрочем, такие стелы – самый распространенный здесь пунический объект; их можно увидеть по всему полуострову. Должно быть, до Баркидов, которые эксплуатировали богатства Восточной и Центральной Испании, эти земли были колонизированы Карфагеном. Гимилько, по-видимому, тоже основал колонии во время своего плавания, и они, в отличие от марокканских поселений Ганнона, сохранились.

С другой стороны, на западном побережье Франции, в Бретани или на Британских островах никаких карфагенских или финикийских следов не обнаружено^[17].

Таинственный священный камень, найденный в Ирландии, – слишком слабое доказательство того, что восточные купцы доходили до этих мест. Все карфагенские монеты, найденные во Франции, были обнаружены в глубине страны и свидетельствуют о контактах Ганнибала с галлами.

При современном уровне наших знаний поэтому было бы справедливо отождествлять Остримнианские острова с островами и полуостровами Галисии, где добывают олово, а полуостров Остримниан – с испанским Финистерре. Широко распространено мнение, что финикийцы заходили в кантабрийские воды и даже осмеливались сунуться в Бискайский залив и добрались до Северной Европы, но, с нашей точки зрения, это сильное преувеличение. Корнуольское олово могли привозить в Гадес и по знаменитому западному «оловянному пути», на судах местных жителей, которые переходили от одной гавани к другой.

Как бы то ни было, плавания Ганнона и Гимилько доказали, что карфагенские моряки превосходили остальных западных финикийцев. Пролив Гибралтар в принципе был закрыт для всех иностранных судов, в особенности для греческих и этрусских. Флоты античных времен не способны были поддерживать эффективную блокаду, это так, но команды судов, которые осмеливались пройти через Гибралтар, хорошо знали, что если их поймут, то пощады не будет. Если, кроме того, карфагеняне контролировали промежуточные порты к северу и югу от западных берегов Гибралтара, то подобные прорывы блокады были вообще невозможны.

Месть за поражение в Химерской битве

К 400 году до и. э. золото Гвинеи, серебро Испании и олово Галисии позволили Карфагену создать мощную промышленность по производству бронзы. Это помогло Магонидам наполнить свои сундуки деньгами и подготовиться к войне, чтобы отомстить за поражение под Химерой.

Карфагеняне могли бы отомстить за него и раньше, в третьей четверти V века до и. э., но они почему-то дотянули до 409 года до и. э. Этот период в истории Карфагена – один из самых темных. Ганнон Мореплаватель родился около 500 года до и. э., и вряд ли он прожил более 70 лет. По-видимому, он правил некоторое время после своего плавания, если, конечно, это тот самый Ганнон, анекдоты о котором дошли до нас в трудах Плиния, Плутарха и Элиана. Этот Ганнон имел попугаев и ручного льва, и его успехи в укрощении зверей не менее чем пропаганда, которую он строил на них, привели к тому, что жители Карфагена его изгнали. Гсел, однако, отмечает все эти рассказы, считая их глупой выдумкой, но они ничуть не хуже аналогичных историй, которые распространялись о других правителях, начиная, к примеру, с Димитрия Полиорцета и кончая Антонием Триумвиром. Очень легко представить себе старого морского волка, гуляющего по главной площади Карфагена с попугаем на плече и ручным львом, идущим по его стопам.

В 410 году до н. э. царем Карфагена был Ганнибал, внук Гамилькара, разбитого в Химерской битве, и сын Гиско, которого отправили в ссылку и поселившегося в Селине. К тому времени он был уже пожилым человеком, и мы не знаем, сколько лет он правил Карфагеном. Агрессивная политика по отношению к Сицилии, которую он начал проводить с 409 года, прекрасно отвечала его характеру. Диодор сообщает нам, что он инстинктивно ненавидел греков. Это, однако, составляло резкий контраст с политикой, которую до этого проводил Карфаген.

Следует отметить, что политическая ситуация на Сицилии между 460 и 410 годами предоставляла Карфагену множество возможностей для вторжения, если бы он собирался это сделать. Однако все эти возможности не были использованы. С 459 по 450 год в Сикули, которым правил Дуцетий, вспыхивали мятежи; в 453 году он потерял двух своих союзников, которые поссорились между собой и присоединились к противоборствующим фракциям: элимийцы из Сегесты были вовлечены в союз с Афинами, а греки из Селина стали союзниками Сиракуз. Так

конфликт между Афинами и Спартой проявился на самых границах греческого мира. Карфаген долгое время не вмешивался и начал проявлять интерес к делам на Сицилии только в 416 году, когда ссора между Сегестой и Селином достигла такого накала, что Афины попытались получить от него выгоду и присоединить Сицилию к своей империи. Карфагеняне не могли игнорировать тот факт, что Алкивиад и его друзья во всеуслышание заявляли, что после завоевания Сицилии намерены вторгнуться в Карфаген. Правда, другие афиняне смотрели на вещи гораздо реалистичнее. После отъезда Алкивиад а афинская трирема вошла в гавань Карфагена; греческие послы привезли предложение заключить союз, который был отвергнут. Афины попытались также заключить союз с этрусками. Поэтому вполне вероятно, что, несмотря на свой возраст, Ганнибал с 415 по 409 год до и. э., по-видимому, уже не правил Карфагеном. Его сменил царь, чьи политические взгляды отличались миролюбием, как и взгляды Ганнона. Этот правитель, вероятно, был представителем старшей ветви семьи Магонидов, которая не лишилась еще своего могущества, как писал Юстин. Современниками Ганнона были еще один Ганнибал, Гасдрубал и Сафо. Эта гипотеза весьма правдоподобна, поскольку мы знаем, что Ганнибал, сын ссыльного, мог прийти к власти только в результате политического переворота. С другой стороны, Диодор пишет, что в 409 году до и. э. среди жителей Карфагена не было согласия, и царь мог добиться одобрения своей агрессивной политики только после долгих переговоров, и даже после этого он вынужден был по многим пунктам уступить тем, кто выступал против интервенции.

Вполне возможно, конечно, что, несмотря на всю свою ненависть к грекам, Ганнибал опасался повторить судьбу своего отца. Уничтожив афинский флот, Сиракузы наглядно продемонстрировали свою силу. До успехов 410 и 409 годов вполне могли существовать сомнения в том, что Карфаген сможет одолеть греков. Царь мог изменить свое намерение, решив, что надо вести себя осторожнее.

В 410 году до н. э. у жителей Сегесты не осталось иного выхода, как только снова обратиться к Карфагену за помощью. Афинская армия в 413 году была полностью разгромлена, Сиракузы необыкновенно усилились, а жители Селина повели энергичное наступление на своих противников. Фракция пацифистов в Карфагене была еще достаточно сильна, чтобы заставить правительство попытаться уладить все разногласия дипломатическим путем. Но мирные предложения были отвергнуты как Сиракузами, так и Селином, и Ганнибал перебросил небольшой отряд, который ему удалось быстро собрать, на Сицилию. Его главные силы

составили 5 тысяч ливийцев, к которым он добавил некоторое число оскийских наемников, служивших до этого в афинской армии. С такими малыми силами он сумел изгнать войска Селина из Элимии. На следующий год (409) его войско пополнилось наемниками, прибывшими из Испании, и отрядом ливийцев. У царя под командой находилось теперь около 50 тысяч человек; он имел также мощные осадные орудия. Ганнибал осадил город Селин и через девять дней овладел им. Его население подверглось жестокой резне, от которой он так и не оправился. Огромные храмы, гордость Селина, были превращены в руины, и, когда нескольким жителям, сумевшим бежать в Агригентум, было разрешено вернуться, они построили себе хижины из обломков разрушенных зданий.

Сикули еще не забыли Дуцетия и бросились в объятия победителя. После этого Ганнибал смог начать «священную войну» против греков. Он пошел на Химеру, чтобы отомстить за поражение своего предка. Сиракузы нападение на Селин застало врасплох, но теперь они сделали попытку спасти этот город. Однако большая часть их флота находилась в Греции, где воевала на стороне спартанцев. Единственное, что мог сделать Диокл, командовавший кораблями, шедшими на помощь Селину, – это эвакуировать часть населения. 3 тысячи пленников подверглись пыткам, а потом были принесены в жертву манам Гамилькара.

Царь с триумфом вернулся в Карфаген, но во время его отсутствия командуя сиракузскими экспедиционными войсками в Греции, Гермократ, вернулся на Сицилию и очень быстро захватил Химеру и Селин. Ганнибал использовал это как повод собрать все карфагенские войска для борьбы не на жизнь, а на смерть. Карфаген отправил в Афины посольство для заключения военного союза, от которого он отказался несколько лет назад, в 407 году^[18]. Если бы этот альянс был создан в 410 году до н. э., когда, благодаря Алкивиаду и Фрасибулу, Афинам улыбнулось военное счастье, то он имел бы первостепенное значение. Но в 407 году командуя спартанским флотом стал Лисандер, а в Афинах разразилась гражданская война, и даже отзыв греческой армии из Сиракуз не смог изменить ход Пелопоннеской войны. Тем не менее заключение договора привело к неожиданному результату: две пунические колонии на Сицилии, Наксос и Катания, отказались вступить в антипуническую коалицию из симпатии к Афинам.

Следует также отметить, что, пока Карфаген заключал союз с Афинами, великий царь Персии всячески помогал спартанцам. Африканские финикийцы уже не были, даже номинально, подданными Персии.

Руководство новой экспедицией было поручено Ганнибалу, но, поскольку он был уже стар, ему помогал кузен Гимилько, сын Ганнона Мореплавателя^[19]. Военное руководство впервые оказалось в руках двух человек, и из этого можно сделать вывод, что царь уже не мог, по состоянию здоровья, взять на себя полную ответственность. Тем не менее власть в Карфагене по-прежнему оставалась в руках Магонидов, ибо Гимилько приходился ближайшим родственником Ганнибалу. Армия, которой руководили двое кузенов, была очень большой; Диодор пишет о 120 тысячах солдат, что, несомненно, является преувеличением. В 409 году карфагенянам сильно мешало превосходство сиракузского флота, и для борьбы с ним было собрано 120 трирем.

После падения Селина и Химеры самым западным греческим городом стал Агригентум. Ганнибал обратился к его властям, предлагая присоединиться к Карфагенскому союзу или, по крайней мере, сохранять нейтралитет. Но Агригентум отказался, и тогда Ганнибал его осадил.

Греки к этому времени уже хорошо знали карфагенские осадные машины, и, когда они подтянули эти башни к стенам, греки их разрушили. Осаждающая армия принялась разрушать монументальные мавзолеи, которые располагались у стен, но не столько из соображений стратегии, сколько из-за религиозного фанатизма. Гробница Ферона, тирана, сражавшегося в Химерской битве, находилась в особенно плохом состоянии, а во время разрушения в нее ударила молния. Армию карфагенян охватил суеверный ужас: жрецы усмотрели в ударе молнии знак божественного гнева, а испуганные часовые заявили, что они видели, как по развалинам ходит дух мертвого тирана и взывает к мести.

Эпидемию, вспыхнувшую в это же время в карфагенской армии, тоже посчитали знаком божественного гнева. Одной из первых ее жертв стал царь Ганнибал. Пост Верховного главнокомандующего захватил Гимилько, но у него не было царского титула. Диодор сообщает нам, что его провозгласили царем лишь в 396 году до н. э.; вполне вероятно, что церемония коронации могла происходить только в Карфагене, и ее пришлось отложить до возвращения Гимилько с Сицилии. Тем не менее он совершил несколько очистительных обрядов: перерезал горло ребенку в честь Баал Хаммона и утопил нескольких животных в море, посвятив их морскому богу. Это были искупительные жертвы, призванные положить конец эпидемии, которые не надо путать с Молохом.

А тем временем из Сиракуз на помощь осажденным вышла мощная армия; она разбила карфагенян в первом же сражении и осадила их собственный лагерь. Гимилько пришлось бы очень туго, если бы его флот

не сумел захватить греческий конвой с продовольствием.

Греки не подчинялись дисциплине и не имели талантливых командиров; это и спасло пуническую армию. Стратег, который был избран для обороны Агригентума, с трудом мог заставить наемников подчиняться своим приказам. Эти войска состояли в основном из жителей Кампаньи, и со времен Афинской войны они не стеснялись переходить на сторону врага. Многих агригентских генералов обвинили в бездарности и отдали на растерзание толпы. Наемники переходили на службу к врагу или возвращались домой. Жители Агригентума разуверились в победе и оставили город, так что, когда Гимилько в него вошел, он был совсем пустым. Поскольку пленных ему взять не удалось, он удовлетворился разграблением города, но его ненависть к грекам не помешала ему вывезти в Карфаген огромное число предметов искусства. Среди них был и знаменитый бронзовый бык, в котором Фаларий изжарил своих врагов. После этого Гимилько велел своей армии идти в Гелу, где собрались беглецы из Агригентума.

Грекам грозило полное уничтожение, если бы они не приняли мудрое решение. Стратегом был избран молодой сиракузский офицер по имени Дионисий, который получил неограниченную власть. Это означало диктатуру, которая вскоре превратилась в тиранию. Режим Дионисия стал печально известен в истории главным образом благодаря Платону, который хотел рассказать тирану о его ошибках, но чуть было не поплатился за это своей свободой. С тех пор Дионисий считается примером деспота самого худшего разряда. Нет никаких сомнений, что это был абсолютно беспринципный человек, но при этом талантливый военачальник и государственный деятель, которому суждено было спасти западный эллинизм.

Тем не менее Дионисию не удалось помешать Гимилько захватить Гелу и Камарину. Узнав о приближении врага, жители этих городов в ужасе бежали, не оказав ему почти никакого сопротивления. И греческий, и пунический командующие имели причины сомневаться в преданности своих солдат, поэтому они старались избегать открытого сражения. Тем не менее было бы логично, если бы Гимилько развил свой успех, напав на Сиракузы, где у Дионисия было немало врагов. Аристократическая партия открыто обвиняла его в предательстве. Но тут карфагенский генерал неожиданно прекратил свое наступление и заключил мир. Диодор объясняет это тем, что, несмотря на жертвы, принесенные под Агригентумом, эпидемия по-прежнему косила его солдат, и войско Карфагена уменьшилось вдвое. У нас нет причин отвергать эту гипотезу, но

вполне возможно, что решающую роль здесь сыграла политика. Уормингтон пишет, что после завершения Пелопоннесской войны Спарта стала хозяйкой Эллады и вполне могла организовать поход против западных варваров, которые контролировали море, куда она снова собиралась отправлять свои суда. Вполне вероятно, что на решение Гимилько повлияли и домашние дела; он, видимо, хотел поскорее вернуться в Карфаген и официально стать его царем. Как бы то ни было, мир был заключен, и Карфаген получил власть над большей частью Сицилии. В добавление к финикийским городам Мотье, Панормусу и Солеиту, а также элимийской территории Карфаген получил сиканийские земли и греческие города-государства, которые они завоевали. Впрочем, эти территории присоединились к владениям Магонидов скорее номинально, хотя они были официально закреплены за ними. Жители Агригентума и Селина, которым удалось уцелеть в этой войне, получили разрешение вернуться домой, но были обложены данью, к тому же им запретили строить фортификационные сооружения.

У Гимилько были все основания гордиться собой. Карфаген теперь стал империей, более крупной, чем раньше, в славные времена Гасдрубала и Гамилькара. По-видимому, были предприняты меры для организации управления вновь приобретенными землями. Был, вероятно, назначен губернатор, и переселенцы из Африки обосновались в нескольких местах около Химеры. Одним из таких поселений стал Цефаледиум, который позже стал называться мысом Мелькар^[20]. В других городах, например в Панорме, были найдены монеты с пуническими надписями; это свидетельство попыток вдохнуть новую жизнь в пуническую культуру. В Панорме, столице провинции, вскоре был введен культ Танит. Тем не менее никто не собирался уничтожать эллинскую культуру, что подтверждается тем фактом, что жителям Агригентума и Селина было разрешено вернуться домой. Более того, новые колонии Карфагена помогли перенести идеи эллинизма на африканскую почву, где они получили необычайно быстрое развитие.

Дионисию пришлось также признать независимость греческих городов за пределами пунической территории. Однако он решил не выполнять эту часть соглашения и принялся систематически разрушать древние города Наксос, Катанию и Леонтины, переселяя их жителей в Сиракузы. Некоторым сикуланским городам тоже пришлось признать его власть. В Сиракузах, на острове Ортигья, была сооружена мощная крепость, чтобы тиран мог защититься как от самих жителей города, так и от врагов. Второй форт был построен над городом, в Эпиполесе. Одновременно на верфях

строились корабли новой конструкции – с четырьмя рядами весел. Вскоре они присоединились к триремам. Дионисий был первым военачальником, который стал использовать катапульты, и Сиракузы превратились в самую сильную в военном отношении державу Средиземноморья.

Военные приготовления продолжались семь лет, но Карфаген ничего не сделал, чтобы противостоять им. Армия-победительница привезла с Сицилии чуму, и население Карфагена сильно сократилось. В 398 году до н. э. сюда явился сиракузский герольд, вручивший городу ультиматум. Он потребовал освободить греческих подданных, находящихся под властью Карфагена, и зачитал послание Дионисия в совете старейшин, а потом – в Народном собрании.

Как только все формальности были соблюдены, Дионисий с армией из 80 тысяч бойцов двинулся на запад. Он быстро прошел греческие провинции, где греки толпами присоединялись к нему и где он убивал всех попавших к нему в руки финикийцев. Его целью была Мотья, древняя твердыня, которая находилась под властью Карфагена с начала V века до н. э. Город стоял на острове, и оборонять его было не трудно. Население быстро построило фортификационные сооружения, используя для этой цели каменные блоки разрушенного храма. Это говорит о том, что жители ожидали нападения. Мотья была осаждена с суши и с моря; ибо мощный греческий флот, в состав которого входило 200 галер и 500 транспортных судов, обошел Сицилию с юга. Гимилько бросился на помощь Мотье, но его флот уступал по числу судов флоту противника, и он не смог высадить войска на сушу. Мотья была взята штурмом и разрушена до основания.

К этому времени Гимилько собрал необходимые силы и высадился в Панорме, пока Дионисий опустошал сельскую местность. И тут ситуация полностью изменилась, что в истории Сицилии происходило очень часто. Сиракузскому тирану пришлось отказаться от всех своих завоеваний и вернуться к себе в столицу. Армия Гимилько гналась за ним по пятам; она остановилась только для того, чтобы уничтожить Мессину. Греческий флот был разбит наголову, и жители Сикулии толпами бежали в армию карфагенян. Впрочем, фортификационные сооружения оказались слишком мощными, чтобы их можно было взять штурмом, а Гимилько никогда не любил ставить на карту все, что у него было. Вот тогда-то он и совершил святотатство, которое, по общему мнению, стало причиной его поражения. Он устроил свой штаб в храме Зевса и велел уничтожить все находившиеся там гробницы – среди них и гробницу Гелона. Кроме того, он позволил разграбить храм Деметры и Персефоны, стоявший в пригороде Ахрадины. Культ этих богинь плодородия вобрал в себя культы местных богов и был

необыкновенно популярен не только среди греков, но и среди сикулов. Этим богиням поклонялись уже и некоторые карфагеняне. Осквернение их алтарей, вероятно, возмутило солдат пунической армии, и когда, вскоре после этого, на нее посыпались несчастья, они, разумеется, объяснили все это гневом богов. Болезни распространялись как пожар, что совершенно неудивительно, если учесть, что лагерь карфагенян располагался на болотистой равнине и дело происходило в середине лета. Дионисий не упустил возможность атаковать врага одновременно с суши и с моря. Лагерь сумел отразить нападение, но большая часть флота была уничтожена. Гимилько потерял голову, вступил в секретные переговоры и бежал вместе с жителями Карфагена домой, оставив ливийцев и наемников на милость греков (лето 396 года до н. э.).

Этот разгром привел к падению династии Магонидов. Маурин показал, что, согласно общему мнению, Гимилько лишился божественного права быть царем, которое он унаследовал от своих предков. Как мы уже видели, он и сам понимал это и, прежде чем совершить самоубийство, решил очиститься от греха с помощью публичного покаяния.

Нет сомнений в том, что качествами, необходимыми для военачальника, Гимилько не обладал. Он был слишком осторожен и осмотрителен и, во многих случаях, упускал возможность решительным ударом сокрушить врага. Тем не менее семена гибели режима Магонидов были посеяны вовсе не его поражениями, а успехами его предшественников. Монархия по божественному соизволению досталась Карфагену в наследство. Разрыв отношений с Финикией после Химерской битвы и последующая переориентация политики превратили Карфаген в западсредиземноморский город, у которого было гораздо больше общего с соседними греческими городами, чем с левантийскими центрами, переживавшими упадок. Переориентация политики не могла происходить в одной лишь области. Необходима была политическая, экономическая, социальная и религиозная трансформация. Завоевание земель на Африканском материке, контроль над крайним западом, победа на Сицилии – все это создало основу для нового импульса развития. Поэтому нет ничего странного в том, что в конце V века до н. э. в Карфагене произошли коренные перемены, первый этап которых был отмечен исчезновением священной монархии, ибо этот институт был совершенно несовместим с организацией города.

Культурная и экономическая жизнь Карфагена

Карфаген добился политической независимости во второй половине VI века до н. э. благодаря Магонидам. Экономическая независимость пришла позже, после разгрома под Химерой, с одной стороны, и гибели Тира – с другой. Это событие произошло после победы персов в Саламинском сражении. В культурном же отношении Магониды не сумели провести необходимые революционные преобразования и превратить город на африканском побережье в центр автономной цивилизации.

Описываемый период можно разделить на три этапа. Первый охватывает годы, непосредственно предшествовавшие разгрому под Химерой. Второй начался после этого разгрома; во время этого этапа режим был самодостаточным, и вся экономика страны подверглась переориентации. А во время третьего Карфаген начал пожинать ее плоды.

Нашим единственным источником информации по-прежнему являются данные археологии: вещи, найденные в гробницах, и жертвоприношения по обету из тофета Саламбо. В течение второй половины VI века до н. э. и двадцати лет V никаких изменений не произошло. Единственным местным продуктом по-прежнему оставалась керамика, дожившая до наших дней; она очень бедна по сравнению с греческой. Карфагеняне, вероятно, хорошо это понимали, поскольку никогда не пытались продавать ее на иноземных рынках. Поэтому пуническую керамику находят только там, где жили выходцы из Карфагена. В Триполитании и Тунисе она сохранилась в незначительном количестве в тех местах, где располагались торговые станции, находившиеся под непосредственным его управлением, такие как Лептис Магна и Сабрата, начиная с конца VI века до н. э. В V веке до н. э. она появилась в Мотье, сицилийском городе, в котором стоял пунический гарнизон, и на Сардинии. Этой керамики не было в Андалузии, в Марокко и даже в Алжире. Вещи, найденные в Ивисе, пока еще недостаточно изучены, чтобы можно было решить, являются ли они сосудами VI и V века до н. э. местного, финикийского или пунического производства.

Перед гончарами, по-видимому, стояла одна-единственная задача – улучшить методы своего производства, чтобы удовлетворить нужды постоянно растущего населения. Были созданы новые технологии, и обжиг при более высоких температурах позволил создавать более прочные изделия. Их форма стала не такой приземистой, а сами они – более

легкими. Впрочем, надо признать, что эти сосуды стали выглядеть менее эстетично. Украшения керамики упростились и состояли из пурпурно-коричневых полос краски по кругу.

Керамическое искусство Карфагена достигло вершины своего развития, но, поскольку гончарные изделия не вывозились за пределы страны, она была популярна исключительно по религиозным мотивам. Период правления Магонидов стал вершиной в производстве керамических масок. Эти маски использовались в религиозных церемониях и изображали лица гримасничающих демонов, которые можно сравнить лишь с масками культовых танцоров Артемиды Ортии в Спарте. Они унаследовали свои морщины и бородавки от получеловеческих чудищ Ассирии. Эти маски совсем не похожи на мирные протомы, изображающие человеческие фигуры. Это – полумаски, полурельефы, располагавшиеся на конце длинной шеи. До нас дошли изображения бородатых мужчин с кольцами в носу и особенно смеющихся женщин. Египетские прототипы, носившие на голове клафт и изображавшиеся на всех нилотических саркофагах, были заменены во второй половине VI века до н. э. удлинненными улыбающимися лицами современных греческих статуэток. Изменился и стиль, в соответствии с греческой модой: волосы и связывавшие их ленты стали теперь покрывать вуалью, а позже, накануне медианских войн, губы сделались узкими, а выражение лиц – мрачным, как на знаменитой коре из Антенора. Эти керамические маски и фигурки изображают жертвы, приносимые божествам тофета: Баал Хаммону и его жене, которая начиная с IV века стала главой пантеона под именем Танит Пене Баал. Эти модели распространились из Карфагена по всем подвластным ему городам, в которых имелись тофеты. В Мотье итальянские археологи обнаружили группу статуэток, состоящих из женских протом в египетском стиле, и великолепную гримасничающую маску с морщинами, которая лежала поверх урны с прахом людей, принесенных в жертву Молоху. Эта церемония, как мы уже говорили, помогала народу обрести новую энергию, и маски наверняка клали в могилу умерших, чтобы из гробницы не уходила жизнь. Маски демонов, несомненно, были копиями масок, которые надевались во время ритуальных танцев, сопровождавших жертвоприношения, как в Спарте. Протомы вполне могли быть посвящены богине Танит, аналогично тому, как протомы Делоса предлагались ее аналогу Гере во время религиозных церемоний, которые призваны были обеспечить божественное покровительство молодоженам и сделать их брак плодовитым. Это покровительство было также необходимо и для загробной жизни, которая, как считалось, была второй жизнью, дарованной человеку

богиней Ганит.

Приход к власти Магонидов не привел к изменениям в расположении или типах погребальных даров в тофете Саламбо. Поверх урны, как и прежде, стоят стелы, высеченные из песчаника, добытого в Эль-Хауарии. Впрочем, эти стелы тщательнее отесаны, а их украшения вырезаны с большим мастерством. Они снабжены лепными карнизами, которые изображают маленькую часовню с кружком в центре и многочисленными дверями, что помогает создать впечатление объема. Две из них выполнены в форме трона и содержат надписи с посвящением Баалу (то есть Баал Хаммону). Здесь единственный раз в тофете указывается имя жертвы: МЛК на одной и МЛКТ (женское) – на другой. К сожалению, песчаник, на котором были высечены эти надписи, очень мягок и быстро разрушается, а это – единственные их примеры.

Во время первого периода правления Магонидов готовые изделия, найденные в гробницах Карфагена, по-прежнему поступали с востока через Этрурию. Все изменения типов погребальных вещей происходили в результате политических событий, а не из-за перемен в торговых сетях. Коринф клонился к упадку, и афинская керамика вытесняла коринфскую на мировых рынках. Аттическая посуда, однако, еще не появилась среди привозимой в Карфаген греческой керамики; керамические изделия продолжали поступать сюда из Коринфа маленькими партиями, и их качество сильно ухудшилось. Этрусская керамика тоже встречается все реже – по мере ухудшения отношений между Этрурией и Карфагеном ее становилось все меньше. Уже в последней четверти VI века до н. э. в могилах не было ни одного итальянского горшка или какой-либо другой вещи. Буше Колозье датирует прекращение этрусского импорта примерно 550 годом до н. э., но более тщательное изучение и датировка гробниц, по-видимому, отодвинет эту дату на конец века.

Отсутствие товаров роскоши уравнивается появлением терракотовых фигурок, созданных в керамических мастерских греческих островов. Сидящих на тронах дам с высокими прическами поло привозили с Родоса, фигурки кор, стоящих по стойке «смирно» и держащих у сердца фигурку дикого голубя, – с острова Самос, а с Кипра доставили сидящую беременную богиню-мать, облаченную в облегающее платье и странный головной убор из покрывала, обмотанного вокруг рогов, украшающих ее уши. В руках она держит веер. Все эти элементы – символы плодородия, олицетворяющие жизнь и посвященные богиням плодородия: Афине с острова Родос, Гере – с Самоса и, вероятно, Астарте с Кипра. Эти фигурки, вероятно, должны были помочь умершим жить в гробнице.

К этому мы должны добавить египетские амулеты, скарабеев и глазурованные флаконы для мазей в форме обезьян или мужчин с перьями на головных уборах. Их изготавливали в Навкратисе, пока этот город еще не был разграблен Камбисом, а мастерские разрушены. Фигурки богов делали в Мемфисе, а флаконы для благовоний из разноцветного стекла и гравированные украшения – на Кипре. Следует, впрочем, сказать, что золота и драгоценных камней в течение VI века до н. э. становилось все меньше и меньше.

Это постоянство импорта свидетельствует о продолжавшейся зависимости Карфагена от Тира, который поставлял ему готовые изделия, поскольку в Карфагене не было своей промышленности. Хотя Тир предоставил или, вернее сказать, вынужден был предоставить Карфагену политическую независимость и передал ему ряд своих военных обязательств, он сохранил свою коммерческую монополию. В этом смысле африканский город был с экономической точки зрения частью Персидской империи и не входил в торговую сеть Афин и Запада.

Как мы уже видели, после разгрома под Химерой и Саламином отношения Карфагена с Восточным Средиземноморьем были разорваны. Судьба Тира висела на волоске, и Карфаген должен был сам себя обеспечивать. Он пошел двумя путями, надеясь избежать ослабления своей мощи, которое переживали в это время другие западнофиникийские города. Карфаген захватил внутренние районы материка и начал эксплуатировать их ресурсы. Теперь он сам стал обеспечивать себя продовольствием. Для обработки меди, олова и серебра, доставленных из Испании и Португалии, и золота из Гвинеи были созданы металлообрабатывающие предприятия. Впрочем, великие плавания были совершены лишь около 460 и 450 годов, и вещи, которые клались в гробницы сразу же после химерского разгрома, были необычайно скудными. В могилах того времени ученые находят лишь шесть видов ритуальной керамики, очень бедные наборы туалетных принадлежностей, сделанных из сплава, где к меди добавлена совсем крошечная доля олова. Иногда попадаются маски или женские протомы. И эта бедность встречается повсюду, из чего можно сделать вывод, что все доступные ресурсы уходили на войну с Ливией.

Впрочем, период нищеты был, по-видимому, довольно коротким, судя по тому, что могил такого типа всего лишь девяносто. За ними возникли гробницы, которые раньше приписывали VI веку до н. э., но которые, как доказал автор этой книги, появились на самом деле во второй половине V века. Могилы этого типа содержат большое количество местной керамики, небольшие по размеру туалетные принадлежности и бронзовые талисманы,

египетские амулеты, довольно дешевые серебряные кольца и совсем немного золотых, а также маски и протомы из терракоты. Здесь нет предметов в форме сосудов, нет и предметов, ввезенных из других стран, с помощью которых можно было бы определить, в какое время появились эти захоронения. Единственное, что позволяет это сделать, – сами предметы, входящие в группу погребальных даров (которые, конечно, позволяют датировать могилы весьма приблизительно). Это керамические изделия с фигурными украшениями, форма и роспись небольших бритв в виде топориков и тип сплава, который использовался для их изготовления. Все это говорит о более поздней дате. Очень жаль, что после того, как Карфаген отрезал себя от остального мира, и в особенности от греческого, его жители не смогли создать свое собственное искусство. Форма и украшения грубых изделий совсем не изменились; маски и протомы стали стереотипными, сохранив деревянное выражение лица, а женские портреты сделались похожими на карикатуры. Единственный прогресс наблюдается только в области бронзового литья. К меди стали добавлять больше олова, и сплав стал менее хрупким. Бритвы теперь делали более тонкими и крупными, их украшали группами точек, которые образовывали полосы, зигзаги и зубцы. В последние годы V века до н. э. форма бритв изменилась: один ее конец приобрел форму полумесяца, а ручка выполнялась в виде птичьей шеи и головы с длинным, полуоткрытым клювом.

Удручающая монотонность погребальных предметов V века нарушается лишь одной вещью: великолепным кувшином, или енохом, из позолоченной бронзы, который обнаружил Пер Делатр в гробнице, построенной на холме Бирсы. Этот кувшин имеет форму груши высотой 12,5 дюйма (31,25 см), которая покоится на круглом основании. У него высокое узкое горлышко, расширяющееся книзу, и ободок в форме трилистника. Его ручка выполнена из трех трубочек, примыкающих друг к другу, припаянных к двум приспособлениям, которые прикрепляются к ободку и телу кувшина заклепками. Верхнее приспособление выполнено в форме коровьей головы Хатор с солнечным диском и двумя урями^[21] по бокам, а нижнее – в виде кипро-финикийской пальметты. Кувшин имеет древнегреческую форму, которая, в сочетании с египетскими и финикийскими украшениями и родосской техникой исполнения, создает единый образ. Этот образ могли придумать только финикийцы. Остается одна проблема – определить, где изготовили этот кувшин – в Тире, на Кипре или в самом Карфагене. На Востоке не было найдено ни одного сосуда подобного типа или этого периода, но у нас имеется несколько энохоэ с ручками, украшенными приспособлениями в египетском стиле,

которые были найдены в пунических гробницах IV века. Вполне вероятно, что сосуд из Бирсы был одним из первых изделий новых мастерских, основанных Магонидами в V веке для удовлетворения потребностей населения, чего уже не мог сделать Тир. Техника исполнения и украшения, сделанные с непревзойденным мастерством, скорее всего, свидетельствуют о том, что человек, изготовивший этот кувшин, приехал с Востока. Он поселился в Карфагене и научил его жителей своему ремеслу.

В это же время в Карфагене Магонидов возникла еще одна отрасль промышленности, ибо, после завоевания Сардинии, сюда стала поступать зеленая яшма. Этот камень легко поддается обработке, и Карфаген начал сам производить скарабеев, которых раньше вынужден был ввозить из Египта. Местные ремесленники тщательно воспроизводили форму и украшения египетских скарабеев.

В стелах тофета Саламбо не было крупных изменений в течение этого периода: часовни в египетском стиле и троны с изображением бетилов по-прежнему вырезались из песчаника, добытого в Эль-Хауаре. Впрочем, техника резьбы по камню улучшилась, украшения высекались более тщательно, и мемориалы стали величественнее. К концу века появились новые формы, которые предвосхитили возрождение, наступившее в IV веке до н. э.: ниши, вырезанные в камне, заполнялись геометрическими изображениями идолов или жертв, имевших ромбовидную или веретенообразную форму. Некоторые из этих стел похожи на ступенчатые алтари, стоящие на высоком подиуме и украшенные лепниной. На них стояли изображения погребальных урн.

Эти мемориалы на самом деле были моделями зданий; они помогают нам представить, какова была архитектура Карфагена в тот период. В ходе раскопок было обнаружено пока только одно общественное здание времен Магонидов – храм в Мотье, о котором мы уже несколько раз упоминали. Это было большое прямоугольное сооружение, разделенное на центральный неф и два боковых придела, как и в христианских храмах. Сходство усиливается еще и тем, что в прямоугольный священный дворик выходило нечто вроде нартекса. Дворик окружала колоннада; в нем, вероятно, было несколько других зданий. Одной из самых примечательных архитектурных особенностей храма был карниз, украшенный лепниной в египетском стиле. Археологи обнаружили прямоугольную капитель, которая венчала собой один из столбов у входа. У одной стороны храма располагался пьедестал, который мог когда-то поддерживать три бетила. Британская экспедиция, которую возглавлял Иссерлин, нашла доказательства того, что в первоначальном виде храм появился около 600

года до н. э. Поэтому он, скорее всего, относится к западнофиникийскому типу, а не Пуническому, поскольку Карфаген приобрел контроль над Мотьей только около 550 года. Карфагенцы мало интересовались этим храмом, и к 396 году он превратился в руины и часть его камней пошла на сооружение крепостных стен.

Археологические находки подтверждают исторический анализ: поражения на Сицилии и в Пунических войнах заставили Карфаген отказаться от колониальной системы в пользу автаркической. Однако эта реорганизация привела к понижению уровня жизни. Только к концу V века до н. э. условия начали улучшаться, несомненно в результате завоеваний на крайнем Западе, благодаря которым Карфаген получил доступ к месторождениям минеральных ресурсов. Доказательством этого служит возникновение производства бронзы, небольших предметов роскоши и улучшение качества вещей, которые клали в тофеты. В этот период значительная часть доходов уходила на войну, но довольно большая доля расходовалась и на чеканку монеты. Вначале деньги чеканились только на Сицилии и шли на оплату наемникам. Карфагенское общество по-прежнему подчинялось, во всех сферах жизни, строгому контролю. Общественное благо ставилось выше личного, и люди очень скоро восстали против такого положения вещей.

Приложение II

О достоверности сведений, касающихся плавания Ганнона

Рассказ о плавании Ганнона – это не только наиболее важный источник информации о периоде Магонидов, дошедшей до нас, но и документ первостепенного значения для всей истории Карфагена. Жермен, ученый, живший некоторое время в Марокко, написал статью, посвященную этому вопросу. Ее название свидетельствует об объеме этой статьи: «Что такое плавание Ганнона? Документ, художественное произведение или фальшивка?» Перед тем как обсудить этот вопрос, мы должны подробно изложить аргументы, выдвинутые в этой статье, которые, по нашему мнению, до сих пор не были подробно изучены.

Жермен смог сделать определенные положительные выводы, основываясь на изучении одного текста. Первые семь параграфов написаны обычным аттическим языком, а в остальных используются поэтические выражения, и имеется несколько слов, которым придано совсем иное значение, чем то, которое они имеют в обычной жизни, иными словами двусмысленное. Многие из терминов имеют значение, которое они приобрели в эллинистический период. Все это позволило Жермену сделать вывод, что текст был либо выдуман от начала до конца так называемым переводчиком, либо, в значительной степени, испорчен переводом. Это заключение кажется весьма сомнительным; автору этой книги особенно трудно согласиться с тем заявлением Жермена, что несколько частей текста были просто списаны у Геродота. Есть только одно предложение, которое подтверждает подобное заключение: в параграфе VII утверждается, что эфиопы и троглодиты живут в окрестностях Ликсуса. Еще не прочитав статьи Жермена, автор данной книги высказал предположение, что эти слова были вставлены позже. Все другие схожие отрывки из «Плавания Ганнона» и книг Геродота рассказывают об общих чертах плаваний в тропиках: о дикарях, облаченных в звериные шкуры и говорящих на незнакомом языке, о непроходимых лесах и проч. Гораздо более интересны коренные отличия в произведениях Ганнона и Геродота. Сатаснес (Геродот, VI, 43) и насамонцы (II, 32) добрались до степей, расположенных южнее Сахары, которые в ту пору были населены пигмеями. А Ганнон исследовал еще и джунгли, где обнаружил негров или «горилл», которых часто

отождествляют с пигмеями^[22]. Поведение этих существ, описанное Ганноном, полностью противоречит рассказу Геродота о пигмеях, которые довольно цивилизованны, живут в деревнях, говорят на человеческом языке, носят одежду и обращаются со своими пленниками гуманно. С другой стороны, самых характерных и самых интересных подробностей «плавания» – рассказа о лесах, из которых по ночам доносилась музыка, горящих горах и реках из огня и т. д. – у Геродота как раз и нет.

Аргументы Жермена строятся в основном на анализе языка этого произведения, хотя упоминаемым им вопросам можно дать иное толкование. Подобно всем семитам, карфагеняне любили увесистый стиль изложения и обильно уснащали тексты плодами своего воображения, что весьма трудно понять европейскому уму, не говоря уж о том, чтобы перевести. Самым удачным примером этого служит упоминание о звездах в конце погребальной эпитафии на финикийском языке, которую совсем недавно обнаружили в Пирги; современные лингвисты так и не смогли понять ее смысл. Поэтому нет ничего удивительного в том, что переводчик «Плавания» использовал поэтические термины, изменял значения некоторых слов и время от времени вставлял выражения из современной речи, которые еще не вошли в греческую литературу.

Жаль, что Жермену не пришла в голову очень интересная идея о том, что некоторые фразы в рассказе о плавании Ганнона могут представлять собой семитские выражения. В этом смысле стоит затронуть по крайней мере один вопрос. В своей статье Жермен отмечает, что хотя имя Ганнон было очень популярно в Карфагене, а человек, принявший участие в плавании, входил в состав правящей семьи, в рассказе ни слова не говорится о том, каково было его происхождение, и «этим-то фальсификатор себя и выдал». К сожалению, когда Жермен изучал пунические надписи, он занимался только эпитафиями или посвящениями. Официальных записей он не читал. А ведь отцовское имя первого суффета было опущено как в храме Астарты, так и в храме Танит в Ливане, а также в неопунической надписи, сделанной, согласно карфагенской традиции, в храме Финиссут. В договоре 216 года до н. э., заключенном между Ганнибалом и Филиппом Македонским, греческий царь указал имя своего отца, но ни Ганнибал, ни кто-либо другой из его карфагенских коллег, поставивших свои подписи под этим договором, этого не сделали. Поэтому так называемая аномалия, на которую обратил внимание Жермен, является как раз дополнительным доказательством подлинности текста, а не его фальсификации.

Жермен же тщится доказать, что рассказ о плавании является

подделкой или то, что карфагенский оригинал с трудом прослеживается в работе недобросовестного переводчика. Но ведь самые убедительные аргументы в пользу подлинности этого документа дает нам история литературы, а поскольку Жермен является специалистом по греческой литературе, это должно было привести его к совершенно противоположным выводам.

Несколько греческих писателей оставили нам описания воображаемых путешествий в далекие и более или менее мифические страны. Гекатей из Абдеры и Эвхемерий – самые известные авторы, писавшие подобные книги, и если Диодор воспринимал их писания как непреложную истину, то Лукиан в своей «Истинной истории» создал на них пародии. Этот жанр литературы имеет свои особенности, по которым его можно легко опознать: в сюжет, там, где это возможно, вплетаются мифологические анекдоты (хотя этим не гнушались даже самые серьезные историки); для философских и нравственных рассуждений используются рассказы о варварах (в этом случае автор идет по стопам великого Платона). В рассказе же о Плавании Ганнона нет никаких вставок на мифологические и философские темы, хотя они туда так и просятся. В абзаце XIV, например, карфагеняне приписывают огни и музыку, доносившуюся из ночного леса, какой-то сверхъестественной силе, и прорицатели убеждают их покинуть остров. Греческий писатель – под этим словом не обязательно подразумевается автор, сочинявший художественные произведения, а человек с Геродотовым складом ума, – принялся бы искать объяснение этому в мифологии и очень долго распространялся бы на эту тему. Молчание Ганнона говорит о совсем ином складе ума. Жермен предположил, что выражение «горящие реки» в отрывке XVII были вдохновлены потоками адского огня, о которых Платон рассказывает в конце диалога «Федон». Это – одно из многочисленных надуманных сравнений, которые Жермен приводит в своей статье; но в любом случае, если бы автором «Плавания» был грек, он бы уж ни за что не упустил возможности сравнить реки огня с царством Аида!

Можно было сравнить «Святую историю» Эвхемерия с рассказом о «Плавании», но Жермен почему-то этого не сделал. Эвхемерий всегда помещал действие в своих выдуманных надписях, на которых он основывал свои теории, в такое место, куда не мог бы добраться ни один ученый, изучающий эпитафии, чтобы проверить, правильно ли он их понял. Фальсификатору «Плавания», если таковой и был, никто не мешал сделать то же самое; он мог бы, вне всякого сомнения, начать свой рассказ так: «Пройдя Геркулесовы столпы, мы добрались до разрушенного храма, в

котором нашли надпись, которую сделал Ганнон, царь Карфагена, вернувшись из своего плавания». Этим фальсификатор сделал бы себя одновременно самым лживым и самым скромным из всех греков; а по мнению Жермена, таковым он и был.

Кроме того, фальсификатор должен был обладать сверхъестественными способностями, придумывая историю, в которой все главные события основаны на географии Тропической Африки. Жермен предполагает, что большая часть «фальшивки» относится к IV веку до н. э. [\[23\]](#) Но если бы Ганнон не совершил своего плавания, ни один человек в Средиземноморье не имел бы никакого представления о тропических лесах Африки. Только в начале нашей эры люди, посланные царем Юбой, вернувшись домой, сообщили кое-какие сведения о великих реках и лесах этой части мира. Как мы уже видели, ни Сатаснес, ни насамонские исследователи не заходили дальше саваны Южной Сахары, а рассказ о путешествии, которое совершили финикийцы Нехо, появился в необычно сухом греческом пересказе, где совсем не было описаний берегов, вдоль которых они проплыли. Так что фальсификатору пришлось бы полагаться только на свое воображение, и оно должно было быть совершенно сверхъестественным, чтобы он ухитрился в своем рассказе не сделать ни одной фактической ошибки!

Глава 3

Карфаген во времена олигархии

К концу IV века до н. э. Карфаген стал таким, каким мы и привыкли его себе представлять: чем-то вроде Венеции античного мира, аристократической республикой, сдержанной и хорошо управляемой, в которой люди подчинялись закону, претворяемому в жизнь отлично вышколенными богатыми людьми строгих нравов. Этот строй описал Аристотель около 340 года; он всячески его одобрял. Из его рассказа видно, что этот период в истории Карфагена разительно отличался не только от предыдущего, но и от того, что за ним последовал, и современному историку крайне трудно понять, как это случилось.

Переходный период и революция: 396–373 годы до н. э

Восстания и перемены сделали первую четверть IV века до н. э. крайне беспокойной. Однако, суммировав все события, которые произошли за эти годы, можно сделать ряд выводов.

После смерти Гимилько карфагеняне избрали нового царя, которого звали Магон. Главной его задачей стало подавление ливийского мятежа. Тысячи восставших спустились с гор и вторглись на пуническую территорию, прихватив с собой крепостных крестьян с окрестных полей. Карфагенянам пришлось укрыться за стенами города, который был осажден. Враг занял Тунис, и беглецы бросились бежать в Карфаген. В переполненном людьми городе вспыхнули болезни, и он вскоре обезлюдел. Среди ливийцев, однако, не было согласия. Диодор сообщает нам, что восставших было 200 тысяч, и они вскоре начали страдать от голода. Некоторые из их лидеров были подкуплены, и они постепенно растеряли свои силы и вернулись домой.

Теперь Магон мог подумать о том, как отомстить Сицилии. Дионисию стало уже тесно на острове, и он попытался овладеть проливами, намереваясь после этого вторгнуться в Италию. Однако сикулийцы, жители Этны и Региума, расположенного на самом краю Калабрии, оказали ему сильное сопротивление. В 393 году до и. э. против тирана одновременно поднялись Агригентум и Мессина, и Магон воспользовался представившейся ему возможностью вторгнуться на Сицилию. В отличие от своего предшественника Ганнибала он явился как защитник свободы, а не как завоеватель и разрушитель. Он пошел на Мессину, призвав греков и сикулийцев присоединиться к нему.

Магон не одержал военной победы, но ему удалось совершить очень важный дипломатический маневр. Дионисий не постеснялся вступить в союз с луканами (южной ветвью оско-умбрийских народов Апеннин) против греков, живших в Италии, и последние образовали конфедерацию, взяв себе в союзники Карфаген, чтобы противостоять ему. Более того, этруски, в частности жители Кере, с тревогой наблюдавшие за тем, как сиракузский тиран захватывает все новые и новые территории, с радостью достали из своих архивов договоры, которые когда-то заключил тефария Велиунас. Благодаря союзу с Римом, который превратился после заключения этого договора в федерацию, Кере сделался очень важным

городом, восстановил свой флот и стал держать под присмотром море между Италией, Корсикой и Сардинией. Рим недавно захватил Вейи, удвоив свою территорию.

Дионисию противостояла мощная коалиция, и он не постеснялся пригласить к себе на службу очень опасных бойцов, галлов. Последние наводнили Этрурию и Падану, захваченную сто лет назад; они овладели Фелсиной; вторглись в северо-восточную часть Апеннинского полуострова и заняли Эмилию и Марш до границы с Римини. Когда их орды начали форсировать Апеннинские горы, они предложили тирану Сиракуз свои услуги. Последнего не смутил дикий облик этих неожиданных союзников, а их захват Рима в 386 году до и. э. продемонстрировал ему, на что они способны.

Таким образом, в начале V века до н. э. все Центральное Средиземноморье было готово вступить в войну. Дионисий нанес удар с запада, и поначалу ему сопутствовал успех. Ему удалось наконец овладеть Региумом (387 год), а его флот начал систематически, один за другим, занимать острова и морские базы в Ионическом море, в направлении Греции. Его послов прогоняли как собак, стоило им только появиться на религиозных панэллинских праздниках.

Магон не стал тянуть, и впервые в истории Карфагена высадил свои войска в Южной Италии (383 год). Ему удалось вернуть в свои дома жителей небольшого греческого города Хиппониума (Вибоны) в Бруттиуме, которых изгнал оттуда Дионисий (379 год). К сожалению, военные дарования Магона сильно уступали его дипломатическим способностям. В предыдущую кампанию удалось избежать решающей битвы между двумя противоборствующими армиями, но, когда карфагенские и сиракузские войска встретились в Калабе, Магон пал на поле боя вместе со многими своими сподвижниками. Командование принял его сын, который жестоко отомстил за смерть отца: сиракузская армия была разгромлена под Кронионом, потеряв 14 тысяч человек. Среди них оказались брат Дионисия и самый способный из его командующих, Лептинес. Однако в Карфагене снова вспыхнул мятеж, а с ним пришла ужасная эпидемия чумы, которая, по-видимому, свирепствовала почти без перерыва целых тридцать лет! Совет старейшин решил обсудить условия почетного и выгодного мира. Карфагену, естественно, было разрешено сохранить за собой всю западную часть Сицилии с Селином и страной элимийцев; он обязался отказаться от претензий на Агригентум, хотя часть территории на западном берегу реки Халикус ему все-таки удалось сохранить за собой. Дионисий признал свое поражение, согласившись

выплатить контрибуцию в тысячу талантов.

Мы узнали об этих событиях из не очень удачной книги, описывающей события весьма претенциозно. Для автора этой книги Карфаген был извечным врагом, но тем не менее она представляет для нас определенный интерес. Карфаген изображен в ней в таком свете, в каком в свое время во французских учебниках для начальной школы изображали Германию. Поэтому нет ничего удивительного, что мы с большим трудом, пользуясь одним лишь этим фрагментарным свидетельством, можем представить себе внутреннюю политическую эволюцию Карфагена в этот очень важный для него период.

И первый вопрос, который надо себе задать, звучит так: привел ли разгром Гимилько к коренным изменениям режима? Маурин, который, как мы уже убедились, великолепно интерпретировал историю внутреннего развития во времена династия Магонидов, полагал, что привел. Он считал, что Гимилько стал последним представителем этой семьи, которая после его самоубийства была проклята и с тех пор уже больше не допускалась к власти. Согласно Маурину, в 396 году власть захватила аристократия, создавшая политический трибунал Одной Сотни и Четырех, который должен был следить, чтобы она больше никогда не попадала в руки одного человека.

Однако автор данной книги не согласен с этой точкой зрения. Диодор сообщает нам, что в 398–396 годах флотом Гимилько командовал некий Магон. Вполне возможно, что этот генерал и стал преемником разбитого царя. В то время все важные военные посты по-прежнему находились в руках правящей династии, и более чем вероятно, что этот Магон, тезка основателя династии, тоже был ее членом. Белох и Уормингтон разделяют эту точку зрения.

Магон, по-видимому, имел такую же власть, как и его предшественник, – он был в первую очередь царем, а потом уж – генералом; и он остался царем до самой смерти. Его похоронили с большой помпой, что свидетельствует о священном характере его власти, а на трон вступил его сын. Маурин пытался доказать, что этот царь гораздо сильнее зависел от совета старейшин, чем его предшественники в V веке до и. э. Впрочем, ему пришлось признать, что единственное вмешательство совета в государственные дела состоялось только после битвы под Кронионом, уже после смерти Магона, когда трон был еще свободен. Как и в случае с Гимилько в 406 году, наследника могли короновать только в Карфагене, а до этого его власть была ограничена. Поэтому сыну Магона пришлось ознакомить Карфаген с условиями мира, предложенными Дионисием. Даже

в V веке правители из династии Магонидов не могли принимать важных дипломатических решений без согласия старейшин и народа. В 391–383 годах наблюдалась полная координация между военными действиями и дипломатическими шагами, а это, по-видимому, означало, что контроль за внешней политикой в Карфагене в эти годы находился в руках одного человека.

С другой стороны, никаких сведений о деятельности трибунала Одной Сотни и Четырех в течение нескольких первых лет IV века до н. э. у нас нет. В ходе кампаний 393–391 годов Магон терпел одно поражение за другим. Однако свидетельств того, что он подвергался наказанию или что его власть в чем-то ущемлялась, мы не имеем. Первый крупный политический процесс в Карфагене, о котором нам стало известно, состоялся в 386 году над Эшмуниатом (Суниатом), но мы не знаем, каким судом он был судим. Впрочем, нам известно, что обвиняемый был лидером партии, которая активнее всех выступала против Магонидов. Первое свидетельство о легальных действиях против члена империалистической партии относится к 360 году, когда Ганнон Великий был приговорен к смертной казни, но мы не знаем, предстал ли он накануне смерти перед судом.

Все историки согласны с тем, что олигархический режим был установлен земельной аристократией. Тем не менее в 396 году Ливийское восстание, охватившее пунические земли в Африке, привело ко временному отказу от сельскохозяйственных проектов в этих местах, и это решение отбросило Карфаген на ту стадию развития, на которой он находился до завоеваний Ганнона. Вряд ли землевладельцы смогли бы добиться политической власти, если бы они не восстановили своих богатств.

Главной причиной, по которой Маурин датировал аристократическую революцию 396 годом до н. э., было то, что в том же году был установлен культ Деметры и Керы. Нет никаких сомнений, что это событие стало решающим шагом в эллинизации Карфагена: не можем мы отрицать и того, что олигархическая фракция, выступавшая за восстановление мира, состояла из сторонников эллинизма. Эшмуниатон (Суниатон), возглавивший в 368 году эту партию, преклонялся перед греческой культурой. Более того, новый культ прочнее всего укрепился там, где жили самые богатые землевладельцы Карфагена, – на полуострове Кап-Бон. Это тем более удивительно, поскольку, если вспомнить, богиня Церера, как называли ее римляне, являлась, в первую и главную очередь, богиней зерновых, а климат на Кап-Боне совсем не подходит для их выращивания.

В ту пору, как и сейчас, там процветало лесоводство, виноградарство и скотоводство, которые были главными источниками доходов для местных жителей. Поэтому Деметра и ее дочь не могли выполнять здесь свои обычные функции. Следует также отметить, что Кап-Бон – это та часть пунической территории, куда поступал основной импорт из Греции, и до нас дошли греческие имена нескольких его городов (Неаполис назывался Набейлом, Аспис – Клупеей, а позже – Келибией). Скорее всего, здесь поселились греки, прибывшие из Сицилии, и эта провинция позже превратилась в оплот олигархии и поклонников эллинизма.

Тем не менее развитие культа Деметры не являлось изолированным событием, не означало оно и полного разрыва с прошлым. Олигархическая революция шла бок о бок с другой религиозной реформой, которая тем более важна, что она касалась главного культа Карфагена, культа Танит, значение которой постоянно возрастало. В конце концов Танит заняла то положение, которое раньше занимал Баал Хаммон. Как мы убедимся в конце этой главы, этот процесс шел медленно и продолжался в течение всего рассматриваемого нами периода.

Все говорит о том, что политические и религиозные преобразования происходили постепенно, а не в результате кровавых восстаний. Это же справедливо и для экономики, где политика самодостаточности, навязанная Карфагену после Химерского поражения, уступила место экономике, основанной на неограниченной торговле. Первая фаза этого перехода началась в конце V века до н. э., когда в Карфаген были допущены несколько иностранных купцов и были предприняты первые шаги по организации экспортной торговли. Импортные товары начинают регулярно появляться в захоронениях только с середины века, но Диодор сообщает нам, что с 398 года пунические купцы стали торговать с Сиракузами, и карфагенские корабли начали заходить в порт этого города.

Другим очень важным событием было создание в Карфагене монетного двора. Как мы уже говорили, в конце V века Магониды начали чеканить на Сицилии монеты, но они использовались только для оплаты наемников. В первой половине IV века был построен монетный двор в Бирсе. Однако еще до этого сицилийские монеты были введены в обращение на землях Карфагена, и клад, который, вероятно, был зарыт во время Ливийского восстания 396 года и найден в Бизерте в 1907 году, содержал только греческие монеты, выпущенные в V веке в основном на Сицилии. Это, несомненно, была добыча солдата из армии Ганнибала или Гимилько, и он конечно же привез эти деньги домой не в качестве сувенира. Монеты, чеканенные в Карфагене, начали появляться в могилах,

расположенных на нижних склонах Ард-эль-Морали, скорее всего, в третьей четверти IV века до н. э. По-видимому, государство к этому времени предоставило какое-то количество драгоценного металла, который оно раньше использовало в своих политических целях, в распоряжение подданных. Естественно, это привело к развитию экономики, основанной на торговле, и помогло купцам вывозить за границу вещи, которыми до этого торговать было запрещено или разрешено лишь в очень незначительном количестве.

Все эти факты дают основание полагать, что окончательное падение власти Магонидов произошло около 373 года до н. э., но не в результате переворота, а в ходе эволюции. По-видимому, сын Магона, которого, по мнению Белоха, звали Гимилько, так никогда и не стал царем. Очень странно, что он не сел на трон сразу же после того, как в битве под Кронионом доказал, что как военачальник он намного талантливее своего отца. Вероятно, причиной этому стала его неожиданная смерть. Может, он умер от чумы, которая начиная с 406 года опустошала Карфаген? Этого мы никогда не узнаем, но ясно одно – аристократия, вероятно, была рада положить конец тому образу правления, который ущемлял ее интересы. Две фигуры теперь доминировали на политической сцене: Ганнон Великий и Эшмуниатон (Суниатон). Оба обязаны были своим возвышением богатству и наличию сильных сподвижников. По той информации, что мы имеем, ни тот ни другой, по-видимому, не имели титула царя. Впрочем, он не исчез, но те, кто его носил, уже не имели той непререкаемой власти, как Магониды.

Ганнон Великий

Мир, заключенный в 373 году до н. э., продолжался не дольше, чем все другие. Наши источники информации, оба – очень скудные, расходятся во мнении, по чьей вине он был нарушен: согласно Диодору, это сделал Дионисий, а если верить Юстину, то карфагеняне. Последнее более вероятно, поскольку одна пуническая партия яростно сопротивлялась войне – вряд ли она смогла это сделать, если бы агрессором был сиркузский тиран.

Так, впервые мы видим две соперничавшие партии в Карфагене, примерно равные по силе, которые сошлись в смертельной схватке. Группу, названную нами «империалистической», возглавлял Ганнон Великий, богатство которого, по словам Юстина, почти не уступало богатствам государства. Этот автор называл Ганнона карфагенским принцепсом. Следует ли думать, что титул принцепса обозначал, что его владелец не уступает по рангу царю? Если Юстин цитирует в этом случае Помпея Трога, то слово «принцепс», вероятно, имело то же значение, что и во времена Цицерона или Цезаря, а именно фактическое превосходство, а не верховенство по закону, каким, например, обладал Помпей в Риме около 60 года до н. э. Если же этот термин придумал Юстин, то он мог соответствовать тому значению, которое этот титул имел в ту пору, когда Юстин писал свой труд, – иными словами, во II веке н. э., когда словом «принцепс» называли не только императора, но и гражданского главу государства.

Юстин называл соперника Ганноном Суниатом; это имя, вероятно, является искаженной формой имени Эшмуниатон («Дар Эшмуна»). Это было одно из самых распространенных имен в Карфагене. В 368 году до н. э. Эшмуниатон стал, опять же по словам Юстина, *potentissimus Roenorum* (пуническим владыкой). Аббат Павел, который перевел книгу Юстина в 1774 году, передал этот титул как «человек, которого в Карфагене ценят превыше всех», что очень близко по значению к латинскому. Поэтому Эшмуниатон был не магистратом, а лидером большинства в совете старейшин. Мы можем представить его главой фракции, объединявшей всех крупных землевладельцев, которым к тому времени удалось завоевать верховенство на политической сцене Карфагена. Анализ конституции, сделанный Аристотелем, показывает, что эта партия создала коллегиальную форму власти, при которой управлением занималась целая

серия комитетов, не особенно себя афишировавших. Благодаря этому Эшмуниатон смог стать человеком, «которого в Карфагене ценили превыше всех», не занимая при этом высокого поста. Вероятно, он добился такого положения во время кризиса, который, скорее всего, разразился после смерти Магона и завершился изгнанием его сына. А поскольку царский титул имели право носить только Магоны, его, вероятно, передали какой-нибудь безобидной марионетке, в то время как реальная власть осталась в руках частных комитетов старейшин.

Назначение Ганнона Великого главнокомандующим армией произошло, вероятно, в результате изменения политической ситуации. Старшинам, очевидно, пришлось подчиниться требованию народа. Аристотель, как мы увидим позже, подчеркивал важную роль, которую играли в политической жизни Карфагена общества, названные им *sissytia* и которые фактически были братствами или клубами. Эти братства устраивали пиры для своих членов. Философ, вероятно, имеет в виду один из старейших и самых долговечных финикийских институтов, который называли мизра. О нем мы поговорим позже. В рассказе о падении Ганнона сообщается, что он опирался на поддержку этих братств, которые, по-видимому, продолжали существовать, несмотря на сильную оппозицию, в которую входили некоторые члены Народного собрания.

Ганнон, таким образом, получил пост генерала. Раньше его занимал человек, которого назначал царь, а если он не справлялся со своими обязанностями, то его заменяли другим. Теперь же пост главнокомандующего стал независимым, и это было результатом разделения верховной власти.

Вскоре после этого Эшмуниатон был обвинен в государственной измене, осужден судом и, вероятно, казнен, хотя Юстин не сообщает нам, от чьего лица был вынесен смертный приговор. Вполне вероятно, что в то время уже действовал трибунал Одной Сотни и Четырех, но большая часть членов этого аристократического собрания, должно быть, симпатизировала осужденному. Могло быть и так, что общественное мнение заставило его осудить Эшмуниатона против своей воли. По-видимому, в это время, как и в 409 году до н. э., Карфаген стал жертвой националистского угара. Предполагается, что старейшины даже издали указ, запрещающий обучать детей греческому языку! Этот указ столь абсурден и столь невероятен, что его вряд ли воплотили в жизнь, так что наша информация, вероятно, соответствует истине, поскольку фальсификаторы обычно старались сочинять вполне достоверные истории. В качестве доказательств в суд были представлены письма, написанные по-гречески, которые якобы

Эшмуниатон отправлял Дионисию. В них сообщалось о планах пунического Верховного командования и подчеркивались недостатки характера Ганнона, в особенности его лень. Очень хочется верить, что эти письма составлял сам Ганнон, желая рассорить членов оппозиции и избавиться от их лидера. Ганнон знал, что большинство старейшин его ненавидят, и решил их запугать.

Эта война велась также же нерешительно, как и все предыдущие. Дионисий решил повторить маневр, который принес ему победу в 398 году до н. э., и двинулся к главной пунической военно-морской базе, надеясь овладеть ею еще до того, как враг высадится на берег. Он пересек весь остров, нигде не встречая сопротивления, и атаковал Лилибей (современная Марсала), которая сменила Мотью. Тот факт, что он сумел без труда совершить такой поход, доказывает, что в этой провинции карфагеняне держали лишь небольшое войско. И вправду, в начале всех своих кампаний им приходилось ждать, пока не будет набрана наемническая армия, и только после этого они начинали воевать. Тем не менее Лилибей оказал сильное сопротивление, и тирану пришлось отступить. Но вскоре после этого в арсенале Карфагена случился пожар. Когда Дионисий узнал об этом, он решил, что теперь ему нечего опасаться атаки вражеского флота, и отослал большую часть своих судов в Сиракузы. На траверзе горы Эрике остался лишь один дивизион греческих кораблей, стоявших на якоре. На него неожиданно напала карфагенская эскадра из 200 судов, которой удалось избежать пожара. Ганнон высадился с армией на берег, но развивать свой успех не стал – близилась зима, и он решил заключить перемирие. Весной 367 года до н. э., еще до истечения срока этого перемирия, умер Дионисий.

Смерть главного противника стала неожиданным подарком для карфагенян. Дионисий-младший, наследовавший отцу, был явно не из того теста. Более того, прежде чем приступить к боевым действиям, он должен был еще укрепить свою власть, поскольку его окружали многочисленные враги, среди которых было много членов его собственной семьи. Поэтому перемирие было продлено на тех же самых условиях, что и в 367 году.

Бездействие Ганнона было непростительным, и он вскоре очень сильно об этом пожалел. У него появился новый соперник, словно в компенсацию за смерть Дионисия, и, хотя он не собирался воевать с Карфагеном, осада Сиракуз, которую начал еще Магон, стала совершенно бессмысленной. Одновременно со смертью сиракузского тирана власть в Таренте захватил Архит, который очень быстро превратил эту старую спартанскую колонию в столицу конфедерации под названием Великая

Греция. Даже италийские племена Апулии и Лукании вынуждены были признать ее власть. Сиракузы и Тарент – два дорических города – всегда находились между собой в дружеских отношениях, а теперь эту дружбу скрепил еще и официальный договор между Архитом и Дионисием Г1. Это означало, что города, расположенные на берегу пролива, теперь лишились всякой надежды на независимость, а Карфаген – всяких надежд на возможность воевать в этих местах.

Чтобы компенсировать эти потери, Карфаген, несомненно, укрепил свои связи с Этрурией. О тесных взаимоотношениях двух народов свидетельствует отрывок из произведения Аристотеля, который подвергся многочисленным комментариям (Полибий, «Истории»). Его точный смысл объяснил Брунел в книге «Греческая керамика Марселя», написанной им в соавторстве с Ж. Вилларом. Он утверждает, что великий философ пытался методом доведения до абсурда показать, что, каковы бы ни были отношения между отдельными людьми и группировками, весь город за это не отвечает. Если для того, чтобы объединить противоборствующие партии в единое целое, нужно всего лишь заключить политическое соглашение, каким бы оно ни было, то оно должно быть заключено, как, например, поступили этруски и карфагеняне. Из этого, конечно, вовсе не следует, что Этрурия и Карфаген слились в единое государство – как считали многие. Аристотель тут же добавляет, что у них не было ни федеральных органов, ни общих принципов государственного устройства, и «нет сомнений, что оба народа объединились для проведения общей политики в отношении импорта, а также на основе соглашений, которые запрещали наносить ущерб друг другу, и на основе военных договоров».

Таким образом, к началу третьей четверти IV века до н. э. было подписано несколько дипломатических документов, которые объединили Карфаген с рядом этрусских городов и, вне всякого сомнения, с их конфедерацией. Некоторые из этих соглашений касались торговли и гарантировали взаимную защиту граждан обеих сторон, проживавших на территории союзника. По образцу этрусско-пунических договоров были составлены романо-пунические соглашения 508 и 348 годов до н. э., содержавшие аналогичные статьи. Другие разделы охватывали более широкий круг вопросов и касались военного союза между Карфагеном и рядом этрусских городов. Эти разделы можно отнести только к небольшому числу городов, например к Кере, ибо, несмотря на федеральное устройство страны, тирренским народам никогда не удавалось выступать единым фронтом, а уж в IV веке – тем более.

По мнению некоторых современных историков, договоры, упомянутые

Аристотелем, были заключены гораздо раньше, возможно даже в VI веке до н. э. Тогда получается, что соглашения, объединявшие два народа во времена Алалийской битвы, уже перестали действовать. Пример романо-пунического союза показывает, что даже неприменяемое активно соглашение теоретически может действовать очень долго, но его время от времени надо подтверждать и вносить поправки, если наступает эпоха, когда возникает необходимость в более тесном сотрудничестве. Так, видимо, и случилось, когда карфагеняне и тирренцы объединились в своей борьбе против Дионисия: политические и экономические условия за последние два века сильно изменились, и старые договоры им уже не соответствовали.

В результате союзнических соглашений в Карфаген переселилось некоторое число этрусков. Были обнаружены следы их пребывания: на табличке из слоновой кости, найденной в гробнице в Сент-Монике, имеется этруская надпись, в которой упоминается имя карфагенянина. Этот человек был, скорее всего, тирренцем, переселившимся в Африку. Он, вероятно, обладал тем же статусом, что и метики в Афинах, – то есть имел все права карфагенского гражданина, но разговаривал на своем родном языке. Две потери (низкие неглубокие сосуды) геникумийского типа, вероятно, были привезены из Кере в середине IV века. Однако самым красноречивым свидетельством тесных связей двух народов являются знаменитые саркофаги со статуями, найденные в том же самом некрополе и аналогичные тем, что изготавливались в Тарквинии. Эти гробницы породили ряд проблем, о которых мы поговорим ниже. Впрочем, следует отметить, что они принадлежали пуническим аристократам и демонстрируют их тесную связь с Этрурией.

В первой половине IV века Кере был главным городом Этрурии. Примерно до 354 года до н. э., как утверждает синьорина Сорди, он имел тесные связи с Римом, но тот же самый историк показал, что Кере поддерживал дружеские отношения и с Марселем. Благодаря вмешательству городских властей отношения между финикийцами и финикийскими колонистами временно улучшились. Согласие царило, вероятно, довольно долго, ибо вскоре после 330 года Пифей получил разрешение пройти Геркулесовы столпы.

Можно не сомневаться, что дальнейшие боевые действия происходили в Африке. Ливийское восстание было подавлено, и, вероятно, были захвачены новые территории. Вполне возможно, что Фуске и Великие равнины Меджерды были присоединены именно в это время. Руководил кампанией Ганнона, вступив в союз с каким-то «мавром», которого он

позже попытался захватить в плен, намереваясь забрать себе его земли. Впрочем, трудно поверить, чтобы этот «мавр» жил в тех местах, которые позже были названы Мавританией, а еще позже – Марокко. Вряд ли он чем-то сумел помочь Карфагену, поскольку обитал слишком далеко.

Несмотря на эти войны, о которых мы можем только догадываться, четверть века, прошедшая после смерти Дионисия, оказалась одной из самых спокойных за всю историю Карфагена. Поэтому нам трудно согласиться с мнением современных историков о том, что большую часть этого периода городом правил Ганнон Великий, националистические наклонности и устремления которого к господству за счет военной силы стали очевидны уже в самом начале его карьеры, и что в тот самый момент, когда снова должна была вспыхнуть война, его сменила миролюбивая олигархия, преклонявшаяся перед всем греческим.

Юстин весьма смутно говорит о том, в какое время Ганнон потерял власть, а ведь Юстин в этом случае наш главный источник. В первых трех главах книги XXI своей «Истории» он описывает правление тирана Дионисия Младшего, рассказывает о свержении его Дионом в 357–355 годах (причем очень кратко) и о том, как этот Дионисий управлял Региумом и Локри, где нашел приют во время своей десятилетней ссылки. В главе 4 сообщается о падении Ганнона, которое, вероятно, произошло одновременно с описанными событиями, а глава 5 посвящена второму периоду правления Дионисия Младшего в Сиракузах (346–344 до н. э.). Поэтому мы можем сделать вывод, что падение Ганнона произошло, скорее всего, до 346 года, хотя некоторые современные историки датируют его 344 годом до н. э. Впрочем, это могло случиться в любое время в течение 367 и 346 годов, поскольку Юстин употребляет выражение «*dum haec in Sicilia geruntur*», которое характеризует события не только 4-й главы, посвященной правлению Дионисия II в Региуме, но и трех предыдущих глав, описывающих события на Сицилии. Сведения, приведенные Аристотелем, не противоречат этому выводу. В то время, когда он собирал материал для 2-й книги своей «Политики» (одной из самых ранних), он, по-видимому, еще ничего не знал о Ганноне. Он упоминает о нем в книге V, которую можно датировать самое раннее 336 годом, поскольку в ней он также пишет об убийстве Филиппа Македонского. Однако из этого вовсе не следует, что Ганнон предпринял попытку совершить государственный переворот непосредственно перед началом 336 года. В промежутке между написанием книги II и книги V Аристотель расширил свои знания о Карфагене, узнав, например, о монархии Магонидов, которую он назвал тиранией (V, 12).

С другой стороны, описывая в книге II Карфаген, Аристотель сообщает, что там правит аристократия с демократическими или олигархическими взглядами. Конечно же общество, где у власти находился такой человек, как Ганнон, никак не могло относиться к подобному типу.

Ганнон, скорее всего, после 368 года до н. э. еще несколько лет оставался у власти. Помпей Трог посвятил ему целую книгу, где, помимо всего прочего, описал его деяния в Африке. Но, как мы уже видели, он смог лишь раз и навсегда усмирить ливийцев после их восстания в 379 году (до 241 года до н. э. в Ливии не случилось ни одного мятежа), захватить территории в Северном и Центральном Тунисе и совершить несколько набегов на неподвластные ему земли, чтобы помешать независимым племенам оказать помощь своим завоеванным соседям. Даже если нам захочется присоединить к этому списку еще и войны в Испании и отправку экспедиционных сил вдоль побережья Магриба, то все равно эти походы не займут более десятилетия.

Автор данной книги поэтому полагает, что Ганнон исчез с исторической сцены уже к 357 году, когда Дион, зять Дионисия Старшего, решил свергнуть своего племянника. Его флот вышел из Афин, но из-за противных ветров высадился в Малой Геракле в карфагенской провинции. Диона гостеприимно встретил комендант города Синалус. Пуническое правительство не сделало никаких попыток помочь флоту Диона или, наоборот, помешать ему, когда он проходил мимо островов Керкена в заливе Габе. Не отказалось оно и от политики дружеского нейтралитета и не приняло никакого участия в свержении Дионисия в 355 году до н. э. Интересно отметить, что этот Синалус был греком, из чего можно сделать вывод, что Карфагеном какое-то время управляли миролюбивые поклонники греческой культуры, которые предоставили своим сицилийским подданным право самим решать, что им делать. По-видимому, это были старые сподвижники Эшмуниатона.

Ганнон потерял власть где-то около 360 года до н. э. До нас дошел красочный драматический рассказ о заговоре, в котором содержится очень важная историческая информация: «Когда на Сицилии произошло это событие, Ганнон, главный человек среди карфагенян, живущих в Африке, применил свою власть, которая превосходила власть правительства, для обеспечения своего суверенитета и попытался, убив старейшин, стать царем. Выполнить это гнусное намерение он решил в день свадьбы своей дочери – это помогло бы ему прикрыть свое подлое деяние помпезной религиозной церемонией. Для этого он приготовил пир для простых людей в общественных портиках и еще один – для старейшин в своем

собственном доме, так чтобы, насыпав яда в чаши с вином, убрать их тайно и без свидетелей и после этого с легкостью захватить управление в городе, когда ему никто не будет мешать. Но этот заговор был раскрыт шпионами магистратов; подлые планы Ганнона были разрушены, но не наказаны, из опасений, что если дело раскроется, то возникнет больше проблем, чем возникло бы после выполнения задуманного Ганноном плана. Удовлетворившись поэтому простым предотвращением убийства, они своим указом просто ограничились расходами на свадебные торжества и велели, чтобы этот приказ исполнялся не только им, но и остальными горожанами, чтобы никто не догадался, для чего это было задумано. Не сумев исполнить свой замысел, Ганнон решил предпринять новую попытку, поднял восстание рабов и назначил новый день для убийства старейшин, но, узнав, что его снова предали, закрылся, из опасения, что его привлекут к суду, в мощной крепости с 20 тысячами вооруженных рабов. Здесь, пока он убеждал африканцев и царя мавров присоединиться к нему, его схватили и высекли бичом, а потом выкололи ему глаза, сломали руки и ноги, словно надеясь исторгнуть искупление [его грехов] из всех конечностей, а потом казнили при всем народе, и его тело, связанное веревками, прибили к кресту. Всех его детей и родственников, которые были ни в чем не виноваты, тоже отдали в руки палачу, чтобы не осталось в живых ни единого человека из этой подлой семьи, который мог бы выполнить его гнусный план или отомстить за его смерть».

Хотя этот текст содержит массу политических, социальных и экономических сведений, касающихся Карфагена, которые, несмотря на риторику автора, сразу же бросаются в глаза, никто еще не подвергал его тщательному анализу.

Рассмотрим сначала характер и роль самого Ганнона. Как уже отмечал Гсел, он сильно отличался от обычного греческого тирана. Последние при захвате власти опирались на самые низшие слои населения или на армию. Ганнон не сделал ни того ни другого, ибо, будучи генералом, он тем не менее не имел войск под своим командованием – что, кстати, доказывает, что к тому времени война в Африке уже закончилась. Народ в его плане не играл никакой роли. Конечно, во второй части истории Ганнон сумел вооружить 20 тысяч рабов, но никто не говорит о том, что он подбивал на восстание бедняков Карфагена; впрочем, в IV веке до н. э. такие действия были еще не в моде. Нет и свидетельств того, что он использовал чужих рабов – только своих собственных; это были, вероятно, крепостные с его земель, а крепость, в которой он засел, несомненно, стояла в сельской местности. Отсюда он призывал к восстанию африканцев – то есть

ливийских подданных Карфагена. Он также заручился поддержкой влиятельных саидов. Ганнон действовал скорее как берберский князь, а не как политический агитатор классического мира. На протяжении всей истории Магриба политическую нестабильность всегда порождало неожиданное выступление племен, которым руководил воинственный вождь или его клан.

Впрочем, «африканский» характер Ганнона проявился лишь во время второй попытки захватить власть. Во время первой он использовал специфические пунические учреждения. Не следует забывать, что карфагенский свадебный пир, сопровождавшийся религиозными церемониями, вовсе не был семейным делом, и на него приглашали огромное количество гостей. Участвовали в нем и братства, существовавшие при храме. Вряд ли, впрочем, в тот период в Карфагене существовали «общественные портики». Вместо них были портики, окружавшие двор храма^[24]. Мы знаем к тому же, что в пунических храмах имелись специальные залы для свадебных пиров. Именно здесь обычно и собирались члены различных братств (мизра, марзеа, сапах), и отсюда исходило их политическое влияние (описанное Аристотелем). Эти-то братства Ганнон и пригласил на пир, и, сделав это, он собрал всю городскую элиту, которая была гораздо более многочисленной, чем та, из которой выбирали старейшин. Эта элита имела такое прочное положение, что могла им противостоять. Вполне возможно, что эти братства уже показали свою силу, которая помогла Ганнону победить Эшмуниана в 368 году до н. э. Но на этот раз они отказались его поддержать, поскольку его планы были слишком амбициозными, и олигархическая пропаганда это особо подчеркивала. Впрочем, вполне вероятно, что необычный план по массовому уничтожению всех членов совета тоже был придуман пропагандой.

В оппозиции к Ганнону оказалась группа магистратов, которые поддерживали старейшин. Мы не знаем ни их титулов, ни их обязанностей, но нам известно, что они контролировали дела и, без сомнения, содержали полицию. Те люди, которые донесли о заговоре, названы у Юстина министрами; вполне возможно, что они были шпионами магистратов, а вовсе не заговорщиков^[25].

История Ганнона позволяет пролить свет на социальную организацию Карфагена, которая кажется нам совсем не сложной по сравнению с организацией современных Карфагену греческих городов. В этой структуре богатство распределялось неравномерно, и существовали «кланы» или

братства, которые еще не слились в единое гражданское общество. Чтобы найти аналоги этому в Греции, мы должны вернуться в VI или даже VII век до н. э. Аристотель был прав, сравнив Карфагенскую республику с самыми архаичными греческими городами Спарты и Крита.

Конституция Аристотеля

Сведения о конституции Карфагена, которые сохранил для нас Аристотель, до сих пор являются самым ценным источником сведений об общем пуническом праве. Она была создана в середине IV века до н. э. Различные этапы понимания Аристотелем жизни великого африканского города очень хорошо описал Вейл. Поначалу Аристотель считал карфагенян варварами вроде персов, кельтов и македонцев. Это отношение хорошо заметно в некоторых отрывках из книги VII его «Политики». Интерес философа к жителям Карфагена в это время был чисто этнографическим. Позже он понял, что их конституцию можно сравнить с конституциями Македонии и Крита. Поэтому, несмотря на все ее «отклонения», она приближалась к идеалу политейи Аристотеля. С этим отношением он писал главу II второй книги, которая вовсе не является анализом пунической конституции, основанным на его трактате «Конституция Афин», а лишь попыткой определить ее основные характеристики в сравнении с греческими методами управления, которые он уже исследовал. В этом смысле он пытался найти ее место в системе своих социологических воззрений. И наконец, в последние месяцы своей жизни Аристотель получил новую информацию о пунической истории и законах; он узнал о династии Магонидов и о перевороте Ганнона. Нам неизвестно, изменилась ли его точка зрения и смогли ли последние события изменить его отношение к Карфагену, но теперь он включил этот город в число демократий. Если принять во внимание все вышеизложенное, то нам станут понятны те проблемы, с которыми мы сталкиваемся, пытаясь интерпретировать взгляды Аристотеля на карфагенскую систему управления. Следует отметить, что для современных историков эти проблемы стали еще более острыми, ибо, вместо того чтобы принять текст книги Аристотеля в том виде, в каком он до нас дошел, они пытаются согласовать его с любой другой информацией о пунической конституции, которая у нас имеется. При этом они забывают о том, что с течением времени эта конституция могла измениться, и создают себе проблемы на равном месте.

Мы будем шаг за шагом следовать за текстом Аристотеля, помня при этом, что он отражает положение вещей, сложившееся ко второй половине IV века. Если вы думаете, что мы найдем здесь описание монархии Магонидов или рассказ о демократии времен Ганнибала, то глубоко

ошибаетесь. Глава II второй книги Аристотеля начинается с восхваления пунической конституции, которая сравнивается с македонской и критской, уже описанными в предыдущих главах. Жители Карфагена подчинялись закону, в котором не было ни тирании, ни поводов для мятежей. Позже, когда Аристотель узнал о династии Магонидов, его оптимизм несколько уменьшился – эту монархию он классифицировал как тиранию. Ему стало также известно о попытке Ганнона устроить революцию. После этого философ проводит параллели с институтами Македонии: Сисситию он приравнивает к спартанской Фидитии. Это были, как мы уже говорили, «кланы» или «фиасой» (мизра, сапах, марзеа), то есть старые языческие или религиозные группировки, которые составляли основу общественной жизни и собрания которых часто принимали форму пиров. Хотя приравнивание Сисситии к Фидитии вполне объяснимо, оно тем не менее вряд ли оправдано. Между Фидитией или клубами товарищей по оружию у македонян и семитскими религиозными братствами нет ничего общего.

После этого Аристотель отождествляет трибунал Одной Сотни и Четырех с Эфорой, имея на это полное право. Хотя оба этих института строились на разных принципах, они играли одну и ту же роль – защищали аристократический режим. В этой связи Аристотель сообщает нам, что члены Одной Сотни и Четырех избирались по своим достоинствам, но на самом деле, как мы увидим ниже, их назначали пентархи. Он считал такую систему более предпочтительной, чем выборы эфоров членами Апеллы. Это замечание является доказательством того, что цари Карфагена, которых Аристотель сравнивал с базилеями Спарты, никак не могли быть суффетами, ибо суффеты избирались Народной ассамблеей всего на один год. С ними мы еще встретимся в главе, посвященной Ганнибалу. Если бы это было не так, то Аристотель убрал бы свой панегирик Карфагену на том основании, что Одна Сотня и Четыре – это не выборный орган, и указал бы, что главные магистраты в нем избираются жителями города. Далее Аристотель описывает систему выбора царя, но термины, которые он использует, не до конца ясны. Он говорит, что власть не передается по наследству в одной семье, но при этом цари и не избираются народом, а далее сообщает (§ 5), что и царей, и генералов выбирают с учетом их заслуг и состояния. Кандидатов на эти посты, вероятно, обязывали потратить крупную сумму денег на общественные нужды. Скорее всего, это означало, что они должны были устраивать пиры и банкеты – как сделал Ганнон Великий, предъявив свои права на верховную власть, – а также выделять деньги на строительство памятников и общественных зданий, снабжение армии и флота и т. д. Подобная практика была распространена в римской

Африке, где люди, занимавшиеся благотворительностью, официально получали такие титулы, как «друг горожан», или «украшение народа» и т. п. Аристотель особенно подчеркивал, что выборы царей происходили точно так же, как и выборы генералов, и победителя среди кандидатов на тот или иной пост выбирало одно и то же жюри. В этой связи Диодор сообщает нам, что в 310 году до н. э. Герусия поручила Ганнону и Бомилькару вести войну с Агафоклом.

Мы знаем, что в IV веке до н. э. цари и генералы занимали свои посты в течение нескольких лет. Ганнон Великий правил очень долго, как и его сын Гиско и внук Гамилькар – тот самый Гамилькар, который сначала поддержал Агафокла, – а также Бомилькар, который отстоял Карфаген во время вторжения последнего. Трудно предположить, чтобы все они избирались на один год, а потом регулярно переизбирались. Зато во II веке суфеты, выбранные на один год, в следующих выборах уже не участвовали.

Гамилькар, внук Ганнона Великого, носил титул мелека, или царя (Диодор, XX, 33, 2). Его отец, Гиско, вероятно, тоже имел этот титул, если судить по тому, что он «отпраздновал» свой триумф над врагами, который, по-видимому, был царским ритуалом, пришедшим в Карфаген во времена фараонов. Бел ох был прав, говоря о династии Ганнона. Впрочем, в следующем поколении царский титул перешел к соперничающей с ними семье, и в 309 году его носил Бомилькар. Его дядя Гамилькар был его предшественником на Сицилии и соперником другого Гамилькара, царя, сына Гиско. Таким образом, существовала особая процедура, в ходе которой царский титул переходил из одной семьи в другую. Более того, главнокомандующий войсками, который был тесно связан с монархом и во времена Магонидов был ему подчинен, теперь стал совершенно независимым. Старейшины устроили так, чтобы царь мог получить в главнокомандующие генерала, принадлежащего к оппозиционной фракции. Так, в 318–314 году до н. э. командование войсками в Италии было разделено между двумя Гамилькарами. В 309 году, несмотря на вторжение в Африку Агафокла, генералом при царе Гамилькаре стал Ганнон, питавший к нему наследственную ненависть. (Мог ли этот Ганнон быть еще одним потомком Ганнона Великого?)

В 309 или 308 годах до н. э. Бомилькар предпринял попытку переворота и заставил аристократию отменить монархию. С тех пор во главе армии стояли не цари, а генералы. Титул мелека не исчез, он просто превратился в почетное звание.

И цари, и генералы в равной степени подчинялись политическому

трибуналу Одной Сотни или Одной Сотни и Четырех. Аристотель упоминает об этой организации дважды: в § 2 он сравнивает ее с комиссией эфоров в Спарте, а в § 4 сообщает, что судьи избирались пентархами.

Аристотель пишет: «Комиссии пяти, или пентархи, которые держали под своим контролем многие важные вопросы, не только заполняли свои собственные вакансии [методом] кооптирования, но и назначали членов Сотни, верховного конституционного органа. Более того, они дольше всех других занимали свои должности; получая власть еще до того, как стать членами этого комитета, они пользовались ею и после того, как переставали ими быть. С другой стороны, все они были представители богатых аристократических семейств, о чем свидетельствует тот факт, что они не получали никакой платы и не избирались народом...»

Ни в одном другом документе, касающемся Карфагена, мы не найдем упоминания о комитетах, состоявших из пяти человек, а Аристотель ничего не говорит о том, сколько их было и каковы были их обязанности. По-видимому, это были исполнительные органы, эквивалентные пробулоям, которые в некоторых греческих городах имели влиятельные органы в составе советов.

В III веке ни Полибий, ни Ливий не упоминают о пентархах. Они пишут только об одном тайном органе в составе совета старейшин, имевшем ограниченную власть, а Аристотель его полностью игнорирует. Вполне вероятно, но совсем не обязательно, что этот тайный совет был создан путем слияния нескольких пентархов.

Аристотель пишет лишь о двух главных магистерских органах власти: монархии и генералитете, но допускает, что в Карфагене могли существовать и менее значимые посты (в § 6).

Эти посты, по крайней мере два из них, занимали суффеты. В III веке суффеты были в первую очередь судьями, и эта функция точно соответствует значению этого семитского слова. Согласно Аристотелю, все дела слушались одними и теми же магистратами; специализированных судов, как в Спарте, в Карфагене не было. С первого взгляда может показаться, что вся юридическая власть находилась в руках Одной Сотни и Четырех. Впрочем, вполне вероятно, что Аристотель считал их политическими магистратами, а не судьями. Поэтому можно предположить, что суффеты слушали и гражданские и уголовные дела.

Функции Народной ассамблеи очень четко описаны в § 3:

«Когда царь и старейшины согласны, что то или иное дело надо сообщить народу, они это делают, но это делается и тогда, когда у них нет общего мнения по этому вопросу! Более того, если дело, одобренное царем

и старейшинами, касается народа, то народ имеет право не только выслушать решение верховных органов власти, но и выразить свое, независимое мнение. Оно выслушивается всеми, и всякий может выступить против предложений, которые были вынесены на их суд. Это право в двух других конституциях (то есть критской и македонской) отсутствует».

Право разбирать спор между царем и аристократическим советом, по-видимому, появилось в глубокой древности. Таким образом, пока монархия к концу IV века до н. э. не ослабла, народ имел очень важные привилегии.

Картину пунических институтов власти, описанную Аристотелем, можно суммировать так: аристократия в государстве еще не стала всемогущей, но могла значительно ослабить монархию, прервав непрерывность династии и передав другим органам большую часть ее власти. Ведение военных кампаний все больше и больше доверялось генералам, а гражданские магистраты – в особенности суффеты – взяли на себя управление внутренними делами. Аристократия контролировала все, благодаря двум организациям: трибуналу Одной Сотни и Четырех, который всегда был готов сурово осудить любые ошибки и попытки восстаний против существующего порядка, и пентархами, каждый из которых специализировался на управлении определенным видом хозяйственной деятельности, а также координировал и дублировал работу магистратов. В этой хорошо организованной системе почти не оставалось места для теоретически очень важной Народной ассамблеи.

Религиозная реформа

Царский культ Баал Хаммона был гарантией власти суверена, который, в определенной степени, служил представителем бога на земле. В начале IV века до н. э. этот культ тоже пришел в упадок, по тем же самым причинам, что и монархия. И так же как цари оставались на своих местах, сохранив за собой кое-какую власть, так и этот бог остался в пантеоне Карфагена, но лишился первого места. Старая и поистине устрашающая религия попала в немилость в ходе исторических событий и духовной эволюции карфагенян. Баал Хаммон не смог помешать разгрому, который потерпел Гимилько, или остановить опустошавшую город чуму. А ведь жертвы Молоху приносились в первую очередь для того, чтобы предотвратить подобные трагедии. Более того, наиболее образованные карфагеняне все больше и больше возмущались тем, что им приходилось приносить в жертву богу своих детей, и стыдились того, что греки считали их бесчеловечными. Греки были соперниками Карфагена в экономике и политике, но в смысле цивилизованности сильно их превосходили. Описывая ту панику, которая охватила Карфаген после известия о наступлении Агафокла, Диодор отмечает, что карфагеняне стали пренебрегать Баал Хаммоном и теперь приносили ему в жертву детей рабов, которых тайно покупали и кормили. Это разгневало бога, пишет он, и карфагеняне поплатились за свое пренебрежение. Этот текст подтверждает наши слова о том, что божественный покровитель Магонидов попал в немилость и больше уже не был главой пантеона. Каковы же были причины для этого?

Первый удар по структуре национальной религии предков был нанесен в 396 году до н. э., когда город официально принял культ Деметры и Керы. Это было сделано членами земельной аристократии, которая к тому же готовилась к захвату власти. Поэтому введение нового культа стало реакцией богатых и образованных верхних слоев общества на примитивные и давно устаревшие аспекты ханаанской религии, а также политическим шагом, направленным на ослабление власти монархии, которая правила от имени Баал Хаммона.

Не сохранилось ни описаний, ни останков святилища новых богов, которые помогли бы нам воссоздать его облик.

Возможно, оно напоминало греческие храмы Сицилии и, подобно многим из них, было построено в дорическом стиле, который раньше

карфагеняне не признавали, но который с тех пор стал главной особенностью их религиозных и светских сооружений.

Новая религия стала символом власти крайне незначительной части населения Карфагена, которую отделял и отличал от остального народа ее высокий культурный уровень и амбиции. Новый культ, как мы еще увидим, так и остался иноземным для рабочих масс, моряков, купцов и художников. Он не отвечал их потребностям и, кроме того, оскорблял национальные чувства тех семитов, которые по-прежнему были крепко связаны с Тиром. То, что это так и было, подтверждается волной ксенофобии, захлестнувшей Карфаген в 310 году до н. э.

Изучение захоронений в тофете Саламбо того периода показывает, что, несмотря на падение популярности Баал Хаммона, число жертв, принесенных Молоху, даже увеличилось. Тем не менее способ захоронения жертв несколько изменился, и реформация, несомненно, продолжалась и в конце концов, в середине IV века до н. э., достигла своей цели. Первое, о чем следует сказать, – это то, что в течение первых лет IV века священное место засыпали землей и выравнивали, чтобы более ранние захоронения скрылись под слоем земли. Это делалось не только для того, чтобы получить место для новых жертвоприношений, но и, по-видимому, означало разрыв с прошлым, которое в буквальном смысле хоронилось. Время, когда появился обычай засыпать прежние захоронения, можно установить с абсолютной точностью: все скрывшиеся под слоем земли стелы и типы керамики были точно такими же, как и в Мотье, а многие из тех, что были найдены в новом слое, полностью отсутствуют на Сицилии. Поэтому реорганизация тофетов произошла, должно быть, одновременно с разрушением Мотьи Дионисием I в 397 году.

В течение следующих тридцати или сорока лет в тофете, как нам кажется, все перепуталось. Памятники старого типа (египетские часовни и ступенчатые алтари) стоят бок о бок с ионическими стелами, колоннами и миниатюрными обелисками, которые высекались теперь не из эль-хауарийского песчаника, а из нового материала – оолитного известняка, добываемого в районе Зажуана. Здесь есть даже круглая стела, высеченная из мрамора, привезенного из Вульчи! Украшения этих монументов не менее разнообразны, чем материалы, из которых их изготовляли. Некоторые были выгравированы, но их так много, что все невозможно описать. Бок о бок со старыми геометрическими бетилами находим изображения людей обоего пола, очень сильно стилизованные и в самых разных позах. Особенно интересны два новых символа, которые в ту пору только появились, но вскоре станут гораздо популярнее старых. Один из них – «знак Танит»,

состоящий из треугольника с горизонтальной чертой, концы которой загнуты вверх, и круга. Оба этих изображения располагаются на ее вершине.

Этот символ напоминает силуэт человека с разведенными в сторону руками, которые согнуты в локтях и подняты вверх, совсем как у минойских идолов колоколообразной формы. Не имея под рукой древних текстов, мы не можем определить точное значение этого знака. Высказывалось много предположений. Одни сравнивали его с египетским анком – знаком жизни; другие высказывали предположение, что это идеограмма, символизирующая единство живого и небесного миров, где треугольник олицетворяет землю, а круг – солнечный диск; третьи полагали, что это идол, созданный по образцу критских статуэток с поднятыми вверх руками. Поскольку этот знак изображает стилизованную человеческую фигуру, то в ней, вероятно, воплощался культ Танит и адресованные ей молитвы, а еще точнее, связь, которая существовала между молящимися и богиней, вместе с теми благами, которые могли простекать из этой связи. Поднятая рука изображалась на многих пунических стелах и, вероятно, олицетворяла либо молящегося, который обращается к богине, либо божественное благословление или и то и другое. Нет сомнений, что значение знака Танит с течением времени изменялось. Вполне вероятно, что в последние годы IV века до н. э., под влиянием теорий пифагорейцев, которые были тогда очень модными, некоторые посвященные считали этот знак космографией, олицетворяющей союз верующего со своей богиней. Зато в баркидский период знак Танит был, несомненно, талисманом, который привлекал божественное благословение; его находят в виде амулетов или в виде рисунков, украшавших пол дома. После падения Карфагена этот знак обрел свою первоначальную форму и стал полуантропоморфным. Его уже не ассоциировали напрямую с богиней; он превратился в посредника между небом и землей, между богиней и человечеством. Благодаря этому знаку человеческая раса получала божественные блага, как показано на стеле из Ла-Гхорфы.

«Бутылочный знак» похож на флягу грушевидной формы с высоким широким горлом. Он напоминает эгейских идолов в форме скрипки. Во многих случаях этот символ имел лицо, груди и скрепы, но, поскольку он выглядел как священный сосуд, скульпторы всячески подчеркивали это сходство, придавая символу двойное значение. На стеле из карфагенского музея видно, что бутылочный знак является комбинацией двух предметов: сосуда, содержавшего прах ребенка, принесенного в жертву, и схематического изображения детского силуэта. Поэтому он символизирует

жертвы, приносимые Танит и Баалу во время молоховых жертвоприношений. В конце III века до н. э. этот знак перестал быть священным; в это время вместо детей стали приносить в жертву ягненка. Вместо этого знака стало появляться изображение ягненка; с тех пор им стали украшать предметы, которые клали в захоронения.

Знак Танит или, реже, бутылочный знак изображали на кадуцеях (жезлах). Иногда его изображали отдельно, а в других случаях – на вершине посоха или на алтаре. Нет никаких сомнений, что мы имеем дело с жезлом Гермеса. Более того, мы знаем, что именем этого греческого бога был назван один из полуостровов; ему поклонялись в Карфагене. Вполне вероятно, что его отождествляли с ханаанским богом Сакон, который появился в Карфагене под именем Герсакона или Гиско. Это имя было очень популярным у карфагенцев. Гомер упоминает Гермеса Сака, и это двойное имя никак нельзя объяснить иным способом. Сакон, как и его греческий двойник, был богом Колонны, а это, вне всякого сомнения, была обожествленная погребальная колонна. Поэтому бетилы и стелы в форме колонны, которые устанавливались на курганах тофета в VII и VI веках до н. э., посвящались именно ему. Ж. Пикар и Кинтас полагали, что эти сооружения были аниконическими изображениями богов святилища. Однако обнаружение аналогичного бетила на кладбище в Хаме, Сирия, заставило их пересмотреть свои взгляды. Первоначально, когда насыпями покрывали лишь одно захоронение, бетилы стояли изолированно и располагались в нише или на престоле. Когда же появились коллективные захоронения и курган стали насыпать над двумя, тремя или даже четырьмя могилами, бетилы начали ставить группами по два, три и даже четыре. Разница в их размерах, вероятно, в определенной степени зависела от богатства людей, делавших эти посвящения или жертвы. Позже, в те времена, когда значение эллинизма возросло и в моду вошел символизм, греческие и пунические боги-колонны перемешались, старые бетилы исчезли из употребления, а кадуцеи увеличились и стали теперь считаться эмблемой пунических богов. На одной эллинской стеле видим изображение головы бога Гермеса с его крылатой шапочкой. Гермеса можно увидеть и на неопунической стеле из Ла-Гхорфы, где он заменил знак Танит и выступал в качестве министра верховной богини Целесты, которая к тому времени стала покровительницей Карфагена.

Другим нововведением описываемого периода стало вот что. На стелах из песчаника практически никогда не делали надписей, а обелиски из известняка стали украшать посвящением, которое очень редко меняло свою форму: «Госпоже Танит, Лику Баала, и господину Баал Хаммону,

имяреку, сыну имярека посвящается»^[26].

Надписи на более ранних стелах всегда упоминали только одного Баала. Очевидно, в религии Карфагена произошли коренные перемены, в ходе которых этот бог занял второе место в пантеоне, а богиня, которая до этого ему подчинялась, поднялась на первое, о чем и говорит эпитет «Лик Баала». Эти события, должно быть, связаны с другим явлением, которое мы только что описали: выравниванием тофета, возникновением нового типа погребальных памятников и в особенности появлением символов Танит и бутылочных символов. Несмотря ни на что, бутылочные символы символизируют торжествующую богиню, поскольку их изображения соответствуют описанию, в которых она впервые с гордостью поднимается на это место.

Революция в религии произошла в 397 году до и. э. и была связана с политическим и моральным восстанием, последовавшим за поражением Гимилько. Она происходила параллельно с введением культа Деметры. Но так же как династия Магонидов утрачивала свою власть постепенно, так и культ Танит был принят карфагенцами не сразу. Отсюда возникла религиозная сумятица, которая нашла отражение в разнообразии жертвоприношений по обету, просуществовавшем довольно долго. Когда около 360 года аристократия наконец пришла к власти, оппозиция «староверов» прекратила свое существование, и с тех пор в тофетах встречается лишь один тип погребальных памятников: известняковая стела в форме обелиска с посвящением Танит и Баалу, украшенная символами Танит и бутылочными знаками в сочетании с перевернутым полумесяцем, расположенным поверх солнечного диска.

Обсудим теперь вопрос о происхождении Танит – с филологической и археологической точек зрения. Изображения Танит, найденные в Ливане, не являются предшественниками изображений из тофета. Единственный бутылочный символ, найденный на Востоке, был обнаружен недавно итальянской экспедицией в Тель-Акзиве в Палестине. Он высечен на известняковой стеле с изображением ниши в стиле, напоминающем египетский, в которой она стоит. Стела была найдена внутри насыпи и поэтому не может быть датирована с абсолютной точностью, но по своему виду она напоминает современные ей карфагенские стелы начала IV века до н. э. Итальянский археолог, который ее обнаружил, Сабатино Москати, считает, что этот уникальный памятник является финикийским предком пунических бутылочных символов. Но с таким же успехом он может быть и финикийской копией пунического прототипа. Из-за отсутствия других доказательств мы не можем сказать точно, какая версия из этих двух

соответствует истине.

Имя ТНТ также вызывает споры. Одни эпиграфисты считают, что оно связано с корнем НТН – «давать» и означает «того, кто дает». Другие полагают, что Танит была ливийской богиней, которую карфагеняне приняли после завоевания африканских территорий. Этот аргумент основан на том, что форма первой буквы Т очень распространена в Африке, однако вряд ли эта гипотеза верна, поскольку автохтонные подданные Карфагена были отсталыми и неразвитыми людьми. Цнисер, Кросс и Гартини предложили иное объяснение. В тексте № 347 протоханаанского описания Синая мы находим слово ТНТ (тиннит), которое служит эпитетом, характеризующим Ашерат, «богиню морского чудовища или дракона». Таким образом, ТНТ может быть женским родом имени ТН, которое в форме множественного числа ТНМ встречается в угарских текстах. Богиней Карфагена была Ашерат, как полагает Дюссо. В поддержку этой теории можно привести союз Танит с Баал Хаммоном, который отражен в ее изображении в качестве Пене Баал, что соответствует Ашерат и Элу в Финикии. Другим доказательством служит тот факт, что ее астральные эмблемы найдены на древней тирийской сфере, а также на посвящении «Танит Ливанской». Подобно своему финикийскому аналогу, Танит была морской богиней и ей, в качестве жертвы, приносили лодки. Некоторые археологи полагают, что имя Танит помогает отличить карфагенскую Астарту от тех, которым поклонялись в Тире или в Пафосе. Карфагенская богиня и вправду тесно связана с восточной богиней. Обе они являются погребальными богинями и богинями плодородия, как мы увидим ниже. Порой они даже делили один храм в Карфагене и на Мальте. Однако это разные божества, поскольку в посвящении в храме Карфагена читаем «Танит Ливанской и Астарте», а на стеле из Саламбо надпись была сделана «слугами Астарты» в честь Танит Пене Баал. Даже их эмблемы разные: эмблемой Танит служит полумесяц, а Астарты – планета Венера. Более того, на всех памятниках, приписываемых Танит, она изображается как девственница, облаченная в одежды, а религиозная проституция, являвшаяся очень важной составляющей культа Астарты, в Карфагене вообще не практиковалась. И наконец, греки и римляне считали супругой Баал-Сатурна Артемиду и Геру-Юнону, а вовсе не Афродиту-Венеру.

Впрочем, вполне возможно, что Астарте поклонялись в тофете Саламбо еще до реформации, вместе с Танит. Баал Хаммону помогала одна или несколько богинь плодородия, которым приносились в жертву женские идола. Некоторых из них изготовляли из грубой глины с увеличенными половыми органами; другие же поддерживали свои груди. Эти идола,

вероятно, посвящались восточной богине. Однако после того, как Танит стала верховной богиней, эти фигурки из тофетов исчезают; скорее всего, тирийскую богиню вытеснила ее африканская соперница.

На стелах из Саламбо сохранилось много резных изображений, которые появились в III веке и демонстрируют атрибуты Танит: пальмы, увешанные финиками, спелые гранаты, готовые треснуть, распускающиеся бутоны лотоса или лилий, рыбы, голубки, лягушки и т. д. Танит распределяет среди людей жизненную энергию Баал Хаммона. Она действует от его имени, играя роль министра. В надписях один человек указывал, что он «посвятил ей» свою жертву, поскольку богиня «его благословила и услышала его голос».

Молох изменил свой характер – из национальной церемонии, проводившейся представителем или представителями правительства, он превратился в частный семейный праздник. Неумолимый бог больше уже не требовал, чтобы ему приносили в жертву маленьких детей. Теперь эта жертва стала добровольным приношением богине в благодарность за ее помощь. Человек делал его от себя лично, когда получал какую-то милость. Как показал Февриер, интересы верующих были теперь сосредоточены не на благополучии и процветании государства, а на личных нуждах и состояли в основном из просьб благословить их дома обильным потомством. Таким образом, Танит стала «матерью» для людей. Люди, делавшие жертвоприношения Молоху, просили теперь о личных успехах, и на стелах изображалось много разных инструментов и орудий: плугов, лодок, строительных инструментов и т. д. И наконец, исследуя прах в тофетовых урнах, начиная с IV века до н. э. можно сразу же заметить, что правила принесения жертв тоже изменились. Теперь уже стало мало человеческих останков – в большинстве случаев это прах животных. Детей заменили ягнята, которых посвящали Танит. Сжигать своих детей продолжали лишь немногие фанатики, и эта традиция продолжалась до самого разрушения города.

Другим результатом реформации стало расширение круга верующих, которые приносили жертвы Молоху. До этого, как сообщает нам Диодор, в этот круг входили лишь суффеты, «великие», жрецы и т. д. Теперь это разрешалось делать художникам, отпущенникам и даже рабам, женщинам всех слоев общества и, наконец, чужеземцам, которых даже поощряли приносить жертвы.

Блага, которые даровала Танит, не исчезали после смерти человека. Эта богиня была источником жизни и даровала мертвым вечную жизнь за гробом. Поэтому ее изображение высечено на саркофаге в Сент-Монике.

На стеле в тофете мы видим жрицу, лежащую на камне и льющую жидкость в дыру, похожую на отверстие в могиле. Если верить латинским авторам, погребальный культ Дидоны праздновался в тофете до самого падения Карфагена. Вероятно, он был тесно связан с этой богиней.

Таким образом, Танит является еще одним воплощением той великой матери-богини, культ которой зародился очень давно и популярность которого в эллинистический период неожиданно сильно выросла. Впрочем, она всегда оставалась покровительницей Карфагена и никогда не поднималась до положения Изиды или Кибелы, хотя очень сильно напоминала этих богинь. В то время она еще не стала международной богиней, ей пришлось ждать, пока римляне не примут ее культ и не сделают своей Целестой или пока выходцы из Африки не займут в III веке н. э. императорский трон в Риме. Тем не менее та легкость, с которой Танит вошла в состав пантеона других народов, доказала, что она могла оказывать влияние и на людей разных стран. Нет сомнений, что популяризация ее культа помогла, в определенной степени, разрушить ту изоляцию, в которой жил Карфаген.

Рестаuration власти дома Ганнона: 345–339 годы до н. э

К середине IV века правители Карфагена смогли уже воспринимать политическую ситуацию, которая сложилась внутри республики и за ее пределами, с удовлетворением.

Падение Ганнона Великого означало, что аристократический режим уже прочно утвердился: цари и генералы склонились перед властью Одной Сотни и Четырех и народ лишился права вмешиваться в конфликты двух соперничавших ветвей власти, как это было раньше. Теперь он мог только одобрять решения, принятые правительством.

На Сицилии смерть Дионисия потрясла основы греческой империи на западе, которую этот тиран создавал с таким упорством; превзойти это упорство могла лишь его беспринципность. В Сиракузах воцарилась анархия, прерываемая лишь постоянными переворотами. Другие сицилийские города попали в руки авантюристов всех национальностей, и почти все они пытались уберечься от возможного восстановления Сиракузской империи или бунта своих подданных, заключением союза с Карфагеном. Среди этих авантюристов были уроженцы Агригентума, Гелы, Камарины и, в особенности, тиран Хикетас из Леонтина.

Единственной реальной властью на острове, помимо Карфагена, была власть осканов. С конца V века до н. э. они проникали на Сицилию как наемники, но теперь уже не делали секрета из своего намерения завоевать остров ради собственной выгоды. И их совсем не интересовало, был ли тот или иной город свободным, как, например, Катанья (которую только что захватил Мамеркус), или вассалом Карфагена, как Энтелла.

Осканская экспансия на Сицилии внушала большую тревогу, поскольку это была уже вторая волна великого политического движения, центр которого располагался в самом сердце итальянского полуострова. В течение всего V века до н. э. осканы спускались с Апеннин и постепенно захватывали земли Кампаньи, оставив грекам лишь Неаполь и Ишью. Это была лишь первая волна; со временем пришельцы прочно закрепились на землях Кампаньи, смешались с этрусками и эллинами и вскоре потеряли свою агрессивность. Но на них постоянно давили с тыла те племена, которые еще жили в горах, но желали, в свою очередь, спуститься на равнину и насладиться ее богатствами и близостью к морю. Поэтому, хотя самниты и кампанцы имели общее этническое происхождение и

разговаривали на родственных языках, их интересы были совершенно противоположными. И пока они сражались друг с другом, их земли захватила третья сила.

Как мы уже видели, политические интересы Дионисия простирались до самого Лация и Этрурии. В 386 году до н. э. кельтские союзники Сиракуз разрушили Рим, который фактически превратился в протекторат Кере, союзника Карфагена. Рим лишился контроля над Латинским союзом, который теперь действовал как независимое государство. Эта ситуация, которая была очень благоприятна для Карфагена, за декаду с 360 по 350 год до н. э. сменилась на совершенно противоположную. Конфликт между патрициями и плебеями не был разрешен, и с 366 года до н. э. Римская республика оказалась в руках новой политической партии. С закатом власти Сиракуз этрусская помощь стала уже не нужна, и римляне начали войну за освобождение от власти Кере и Тарквинии (354–350 до н. э.). В результате этой войны был восстановлен Латинский союз (в 354), причем соглашение было подписано в пользу Рима. Римляне использовали это преимущество на полную катушку – они колонизировали Понтийскую равнину, получив контроль над дорогой в Кампанию. А основание Остии вскоре продемонстрировало всем растущие морские амбиции Рима.

Пунические лидеры очень внимательно следили за этими событиями, поскольку они были напрямую связаны с их собственными политическими шагами. Распад римско-керского союза очень сильно ослабил их главного союзника на севере. В 508 году до н. э. Магониды, безо всякого зазрения совести, укрепили только что созданную Римскую республику за счет своих тирренских союзников. Их потомки подходили к делу столь же реалистично, и в 348 году старый союз был возобновлен. Его условия, естественно, отражали новые политические реалии. Договор признавал гегемонию Карфагена в Утике и на побережье Южной Испании. В это соглашение был включен даже Тир, а это означало удивительное политическое развитие на востоке, которое мы опишем ниже. С другой стороны, статьи договора, которые касались отношений между карфагенянами и латинами, были изменены в пользу Рима: в случае, если пунические пираты захватывали латинский город, не подчинявшийся Риму, они имели право оставить у себя пленников мужского пола и добычу, но должны были вернуть город, вместе с женщинами и детьми, римлянам. Это создавало угрозу для тех латинов, которые хотели отстоять свою свободу.

В Греции политическая ситуация напоминала ситуацию на Сицилии. Постоянные раздоры, царившие между эллинскими городами, делали их

легкой добычей для иностранцев, и Филипп Македонский воспользовался священными войнами, чтобы установить свою гегемонию над остатками Афинской, Спартанской и Фиванской империй. Какое-то время, по-видимому, никто в Элладе не имел возможности задуматься о том, что происходит на западе.

На Востоке политическая ситуация сулила Карфагену большие возможности. Во времена правления Артаксеркса II (404–358 до н. э.) в Персидской империи составлялись гаремные заговоры, и она клонилась к распаду. Страны, где процветала когда-то финикийская цивилизация, были готовы вернуть себе независимость, утерянную пятьсот лет назад. Египет в 399 году первым сбросил персидское иго; в нем стала править национальная династия, которая продержалась более полувека. Страны Малой Азии постоянно бунтовали и создавали свои собственные царства. Эвагорас объединил Кипр и освободил его. Финикийские цари, находившиеся в центре всех этих событий, естественно, пытались восстановить свою независимость, а египетские фараоны стремились им помочь. С 380 года до н. э. тирийский флот находился в распоряжении Эвагораса. Когда, после смерти Артаксеркса II, его преемник Артаксеркс III Охус решил восстановить единство империи, Табнит, царь Сидона, организовал движение национального сопротивления, которое великому царю удалось подавить с огромным трудом. Он с великой жестокостью казнил его лидеров. Это произошло в 348 году – в том самом, когда Тир присоединился к романо-пуническому союзу. Уже одно это говорит о том, что Карфаген прекрасно понимал проблемы породившего его города. Тесные связи существовали между Карфагеном и Египтом, и пунические лидеры не могли не поддержать попытку восстановления национальной независимости Египта, начатой фараонами.

Все это надо иметь в виду, говоря о крупномасштабном военном предприятии Карфагена в 345 году. Главой экспедиции, в состав которой входило 150 военных кораблей, 50 тысяч пехотинцев, большое число кавалеристов, 300 военных колесниц и целая батарея осадных машин, стал генерал по имени Ганнон^[27]. Количество войск напоминало войны Магонидов в конце V века до н. э., но политическая ситуация была совсем иной. Задача сокрушить эллинов теперь уже не стояла. Диодор приводит версию Тимея, отец которого был в то время главой города Таормина. Он настаивает, что карфагеняне относились к своим греческим союзникам с дружеским либерализмом (филантропией). Военные действия подкреплялись далеко идущей дипломатической кампанией. Необходимо было убедить греков, что пуническая протекция обеспечит им полную

безопасность дома и за границей. Среди противников, которых необходимо было разбить, были кампанцы Энтеллы, только что отказавшиеся от союза с Карфагеном, и Дионисий Младший, который вернулся в Сиракузы и устроил там настоящий террор. После этого Сицилия, по мнению правителей Карфагена, будет освобождена от варваров и тиранов. Мир на Сицилии казался вполне достижимым, поскольку римляне задавили угрозу со стороны осканов в самом ее зародыше. Они собирались вступить в союз с капуанцами и начать войну не на жизнь, а на смерть с самнитами. Если бы Карфагену удалось установить контроль над Западным Средиземноморьем, он смог бы бросить все свои силы на стороне союзников – Тира и Египта – против Персидской империи, возрожденной Артаксерксом III.

К сожалению для Карфагена, события развивались совсем по-другому, и почти все его надежды были разрушены. Главной причиной был тот факт, что эллинизм вовсе не умер, как хотелось думать остальным. Наоборот, его временная слабость объяснялась возрождающимся кризисом, из которого эллинизм вышел с новой энергией и ужасной агрессивностью, способной сокрушить все другие средиземноморские цивилизации. Карфаген, мечтавший мирно править Западом, был объят страхом и вынужден был сражаться за свое существование, чего раньше никогда не было. Более того, неудачи за границей вскоре нарушили баланс, который он с таким трудом восстановил у себя дома, поскольку аристократический режим совсем не соответствовал требованиям военного времени.

Сиракузские патриоты, не желавшие терпеть у себя ни Диониса, ни власти Карфагена, в отчаянии обратились за помощью к своему родному городу, Коринфу. Каким-то чудом, будучи бессильным и не способным организовать эффективную помощь, Коринф сумел найти для них того, кто был им нужен, – достойного человека по имени Тимолеон. Последний, вероятно, родился специально для того, чтобы служить образцом для Плутарха, который написал его биографию. Он приобрел репутацию борца за свободу, убив своего собственного брата, стремившегося установить в своем родном городе, Коринфе, тиранию. В течение столетия республиканские институты городов демонстрировали свою неспособность адаптироваться к новым историческим условиям, но Тимолеон мечтал об их восстановлении. Он был суеверен, но, несмотря на свои утопичные идеалы, оказался способным военачальником, о чем вскоре на своем собственном опыте узнали карфагеняне.

Пунический флот попытался перехватить коринфский еще до того, как он сумеет подойти к суше. Однако эта попытка провалилась, и Магон,

который сменил Ганнона на посту командующего, пошел маршем на Сиракузы. В городе сложилась странная ситуация: в порту, который его отец построил на острове Ортигия, укрепился Дионисий II, одну часть города занял Хикетас, а другую – Тимолеон. Порт находился под контролем Пунической армады. Верх в конце концов одержал Тимолеон, благодаря своевременной помощи Мамеркуса из Катаньи. На руку ему сыграло и отступление Дионисия, который предпочел без боя уйти в Коринф и отдать форт в руки Тимолеона. После этого Магон посчитал за лучшее убраться домой, бросив Хикетаса, который заключил временный мир с Тимолеоном. Последний немедленно атаковал карфагенян и союзных ему тиранов. К сожалению, сражаясь за свободу, он обратился за помощью к осканским наемникам, от которых стремился освободить Сицилию Карфаген. Кампанцы Энтеллы последовали примеру Мамеркуса и перешли на сторону Тимолеона. Город, которым он владел, стоял в центре гористой Восточной Сицилии, над внутренней низменностью, по которой проходил путь из Палермо и Солунта в Селин. Поэтому самое сердце карфагенской провинции попало под контроль Тимолеона, и всякое передвижение здесь стало невозможным.

У пунического правительства не было причин гордиться собой. Магона вызвали на суд Одной Сотни и Четырех, но он предпочел распятию самоубийство. Это был первый случай, когда генерал пал жертвой сурового органа не из-за своей измены, а из-за небрежности или из-за того, что от него отвернулась удача. Были избраны два новых командующих: Гасдрубал и Гамилькар; в армии появились новые подразделения. Был создан элитный «Священный батальон», в состав которого вошло 3 тысячи молодых дворян. Он отправился на Сицилию в сопровождении большого числа мобилизованных горожан и ливийских вспомогательных войск. К ним присоединились иберийские, кельтские и лигурийские наемники. Судьба военной кампании решилась в горах и долинах, разделявших Энтеллу и Сегесту. Переправляясь через реку Кримиус, карфагеняне неожиданно подверглись нападению врага и были разгромлены. В битве погиб весь «Священный батальон». Это было самое крупное поражение Карфагена после Химерской битвы в 480 году до н. э.

Эта трагедия, естественно, оказала огромное влияние на политику Карфагена. Один из военачальников, Гасдрубал, был приговорен к смерти и казнен. Против людей, находившихся у власти, ополчился весь город, и старейшинам пришлось вернуть из ссылки Гиско, сына Великого. Это событие отражено не только в хронике Диодора, но и в труде Полиэна «Стратегемата» («Военные хитрости»). Последний сообщает нам, что у

Гиско был брат по имени Гамилькар, который, одержав несколько блестящих побед, был приговорен к смерти по подозрению в намерении установить тиранию. Вероятно, это был Ганнон Великий, и Полнен не только перепутал имена, но и родственные отношения, которые связывали его с Гиско. Этот раздел «Стратегематы» (У, II), на который мы уже несколько раз ссылались, интересен еще и тем, что в нем приводятся описания пунического «триумфа» – единственного из дошедших до нас. Эта церемония, вне всякого сомнения, была заимствована у египтян – карфагенский царь ступал по распростертым телам пленных врагов, точно так же, как это делал фараон. Текст Полнена дает нам представление о том, как силен был гнев народа против аристократического режима.

Аристократы, которые свергли Ганнона Великого и выступали теперь против Гиско, были объявлены врагами народа. У Гиско хватило ума даровать им помилование. Впрочем, перед этим они подверглись публичному унижению – их лишили чести. Нет сомнений, что сам он получил всю полноту военной и государственной власти. Одновременно было решено реорганизовать армию. Карфагеняне еще не успели оправиться от шока, вызванного гибелью «Священного батальона», поэтому было решено, что горожане больше не будут участвовать в войнах за морями, за исключением, естественно, офицеров. Это решение сильно увеличило популярность Гиско и усилило его власть, ибо наемникам легче было подчиняться приказам командиров, которых они хорошо знали, чем распоряжениям гражданских властей.

Царь не сделал попытки получить выгоду из сложившейся ситуации и отомстить сицилийцам за разгром карфагенской армии. Впрочем, он отплыл с флотом из 70 судов и войском, включавшим в себя большое число греческих наемников, в Лилибей. Надо сказать, что греческие наемники до этого никогда не воевали в составе карфагенских войск. Однако эта армия явилась на Сицилию вовсе не для военных действий. Удивительно, но Тимолеон не стал удерживать за собой прекрасный город Энтеллу или спасать Селин. Он понимал, что эллинизм на Сицилии сможет устоять только в том случае, если все его силы будут сосредоточены в одном месте. Поэтому он без боя отдал всю западную часть острова до Галикуса и Химеры карфагенянам – с одним-единственным условием, что любой местный грек, который захочет переселиться в восточную часть Сицилии, сможет сделать это безо всяких помех. Тимолеон задумал объединить весь этот регион в федерацию городов под властью умеренного олигархического режима, который, по сути, мало чем отличался от карфагенского.

Гсел высказал предположение, что карфагеняне были рады заключить

это соглашение, поскольку хотели избавиться от Гиско, но нет никаких свидетельств того, что после подписания мира он лишился власти. Цари Карфагена, правившие в конце IV века до н. э., вероятнее всего, принадлежали к его семье. С 339 по 309 год до н. э., по-видимому, не было больше осуждено ни одного генерала, хотя борьба различных партий не прекращалась, и у потомков Ганнона Великого среди аристократии было много врагов. Вероятно, Гамилькар и, несомненно, Бомилькар не были удовлетворены чисто конституционной властью, и вполне возможно, что они оба подумывали о перевороте, который дал бы им абсолютную власть. Однако в течение этого периода, по-видимому, соблюдался тот баланс сил между тремя ветвями власти, который Аристотель назвал основой и главным достижением пунической конституции.

Создание нового мирового порядка

Договор, подписанный с Тимолеоном, способствовал значительному улучшению экономической и культурной жизни в Карфагене. В течение двадцати пяти лет мира, который последовал за этим, уровень жизни карфагенян вырос, развивались отношения с другими странами и росло производство предметов роскоши. Об этом прогрессе свидетельствуют гробницы в Ард-эль-Морали и Ард-эль-Херайбе, а также самые древние погребальные камеры Сент-Моники. Все они принадлежат к этому периоду.

Предметы роскоши ввозились из Италии – среди них было и краснофигурное «блюдо Генуцилии», созданное в мастерской Кере. Это – один из самых красивых образцов керамики подобного типа, дошедший до нас. Блюдо украшено женской головкой. Отсюда же в изобилии поступали и расписанные блюда, а были еще и чашки, миски и блюда из черной обожженной докампанской керамики, которые украшали пальметтами и гравированным орнаментом. И наконец, из Аттики поступали плоские, круглые лампы с одним фитилем. Развивалась бронзовая индустрия; сплавы более высокого качества позволяли создавать предметы роскоши, к которым относились вазы и бритвы. А также кувшины, воспроизводившие этрусские образцы V века до н. э. с характерным для них верхом в виде трилистника и вытянутым носиком. Они были короткогорлыми, а тело имело форму усеченной шишки; ручку украшала пальметта в форме якоря. Бритвы в виде топорика, заканчивавшиеся шеей и головой птицы, приобрели более утонченную форму и отличались тщательной выделкой. Лезвие стало острее, а шея птицы – длиннее; при этом она изгибалась в форме полумесяца. Эти бритвы стали украшать гравированным рисунком – эта техника, по-видимому, пришла из Этрурии. И хотя первые изображения были довольно примитивны, мы можем различить цветок лотоса, рыбу, лодки и т. д...

Терракотовые статуэтки ввозились с Сицилии; среди них находим небольшие гротескные фигурки музыкантов, играющих на флейте, Европу и быка, Гермеса, несущего барана, и др. Надо сказать, что Сицилия тоже воспользовалась миром, заключенным Тимолеоном, и восстановила разрушенные города и вновь открыла свои керамические мастерские. Война помешала сицилийцам воспринять новые веяния, появившиеся в Греции, и работа в этих мастерских велась по старинке; гончары

использовали старые образцы, не меняя их. Это возрождение поэтому характеризуется сохранением классицизма, и статуэтки второй половины IV века до н. э. по-прежнему имеют колоннообразные тела, которые закутаны в тяжелые складки одежд, а лица у них – суровые.

На пуническую керамику оказала сильное влияние керамика ионической Сицилии. Гончары Карфагена создавали пузатые кувшины с высоким горлышком, которые украшали полосами темно-красного или пурпурного цвета по кремовому фону. Примерно в то же самое время они начали изготавливать небольшие сферические флакончики для мазей с низким горлышком и без ручек.

Именно в это время появились первые пунические изделия, которые можно уже с полным правом назвать произведениями искусства. Это саркофаги аристократов, которые обнаружил Пьер Делатр в погребальных камерах Сент-Моники. Нам известны лишь десять таких саркофагов. Они были высечены из сицилийского мрамора и появились, вероятно, в промежутке между заключением мира с Тимолеоном и завоеванием Сицилии римлянами (339–260 до н. э.). По своей форме они делятся на две группы: саркофаги в форме храма и саркофаги со статуями. Более того, в обеих группах имеются образцы более позднего сурового стиля, характерного для тимолеонского возрождения; на другие же повлияло искусство эпохи эллинизма – они, должно быть, появились в последние годы IV и первые декады III века до н. э.

Саркофаги в форме храма в точности воспроизводят греческий наос с его острой крышей, которая представляла собой крышку гробницы. Карфагенцы отказались от угловых колонн и капителей, украшавших их сицилийские прототипы. Однако лепнина у основания и на карнизе сохранилась; декорации имеют яйцеобразную форму и форму дротика. Их раскрашивали в яркие цвета – в основном алые и голубые; того же цвета были орнамент на парапете и скосы основания. Прототипы подобных саркофагов появились на Сицилии еще в VI веке до н. э. и изготавливались в Геле даже в 340 году до н. э.

Саркофаги второго типа имели плоскую крышу, а голова статуи лежала на подушке. Большая часть этих статуй изображает старых, бородатых мужчин с непокрытой головой с короткими вьющимися волосами или с шапочкой, плотно облегающей череп, которую удерживает на этом месте тюрбан. Тяжелые, похожие на колонны тела облачены в туники с короткими рукавами, доходившие до лодыжек. Левое плечо украшает бахромчатый «эполет». На ногах у фигур – плетеные сандалии или закрытые туфли. Под тяжелым материалом туники можно разглядеть лишь

правую ногу, слегка выдвинутую вперед. Открытая ладонь правой руки поднята на уровень плеча в приветственном, благословляющем или молитвенном жесте. Этот жест часто встречается на пунических изображениях людей и богов^[28]. Старик прижимает левую руку к груди или держит в ней чашу или коробочку. Черты его лица правильные и спокойные, но совершенно безжизненные. Такую же статичность и идеализацию находим и на «тимолеанских» скульптурах Сицилии (339–310 до н. э.).

В одной из погребальных камер Сент-Моники рядом с саркофагом мужчины был обнаружен саркофаг с женской фигурой. Эта женщина молода и, подобно протомам V века до н. э., укутана в покрывало, из-под которого на лбу выглядывают кудри, спускающиеся и на плечи. В ушах женщины видны сережки в виде перевернутых шишек, с которых свешивается бусинка. Верхняя часть тела облачена в пеплос, украшенный по вороту полосами и двумя застежками в виде лап. Но самой удивительной чертой этой фигуры является изображение огромной хищной птицы, на которой она лежит. Голова птицы окружает голову женщины, как капюшон, а сложенные крылья закрывают ее бедра и ноги. В Финиссуге, в районе Кап-Бона, в гробнице I века до н. э. были обнаружены терракотовые статуи, которые изображают богиню с львиной головой и ногами, точно также укутанными «юбкой» из крыльев. Все они, вероятно, представляют собой богиню Танит.

Статуя из Сент-Моники держит в одной руке голубку, опущенную вниз головой, а в другой – колосья пшеницы. Архаические головные уборы этой Танит и правильные, застывшие черты ее лица свидетельствуют о том, что она принадлежит к позднему суровому стилю, который господствовал в Карфагене до появления первых эллинистических влияний около 305 года. Эта дата подтверждается и серьгами, ибо они идентичны тем, что изображены на пластинках Генуцилии, расписанных в Кере «царственным художником»^[29].

За пределами Карфагена известен лишь один саркофаг подобного типа. Он был обнаружен в Тарквинии и, вне всякого сомнения, является этрусской копией африканского саркофага. Здесь мы снова встречаемся со свидетельством тесных связей, которые существовали между этими двумя цивилизациями. Эти саркофаги не имеют ничего общего с финикийскими «антропидными» саркофагами, которые находят от Сидона до Солунта и Кадиса, что бы там ни говорили не согласные с этим ученые. Эти гробницы являются копией египетских гробов для мумий, которые повторяют

контуры тела. Карфагенские образцы, с другой стороны, сочетают (что совершенно нелогично) изображение храма со статуей человека, лежащей на крышке саркофага. В IV веке до н. э. этруски, жившие в Кере, Вулчи и Квизи, часто изображали умерших так, как будто они спят на кушетке, которая покоится на высоком основании и имеет по углам фронтоны. Именно они, вероятно, и подсказали карфагенянам идею соединить храмы-саркофаги сицилийцев с саркофагами-кушетками тирренцев.

Ряд экспертов, среди которых был и Каркопино, считали, что саркофаги Сент-Моники были созданы греками, жившими в Карфагене, по причине того, что карфагеняне не умели работать с мрамором, тогда как мельчайшие детали лежащих на них статуй выполнены с большим мастерством, которое сильно отличается от небрежной работы пунических ремесленников. На лицах статуй мы не находим привычных восточных черт, вроде крючковатых носов, огромных миндалевидных глаз и мясистых губ, которые из поколения в поколение изображали финикийцы, ибо они были очень характерны для этого народа. Мы видим также прямое стилистическое сходство карфагенских саркофагов с современными им сицилийскими гробницами эпохи Тимолеона. Поэтому, скорее всего, пунические саркофаги были созданы сицилийскими умельцами, которые, однако, работали под пристальным наблюдением карфагенян, ибо такую гибридную композицию, столь непохожую на эллинистическую, могли придумать только они.

Каркопино высказал предположение, что эти саркофаги были заказаны эллинизированными жителями Карфагена, которые исповедовали культ «спасения» и, в особенности, культ Деметры. Впрочем, ему так и не удалось найти на них ни одной эмблемы Деметры или Диониса, а ведь в гробницах людей, посвященных в этот культ, они, несомненно, должны были быть. Зато обнаруженные в них символы Танит говорят о том, что погребенные в этих гробницах люди остались верны религии отцов. Если не принимать во внимание очень редкие особые случаи – например, жертвы Молоху, – то религия добаркидского периода не признавала посмертного поклонения героям. Поэтому мы не считаем, что эти статуи представляют собой изображения обожествленных героев. Наоборот, среди финикийцев, как и среди египтян, была популярна идея о том, что умерший человек попадает под защиту богов, которые возрождают его и позволяют жить в гробнице. Эту роль, несомненно, играла в Сент-Монике и богиня Танит. Самым вероятным объяснением, очевидно, является то, что на саркофагах изображены портреты умерших, как и на этруских могилах. Этот тип очень близок к тому, что изображался на бесчисленных статуях и

стелах, которые сооружались на могилах. В «эполетах», украшающих плечи статуи в Сент-Монике, очень хочется видеть знаки отличия какого-нибудь чиновника высокого ранга или магистрата. Более того, эпитафии говорят нам о том, что все это кладбище было предназначено для погребения очень важных лиц. Следует, однако, признать, что нет никаких доказательств того, что это толкование ближе к истине, чем толкование тех ученых, которые говорили, что все это – мрачные фигуры богов, оберегающих сон умерших.

Конец пунической монархии

Мир, который последовал после войны с Тимолеоном, продержался примерно до 325 года до н. э. Именно в это время моряк из Массалии (совр. Марсель), Пифей, получил разрешение пройти через Гибралтар и обследовать западные и северные берега Европы. Как мы уже говорили, отношения между Карфагеном и Марселем улучшились, благодаря вмешательству Кере за сорок лет до этого. Подобное ослабление запрета, налагавшегося обычно на иностранных моряков, было бы необъяснимым, если придерживаться современных взглядов на торговлю Карфагена (к которым давно уже присоединился автор этой книги), а именно что карфагеняне имели монополию на торговлю оловом с Корнуоллом, которая шла по морю через порты Гаскони, Пуату и Бретани. Римско-пунический договор 348 года до н. э. ввел новые запреты на эту торговлю, впервые сформулированные в 509 году. Римлянам, например, было запрещено торговать с Сардинией и Ливией (за исключением Карфагена), а также с Испанией. Мы уже говорили, рассказывая о плавании Гимилько, что на побережье Франции и Британских островов археологи не обнаружили ни одного пунического предмета, и это заставляет нас сделать вывод, что Карфаген никогда не контролировал Атлантическое побережье к северу от Галисии и мыса Финистерре в Испании, хотя его присутствие здесь ощущалось. С другой стороны, олово с островов Силли (самая южная точка Англии) давно уже поступало в Марсель – его везли по рекам Галлии. Так что плавание Пифея никак не затрагивало коренных интересов Финикии, и этот мореплаватель хотел лишь отыскать новый путь в регион, который уже входил в сферу экономических интересов его родного города. Этот факт подчеркивает исключительно дружеский характер жеста Карфагена, который разрешил Пифею пройти в Альборанское море через Геркулесовы столпы и, естественно, заходить в финикийские порты на побережье Португалии. В свете этих фактов мы должны признать, что финикийцы и карфагеняне могли, ради общих интересов, на какое-то время позабыть о своих разногласиях.

Высказывалось предположение, что улучшение отношений между Карфагеном и Марселем было вызвано страхом перед вторжением Александра Македонского. И вправду, если карфагеняне и лелеяли надежду увидеть свою метрополию независимой, а восток – свободным, то все их надежды были очень быстро и жестоко разбиты. Во-первых, Артаксеркс III

Охус, после жестокого подавления финикийского восстания в 345 году до н. э., снова подчинил себе Египет. Через двенадцать лет после битвы при Иссе (333 год до н. э.) Александр ворвался в Сирию. Сидонийцы, еще не оправившиеся после прежней войны, с радостью приветствовали нового завоевателя. Тиру удалось избежать войны с Охусом; его правители решили, что настало время обернуть сложившуюся ситуацию себе во благо. Под предлогом помощи персам в отражении агрессии Тир собрал мощный флот, часть которого находилась в Эгейском море. Военные действия возглавил царь Азмилк, который действовал совместно со Спартой и Афинами. Он надеялся, что распад Персидской империи и слабость македонского флота позволят Тиру обрести независимость. Это было время великой жертвы ради возрождения Мелгарта – жертвы, идею которой подал Хирам. Карфаген отправил присутствовать при этом событии свою делегацию. Александр заявил, что он сам явится и принесет эту жертву, надеясь стать властелином Финикии. Однако Азмилк ответил, что ворота города будут для него закрыты.

Пунические послы, вероятно, одобрили этот решительный шаг. Однако, когда Тир был осажден, а другие города попали в руки македонской армии, правительство Карфагена решило воздержаться от вмешательства в войну. Азмилка предупредили, чтобы он не ждал помощи от Карфагена, хотя всем мирным жителям, которые бежали в этот город еще до закрытия гаваней, был обещан приют. Члены карфагенской делегации оставались в Тире до конца, а когда город пал, укрылись вместе с царем в храме Мелгарта. Они были отпущены на свободу, но Александр предупредил их, что вскоре вторгнется и в их страну. Впрочем, смерть помешала Александру выполнить эту угрозу. Тем не менее жажду завоеваний, которую он породил у греков, можно было утолить лишь за счет африканской метрополии.

В Сиракузах конституция Тимолеона продержалась совсем недолго. После беспорядков, начавшихся в 330 году до н. э., глава демократической партии – сын гончара по имени Агафокл – в 316 году захватил власть. Ему помог карфагенский генерал, который в то время командовал войсками на Сицилии и которого звали Гамилькар. Этот генерал через три года заключил договор с тираном, согласно которому он был признан правителем всех греков, находившихся под властью Карфагена, и в особенности жителей Агригентума, которые до той поры яростно отстаивали свою независимость. Есть все причины соглашаться с Белохом, который считал этого Гамилькара членом семьи Ганнона Великого^[30]. Он вполне мог быть племянником Гиско, сына которого тоже звали

Гамилькаром. В любом случае человек, о котором идет речь, из-за своего соглашения с Агафоклом был заподозрен в измене. Некоторые даже предположили, что он, с помощью сиракузцев, хотел стать тираном Карфагена. Он подвергся штрафу (Юстин утверждает, что его тайно приговорили к смерти), а после его гибели командиром войск на Сицилии стал сын Гиско. Последний, вероятно, вместе с постом командующего получил и царскую власть (но ее мог получить и его тезка). Во всяком случае, позднее он, несомненно, обладал этой властью. Этот факт, как и в случае с Бомилькаром несколько лет спустя, свидетельствует о том, что прежняя династия еще не утратила своего влияния и что старейшины, не доверявшие ей, не могли от нее избавиться. Сын Гиско добился очень важных уступок, ибо, несмотря на решения, принятые после битвы при Кримисе, для него был создан элитный батальон, состоявший из 2 тысяч дворян. Кроме того, было призвано 10 тысяч ливийцев, тысяча этрусских наемников, 200 колесничих той же национальности и тысяча иберийских метателей пращи, а также построено 130 галер. Этот флот был сильно потрепан штормом, но Гамилькар набрал еще больше бойцов на Сицилии. Летом 311 года до н. э. он встретился с войском Агафокла у Экнома и разгромил его. Эта победа позволила карфагенянам взять под свой контроль почти весь остров, кроме Сиракуз, где Агафокл приготовился к длительной осаде.

И тогда тиран изменил ход войны, сделав столь безрассудный шаг, что понять его смогли только современники Александра. Он бросил Сиракузы на произвол судьбы и перенес войну в Африку. Этот маневр мог закончиться успехом только в том случае, если он производился в полной тайне, и одним из достижений Агафокла стала его способность вооружить флот и армию так, чтобы карфагеняне не догадались о его намерениях. Ему удалось также обмануть расчеты врага, флот которого блокировал гавань Сиракуз, а 20 августа 310 года до н. э. он сумел избежать погони и высадил свою армию на Кап-Боне, неподалеку от знаменитых карьеров Эль-Хауарии.

Руководители Карфагена не могли даже представить себе подобное развитие событий и не предприняли никаких мер для отпора Агафоклу. Несомненно, на границе с Ливией стояли войска, но в окрестностях Карфагена и в самом городе не было ни одного солдата или магистрата, который имел бы опыт в мобилизации войск или в руководстве ими. Это мог сделать лишь царь, а он находился на Сицилии. Агафокл несколько дней опустошал Кап-Бон, не встречая никакого сопротивления. А Кап-Бон был тем местом, где карфагеняне имели свои самые лучшие владения, и

полуостров был покрыт процветающими поселениями. Агафокл начал с того, что «сжег свои корабли» (отсюда и пошло это знаменитое выражение), а потом захватил и разрушил два города: Мегалополис и Белый Тунис, точное местоположение которых нам неизвестно. (Впрочем, мы знаем, что Белый Тунис нельзя отождествлять с современным Тунисом, где Агафокл поселился позже.)

Вести об этих событиях достигли Карфагена в очень искаженном виде – они не имели ничего общего с реальностью. Они, естественно, вызвали в городе возмущение и панику. Когда горожане немного успокоились, старейшины официально обвинили командиров флота в том, что они не выполнили своих обязанностей, и назначили военачальниками Ганнона и Бомилькара, которые, если верить Диодору, принадлежали к соперничавшим семьям. Бомилькар был племянником Гамилькара, первого союзника Агафокла, и, вероятно, принадлежал к дому Ганнона Великого, как и царь Гамилькар, сын Гиско, чей титул вскоре перейдет к нему.

Члены династической фракции вынуждены были подчиниться традиционному правилу, которое гласило, что царь не может встать во главе войска, но генералом должен был быть член его семьи. Бомилькар не пользовался популярностью у аристократии, поскольку принадлежал к числу убежденных монархистов, которые мечтали установить в Карфагене самодержавие. Поэтому к нему приставили Ганнона, которому велели не спускать с него глаз. Все горожане, способные носить оружие, были мобилизованы, и Ганнону с Бомилькаром удалось собрать 45 тысяч человек – почти в три раза больше того, что имел Агафокл. Однако ему удалось завязать битву в том месте, где он имел преимущество, поскольку карфагеняне не сумели правильно разместить войска, а их генералы не были способны координировать свои действия. Ганнон, шедший во главе своей фаланги, вскоре был убит, и Бомилькар (из-за измены, как сообщает Диодор) приказал начать отступление, которое вскоре превратилось в бегство.

Это неожиданное поражение, последовавшее после столь же неожиданного нападения, привело к фанатичной реакции карфагенских генералов. Финикийцы, как и евреи, верили, что политический разгром послали им боги в наказание за то, что они изменили своей вере. Было решено, что ответственные за поражение лидеры должны, в знак раскаяния, принести себя или кого-нибудь вместо себя в жертву. Возмущение народа в ту пору было, вероятно, очень сильным, ибо многие люди считали религиозные реформы, проводившиеся с начала века, совершенно неприемлемыми. Как мы уже видели, новые культы одобрены в основном

аристократией; дверь иностранному влиянию открыло благородное сословие. Поэтому гнев народа, вне всякого сомнения и к огромному облегчению Бомилькара, обратился против аристократов, а его подозрительное или, по крайней мере, неудачное командование было забыто. В качестве жертв было выбрано триста детей благородного происхождения; однако родители сумели спасти их, заменив детьми рабов. Этим детям было уже несколько лет от роду; их клали на руки ужасного идола, и они падали в огонь святилища.

Однако Агафокл не смог атаковать сам город Карфаген, поскольку он к тому времени был уже, вероятно, хорошо защищен. Тогда он вернулся в Тунис и расположил под его стенами свое войско, отрезав Карфаген от материка. После этого он начал совершать грабительские набеги на окружающую местность, стремясь заставить ливийцев порвать союз с Карфагеном. Во время первого набега он опустошил Бизациум и захватил Гадрументум.

Тем временем царь Гамилькар отправил на помощь африканским городам войска, а сам продолжил осаду Сиракуз. Летом 309 года до н. э. он снова попытался взять этот город штурмом, но попал в плен и был замучен до смерти. Его голову отослали Агафоклу, который, по словам Диодора, сам явился к Карфагену, чтобы показать ее жителям города. Они пали ниц перед останками Гамилькара; это говорило о том, что монархия по-прежнему внушает людям религиозное благоговение. Бомилькара провозгласили мелеком, наделив его полной властью на всех фронтах.

Агафоклу же пришлось смириться с отсутствием дисциплины в своей армии, поскольку солдаты к тому времени уже поняли, что добиться решающей победы над врагом им не удастся. Он сумел подавить первый бунт и разгромить армию, которую удалось собрать и направить ее из города. После этого он занялся интригами, в ходе которых надеялся добиться завершения войны. Один из соратников Александра, Офеллас, создал для себя княжество в Киренаике. Агафокл пообещал отдать ему Карфаген, если он поможет захватить этот город. Когда же, после тяжелого перехода через пустыню Сиртики, Офеллас явился под стены Карфагена, сиракузец убил его и подчинил себе его войска^[31].

А тем временем в Карфагене разворачивались драматические события. Не успев обрести власть, Бомилькар сделал попытку стать самодержавным монархом. Для этого он отослал большинство офицеров благородного происхождения сражаться подальше от дома и собрал в одном из пригородов войско, на которое мог положиться. Эта армия состояла в основном из наемников. После этого Бомилькар двинулся в центр города,

но люди, которые до этого поддерживали его борьбу с аристократией, не захотели признать его тираном. Молодежь взялась за оружие и с высоких зданий, выходящих на агору, обрушила град стрел на диссидентские войска, вытеснив их из центра и заставив сдаться. Наемники бросили царя; он попал в руки разгневанных аристократов, которые наконец получили возможность разделаться с ним. Вся сдерживаемая до сих пор ненависть против него и его предков вырвалась наружу. Теперь они могли отомстить ему за страх, в котором вынуждены были жить, и за ужасную гибель своих детей. Царь был подвергнут пыткам, а потом распят на главной площади. Но, прежде чем он умер, у него хватило сил, как пишет Юстин, выкрикнуть, что он ненавидит своих мучителей за то, что они казнили Ганнона Великого, сослали Гиско и плели интриги против Гамилькара. Пуническая монархия, в буквальном смысле слова, умерла на кресте. И хотя она не была отменена, номинальные носители этого титула больше уже не обладали ни политической, ни военной властью. Это было просто почетное звание. Они не оставили в истории никакого следа, и до нас дошло имя лишь одного из них. (Это был Бомилькар II, зять Гамилькара Барки.)

Карфаген – властитель Западного Средиземноморья: 307–264 годы н. э

Гибель пунической монархии стала самым важным, хотя и непреднамеренным, результатом кампании Агафокла. Мы не знаем, каким изменениям подверглись различные политические институты Карфагена, поскольку до нас не дошло никаких сведений о внутренней жизни этого города с момента смерти Бомилькара и до начала войны с Римом. Быть может, именно в это время был создан Внутренний комитет из тридцати человек в составе совета старейшин, который и стал управлять республикой. В любом случае старейшины предприняли полную реорганизацию армии и для ведения войны в Африке назначили трех генералов: Ганнона, Гимилько и Гасдрубала. Перед этими военачальниками не стояла задача немедленно сразиться с Агафоклом. Этот полководец был столь же непредсказуем, сколь предприимчив и дерзок, и в тот самый момент, когда прибытие войск Офелласа сделало возможным штурм Карфагена, он неожиданно изменил свои планы. Агафокл решил сначала завоевать Утику и Бизерту, рассчитывая окружить Карфаген несколькими греческими базами. Для этого он основал на самой оконечности Кап-Бона город под названием Аспис (щит), который по-латыни именовался Клупеей. Этот город существует и поныне, почти не изменившись, и зовется Келибия. После этого Агафокл вернулся на Сицилию и начал войну с Пунической провинцией. Он оставил армию в Африке под командованием своих сыновей и послал экспедиционный корпус вдоль побережья Африки на запад, поручив командование им Эвмаху. Этот полководец, по-видимому, дошел до района вокруг Константина. Однако грекам вскоре пришлось отбиваться от трех карфагенских армий; в нескольких битвах они потерпели жестокие поражения. Агафокл на какое-то время вернулся в Африку, но и там был разбит. Тогда он тайно бежал в Сиракузы, бросив сыновей на произвол судьбы. Они были растерзаны своими же солдатами, поскольку собирались заключить с Карфагеном мир.

Экспедиция Агафокла показала, как сильно вцепился Карфаген в свои африканские владения. В начале века ливийцы постоянно восставали против власти Карфагена, но в описываемое нами время сиракузцу удалось привлечь на свою сторону лишь одного сколько-нибудь значимого вождя. Этого вождя звали Эйлимас, но и он вскоре переметнулся на сторону врага, и грекам пришлось от него избавиться. Да и верность финикийских городов

внушала сомнения. Город Утика, имевший особые привилегии, по-видимому, открыл свои ворота перед греками, но потом пожалел об этом, и его пришлось уничтожить. Точно так же Утика повела себя и в ходе наемнической войны и в третьей войне с Римом.

Вернувшись в Сиракузы, Агафокл начал новую карьеру. Ему удалось неожиданно быстро избавиться от республиканской фракции, которая всегда ему противостояла, и провозгласить себя царем. Его власть признали не только Сиракузы, но и та часть Сицилии, которая была независима от Карфагена.

В последние 25 лет своей жизни он проводил политику, схожую с политикой Дионисия. Он стремился объединить под своей властью все западноэллинистические государства. Для этого он вступил в контакт с греко-македонскими царствами, которые остались после распада империи Александра, и даже оккупировал остров Корфу.

Можно подумать, что такая смена ориентации была еще одним проявлением непостоянства Агафокла. На самом деле война этого тирана против Карфагена стала частью великого конфликта, охватившего весь итальянский полуостров. Это была римско-самнийская война за обладание Кампаньей, в которую постепенно втягивались все итальянские государства. Об этом свидетельствуют два факта: в 307 году до н. э. Агафоклу удалось удержать за собой Сиракузы только благодаря этрусскому флоту, который помог ему снять пуническую блокаду, а в 306 году Рим и Карфаген возобновили свой союз. Согласно Филинусу, греческому историку, жившему на Сицилии и входившему в свиту Ганнибала, обе страны пришли к соглашению, что Сицилия должна принадлежать Карфагену, а Италия – Риму. Однако Полибий обвинил Филинуса в том, что он просто придумал этот договор, но большинство современных историков полагают, что в этом случае, как и во многих других, ахеец поддался влиянию проримской пропаганды.

Из всего этого мы можем сделать вывод, что в 307–306 годах до н. э. этрусско-сиракузская коалиция была враждебна коалиции римско-пунической и что Рим и Карфаген договорились покончить с западноэллинистическими странами и разделить между собой добычу. Если вспомнить о событиях предшествовавших лет, то такое положение становится вполне объяснимым. В начале римско-самнитских войн этруски сохраняли нейтралитет; а когда в 311 году они наконец решили вмешаться, было уже поздно. Пока они стояли в стороне, а быть может, как раз благодаря этому, судьба Италии была решена. Это произошло около 320 года, когда легионы римлян потерпели сокрушительное поражение у

Кавдинского ущелья. Этот нейтралитет, вероятно, был частично продиктован Карфагеном, который приложил максимум усилий, чтобы сохранить мир между своими старыми и новыми союзниками. В 311 году этруски наконец поняли, куда может завести их этот нейтралитет. Они разорвали все отношения с Римом и Карфагеном и заключили союз с Агафоклом. Со своей стороны, римские лидеры очень быстро поняли, что у них нет шансов завоевать Кампанию и Южные Апеннины, если они не вмешаются в греческие дела. Неаполь сначала был их союзником, но в 327 году, под влиянием Тарента, которым руководил Агафокл, перешел на его сторону. В течение всей самнитской войны Тарент постоянно вставлял палки в колеса Рима, более или менее открыто, и эта политика часто становилась причиной создания итальянских коалиций. Хотя эллины, италийцы и сицилийцы так и не смогли преодолеть свои светские разногласия, они все-таки сумели понять, что смогут сохранить свободу только в том случае, если объединятся и обратятся за помощью к Греции. Именно эту политику и проводил во второй половине своей жизни Агафокл; именно она помогла ему на короткое время оккупировать Неаполь. Тем не менее он не забыл об угрозе со стороны Карфагена и перед смертью в 289 году занялся строительством флота, чтобы осуществить новую высадку на берегу Африки.

После ухода Агафокла с исторической сцены на греческой Сицилии снова воцарилась анархия. Как и после смерти Дионисия I, власть во всех городах опять захватили тираны. Самым влиятельным из них был Финтий в Агригентуме, но вся его политика заключалась в борьбе с Хикетом Сиракузским. Надеясь захватить Сиракузы, он даже (правда, весьма неохотно) согласился подчиниться Карфагену. В конце концов его изгнали из Сиракуз, и город был разделен между Феононом, удерживавшим в своих руках форт Ортигия, и Сосистратом, господствовавшим в самом городе. Карфагенский флот вошел в гавань Сиракуз под предлогом помощи в разрешении разногласий между двумя тиранами. А тем временем отряд Оскана, служившего в свое время Агафоклу, захватил Мессину, вырезал всех мужчин, а женщин захватил в плен и разграбил город. Бандиты Оскана называли себя мамертинами, или сыновьями Марса; более двадцати лет они грабили, не разбирая национальностей, всю северо-восточную часть острова. Карфаген воспользовался этой ситуацией и занял все ключевые позиции, а среди них – и Липарийские острова. Не лучше обстояли дела у греков и на итальянском полуострове. В 302 году до и. э. Рим дал обещание Таренту, что его суда не будут заходить дальше мыса Лациниум. Однако после смерти Агафокла сначала греки, жившие в Фурии, а потом и другие

италийцы призвали легионеров, чтобы те защитили их от луканцев. И над Тарентом снова нависла угроза.

Тарент уже несколько раз обращался к греческим лидерам с просьбой помочь ему в борьбе с варварами. В 281 году до и. э. они обратились к царю Иллирии, Пирру, который мечтал о создании Западной империи и славе, равной славе Александра. Он женился на нескольких принцессах; одной из них была дочь Агафокла. Этот «Новый Ахиллес» хотел продолжить дело своего тестя и Дионисия и спасти западный эллинский мир. Ему почти удалось загнать римлян назад в Лаций, а в ходе стремительной военной кампании освободить всю Сицилию от власти Карфагена, но Лилибей ему не поддался. И снова западные греки продемонстрировали свое нежелание подчиняться дисциплине, которая могла бы их спасти. Пирру пришлось в конце концов отдать запад Риму и Карфагену; сам он был убит в Аргосе.

Так, не прилагая особых усилий, пуническое правительство обрело абсолютную власть над проливом, разделявшим на две части Средиземное море: карфагеняне владели Сицилией, Мальтой и Сардинией. Они имели в этих краях большой флот и по праву могли гордиться тем, что контролировали все связи между востоком и западом.

Значение этого достижения подчеркивала и ситуация в греко-азиатском регионе, которая, по-видимому, тоже складывалась благоприятно для Карфагена. После битвы при Ипсе (301 до н. э.) не осталось никакой надежды на восстановление империи Александра. После его смерти Египтом правил Птолемей I Сотер; в 305 году он принял титул царя. Позже он присоединил к своим владениям Кельскую Сирию (то есть Палестину и Финикию), а мощный флот позволял ему контролировать все Восточное Средиземноморье. Две другие великие эллинистические монархии укрепились лишь к 280 году до н. э., но в египетско-финикийском государстве продолжали существовать практически те же самые группировки, что и в первой половине века. Эти политические силы не могли не привлечь внимания Карфагена, особенно когда Лагиды попытались превратить военный милитаризм Александра в экономический милитаризм, который представлялся им более привлекательным. Птолемей I проявил реальный интерес к делам Финикии и вскоре заменил аттические монеты, введенные Александром, на финикийские. Это еще более укрепило отношения между Карфагеном, Александрией и союзниками Александрии. Среди них был и Тарент – самый активный из городов Великой Греции. В пунических захоронениях этого времени находим вещи, привезенные из египетской столицы и из Италии. Для александрийского кладбища в

Скиатби характерна черная керамика с металлическими украшениями; здесь же мы находим вазы из Гнафии, нилотические изделия с мишурой, а чуть позже – керамику типа кампанской А.

Терракотовые статуэтки, импортированные или изготовленные на месте, потеряли свой застывший характер. Теперь их головы наклонены, вес тела перенесен на одну ногу, а одежда облегает тело. Появляются рифленые прически и новые модные серьги. Стекольщики стали изготавливать заколки, украшенные женскими головками с завитыми волосами или разноцветными масками с волосами, стянутыми в пучок.

По-видимому, бронзовые сосуды в этрусском стиле уже вышли из употребления; гончары стали теперь изготавливать вазы, имитирующие аттические. Они имели горлышко в виде трилистника и высокие S-образные ручки, которые в местах прикрепления украшались изображением женских головок, солдатских голов в шлемах и, в особенности, масками сатиров или символами богини Изиды с диском и рогами Хатор или атефской короной.

Вторжения Агафокла не лишили людей их богатств, и аристократы по-прежнему приказывали хоронить себя в мраморных саркофагах. Эти саркофаги относятся к тем же самым двум типам, которые были описаны выше, но стиль их немного изменился. Фигура покойного, как и прежде, облачалась в тунику с «эпитогой», но тело под ней уже приобрело формы, а одежда стала плотно их облегать. Фигуру женщины, снимающей свой шарф, Пьер Делатр с полным правом сравнивал с аттической погребальной статуей IV века до н. э. Мы не знаем, кого она изображает – Деметру ли, приветствующую почитательницу, или одну из этих почитательниц, явившуюся просить богиню о помощи.

Храмовые саркофаги, не украшенные изваяниями, тоже изменились – теперь их основания стали расписывать фресками. На одном из них мы видим крылатую сивиллу, похожую на тех, что изображались в Таренте. Сивилла с крыльями считалась стражем Мессинского пролива; ее хорошо знали и в Этрурии, и в Великой Греции. На другом саркофаге два персидских грифона смотрят друг на друга, застыв в геральдической позе, а их длинные хвосты напоминают завитки. По всему эллинистическому миру начала распространяться мода на гибридные фигуры. Но самыми интересными из саркофагов являются те, которые изготавливались в виде деревянных гробов, вроде тех, что были обнаружены в Абузире в Египте. Скульптор даже обозначил проемы между досками. Одна из панелей украшена бюстами, возвышающимися над кустами аканта, листья которого похожи на завитки; изображение, линии и цвет полностью скопированы с

грекоегипетских оригиналов.

Искусство гравировки по бронзе и резьба по камню достигли наивысшего расцвета. Бритвы изготовлялись из высококачественной бронзы и имели очень элегантную форму. Рисунок сдержан и выполнен с большим мастерством. На стелах в тофете божественные эмблемы часто изображались внутри часовен. Часть этих часовен походила на те, что предназначались для погребальных обрядов, изображенных на тарентских сосудах конца IV века до н. э., а другие находились под влиянием александрийского стиля. На них мы видим фантастические рисунки, в которых большую роль играют завитки. Священные вазы изготавливались теперь в форме пестика, который обрамляли растительные завитки, выходящие из листьев аканта. Мы знаем, что одна из стел, украшенных подобным образом, была создана греком Арцестом, сыном Протарха. Однако этот стиль отличается сухостью и абстрактностью, а это говорит о том, что карфагеняне не очень уверенно чувствовали себя в мире эллинских фантазий.

Этим периодом датируется целая серия необычных стел, на которых изображены приносящие жертвы жрецы. На самой знаменитой из них виден жрец, держащий в руках ребенка, предназначенного для жертвы. Эта стела, вероятно, была посвящена человеку традиционных взглядов, не одобрявшему ослабления правил, которыми руководствовались последователи этой ужасной практики. Однако нет никаких сомнений в том, что это памятник конца IV века, ибо на голове жреца мы видим цилиндрическую шляпу, а на теле – прозрачное египетское платье. Эти детали в точности совпадают с изображенными на стеле Баалиатона, которая была найдена неподалеку от Тира и хранится теперь в Новой Карлсберглипготекке музея в Копенгагене. Судя по стилю, в котором изображены черты Баалиатона, этот человек жил не ранее 300 года до н. э. Украшения на карфагенской стеле, очевидно, были выполнены в эллинском стиле – на фризах мы видим четвертные валики и завитки, розетка обрамлена дельфинами, символизирующими солнце, а основание украшено пальметтой. На другой стеле изображен жрец с бритой головой в египетском одеянии, украшенном символом Танит, который молится перед алтарем. В Лувре представлено третье изображение жреца – с бородой и покрывалом на голове, который льет жидкость в отверстие в гробнице.

Единственные боги, имена которых упоминаются в посвящениях, – это Баал Хаммон и Танит, но в тофетах также прославлялись и два менее значимых бога, подчиненные «господину» и «госпоже». Это Сакон, которого отождествляли с Гермесом, и еще один бог-министр, который

начал возвышаться к концу III века до н. э. Он носил имя Шед; так звали старое ханаанское божество, которое давно уже отождествляли с Хором. Это был бог, который излечивал людей от болезней. Его имя превратилось в Шадралу, что означало «Шед исцеляет». Рост популярности Шадралы был связан главным образом с тем, что его ассоциировали с Дионисом, и под эгидой этого бога стало возможным проводить в Карфагене вакхические ритуалы. В конце IV века здесь начали появляться эмблемы Диониса, и мы часто встречаем изображение чаши с вином и листьев плюща. На одной из стел II века до н. э. рядом со знаком Танит была высечена виноградная гроздь, а на другой видим даже изображение танцующего сатира. Шадралу изображали или в виде сокола Хора (его можно увидеть и на бритвах), или в виде сидящего на корточках ребенка, который укрощает скорпиона или змею (чаще всего Шеду просили защитить от змеиных укусов). По-видимому, с ним отождествляли и детей, принесенных в жертву.

Несмотря на большую популярность Танит, тофет был не единственным местом религиозного поклонения. Тирийские беженцы, спасавшиеся от Александра, должно быть, принесли с собой культ Мелгарта, хотя необычайный взлет популярности этого бога пришелся на период правления Баркидов, поскольку он считался покровителем прославленной семьи Гамилькара. Но уже тогда ему поклонялись как защитнику мертвых и как спасителю. Деяния Баркидов прославили и бога-воина, которого отождествляли с Марсом и Аресом. Однако точное финикийское имя этого бога нам неизвестно. Это вполне мог быть Хадад, которому обычно поклонялись как Баал Сафону. Длинная надпись III века до н. э. под названием «Тариф Марсея», получившая это имя потому, что в неизвестное нам время была привезена в этот город, описывает, какие жертвы должны приноситься в храме Баал Сафона. На склонах холма, который высится в северной части Карфагена, был построен храм Эшмуна (позже на этом месте римляне устроили свой театр). В Греции Эшмуна называли Асклепием. Еще одним местом поклонения был величественный храм Решефа, располагавшийся между гаванями и агорой. Бог был изображен здесь в виде Аполлона, позолоченную статую которого венчал шатер с позолоченной крышей. И наконец, самым значимым местом поклонения для карфагенян, пользовавшимся огромной популярностью, стала вершина холма Бордж-Джедид, где проводились сиракузские ритуалы Деметры и Коры, связанные с Плутоном.

Так Карфаген постепенно превращался в столицу Западного Средиземноморья в области культуры, религии, политики и экономики. Из всех народов, которые в тот или иной исторический период приходили с

Востока, чтобы колонизировать Геспериды, только у финикийцев были шансы сдержать натиск автохтонных племен. Все зависело от того, смогут ли они привлечь представителей цивилизаций, которым угрожала гибель, на свою сторону. Это было большой проблемой; попытки решить ее породят мировую войну и определят более чем на тысячу лет судьбу народов Средиземноморья.

Глава 4

1-я война Карфагена с Римом: 264–241

ГОДЫ ДО Н. Э

История этого периода хорошо освещена в римской литературе и литературе союзников Рима. Конфликты Рима и Карфагена называют Пуническими войнами, однако вряд ли уместно использовать это название в работе по истории Карфагена. Поэтому мы будем называть их 1-й и 2-й войной Карфагена с Римом.

Причины войны

До 264 года до н. э. ничто, казалось, не предвещало и не оправдывало смертельную вражду двух государств, контролировавших Западное Средиземноморье. В течение последних 50 лет IV века до н. э. и в три первых десятилетия III Рим постепенно подчинил себе весь итальянский полуостров. Территория Рима была разделена на 35 «племен», примерно соответствовавших тому региону, который в новой истории принадлежал римской церкви. Эта территория протягивалась по диагонали через весь полуостров от Тирренского моря до Адриатического. В нее входили: Лаций, Северная Кампанья и Южная Этрурия, горные районы Апеннин, где жили сабины и другие сабеллийские племена, и, наконец, со стороны Адриатики – Пицениум с его иллирийским и галльским населением. Эти области составляли ядро республики, к которому можно добавить то, что не всегда корректно называют Итальянской конфедерацией. Это были этрусские, умбрийские, сабеллийские и греческие города и племена, которые заключили с Римом свои собственные договоры, определявшие их статус. По своей структуре Римская республика была похожа на Карфаген, территория которого делилась на «департаменты», где существовали союзные и более или менее автономные города. Разница заключалась в том, что Карфаген управлял еще и «колониальной империей». Первой и самой главной провинцией в ней была Сицилийская, занимавшая более двух третей этого острова, начиная с самого западного его мыса. Помимо Сицилии, было еще побережье Сардинии с многочисленными финикийскими городами, Балеарские острова и определенное число федеральных торговых точек и городов на африканском побережье Средиземного моря, а также Атлантические порты Марокко, Южной Испании и Португалии.

Хотя обе державы в своем политическом устройстве имели много общего, в экономическом отношении они сильно отличались. Рим в значительной степени отставал от Карфагена в развитии своей экономики, полагаясь в основном на традиционные методы сельского хозяйства, основанного на семейной единице, и производя такое количество продукции, которое удовлетворяло только его потребности. Помимо доходов от земли, других доходов, кроме дани и военной добычи, у Рима не было. Он позволил своим кампанским союзникам реорганизовать, ради их собственной выгоды, промышленность и торговлю всего полуострова;

у него не было военно-морского флота, о котором стоило бы говорить, и он только еще начал устанавливать дипломатические отношения с некоторыми греческими городами и царствами Восточного Средиземноморья. Карфаген же, хотя и получал значительную долю в виде дани со своих материковых владений, большую часть своего дохода имел с морской торговли, а основной объем сельскохозяйственной продукции вывозил на экспорт.

И карфагеняне, и римляне не были заинтересованы в возрождении западных эллинских государств, ибо построили свое благополучие на обломках этих стран. В 270 году до и. э. умелыми действиями Гиерону удалось восстановить монархию, созданную в Сиракузах Агафоклом. Кроме того, существовала вероятность, что он сможет осуществить некоторые из грандиозных проектов своего предшественника. Действия Пирра потерпели крах только потому, что амбициозный царь Эпира не имел мощных баз на другом берегу Адриатики. Дело приняло бы совсем иной оборот, если бы, например, македонская монархия Антигонов возобновила военные действия. Сумела же она, благодаря талантливому царю Гонату, восстановить в 263–262 годах до н. э. свое господство в Греции!

Несмотря на то что римляне и карфагеняне отличались друг от друга темпераментом, между Римом и Карфагеном существовала долгая традиция дружеских отношений. Она уходила своими корнями в те времена, когда латинский город сбросил с себя власть этрусков и добился независимости. В ту пору (то есть в конце VI века до н. э.) Карфаген, как мы уже говорили, имел торговые концессии в этруском городе Кере и в портовом городе Пирги, которые располагались совсем недалеко от Рима. Вне всякого сомнения, здесь было много пунических купцов, которые находились под защитой тефария Велиунаса, этрусского принца, поклонявшегося Астарте. Эти купцы, вероятно, посещали и соседние города, и первыми среди них были города в долине Тибра, которыми правили Тарквинии. Карфагеняне были реалистами, свободными от предрассудков, и это помогло им сразу же получить прибыль от результатов революции 510 года до н. э., в ходе которой была свергнута тирренская династия, замененная властью латинской аристократии. Поэтому мы убеждены, что Полибий был прав, утверждая, что первый римско-пунический договор был заключен в первый же год консульской республики, то есть в 509 году до н. э. По-видимому, это было возобновление соглашения, подписанного карфагенянами с Тарквиниями в ту пору, когда последние управляли всей этрусской конфедерацией и имели верховенство над Лацием, которое по меньшей мере было почетным.

Узнав о том, что в Риме произошла революция, пунические лидеры попытались обратить это невыгодное положение себе во благо, чтобы не ослабла та система дипломатической взаимозависимости, которая была направлена против греческого верховенства на западе. Они предложили консулам возобновить договор, а поскольку им не хотелось обижать своих новых партнеров, они пообещали сохранить условия старого соглашения, хотя они ни в коей мере не соответствовали размерам новой республики. Получив свободу, Рим не смог сохранить верховенство, которое его прежние этрусские владыки имели над всеми латинскими государствами. Однако, подобно всем только что созданным режимам, Рим не хотел отказываться ни от одной части своего наследства, доставшегося ему от прежнего правительства, какими бы скромными ни были его притязания. Поэтому по договору 509 года до н. э. Рим приписал себе территориальные владения, которые в реальности были закреплены за ним только через полтора столетия. Только непонимание этого факта, которое сбило с пути многих историков и специалистов по древней истории Рима, заставило их перенести дату заключения этого договора на более позднее время. Однако Полибий сообщает нам, что он был написан архаичной латынью, которую в те времена, когда он создавал свой труд, уже мало кто понимал! Одно это исключает всякую возможность заключения подобного договора в IV веке до н. э.

Более того, это соглашение уже не отвечало реальному положению дел, поэтому оно в течение довольно длительного времени оставалось пустым звуком. Рим был так сильно занят борьбой со своими ближайшими соседями, что не мог позволить себе роскошь участия в большой политике. С другой стороны, греческие победы разрушили «великий союз» персов, финикийцев и этрусков, а Карфаген, со своей стороны, между 480 и 409 годами до н. э. вынужден был удалиться в свои африканские владения, а потом бросить все свои силы на войну с Дионисием Сиракузским. А ведь именно в годы этой войны старый пуническо-этрусский союз стал сильнее прежнего. Если принять за истину мнение, высказанное мисс Сорди, то окажется, что Рим стал частью этой коалиции при посредничестве Кере. Так договор 509 года снова вошел в силу, а в 348 году появилась необходимость возобновить его, приспособив к новой ситуации. Как показал Эймар, «второй договор» был всего лишь старым соглашением с внесенными в него поправками. Самым главным изменением стало появление статьи о том, что пунические пираты должны оказывать помощь Риму в борьбе с теми латинскими государствами, которые сохранили свою независимость. Захватив какой-нибудь город, входивший в состав такого

государства, карфагеняне должны были отдавать римлянам все, что они не могли увезти с собой, включая женщин и детей, – они имели право оставлять себе только ту добычу, которую могли забрать с собой, включая пленников мужского пола. После этого в город прибывали римские колонисты, где они находили себе жен и слуг. Однако эта статья вряд ли применялась в действительности. Со своей стороны, римляне обещали не плавать вдоль берегов, которые контролировались Карфагеном (Северной Африки и Испании), и согласились на то, что их отношения с Сицилией и Сардинией будут проходить под строгим контролем Карфагена. Впрочем, римский флот был не слишком большим, и на подобные ограничения можно было не обращать внимания. Таким образом, договор давал Риму большие преимущества.

И эти преимущества почти сразу же были усилены. Пока Тимoleon громил войско Карфагена на Сицилии (341 до н. э.), римляне объединились с Капуей, образовав нечто вроде федерации, что дало им морскую и промышленную власть, которой не было у Лация (343 до н. э.). Благодаря этому им удалось победить Латинскую лигу, которая вынуждена была капитулировать в 335 году. Этот дипломатический успех стал первым шагом на пути развития римского владычества, но его непосредственным итогом стало втягивание Рима в войну против самнитов, которые привыкли считать Кампанию естественным дополнением к своим горам и тем местом, где нашло себе применение их многочисленное и очень воинственное население. Эта борьба продолжалась три десятилетия IV века; она решила судьбу всей Италии, разнообразные народы которой вынуждены были признать, что их независимость не перенесет независимости самнитов. Особенно большая угроза нависла над этрусками, которые лишь в 311 году, когда было уже слишком поздно, догадались, что надо прийти на помощь самнитам, и были разгромлены вместе с ними. Вполне возможно, что этруски соблюдали нейтралитет частично, под влиянием Карфагена, который, должно быть, использовал все свои дипломатические возможности, чтобы предотвратить конфликт между двумя народами, бывшими его союзниками. Справедливость этой гипотезы доказывает тот факт, что, когда началась борьба между римлянами и этрусками, пуническо-тирренский союз был разорван. В 307 году до н. э. этрусский флот пришел на помощь Сиракузам, осажденным карфагенянами. Таким образом, прежние друзья стали врагами, за что, несомненно, несет ответственность Карфаген, которому пришлось выбирать между двумя союзниками, с которыми он не мог больше поддерживать дружеских отношений. Со своим обычным практицизмом Карфаген предпочел

дружить с более сильной партией, несмотря на тесные культурные и политические связи, которые, по словам Аристотеля, превратили тирренцев и финикийцев в граждан одной нации.

Одновременно римляне заявили о своем желании стать морской державой, создав морской дуумвират – то есть чиновников, которые должны были построить военно-морской флот. При таких условиях появилась необходимость заключения нового, усовершенствованного римско-пунического договора, который был подписан, если верить Ливию, в 306 году до н. э. Пожертвовав своими старыми этрусскими союзниками, карфагеняне надеялись получить эффективную помощь римлян против греков, которые под предводительством Агафокла напали на них на африканской земле. Впрочем, легионы уже были на марше, пересекая опустошенный Самниум, чтобы вторгнуться на земли италийских эллинов. Последние прекрасно осознавали нависшую над ними опасность, и защитник, которого они для себя выбрали, Пирр из Эпира, сражался в Италии с римлянами. Он пытался удержать их в Центральной Италии, населенной крестьянами, а на Сицилии воевал с Карфагеном. Договор, в который четыре раза вносились поправки, должен был доказать свою эффективность, но обе стороны, подписавшие его, вовсе не торопились его применять. Когда Пирр угрожал Риму, Карфаген ограничился демонстрацией своей военно-морской мощи, которая ни в коем случае не могла сдержать эфирца. Когда же Пирр обратил свое внимание на Сицилию, римляне, обрадовавшись, что избавились от этого бича, не сделали ничего, что могло бы помешать ему обрушиться на карфагенян. Более того, Карфаген вскоре подписал сепаратный мирный договор – а это было категорически запрещено в его соглашении с Римом – и даже снабдил Пирра судами, которые помогли ему пересечь Мессинский пролив и вернуться в Италию.

Оба партнера продемонстрировали свое вероломство, которое, вероятно, объяснялось тем, что интересы у них были разные. Это несогласие не ускользнуло от внимания Пирра, который, покидая Сицилию, воскликнул: «Какое прекрасное поле для битвы мы оставляем Карфагену и Риму!»

Вряд ли римляне в это время уже подумывали о захвате Сицилии, две трети которой по-прежнему принадлежали Карфагену. Хелусс, написавший обширный труд по истории 1-й Пунической войны и начала римского господства, отрицает, что сенаторы сознательно стремились захватить этот остров. Он пишет, что конфликт разгорелся совершенно случайно, по пустякам, и перерос в полномасштабную войну только после того, как

римляне осознали, что окружены военно-морскими базами своих врагов, от которых исходит постоянная угроза.

Однако другая историческая школа полагает, что завоевание Сицилии стало логическим следствием римско-кампанского договора 343 года. В отличие от всех других соглашений Рима с различными итальянскими государствами этот договор был действительно справедливым, поскольку отвечал интересам обеих сторон. Рим сохранил свое политическое превосходство, а Капуя получила более долгосрочные преимущества, и ее купцы и ремесленники обогатились за счет войн, которые погубили все другие крупные коммерческие и промышленные центры Италии. Уже в 289 году до н. э. римляне начали чеканить свои собственные деньги – тяжелые монеты, которые выглядели чересчур архаичными. Кампанцы же чеканили прекрасные серебряные монеты греческого типа от имени всей конфедерации. Их черная полированная керамика постепенно вытесняла сосуды Апулии и Тарента и распространялась по всему Западному Средиземноморью, по тем путям, по которым передвигались когда-то ловкие предприниматели Кампаньи, наводнившие рынки своим маслом и винами. Некоторые из них были даже приняты в римскую курию, в которую в те времена могли попасть только аристократы. Среди этих предпринимателей были Деции, которых позже легенды превратили в патриотов; вскоре за ними последовали Атилии, потомком которых был Регул. Другие капуанцы оставались дома, но женились на римских девушках: Аппий Клавдий Цекус (Слепой), правивший в конце III века, отдал свою дочь в жены аристократу из Капуи. Эти браки отвечали интересам обеих сторон: римские семьи порывали с патриархальными обычаями и принимали новый, менее строгий образ жизни; они начали модернизировать обработку земель в своих хозяйствах и даже подумывали о том, как увеличить свой доход, занявшись торговлей или промышленностью.

Естественно, что этим романизированным кампанцам или кампанизированным римлянам уже приходила в голову мысль, что неплохо было бы использовать мощь римских легионов в собственных интересах, простиравшихся далеко за пределы итальянского полуострова. Первым проводником этого обновленного курса стал Аппий Клавдий Цекус. Он отличался крайне широкими взглядами, и его враги утверждали, что боги ослепили его в наказание за то, что он «осовременил» культ Геркулеса, патроном которого он был. Этот великий человек, имевший пристрастие к демагогии, укрепил римско-кампанский союз, построив Аппиеву дорогу, по которой легионы двинулись на юг. К концу жизни он активно возражал

против предложений Цинеаса, посла Пирра, который предложил римлянам мир при условии, что они уйдут в Центральную Италию. Как мы еще увидим, близкое родство Аппия Клавдия Цекуса с Цинеасом – которого, по традиции, считают его младшим братом – сыграло решающую роль в развязывании войны на Сицилии.

В течение целого века этот крупный остров был желанной добычей для алчных осканских племен Южных Апеннин. Платон прожил в Сиракузах с 368 по 366 год и уже тогда предсказывал, что финикийцы и осканы однажды уничтожат сицилийский эллинизм. Сами греки призвали на Сицилию отряды итальянских наемников. Подобно кондотьерам Средних веков, эти авантюристы воспользовались первой же возможностью, чтобы вырезать жителей этого города, который после этого стал их оплотом. В первую половину IV века до н. э. такое случалось несколько раз, а в 289 году кровавая драма повторилась в более обширном масштабе. Отряд сабеллийцев, состоявших на службе у Агафокла и называвших себя мамертинами (людьми Марса), сразу же после его смерти захватил город Мессину и основал там бандитское государство. Отсюда мамертины стали совершать опустошительные набеги на северо-восточную часть острова.

Между этими бандитами, явившимися с гор, и их более цивилизованными родственниками, осевшими на богатой Кампанской равнине, по-прежнему существовали тесные связи. За отрядами грабителей вскоре последовали капуанские купцы, которые приводили с собой римских соплеменников. В сенате существовала группа людей, которую возглавляли Клавдии, имевшая на острове свои интересы. Однако она играла очень важную роль в римских делах, посылая во время голода зерно для голодавших плебеев.

Впрочем, люди, которые верили, что будущее Рима связано с югом, имели в сенате сильных противников. Многие отцы нации полагали, что Рим должен расширять свои владения на севере, включив в них Этрурию, политический упадок и значительные богатства которой обещали стать легкой добычей. Самыми влиятельными среди этих людей были Фабии, чьи наследственные владения тянулись по правому берегу Тибра и чьи предки когда-то участвовали в эпической борьбе против народов Вейи и Керес. Фабии, вероятно, были самыми выдающимися из всех патрицианских семей, и их политический вес был очень велик. В течение всех Пунических войн они выступали за проведение умеренной политики по отношению к африканской республике и с сочувствием относились к крупным землевладельцам Карфагена. Но именно в это время, в 265 году до н. э.,

произошел случай, который изгнал целое поколение Фабиев с политической арены. В ту пору консулом был глава клана Фабий Гургес. В этом качестве он отвечал за организацию римских войск, которые были брошены на борьбу с крестьянами, возглавившими социальную революцию в этрусском городе Вольсинии. Эта военная операция отвечала политическим и социальным взглядам Фабиев. Она оказалась успешной, но стоила Гургесу жизни. Он был смертельно ранен одним из осажденных. По неизвестным причинам его сын (имя которого до нас не дошло) не играл в политике никакой роли. Только через восемнадцать лет Фабии снова возглавили Рим, и им удалось восстановить свое прежнее влияние только в следующем поколении, во время правления внука Гургеса, прозванного Кунктатором. Закат власти Фабиев позволил Клавдиям добиться поддержки своей политики, которая привела к войне с Карфагеном.

Таким образом, не Карфаген начал войну, которая оказалась для него роковой: никто из его аристократов, даже среди воинствующего меньшинства, не думал о вторжении в Италию. Они могли бы найти более плодотворные и верные пути удовлетворения своих амбиций. В течение всей долгой войны карфагеняне придерживались чисто оборонительной тактики. Да, карфагенские пираты совершали успешные, но ограниченные набеги на итальянское побережье, но это только раздражало римлян, которые выделяли войска для устранения угрозы, нависшей над городами их союзников, а вовсе не над римскими городами. Апатия, царившая в Карфагене, несомненно, стала одной из главных причин его поражения.

Ход войны до экспедиции Регула: 264–256 годы до н. э

До нас дошли лишь краткие сообщения о первой войне Рима с Карфагеном, поэтому современные историки освещают многие важные вопросы весьма туманно. В частности, очень трудно установить точную хронологию событий, поскольку римский календарь не всегда совпадает с астрономическим. Так, по расчетам немецкого историка Белоха, консулы в 264 году до н. э., Марк Фульвий Флакк и Аппий Клавдий Каудекс, заняли свои посты в июне, а второй из них высадился на Сицилии лишь весной 263 года. У этой теории очень много противников, а де Санктис ее полностью отвергал.

Рим и Карфаген поссорились из-за двух небольших народов. Мамертины, как мы уже говорили, были осканскими наемниками Агафокла, которые захватили Мессину и целую четверть века грабили греков. В 270 году жители Сиракуз наконец обрели энергичного лидера, Гиерона. Он пошел войной на мамертинов и сумел запереть их в Мессине. Мамертины испугались, что их в конце концов призовут к ответу, и обратились за помощью к пуническому флоту, стоявшему у островов Липари. Карфагеняне, под предводительством адмирала Ганнона, без спроса оккупировали цитадель. Мамертины вскоре возненавидели оккупантов и, вспомнив о своем итальянском происхождении и, несомненно, используя в качестве эмиссаров своих кузенов из Кампании, состоявших на службе у Рима, обратились за помощью к римскому гарнизону Региума, стоявшего на другом берегу Мессинского пролива. Так получилось, причем совсем не случайно, что командующий гарнизоном приходился родственником консулу Клавдию. Ему удалось захватить один из фортов Мессины вместе с его командиром, Ганноном, который купил себе свободу, пообещав вывести из города весь пунический гарнизон. Когда он явился в Карфаген, совет Одной Сотни и Четырех обвинил его в государственной измене и велел распять. Он стал первым из генералов, которых казнили в ходе этой войны.

Консул Клавдий решил узаконить инициативу, проявленную его подчиненным и родственником. Он был верен семейной традиции и так часто выступал с предложением построить в Риме флот, достойный этого названия, что его прозвали Ка-удексом, что означает что-то вроде «корабельной шлюпки». Впрочем, ему очень долго пришлось доказывать

сенату, который, несомненно, находился под влиянием Фабиев, правоту своих идей. Наконец, с помощью более или менее законных способов, предложение Клавдия было вынесено на суд народа. Мамертинов признали союзниками Рима, и на Сицилию были отправлены легионы, которым было велено их защитить.

В принципе римские войска были посланы для борьбы с единственным реальным противником мамертинов, Гиероном, который только что принял титул царя Сиракуз. Он был достаточно умен, чтобы понимать, что Рим победить невозможно. Провоевав один год, Гиерон заключил с ним соглашение. Он вынужден был отказаться от значительной части своего царства, но и оставшейся ему хватило, чтобы мирно жить на его доходы целых пятьдесят лет. У Гиерона был роскошный дворец; он покровительствовал искусствам и литераторам (263 до н. э.).

Римлянам больше нечего было захватывать в этой части острова, и они обратили свое внимание на его пуническую часть. Сегеста была главным городом элимийцев, утверждавших, что они происходят от поселенцев, которые явились из Азии и состояли в родстве с троянскими предками римлян. Мамертины были по происхождению итальянцами и никогда не подчинялись Карфагену, но Сегеста стояла неподалеку от Палермо, в самом центре пунической колонии. Ее предательство привело к гибели пунической провинции, а тот факт, что римляне приняли Сегесту под свое управление, говорит о том, что у них не было особого желания сотрудничать с Карфагеном и делить с ним Сицилию.

Только теперь карфагеняне поняли, до чего довела их апатия. Они искренне верили в то, что Гиерон будет вечно воевать с римлянами, и надеялись, что оба противника истощат друг друга в борьбе и Карфаген сумеет этим воспользоваться. Но когда сиракузский царь подписал с Римом сепаратный мирный договор и все их надежды рухнули, старейшины неохотно дали согласие на войну с Римом и генерал по имени Ганнибал, сын Гиско, которого активно поддерживала аристократия, встал во главе наемников из Испании, Галлии и Лигурии. Это войско собралось в Агригентуме, который был вторым после Сиракуз городом Сицилии по своим размерам и входил в пунический альянс довольно длительное время. А тем временем римляне доставили на Сицилию все имевшиеся у них войска, которыми командовали два консула (лето 262 года до н. э.), и осадили Агригентум. Осада продолжалась семь месяцев. В конце концов, разгромив пришедшую на помощь городу армию, римляне овладели Агригентумом, хотя Ганнибалу, сыну Гиско, удалось вывести из него почти всех своих солдат.

После поражения Карфагена многие сицилийские города перекинулись на сторону Рима. Карфагеняне поняли, что разбить римлян в открытой битве им не удастся. Поэтому они решили применить тактику, которая лучше всего подходила для того количества войск, которым они располагали, и заперлись в нескольких хорошо укрепленных крепостях. Карфагеняне были терпеливы, обладали инженерным талантом и многое переняли от греков. Кроме того, они разработали свои собственные секретные технологии. Фактически карфагеняне стали непревзойденными мастерами в искусстве осады, которое со времен Александра Македонского значительно усовершенствовалось. Они хорошо понимали, что римлянам до них далеко. И пока те истощали свои силы под стенами крепостей, пунические пираты совершали набеги на побережье Италии, а небольшие отряды партизан нападали на отдельные группы солдат и обозы с продовольствием, а также наказывали всех тех подданных Карфагена, которые перешли на сторону врага.

В целом эта тактика оказалась успешной. Благодаря ей в течение последующих пяти лет на Сицилии сохранялось сложившееся положение дел (261–256 до н. э.). Города Энна и Камарина, призвавшие римлян, вернулись в состав Пунического альянса. Карфагенские генералы обладали большим опытом и командовали своими войсками в течение нескольких лет, в то время как римские консулы обновлялись каждую весну и, по своей неопытности, часто совершали роковые ошибки. Союзники итальянцев, сражавшиеся вместе с легионерами, имели свои причины для борьбы и зачастую не ведали о дисциплине. Этим воспользовался генерал по имени Гамилькар, которого древние путали с Гамилькаром Баркой, и в 259 году до н. э. одержал победу около Паропуса. В этой битве погибло 3 тысячи итальянцев. В том же году Гамилькар переселил жителей Эрикса в Дрепанум, превратив его в крепость, которую римлянам так и не удалось взять силой.

Тем не менее в это время Карфаген потерпел поражение, которое свело на нет все его победы. Римляне устали от пиратских рейдов и обдумывали, как им наладить снабжение своих войск. Наконец, в 260 году до н. э., они решили создать военно-морской флот, о необходимости которого целых 50 лет шли споры. В это время Клавдий Каудекс уже не был консулом, но его взгляды разделяли представители других благородных семей. В 260 и 259 годах до н. э. консулами были два брата – сначала Гней, а потом Луций Корнелий Сципионы. Они принадлежали к семейству патрициев, которое было не менее талантливым, чем семейство Фабиев, а их отец, Сципион Барбат, прославился в ходе самнитских войн. Луций и Гней стали первыми

представителями римского морского господства, которое вознесло на вершину славы их потомков. В XVIII веке в фамильном склепе Сципионов была обнаружена эпитафия, посвященная Луцию; в ней с гордостью говорится о его победах на Корсике и о захвате города Алерия, в котором сейчас ведет раскопки М. Джехассе. Тем не менее братья, по-видимому, были плохими тактиками: старший, Гней, попал в плен вместе с 17 судами и, чтобы выйти на свободу, вынужден был заплатить выкуп. Римский народ прозвал его «ослом». К счастью, его соратник, консул Гай Дуилий – человек простого происхождения, спас честь и интересы Рима, разгромив в битве при Милах пунический флот, которым командовал Ганнибал, сын Гиско. Карфагеняне потеряли 50 галер и свой флагманский корабль – большое гребное судно с семью рядами гребцов, который они отбили у Пирра. Ганнибал, который потерпел поражение под Агригентумом, имел влиятельных друзей среди олигархов, и они спасли его от суда Одной Сотни и Четырех. Впрочем, некоторое время спустя, сражаясь на Сардинии, он был распят своими же собственными наемниками, которые устали от его бездарного командования.

Победа при Милах принесла Дуилию громкую славу. Его статую водрузили на вершине колонны, украшенной носами захваченных им судов, – это была первая ростральная колонна. Его заслуги отражены в эпитафии, которая дошла до нас, а Рим уже стал привыкать к культу вождя, который позже изменит его судьбу. На карфагенские суда римляне, по-видимому, перебросили мостики с железными крючьями, по которым прошли легионеры, захватившие эти галеры. Странно, что карфагеняне попались на такую простую уловку. О создании римского флота ходили легенды, но их в основном придумывали для того, чтобы не раскрывать имена тех, кто на самом деле обеспечил Риму победу на море – а именно греков, живших в Южной Италии. Они-то и построили все галеры; греческие моряки служили на них матросами, а греческие капитаны ими управляли. Легенды, которые повествуют нам о том, как римляне из-за своего невежества в морском деле вынуждены были поднимать со дна корпуса потерпевших крушение судов и копировать их, а гребцов тренировать на песке, ничего не сообщают о греческих мастерах. Главная заслуга сената и в особенности римско-кампанских предпринимателей, которые получили огромную выгоду, заключалась в том, что они передали большие суммы денег в распоряжение верфей в Таренте. Это позволило Риму создать флот, который превзошел по своим размерам флоты самых могущественных наследников Александра Македонского. Сципион и Дуилий имели под своей командой 100 галер с пятью гребцами и 20

трирем, причем совершенно новых.

Впрочем, победа при Милах не привела к немедленному изменению хода войны. Карфаген обладал обширными ресурсами, которые помогли ему быстро восполнить потери, а война на Сицилии затянулась, превратившись в серию осад и стычек.

Экспедиция Регула

Среди кампанских семей, принятых в римском сенате, самой главной в то время была семья Атилиев. В нее входили несколько ветвей: Калатини, Серрани, Регулы и т. д. Почти каждый год представитель той или иной семьи становился консулом. Таким образом, Атилии входили в состав самых прославленных благородных семей Рима, вместе с Корнелиями и Валериями. Естественно, что они представляли ту часть южных союзников Рима, которая больше других была заинтересована в завоевании Сицилии и уничтожении карфагенского флота, поскольку его корабли совершали нападения в основном на южные гавани.

Один из членов этого клана, Марк Атилий Регул, ставший консулом в 256 году до н. э., предложил смелый план, который мог бы положить конец войне. Он решил, следуя примеру Агафокла, перенести военные действия на берега Африки и захватить Карфаген или, по крайней мере, заставить его жителей капитулировать из-за страха за свою судьбу. Однако этот проект противоречил благоразумию римлян, и они его отвергли. Тем не менее Регулу позволили создать мощную концентрацию войск в Экноме на юге Сицилии, к востоку от Агригентума, – около 40 тысяч солдат и 330 судов. Карфагеняне выслали против этой армады равный по силам флот под командованием двух генералов. Одного звали Ганнон; он был членом аристократической партии (это – тот самый Ганнон, который в 262 году безуспешно пытался спасти Агригентум), а другого – Гамилькар, который, по-видимому, принадлежал к менее консервативной фракции и прославился своей победой в Паропе (битва при Термах, 260 г. до н. э.).

Гамилькар предложил провести ловкий маневр, предвосхитивший маневр Ганнибала при Каннах: он отвел корабли, стоявшие в центре боевого порядка пунического флота, назад, надеясь заманить римский флот в ловушку и, после окружения, уничтожить. К сожалению, пунический флот не сумел сохранить боевой порядок, и после тяжелого боя, продолжавшегося целый день, римлянам удалось захватить и уничтожить более сотни карфагенских галер (ранней весной 256 года до н. э.). Теперь уже ничто не могло помешать римскому вторжению на берега Африки. Несмотря на войну с Агафоклом, карфагеняне не сделали ничего, чтобы защитить свой город от нового вторжения и защитить богатую сельскую местность, окружавшую его, от опустошения. В Карфагене имелась только полиция, а городские магистраты были абсолютно некомпетентны и

неопытны в военном деле. Поэтому Регул и его спутник Гией Манлий Вульсон сумели беспрепятственно высадиться на Кап-Боне, как до этого высадился Агафокл. Захватив крепость Клупею (теперь Келибия), они двинулись на северо-восток, не встречая серьезного сопротивления. По пути они опустошали местность, откуда в Карфаген поставляли мясо, масло и вино. Примерно в 6 милях от Келибии стоял небольшой городок, который в наши дни носит название Дар-эс-Сафи и в котором сейчас ведутся раскопки. Он был захвачен и сожжен, как и многие другие. Многочисленные пленники и ценная добыча вскоре обогатили консульскую армию.

Все это произошло летом 256 года до н. э. В начале зимы сенат отозвал Манлия Вульсона и большую часть флота, несомненно, опасаясь, что его погубят штормы, столь частые у этого опасного и незащищенного побережья. Впрочем, вполне вероятно, что определенную роль сыграла в этом и зависть, которую испытывали к Регулу многие сенаторы и которая привела к катастрофическим последствиям.

А тем временем карфагеняне готовились к обороне города. Они отозвали с Сицилии своего лучшего генерала – победоносного Гамилькара Паропосского, – и назначили его помощником Гасдрубала, сына Ганнона и Бостара. Тем не менее, имея всего 15 тысяч легионеров и 500 кавалеристов, Регул в начале 255 года одержал очень важную победу под стенами Адиса (позже названного Уфиной, а в наши дни известного как Оудна). Битва произошла на холмистой местности примерно в 40 милях юго-восточнее Карфагена. Эта победа позволила Регулу занять Тунис и перерезать коммуникации, соединявшие карфагенский полуостров с внутренними районами. Ливийские крестьяне подняли восстание, а непокоренные нумидийцы опустошили регион, который не успели еще ограбить римляне. Карфаген наводнили толпы беженцев, искавших укрытия за его стенами, которые рассказывали ужасные истории. Продовольствие в столице подходило к концу, кроме того, возникла угроза эпидемий. Регул решил, что пришло время предложить условия сдачи, поскольку хорошо знал, что городские укрепления ему взять не удастся. В Карфагене царило такое отчаяние, что горожане согласились на переговоры. Консул принял делегацию осажденных, демонстрируя им свое презрение, и выдвинул совершенно возмутительные условия. Он потребовал, чтобы карфагенские войска ушли не только с Сицилии, но и с Корсики и Сардинии, чтобы весь военный флот был разоружен и чтобы было заключено соглашение, по которому Карфаген становился вассалом Рима. Услышав эти условия, карфагенские парламентарии прекратили переговоры.

А тем временем пунические агенты отправились в Грецию и стали набирать там наемников. Обычно они старались не обращаться к эллинским кондотьерам, поскольку те запрашивали за свои услуги огромные суммы и имели опасные амбиции. Однако сейчас сложилась экстремальная ситуация, и карфагенянам надо было набрать солдат, способных противостоять римским легионерам. На наемническом рынке, располагавшемся на мысе Тенаре, агенты нашли авантюриста по имени Ксантипп. Это был спартанец, получивший великолепное образование в одной из военных школ своей страны. Они наняли этого спартамца в качестве военного советника. Он быстро реорганизовал войска Карфагена и объяснил генералам их ошибки. Главная проблема заключалась в том, что они сражались с врагом на холмистой местности, где подвижные легионы имели преимущество над тяжелыми фалангами гоплитов. Карфагенянам следовало устраивать битву на равнине, где они в полной мере могли использовать свое превосходство в кавалерии и пускать в ход слонов, которые в те времена играли ту же роль, какую в наши дни играют танки.

Регул, одержав несколько побед, преисполнился самомнения и допустил ошибку, вступив в сражение на местности, которую выбрал Ксантипп, вероятно на Тунисской равнине. Чтобы отразить атаку слонов, он сгруппировал своих солдат в плотную массу, лишив их возможности маневрировать. Это привело к катастрофе. Легионеры были окружены фалангой и кавалерией и растоптаны слонами; 2 тысячи римлян были убиты или захвачены в плен, вместе с самим консулом. О том, как Регул закончил свою жизнь, сохранились только легенды; Полибий об этом не сообщает ничего. Нам известно только то, что он умер в плену. Римские легенды донесли до нас рассказ об ужасных обстоятельствах его смерти; их можно понять, но, несмотря на то что карфагеняне вполне могли подвергнуть Регула пыткам, мы не можем полностью доверять римским рассказам.

Римское вторжение стало для Карфагена тяжелым ударом, несмотря на его трагический конец. Внутренняя безопасность зависящих от Карфагена земель была нарушена; среди ливийских крестьян распространился дух неповиновения, а непокорные племена решили, что теперь могут творить все что угодно. С экономической точки зрения потери были катастрофическими, и первой задачей пунического правительства стала реорганизация управления африканскими землями. Самый талантливый генерал, Гамилькар из Парона, завершил свою карьеру на посту военного губернатора Ливии, где с исключительной жестокостью расправлялся с мятежниками. Тем не менее богатые землевладельцы считали, что он

недостаточно суров, и старейшины организовали в своих рядах группу, объединенную общими интересами, которая вскоре навязала свои взгляды всей ассамблее в целом. Около 250 года эта группа обрела лидера в лице Ганнона II Великого, который был – или нам так кажется – потомком своего тезки, жившего в IV веке до н. э., о трагической судьбе которого мы уже рассказывали. Ганнон унаследовал от Гамилькара Паропосского пост верховного правителя африканских территорий и сделал все, что было в его власти, чтобы заставить Карфаген отказаться от военных и других предприятий за морями. Поэтому война велась довольно вяло, и наиболее воинственные ее участники были предоставлены самим себе.

Поражение Регула компенсировала в глазах римлян великая победа на Сицилии. В 256 году консулы Атилий Калатин, вышедший из той же семьи, что и Регул, и Сципион Осел, вернувший себе популярность, сумели захватить Палермо, единственный крупный город на Сицилии, в котором большинство населения составляли карфагеняне и который поэтому был столицей пунической провинции. Во владении Карфагена остались лишь две крепости, стоявшие на самом крайнем западе острова, – Лилибей, которой командовал энергичный лидер по имени Гимилько, и Дрепанум, где стоял флот. Лилибей был осажден римлянами, но стойко оборонялся, вдохновленный подвигами Ганнибала по прозвищу Родосский. Его легкому и быстроходному судну удалось скрыться от римской погони. Тем не менее контрнаступление, предпринятое в 251 году до н. э. в направлении Палермо, потерпело крах. В 249 году Комития назначила консулом Публия Клавдия Пульхра (Красавца), который был сыном Аппия Клавдия Цекуса. Этот гордый и самонадеянный человек решил одним ударом завершить войну, начатую его семьей, уничтожив флот в Дрепануме. Однако пунические суда были гораздо более маневренными, чем римские, а их адмирал Адгербал был прекрасным тактиком. Карфагеняне одержали победу, захватив или уничтожив 96 римских галер вместе с их командами.

Это было самое крупное поражение, которое римляне понесли в ходе войны, и партия империалистов потеряла свою популярность. К тому времени Фабии уже несколько лет занимались восстановлением своей сети политических союзов и формировали общественное мнение. Им удалось в ходе мощной пропагандистской кампании дискредитировать Клавдиев. Людям объясняли, что поражение в морском бою произошло из-за их непочтения к богам, о чем все хорошо знали. Разве Пульхр не утопил священных цыплят, которые предсказали его поражение? В 247 году до н. э. консулом был избран Фабий Бутео, а в следующие два года консулами становились члены его семьи: это была великолепная месть со стороны

семейства, которое не подпускали к высшим политическим должностям с 265 года!

А тем временем в Карфагене крупные землевладельцы старались избавиться от тех, кто призывал к войне до победного конца. В том же самом 247 году два талантливых генерала: Гимилько, защитник Лилибаея, и Адгербал, победивший в битве под Дрепанумом, были освобождены от своих должностей. Их сменил молодой офицер, Гамилькар Барка, который был полон энтузиазма, но имел под своей командой слишком мало сил. С другой стороны, Ганнон Великий, который сменил Гамилькара Паропосского (удалив тем самым еще одного сторонника продолжения войны), организовал крупный поход против племен Сахары и захватил, все в том же 247 году, город Тевесте, современную Тебессу.

Логическим продолжением всех этих событий должно было стать заключение мира, но переговоры, начавшиеся в 247 году, завершились только обменом пленными. Поскольку стороны не смогли достичь соглашения, война продолжала вяло тянуться, причем с каждой стороны воевали войска конфедераций. Римские консулы больше уже не посещали Сицилию, предпочитая заниматься колонизацией Этрурии – традиционной задачей Фабиев. В 247 году был основан город Альсий, а в 245 – Фрегена. В обеих странах люди, отвечавшие за финансы, отказались выделять деньги на строительство боевых кораблей. Казна Карфагена была пуста – вероятно, уже со времен вторжения Регула. Птолемей II Филадельф (умерший в 246 году) отказался выдать Карфагену ссуду. Этот умный правитель завязал тесные торговые связи с Финикией, а с 270 года – и с Римом. Но во время войны он не хотел помогать ни тому ни другому.

Монотонное течение событий с 247 по 241 год до н. э. нарушалось лишь происками Гамилькара Барки, который начал было устраивать морские набеги на побережье Италии, но вынужден был прекратить их из-за отсутствия денег или из-за того, что старейшины наложили на них запрет. Наконец, в ответ на давление, которое враг оказывал на Лилибей и Дрепанум, Гамилькар закрепился в Эриксе, акрополь которого был посвящен восточной богине, почитаемой финикийцами под именем Астарта, а римлянами – под именем Венера. Из этого орлиного гнезда он совершал удачные рейды, помогавшие защищать обе эти крепости. Он кормил своих наемников продуктами, производимыми на месте, а в качестве платы выделял им долю в своей добыче.

Римско-кампанские капиталисты решили нанести последний решающий удар по карфагенянам и изгнать их с Сицилии. А поскольку ни сенат, ни народ им не верил, они испросили разрешения построить флот на

свои собственные деньги, возместить которые можно будет после победы. Было сооружено двести галер с пятью гребцами, командовать которыми поручили Лутацию Катулу. Он был чужаком, который явился в Рим, как в свое время приехал Диулий. Встав во главе флота, консул сумел перехватить крупный конвой, который вез в Лилибей продукты и вооружение. Пуническим военным кораблям помешали тяжелые торговые суда, которые они сопровождали, а их капитанам было далеко до прежних морских волков. За двадцать лет войны погибло много опытных офицеров и матросов, а заменить их было некем.

Адмирал Ганнон не мог избежать поражения, однако расплачиваться ему пришлось на кресте. Потеряв свой флот, Карфаген вынужден был пойти на переговоры.

К счастью для него, Лутаций Катул, по-видимому, принадлежал к сторонникам Фабиана. Он предъявил требования, которые, по сравнению с требованиями Регул а, были довольно умеренными. Сицилию пришлось оставить. Гамилькару Барке выпала нелегкая задача представлять свое правительство на обсуждении условий перемирия, но ему удалось добиться, чтобы его люди и Гиско, командовавший гарнизоном в Лилибее, получили свободу и покинули Сицилию с воинскими почестями. Карфаген сохранил другие территориальные владения и политическую независимость, при условии что он вступит в союз с Римом и даст обещание никогда не нападать на Гиерона. Численность его сухопутных и морских сил не ограничивалась, но за 20 лет войны Карфаген обязался выплатить компенсацию в 2200 эвбейских таланов, что равняется 540 тысячам фунтов стерлингов.

Таким образом, война закончилась, и все испытали облегчение. На нее было израсходовано огромное количество материалов и продуктов; она тянулась дольше, чем все войны Александра Македонского и его преемников. Рим одержал победу не только потому, что его армия была лучше, но, в значительной степени, благодаря экономической мощи Итальянской конфедерации, которая никогда не подвергалась серьезной угрозе со стороны врагов. Ее лидеры никак не проявили себя ни в политической, ни в военной сферах. Карфаген же всегда имел отличных генералов, особенно во вторую половину войны. Но их талант и мужество свели на нет эгоизм, инерция и жестокость лидеров олигархии, которые лишь следовали за событиями, никак в них не участвуя. Они проигнорировали все возможности для организации дипломатической поддержки, из-за чего главные враги Рима, галлы и лигурийцы, жившие в долине реки По, так и остались безучастными свидетелями войны. А ведь

они в любой момент были готовы выступить против Рима! Это правда, что карфагеняне посылали к ним агентов, которые вербовали наемников, но они ни разу не прислали послов, которые сумели бы доказать им, что в их же интересах атаковать легионы римлян с тыла! Не воспользовалась карфагенская олигархия и своими связями с греческими правителями, гораздо более тесными, чем с Римом. В ходе войны правители Карфагена продемонстрировали полную неспособность мобилизовать свои войска сразу же после начала конфликта, а в 256 и 247 годах до н. э. не смогли извлечь никакой выгоды из разгрома римлян и попытаться изменить ситуацию во благо своей страны. Они поддерживали бездарных генералов и подвергали суровому наказанию тех, кому просто не повезло и за кем не было никакой вины. И наконец, в экономическом плане правительство Карфагена не сумело мобилизовать столько ресурсов, сколько требовалось для достижения победы. Это объяснялось частично слабостью структуры пунической экономики, которая почти полностью зависела от дальних морских поставок, но в основном проистекала из чрезмерного пренебрежения, с которым власти относились к личным интересам подданных.

Таким образом, олигархический режим продемонстрировал незаинтересованность в защите страны и бездарность, несмотря на суровую дисциплину, которой должны были подчиняться граждане Карфагена. Тем не менее чувства патриотизма были очень сильны: они еще больше усилились под влиянием тревог, лишений и военных неудач. Поэтому все понимали, что за поражением последует революция, которая должна была полностью обновить Карфаген.

Глава 5

Революция баркидов: 241–219 годы до н. э

Баркидскую революцию, которая началась сразу же после заключения мира с Лутацием, можно разделить на три этапа. Во время первого над Карфагеном нависла угроза серьезного социального кризиса, который мог уничтожить не только правящий класс и всех тех, кто получал выгоду от существующего режима, но и колониальные владения западных финикийцев. Перед лицом этой угрозы «консерваторы» и сторонники «прогрессивной партии» сумели, забыв о своих противоречиях, достичь согласия. Но после того как угроза миновала, националисты, поддержанные народом (но не пролетариатом), взяли верх над олигархами и под руководством Гамилькара Барки провели преобразование государственных структур. И наконец, на третьем этапе Гамилькар и его преемник Гасдрубал Старший завершили этот процесс, дополнив революцию внутренней революцией во внешней политике, которая позволила западным финикийцам отомстить за свое поражение в войне и обеспечила правящей партии прочную основу, которую не смогли бы разрушить никакие колебания внутренней политики.

Прежде чем подробно рассказать обо всех этих событиях, следует отметить, что революционные преобразования были вызваны не только теми условиями, которые сложились внутри пунического государства, вроде патриотического подъема, необходимости обновления устаревших институтов власти и действий выдающихся людей типа Гамилькара, но и общими тенденциями, существовавшими внутри всего эллинского мира, частью которого был Карфаген. Социальный кризис, который мы называем войной наемников, был аналогом восстаний пролетариев и рабов III и II веков до н. э., которые бушевали в греко-восточном мире, а также на Сицилии и в Этрурии. Глубже всех проанализировал причины этих беспорядков Ростовцев: в странах, завоеванных македонцами, например в Египте, их главной причиной стала жестокая эксплуатация местного населения греческими колонистами, и конфликт разразился главным образом между эллинизированными городами и сельской местностью, которая осталась верна прежним традициям. В Греции и Западной Анатолии конфликт существовал внутри самих городов, как это было в Европе в XIX веке; развитие обширного рынка, сопровождавшееся

техническим прогрессом и гибелью старых социальных устоев, привело к углублению пропасти между немногочисленным, но очень богатым верхним классом и крайне бедным, но очень воинственным пролетариатом.

В Карфагене наблюдались оба типа этих реакций, поскольку он был одновременно колониальным государством и крупным промышленным и торговым центром. Развитие Карфагена из олигархической республики в государство, которое было одновременно народным и авторитарным, происходило под руководством монарха, чья власть опиралась на армию и нижние классы горожан, напоминая развитие греческих народов. Такая же эволюция два века спустя охватит и Рим. Мы еще не раз упомянем о близком сходстве между баркидским государством и империей Августа.

Более того, социальные явления, которые мы изучаем, имеют много общего с теми, которые наблюдались в Европе и колониях европейских стран начиная с XIX века. И хотя не следует придавать слишком большое значение этому сходству, поскольку в античном мире не было ни механизированной промышленности, ни реального капитализма, ни каких-нибудь форм социализма, основанных на логически обоснованной теории, они делают эллинистический период особенно интересным для нас. Это было единственное время в античном мире, когда существовало нечто, напоминавшее борьбу классов, которая является характерной чертой современной истории.

Война наемников

Читателю, вероятно, покажется странным, что этот хорошо известный эпизод мы называем социальным кризисом. Ему посвящен роман Густава Флобера «Саламбо», романтическая история которого конечно же излагается по версии Полибия. Именно он сообщает нам об этом событии и излагает его так, словно оно действительно относится к военной истории.

Карфагенянам пришлось подавить несколько бунтов наемников. Один из них чуть было не разразился в Лилибауме в 250 году до н. э., когда этот город находился в осаде и несколько галльских командиров планировали передать его в руки римлян. Однако их планы раскрыл греческий офицер по имени Алексон; они были разрушены благодаря дипломатическим талантам генерала Гимилько и его помощника Ганнибала, сына старого защитника Агригентума. Карфагеняне были не единственными, кто пострадал от неверности профессиональных вояк, как мы уже видели на примере захвата Мессины мамертинами.

Пуническое правительство предприняло решительные шаги, чтобы в будущем подобные инциденты больше не повторялись. Карфагеняне предпочитали нанимать солдат удачи в варварских странах Запада, таких как Иберия, Галлия и Лигурия, а не греческих кондотьеров. Варвары-наемники обходились гораздо дешевле. Более того, эти полудикари чувствовали себя не в своей тарелке в тех регионах, где им приходилось воевать; у них не хватало ума, чтобы устраивать заговоры, а поскольку они говорили на разных языках, солдаты из разных стран общаться между собой не могли. За офицерским составом этих войск очень пристально наблюдали. Из дикарей выходили только командиры самых низших рангов, да и тех выбирали среди ветеранов, которые были верны Карфагену по той простой причине, что любили свое дело. Офицерами всех других рангов были карфагеняне; они получали такое же образование, как и их коллеги из европейских армий, которые служили в войсках завоеванных стран. В войсках Карфагена были специалисты по Галлии, например Ганнибал, сын Ганнибала из Агригентума, и его знание Галлии помогло раскрыть заговор в Лилибее. Другие офицеры изучали ливийцев, иберов и лигурийцев.

Пуническое правительство было уверено в том, что подобная организация работает эффективно, и не обратило особого внимания на первые признаки недовольства, которые проявились в войсках, эвакуированных с Сицилии после подписания мира с Лутацием.

Гиско, опытный военачальник, отправлял наемников в Карфаген небольшими партиями и советовал как можно скорее распустить их по домам. Но сначала им нужно бы заплатить за службу, а казначей республики, как и все консервативные министры финансов, любили экономить на оплате труда. Поэтому в городе скопились огромные массы уволенных со службы солдат, которые от скуки становились все более неуправляемыми. Вскоре они уже стали представлять опасность для горожан, и их отправили на ливийскую границу, в Сикку Венерию, которая сейчас называется Ле-Кеф. Она располагалась неподалеку от современной алжиро-тунисской границы и представляла собой изолированную крепость, окруженную независимыми ливийскими племенами. Городом командовал Ганнон Великий, который заверил, что заплатит им, но меньше того, что было обещано. Это обещание было встречено с негодованием, и взбунтовавшиеся наемники двинулись в сторону Карфагена. Они закрепились в Тунисе, как это сделали до них Агафокл и Регул. Правительство отправило к ним Гиско, который только что вернулся в Африку. Многие наемники, в особенности офицеры, искренне уважали своего старого военачальника и приняли его в качестве арбитра.

Но тут произошло событие, которое превратило простой бунт в самое настоящее восстание. Среди наемников было много «полугреков», как называл их Полибий. Это были в основном бывшие рабы, родившиеся и воспитанные в эллинистических странах, которым удалось бежать из тюрем Южной Италии и Сицилии. Они обладали знаниями и умом, которых не хватало варварам. Некоторые из них, например Спендий, выходец из Кампаньи, которого разыскивал хозяин для того, чтобы распять, горели настоящим революционным энтузиазмом. Эти наемники соединились с ливийцами, которых после демобилизации возглавил Мафо и которым не удалось бы избежать наказания со стороны карфагенян, если бы их дома не находились за границей.

Мафо и Спендий обработали солдат по всему лагерю; им удалось поднять их на мятеж против младших офицеров и сержантов, которые по-прежнему сохраняли верность Карфагену. Во время первого бунта несколько человек из их числа были убиты, а Гиско и его штаб захвачены в качестве заложников. Восстание Спендия и Мафо поддержал только отряд галльских преступников, которых, вместе с их лидером Автаритом, изгнали из родной страны за совершенные ими преступления. Они установили контакт с ливийскими крестьянами, что сильно ухудшило ситуацию, поскольку последние совсем недавно были жестоко наказаны за поддержку Регула. Ганнон потребовал тогда, чтобы они отдавали помещикам половину

своего урожая. И к 20 тысячам наемников в тунисском лагере присоединилось 70 тысяч крепостных крестьян.

Карфаген был бы взят восставшими, если бы консервативные правительства Рима и Сиракуз не осознали, чем им грозит это восстание, и не пришли бы к нему на помощь. Уже в 265 году до и. э. Рим играл роль «хранителя социального закона и порядка» – а это был год, когда разразилось восстание Вольских рабов. Ему еще несколько раз пришлось сыграть эту роль. И хотя сенат не хотел открыто вмешиваться в этот конфликт, он ответил отказом на просьбы восставших о помощи, запретил своим купцам торговать с ними и стал поощрять их заняться снабжением Карфагена. Гиерон предоставил в распоряжение пунического города много продовольствия и денег.

А тем временем восставшие полностью осадили город, который до этого был отрезан от внутренних районов материка оккупацией Туниса. После этого они решили овладеть Бизертой и Утикой. Был призван Ганнон Великий, которому поручили дать отпор мятежникам. Именно благодаря его усилиям удалось собрать войско из горожан и прибывших в Карфаген иноземных наемников. К сожалению, его военные способности сильно уступали административным. Он участвовал в пограничных стычках с недисциплинированными ордами ливийцев, но, одержав победу в первой стычке со Спендием, осадившим Утику, с удивлением увидел, что его победа превратилась в поражение.

Это вызвало недовольство низших классов Карфагена, которое привело к возвращению к власти Гамилькара Барки. Последний после заключения мира с Лутацием остался не у дел и не принимал участия в переговорах с наемниками. Гсел высказал предположение, что он был в опале. Но вполне возможно, что он ждал подходящего случая и не хотел, чтобы его имя связывали со скомпрометировавшей себя олигархической партией, назначившей Ганнона, которому благоволил Гиско, генералом. Несомненно, Гамилькар Барка надеялся подавить мятеж не только силой, но и переговорами и, вероятно, планировал с помощью войск захватить власть. Именно так он и стал действовать, когда его назначили главнокомандующим, подчинив ему Ганнона. И для того чтобы поднять боевой дух своей армии и напугать армию противника, он совершил выдающийся подвиг. Утика находилась примерно в 25 милях от Карфагена, строго по прямой. Южную часть залива, в который впадает Медьера, пересекает подводная песчаная отмель, которая даже в наши дни в некоторых местах представляет собой непроходимое препятствие для судов. Гамилькар провел своих людей через эту длинную отмель, что стало

неприятным сюрпризом для Спендия, а потом разгромил его с помощью тактического приема, который позже использовал Ганнибал в битве при Каннах. Было вырезано шесть тысяч восставших, а угроза блокады с моря исчезла раз и навсегда.

Утвердившись во власти, Гамилькара начал оказывать на мятежников мощное психологическое давление. Он принял в свое войско всех пленников, которые пожелали вступить в него, а остальных отослал домой. Этим он рассчитывал подорвать власть тех лидеров в стане мятежников, которые отличались экстремистскими взглядами, ибо знал, что некоторые младшие офицеры, пережившие первую резню, начали восстанавливать свое влияние на восставших. Мафо и Спендий ответили на это террором: слабые были вырезаны, а Гиско и другие пленники жестоко замучены. Гамилькару удалось добиться успеха только среди нумидийцев, традиционные вожди которых, вероятно, не хотели, чтобы их последователей ассоциировали с революционерами. Один из этих саидов, по имени Наварас, перешел на сторону Карфагена, и Гамилькара, в качестве вознаграждения, пообещал ему руку одной из своих дочерей. Тем не менее этот скромный успех не повлиял на течение войны, поскольку Утика, Бизерта и армия в Сардинии переметнулись на сторону врага. Теперь единственной надеждой на спасение оставалась помощь Рима, и Рим отказался принять в свое подданство Сардинию, которая была предложена ему наемниками. Если бы олигархи захотели отказаться от политики Гамилькара, у них нашлась бы масса аргументов в пользу этого. Консервативный генерал Ганнон решил вернуть себе власть, которая так и не была отобрана у него легальным путем, и разделить командование с Гамилькаром. И последнему, в самый разгар войны, пришлось провести первую из политических операций, которые приведут к падению режима аристократии и сделают его хозяином Карфагена.

Как мы уже видели, до сих пор правом назначать генералов пользовались только старейшины. Аристотелев анализ конституции Карфагена показал, что народ имел право вмешиваться только в том случае, если совет и царь не могли прийти к единому мнению. Полибий сообщает нам, что именно в этот момент одна из дочерей Гамилькара вышла замуж за царя Бомилькара. По-видимому, с тех пор этот царь стал союзником Гамилькара и наложил вето на назначение Ганнона генералом, одобренное старейшинами. Возникла необходимость обратиться к народу. Впрочем, какова бы ни была причина этого обращения, мы, благодаря Полибию, знаем, что было создано Народное собрание, которое решило, что армия должна выбрать того генерала, который ей больше нравится. Это стало

поистине революционным решением, в котором были заложены семена военной монархии, аналогичной той, что правила Востоком после завоевания его Александром Македонским. Что касается вакансии второго генерала, она должна была заполняться по желанию народа, а не по выбору старейшин, как это делалось раньше. Естественно, жертвой этого странного решения стал Ганнон; его место занял Ганнибал, сын Гамилькара Паропосского, который, вероятно, приходился Баркидам родственником. Олигархи, как и следовало ожидать, отменили это решение, как совершенно незаконное, а Ганнон заявил, что был отстранен от командования силой.

К счастью, именно в это время была одержана большая победа, которая оправдала эти действия, граничившие с переворотом. Гамилькару удалось загнать армию Спендия и Автарита в ущелье Со, глубокую и узкую долину в центре Тунисского хребта. Руководители мятежа, преданные соратниками, были захвачены в плен и распяты, а солдаты – уничтожены. Мафо, оставшийся в Тунисе со своими ливийцами, восстановил баланс сил с помощью удачной атаки, в ходе которой сумел захватить в плен нового генерала Ганнибала, которого, в свою очередь, распяли. Но важнее всего оказалось то, что Рим посчитал новый порядок вещей в Карфагене враждебным для себя и полностью изменил свою политику. Комитии больше не поддерживали Фабиев; к власти вернулись Корнелии, Сципионы и Лентулы. Они рекомендовали проводить политику экспансии, причем сначала советовали захватить Корсику и Сардинию, которые члены этих семейств уже пытались завоевать в ходе 1-й Пунической войны. Таким образом, в 237 году до н. э. сенат принял «подарок», который восставшие наемники уже предлагали ему в прошлом году и от которого (от Сардинии) он тогда отказался. Это решение не привело к немедленному захвату островов, но оно продемонстрировало дурные намерения Рима.

Олигархическая партия Карфагена воспользовалась сложной ситуацией, в которой оказался Гамилькара, и аннулировала прежние конституционные решения. Государственный совет, который стал реальным правительством республики, был лишен большей части своих прерогатив. Они перешли к генералам. Этот совет стал оказывать давление на Барку, чтобы тот помирился с Ганноном и позволил ему возобновить командование войсками. Гамилькару пришлось уступить, но это, в свою очередь, сделало голосование армии против Ганнона незаконным. Оба соперника, для виду, помирились на публике, а потом завершили войну, разгромив Мафо, которого они отдали народу на растерзание. Утика и Бизерта вынуждены были сдаться победителям, а ливийский народ

подвергся жестокому наказанию и снова подчинился карфагенскому игу.

В конце первой фазы кризиса дело выглядело так, будто крупные землевладельцы одержали победу над социальным возмущением, а также над народом и националистическими группами Карфагена. Олигархи были так сильно уверены в своей полной победе, что попытались избавиться от Гамилькара, вызвав его на суд совета Одной Сотни и Четырех. Аппиан сообщает нам, что его обвинили даже в том, что война наемников разразилась из-за его плохо продуманных и поспешных обещаний!

Гамилькар у власти. Завоевание Испании

Аристократию Карфагена погубила самоуверенность – она не сомневалась в прочности своей власти. Однако за несколько предыдущих лет в Карфагене выросла народная партия.

Война с Римом погубила военно-морской флот, привела к обнищанию горожан, и многие моряки и грузчики в порту остались без работы. Мы можем получить представление о том, как усилилась конкуренция предприятий Кампаньи, изучив предметы, представленные в гробницах того периода. Среди них становилось все больше и больше итальянских товаров. Так что ремесленники и владельцы магазинов тоже нищали, а ведь они составляли большинство населения Карфагена! Сначала люди боялись наемников, но не хотели снова оказаться под гнетом крупных землевладельцев, интересы и цели которых противоречили интересам простого народа. Поэтому народные массы объединились вокруг молодого человека по имени Гасдрубал, который, несомненно, был аристократического происхождения, но нам неизвестно, кем были его предки. Гамилькар Барка, избавившись от Ганнона, несомненно, получил от него помощь. Барка скрепил союз с Гасдрубалом, отдав ему в жены одну из своих дочерей. В 238 году до н. э. Гасдрубал обратился к тестю за помощью. Он, вероятно, сумел добиться принятия закона, ограничивавшего власть Одной Сотни и Четырех, ибо с тех пор не было ни одного случая, чтобы этот ужасный трибунал осудил кого-нибудь из генералов. Люди потребовали вернуть им право самим выбирать военачальников: Ганнон был дискредитирован в ходе пропагандистской кампании и окончательно и бесповоротно отстранен от командования, а Гамилькар был официально объявлен единственным главнокомандующим в Африке. Ганнон же остался членом совета старейшин и многие годы был активным лидером непримиримой оппозиции, пока наконец не передал свой пост сыну.

Полибий сообщает нам, что во время 2-й Пунической войны граждане Карфагена имели больше политических прав, чем римляне. Во времена Аристотеля все было наоборот. Таким образом, в III веке до н. э. в Карфагене, должно быть, была проведена полная реорганизация пунических институтов в пользу народа. Эта реформа, вероятно, была осуществлена после войны с Римом, ибо мы знаем, что во время этой войны все аристократические институты сохранялись в неизменном виде. Скорее всего, эта реформа пришлась на 237 год и, несомненно, привела к

усилению власти Народного собрания и передаче исполнительной власти от постоянных комитетов, формируемых старейшинами, в руки магистратов, которые избирались собранием ежегодно. Именно тогда, или, по крайней мере, так думает автор этой книги, два суффета, которые в будущем стали избираться народом, сделались истинными гражданскими лидерами пунической республики. Когда определяли их статус, за образец, вероятно, взяли римских консулов, но суффеты никогда не командовали армиями и больше напоминали преторов, чьи функции были преимущественно судебскими. Гамилькар хорошо знал о непостоянстве жителей Карфагена и позаботился о том, чтобы не попасть от них в полную зависимость. Более того, для проведения в жизнь своих планов ему нужна была непрерывность власти, которую ежегодно сменяемые магистраты обеспечить ему не могли. И наконец, он был солдатом, а не политиком. По этим причинам конституционные реформы стали только первым этапом баркидской революции. Во время второго этапа Гамилькар планировал создать за пределами Африки военное государство, в котором он стал бы единственным правителем.

Создание такого государства было необходимо и для подготовки новой войны с Римом. Ведь даже если бы Гамилькар сумел забыть о своей ненависти к Латинской республике, римляне бы ему сразу об этом напомнили. Как только в Африке воцарился мир, Барка получил разрешение послать на Сардинию экспедиционный корпус. Договор с Лутацием делал эту операцию совершенно законной. Рим еще не успел захватить этот остров, который покинули восставшие наемники, обратившиеся к нему за помощью. Магистраты финикийских городов продолжали исполнять свои обязанности, а вожди сардинских племен, живших в глубине острова, по-прежнему правили своими народами и оставались сторонниками Карфагена. Тем не менее римский сенат, не доверяя Гамилькару, воспринял его действия как агрессию и, недолго думая, объявил Карфагену войну. О военных действиях не могло быть и речи: Гамилькар вынужден был отказаться ото всех своих прав на Сардинию; более того, ему пришлось согласиться на выплату 1200 талантов в добавление к тем суммам, которые были согласованы в 241 году до н. э.

Действия Рима, вероятно, были самыми циничными с момента начала его завоевательных войн, и их с возмущением восприняли везде, вплоть до Греции. Нет нужды описывать гнев карфагенцев. В людях вспыхнула жажда мести, о которой Гамилькар мечтал с момента Эрикса. Патриотический подъем сопровождался мистическим кризисом. Он

произошел во время знаменитого жертвоприношения Баал Шамину, когда маленький Ганнибал, которому было тогда всего девять лет, поклялся в вечной ненависти к Риму. Рассказ об этой драматической церемонии дошел до нас в нескольких источниках, которые описывают примерно одну и ту же картину, а это свидетельствует о том, что так на самом деле и было. Нашими источниками являются труды Полибия, Корнелия Непота, Валерия Максима и Силия Италика.

Эта впечатляющая церемония освятила начало великого предприятия Гамилькара, которому он отдал последние годы своей жизни. Стремясь возродить величие Карфагена и одновременно отомстить за его поражения, он решил снова обратиться за помощью к Испании, которая первой привлекла внимание тирийцев к Западу и позволила им закрепиться в Африке. Более восьми веков финикийцы эксплуатировали природные и людские ресурсы Иберийского полуострова. Тем не менее они, по сравнению с другими странами Античности, оказались такими богатыми, что казались еще совсем нетронутыми. Мы уже продемонстрировали и, в отличие от древних и современных историков, сумели доказать, что карфагенянам так никогда и не удалось добиться полного контроля над этими ресурсами. Они сумели подчинить себе только колонии Тира на южном побережье Иберии – древний Гадес, Абдеру, Секси и Малагу. Тартессиианцы, жившие на побережье Альборанского моря, вступили в контакт с финикийцами и переняли их язык и образ жизни, хотя те и отличались от господствовавших в Африке. Созданная ими коалиция оказалась достаточно сильной, чтобы вытеснить греков назад в Каталонию. Когда-то они пытались создать свои торговые поселения на восточных берегах Иберийского полуострова. Греки жили теперь лишь в Эмпории и Роде, под пристальным наблюдением враждебных им племен. В IV веке Карфаген, по-видимому, совершал опустошительные набеги на внутренние районы Испании; порой ему удавалось заставить владельцев горных рудников отдавать ему большую долю добытой руды, право на экспорт которой принадлежало Карфагену. Но ему так и не удалось полностью подчинить себе иберов, и, пока подобный тип протектората был выгоден Карфагену, он не ощущал необходимости устанавливать над этими племенами прямой административный контроль, подобный тому, который был установлен в Африке.

Гамилькара не удовлетворяло положение дел, которое его предки считали вполне приемлемым. В его планах, несомненно, эксплуатации минеральных ресурсов Испании отводилась очень важная роль, ибо она должна была обеспечить его средствами для выплаты контрибуции,

которую требовали жадные римляне. Это должно было разрушить все планы итальянских купцов, которые надеялись, обескровив Карфаген, нанести его экономике сокрушительный удар. Доходы от рудников должны были также покрыть расходы на строительство нового флота и осадных машин, а если распределить это богатство с умом, то оно должно было укрепить власть баркидской партии. И наконец, испанское золото и серебро поможет Карфагену купить себе союзников по всему миру и изолировать Рим. Союзниками могут стать независимые народы Африки, кельтского мира, Греции и Востока и даже Италии. Сто лет назад Филипп Македонский продемонстрировал всему миру, как далеко могут завести человека амбиции, если они опираются на неистощимые запасы денег. Но, чтобы получить необходимое количество ресурсов, десятой части испанского производства металлов было совсем недостаточно. Их добычу надо поставить под строгий контроль и внедрить более совершенные технологии, вроде тех, что создали македонцы на своих рудниках в окрестностях Филиппи, а также Птолемеи в Египте. Этого можно будет достичь только после завоевания Андалузской равнины и окружавших ее гор, а также путем создания передовых постов в Эстремадуре и Ламанчи, чтобы помешать кельтским и кельтиберийским племенам Месеты совершать набеги на районы рудников.

Однако, по замыслу Гамилькара, не только Испания, в случае новой войны, должна была спасти Карфаген от обнищания, из-за которого он вынужден был заключить мир с Лутацием. Он хотел, в первую очередь, создать необходимую политическую и военную власть, которая позволила бы ему в подходящее для него время осуществить свои планы, не опасаясь Рима или политических неурядиц у себя дома, где демократический режим мог быть уничтожен олигархической реакцией. Единственным способом достижения необходимой ему стабильности было обретение независимости путем создания колониальной военной монархии, вроде тех, что появились в восточной части Средиземноморья после смерти Александра Македонского. Эти монархии основывались на мощи и доктрине лидерства, с помощью которых авантюрист, ставший во главе преданной ему армии, мог использовать для своих нужд труд подвластных ему народов. Но сначала их надо было завоевать.

Испания лучше всего подходила для его замыслов. Эта страна располагалась достаточно далеко от Рима, чтобы сенат проявил к ней интерес, поэтому, в случае возникновения здесь нового государства, Рим не ощутит угрозы для себя. По той же самой причине карфагенским врагам Баркидов будет трудно контролировать законность их действий, и даже

если их возмутят какие-нибудь нарушения, людей вряд ли встревожат события, происходящие далеко от дома. Более того, оба народа, составлявшие большинство населения Испании, иберы и кельты, давно уже создали у себя традиции войны и приключений. Эти народы уже привыкли жить в обществе, а их этика и религия прославляла превыше всего храбрость и верность воинов по отношению к своему вождю. Эта верность подкреплялась мистическими ритуалами, которые внушали воинам, принимавшим в них участие, мысль о том, что лучше погибнуть вместе с вождем, чем обесчестить себя. Обучив этих головорезов, исполненных рыцарского духа, военному делу и дисциплине, можно было превратить их в непобедимых бойцов. Так армия Баркидов сохранил свой профессионализм, которым она всегда славилась, и будет воевать из чувства преданности вождю, а не патриотизма, что избавит ее от той нестабильности, которая так сильно проявилась во время наемнической войны.

Гамилькар уже проделал большую работу на пути реализации своих амбиций, когда, в ходе этой войны, призвал народ Карфагена рассудить его спор с Ганноном Великим. После этого армия стала сама выбирать генералов, предоставив гражданским властям право ратифицировать этот выбор. Подобный режим мог очень легко превратиться в военную анархию, как это происходило, время от времени, в Римской и Османской империях. Однако существовали психологические факторы, которые мешали этому. Они состояли в специфической комбинации популярных в эллинском мире идей с чисто финикийскими традициями. Великие войны IV века до н. э. отдали судьбу цивилизованного мира в руки солдат удачи, которые бросали свои дома и семьи и поклонялись одному богу (или скорее богине) – Фортуне (Тихе у греков). Естественно, большинство из них не считало удачу случайной, а верило, что некие мистические законы даровали ее одним и отнимали у других. Те командиры, которым она улыбалась, привлекали к себе самые лучшие войска и благодаря им приобретали богатства и царства, созданные мечом. Уцелевшие правители стран, которые сопротивлялись преемникам Александра, стремились придать своему правлению хотя бы видимость стабильности, и преобразовывали простые суеверия в некоторое подобие теологии, которая должна была придать законность их успехам. Они в полной мере использовали увлечение людей мистическими религиями, в которых искали утешения тысячи невинных жертв жестокого времени. Многим царям удавалось убедить своих солдат и подданных в том, что они правят по божественному соизволению. Удача дала им корону, исполняя волю провидения, которое

правит миром, и некоторых связанных с ним божеств. После их смерти та же самая Фортуна переходила по наследству к их законным преемникам. Так родилась династическая религия, которая в течение двух или трех веков создавала ощущение непрерывности власти. Эта власть передавалась четко установленным путем в монархиях, возникших после распада Македонской империи.

Гамилькар Барка и его преемники перенесли эти идеи в Пунический мир и приспособили их к национальной религии.

Баркиды, вероятно, принадлежали к старой карфагенской аристократии, в состав которой входили потомки первых кланов. Они ревниво охраняли религиозные традиции метрополии, о чем свидетельствуют слова клятвы, которую принес в 216 году Ганнибал, вступая в союз с Филиппом V, царем Македонии. Пантеон, к которому потом обращался Ганнибал, был не городским пантеоном, а его собственным или скорее пантеоном его предков. Главным в нем был Баал Шамин, повелитель небес, которого греки звали Зевсом и которого в Карфагене заменил Баал Хаммон. Лидером второй божественной триады был Геракл или Мелгарт, «Царь города», Господин Тира, которого в Карфагене теоретически очень уважали, но чьи храмы навещали довольно редко. Об этом сообщает нам Диодор, подчеркивая, что имя Мелгарта и его изображения встречаются на пунических памятниках довольно редко.

Баал Шамин и Мелгарт были главными богами Баркидов. Первому из них принес жертвы Гамилькар, отправляясь в Испанию. Именно тогда Ганнибал поклялся в вечной ненависти к римлянам. Накануне сражений повелитель небес являлся к Ганнибалу во сне и обещал ему помощь. Что касается Мелгарта, повелителя святилища в Гадесе, то он считался покровителем всего Иберийского полуострова и в этом качестве был особенно полезен завоевателям Испании.

Баркиды начали собирать бойцов в семейном пантеоне, давая понять, что им покровительствуют боги. Потом они, не колеблясь, пошли дальше: на монетах, которые Ганнибал чеканил в Картагене, он и его отец отождествлялись с Гераклом-Мелгартом; рядом с изображениями их голов, увенчанных лавровыми венками, красовалась и палица Геракла. Отождествление живых людей с богами было невиданным явлением в семитской религии. Самое большее, на что осмеливались карфагеняне, – это обожествлять кое-кого из своих умерших, особенно тех, кто добровольно покончил с жизнью, принеся в жертву себя самого или тех, кто его заменил. С другой стороны, греческие цари постоянно отождествляли себя с богами, особенно с Гераклом. Таким образом,

Баркиды полностью изменили старый культ Тира, желая, чтобы он соответствовал целям их политики. Вероятно, именно они установили в священном храме Гадеса (этой святой святых, где нет других идолов языческого культа) статуи Геракла в греческом стиле и Александра Великого, который заявлял, что его предком был Геракл. И их совершенно не волновало, что Тир был уничтожен именно Александром!

После того как солдаты подверглись обработке политической и религиозной пропагандой, Баркиды решили, что теперь можно не сомневаться, что они все время будут голосовать за одного из родственников Гамилькара. И вправду, сначала войска избрали своим вождем его зятя Гасдрубала, а после его смерти – Ганнибала.

Однако захваченная Испания не стала для Карфагена новой провинцией, которая могла бы заменить утерянные Сицилию и Сардинию. На самом деле это было новое независимое государство, которым полностью и безраздельно управляли Гамилькар Барка и его преемники. Мы полагаем, что он планировал это с самого начала. Однако Баркиды добились безраздельной власти не сразу, а лишь после того, как это новое государство окрепло.

В течение девяти лет, проведенных Гамилькаром в Испании, времени на воплощение в жизнь своих политических планов у него так и не появилось. Ему пришлось постоянно воевать с коренным населением, которое никак не хотело признавать его власть, и в ходе этой борьбы он был убит. Сначала он высадился в Гадесе и создал здесь свою штаб-квартиру. И хотя город сохранил свою автономию, он стал прекрасной базой, откуда можно было вести завоевания долины Гвадалквивира – первой цели Гамилькара. Эту долину населяли турдетанцы, которые представляли собой западную ветвь древнего тартесского народа, разгромленного двумя веками ранее. Они не оказывали особого сопротивления, поскольку, очевидно, уже находились под сильным влиянием финикийской пропаганды и к тому же не отличались особой воинственностью. В любом случае с 235 года до н. э. Гамилькар контролировал все рудники, расположенные в горах, которые окружали верхнюю долину реки. Именно тогда в Гадесе и начали чеканить серебряную монету, которая своим высоким качеством сильно превосходила убогие деньги, выпускавшиеся Карфагеном в конце войны наемников. Все серебро, которое добывали в рудниках Испании, делилось на три части: одна отправлялась в Карфаген, вторая отдавалась в распоряжение магистрата Гадеса в благодарность за его помощь, а третьей Гамилькар чеканил свою собственную монету, что свидетельствовало о его стремлении к независимости.

Турдетанцы очень быстро достигли соглашения с Карфагеном, но кельтиберийские племена, занимавшие Месету, никак на это не шли. Они ни в какую не хотели смириться с мыслью, что соседи, которых они всегда грабили, попали под власть пришельцев, заставивших уважать себя. Вожди по имени Истолатий и Индорт напали на новое государство. Они были разбиты, а Индорт попал в руки Гамилькара. Карфагеняне долго его пытали, выкололи ему глаза и в конце концов распяли. Это было сделано для того, чтобы показать непокорным, что Гамилькар собирается установить свои законы и порядки во всей стране, используя все имеющиеся у него средства, ибо, по словам Страбона, наладить цивилизованную жизнь в Испании было невозможно из-за грабителей, вероломства и наглости вождей небольших племен.

В том же самом 235 году до н. э. на Сардинии вспыхнуло восстание против римлян. Византийский историк Зонарас пишет, итальянским купцам, находившимся в это время в Карфагене, не давали торговать, что вполне вероятно. Как мы уже видели, африканский рынок заполнили товары кампанских предприятий, поскольку договор с Лутацием отменил все протекционистские запреты, существовавшие ранее. Кампанские купцы были крайне непопулярны. Рим, однако, занял непримиримую позицию, поскольку консулом в это время был Атилий. Карфагенским магистратам снова пригрозили войной, но они принесли свои искренние извинения, которые были приняты. Скорее всего, вести себя благоразумно посоветовал им Гамилькар, поскольку новая война с Римом грозила разрушить все его планы.

В течение нескольких последующих лет Гамилькар обратил внимание на районы, лежавшие восточнее Гибралтарского пролива. На восток от Альборанского побережья располагались старые колонии Тира: Секси, Абдера и Малага. Они были ровесниками Карфагена и населены финикизированными тартесссианами, которых римляне называли Бастуло-Фини. Другой народ того же происхождения, бастетанцы или мастианцы, управляли территорией, тянувшейся до самой Мурсии. Они не оказали особого сопротивления войскам Гамилькара, как и их северные соседи, дейтанцы.

Таким образом, пуническая армия дошла до границы иберов, большого народа, населявшего все Средиземноморское побережье полуострова, от Аликанте до Пиренеев и далее, до самого устья реки Эро. Они, вероятно, приходились близкими родственниками тартесссианам, но были более гордыми и воинственными. Южные племена иберов, по-видимому, обладали сильно развитым артистическим чувством, которое помогло им

создать прекрасные скульптуры и керамические изделия по греческим образцам, но отличающиеся особой оригинальностью и красотой. В этом отношении они были гораздо одареннее карфагенян, и мы можем только сожалеть о том, что последние погубили культуру, достигшую в III веке до н. э. своего расцвета.

Наступление пунической армии, столкнувшись со столь грозным противником, сильно замедлилось, но Гамилькару все-таки удалось занять Кабо-де-ла-Ньяо. В горной стране в глубине полуострова располагались многочисленные иберийские города. В 231 году Гамилькар перенес свою ставку в город Акра Левка, или Белый Мыс. Ученые полагают, что он стоял в Альбуферете, очень близко от Аликанте, где испанские археологи раскопали крайне важные иберийские кладбища, содержащие огромное количество пунических предметов. Перенос ставки должен был успокоить обидчивых жителей Гадеса, а также продемонстрировать, что Гамилькар намеревается продвигаться дальше на север, вероятно до иберийской границы.

Эти действия не замедлили возбудить тревогу у греков Каталонии. Сами они ничего не могли предпринять, но привлекли внимание Рима к тому, что происходит, используя своих марсельских соотечественников в качестве посредников. Сенат отправил в Испанию группу людей, которые должны были увидеть все своими собственными глазами. Гамилькар встретил их тепло, провел по рудникам и объяснил, что его единственная цель – доставить Карфагену средства для выплаты контрибуции. Отцы вернулись в Рим, удовлетворенные этим.

До этого карфагенянам удалось покорить лишь побережье. После создания ставки в Акра Левке Гамилькар решил пойти войной на могущественные племена внутри Иберийского полуострова, с которыми он уже вступил в контакт во время своего набега на Индорта. Он пошел вдоль реки Хукар вглубь, а его зять Гасдрубал напал на них с юга. Небольшой армии Гамилькара противостояла вся масса оретанских кельтиберов, которые господствовали в Ламанче. Карфагенянам пришлось отступить, но, когда они переправлялись через Хукар, на них внезапно напали враги. Гамилькар утонул в реке (229 до н. э.).

Гасдрубал: 229–222 годы до н. э

Но эта катастрофа не погубила предприятие Гамилькара, а, наоборот, продемонстрировала всем, как хорошо была обоснована и эффективна вся созданная им организация. Два его сына, Ганнибал и Гасдрубал Младший, были еще слишком малы, чтобы наследовать ему. Поэтому армия избрала вождем их зятя, Гасдрубала Старшего. Он был адмиралом флота и вторым лицом в Испании. Народ Карфагена безо всяких возражений одобрил этот выбор.

Следует напомнить, что Гасдрубал начал свою карьеру как политик. И хотя он с успехом командовал в Испании, у него был менее воинственный темперамент, чем у Баркидов. В течение семи лет своего правления он занимался в основном организацией Испанского государства, обеспечив его автономию и создав там настоящую монархию, которой при Гамилькаре не было. Не удовлетворившись тем, что к власти он пришел через выборы, проведенные в армии, он созвал всех иберийских вождей и добился их согласия на то, что он станет главнокомандующим всей нации. Следуя примеру Александра Великого, который женился на персидской царевне, Гасдрубал взял себе в жены дочь мелкого испанского правителя. Самым значительным его поступком стало основание новой столицы, которой он дал название Карфаген (современная Картахена). Это граничило с богохульством, поскольку свидетельствовало о намерении Гасдрубала перенести столицу Восточной Финикии в Испанию. В новом городе он выстроил себе дворец, очень похожий на дворцы восточных владык. Более того, Гасдрубал не стеснялся носить корону и чеканить монету со своими знаками отличия. Гасдрубал стал первым карфагенянином, изображение которого появилось на монетах, ибо это была привилегия царей, которую Гамилькар так и не решился присвоить себе. Можно себе представить, как все эти нововведения восприняли консерваторы в Карфагене! Латинский историк Фабий Пиктор был уверен, что Гасдрубал хотел, чтобы его признали царем Африки, и что, не сумев добиться этого, он правил Испанией, не обращая никакого внимания на инструкции, присылаемые из метрополии. В этом заявлении имеется зерно правды: Испанское царство вело себя все более и более независимо.

Тем не менее Испания была колониальным государством, коренное население которого подвергалось жесткой эксплуатации и насилию. Все органы власти находились в руках карфагенян. Суверену помогал совет, в

состав которого входило несколько членов карфагенского Государственного совета, несколько старейшин и генералы. Вожди коренных народов обязаны были не только платить дань, но и посылать своих детей, а иногда и жен в новый Карфаген в качестве заложников. Более того, за жителями пристально наблюдала секретная полиция, и тот, кого подозревали в неповиновении, находился под постоянной угрозой убийства либо исчезал или умирал в страшных мучениях, подвергаясь жестоким пыткам. Такая судьба постигла кельтского принца из долины Тагуса. Позже он был отомщен – один из его приближенных убил Гасдрубала. С людьми более скромного происхождения обращались не лучше, и у нас есть все основания полагать, что большое число крестьян было закрепощено, а горняки добывали руду в крайне тяжелых условиях. Надо признать, что владычество Баркидов привело к упадку блестящей иберской цивилизации, последний удар по которой нанесли римляне.

Греки, жившие в Эмпории, снова привлекли внимание римлян к тому, что происходит в Испании, и римский сенат так поразила мощь армии Гасдрубала, что в 226 году до н. э. он вынужден был заключить с ним мир, чтобы ограничить его амбиции. Полибий слишком сильно доверял римским источникам, которыми он пользовался, и не сумел понять всей значимости этого события, введя в заблуждение большинство современных историков. Если верить Полибию, сенату сообщили, что в Цизальпинской Галлии вскоре вспыхнет восстание, и ему нужно было обеспечить нейтралитет Карфагена. Сенаторы предложили Гасдрубалу заключить мир, пообещав отдать ему всю Испанию до самой Эбро, через которую римляне обещали не переправляться. Подобная версия событий вполне реальна, однако она не подтверждается их дальнейшим ходом. Когда в 220 году до н. э. Ганнибал напал на Сагунт, римляне посчитали это поводом для войны, хотя Сагунт располагается примерно в 100 милях южнее устья реки Эбро! Каркопино же убедительно доказал, что речка, которая в тексте договора названа Иберусом, на самом деле не Эбро, а Хукар. Значит, на самом деле договор запрещал Гасдрубалу расширять свою империю за пределы, достигнутые Гамилькаром, и отрицал его намерение встать во главе всей иберийской нации. Более того, анализ исторической ситуации в 227–225 годах до н. э. показал, что Рим вовсе не собирался сблизиться с Карфагеном. Наоборот, Рим оказался совершенно неподготовленным к неминуемому восстанию в Галлии, которое застало его врасплох. Когда началась война с Карфагеном, римские лидеры столь сильно сомневались в дружбе Карфагена, что сосредоточили основную часть своих войск на Сардинии, Сицилии и в Южной Италии, позволив тем самым кельтам

сокрушить этрусские ополчения и разграбить Тоскану. Некоторые римские лидеры были непримиримыми врагами Карфагена – среди них оба сына Регула. Они стремились пресечь, раз и навсегда, расширение баркидского государства. По этой причине они не собирались вести переговоры, а предъявили Картахене грубый ультиматум, заключив одновременно договор с Сагунтом – самым развитым из иберийских городов. Этот договор подписали представители аристократии, которая управляла этим испанским портовым городом, а народная фракция подвергла его жестокой критике. В дело не замедлили вмешаться римляне, и лидеры оппозиции были жестоко убиты.

Гасдрубал принял условия сената не поморщившись. Гамилькар, возможно, не был бы столь уступчив, а Ганнибал, несомненно, поборолся бы за права Карфагена. Гасдрубал же был в первую очередь политиком, а потом уж солдатом. Если его тесть и зять считали Испанию просто плацдармом для начала военной кампании с Римом, то Гасдрубал не мог жить без своего царства, которое он создал и укрепил, и не хотел ставить под угрозу его существование, вступив в борьбу, исход которой был не ясен. Он очень сильно надеялся на своих дипломатов, стремясь получить от Рима побольше уступок. Гасдрубал вполне мог обладать информацией о том, что галлы вскоре начнут восстание, о чем не подозревали римские сенаторы. Однако Гасдрубал ничего не сделал, чтобы помочь мятежникам. Впрочем, нам известно, что он поддерживал связь с иберийскими князьями, которые правили землями далеко за Хукаром: его агенты помогли Индибилу создать федерацию каталонских племен, а Эдекону – объединить племена Арагона под своим именем. Оба этих князя объявили себя вассалами Баркидов. Договор 226 года до и. э., запрещающий пунической армии переходить Хукар, не учитывал возможности дипломатических акций подобного рода. Более того, хотя галльское восстание и не сокрушило римское могущество в Италии, оно отвлекло внимание римлян от Средиземноморья, и они вынуждены были сосредоточить его на стране, расположенной на севере. Легионы предприняли методическое завоевание долины По и даже переплыли Адриатику и вторглись в Иллирию. Ими командовали Фабий Максим, которого в будущем назовут Кунктатором (человеком, который любил все откладывать на потом), и странным человеком по имени Ц. Фламиний, который не принадлежал к аристократическому роду, но часто проводил политику, выгодную Фабиям, как показал итальянский историк Кассола. Мудрость Гасдрубала принесла свои плоды. Из своего дворца в Картахене он руководил интригами, с помощью которых ему удалось объединить вокруг себя все народы

Иберийского полуострова и изолировать друзей Рима в их приморских городах, окруженных враждебными племенами. Оретани угрожали Сагунту, а агенты Индибила подстрекали соседей Эмпории и Роде.

Именно в это время кельт, принадлежавший к племени, вождь которого был распят по приказу Гасдрубала, и поклявшийся убить его, сумел проникнуть во дворец карфагенского царя и заколоть его кинжалом. Убийцу жестоко пытали, и черты его лица исказились от боли так сильно, что стало казаться, что он смеется, вроде того, как у китайцев палачи медленно и со знанием дела отрубали у казнимых одну часть тела за другой.

Карфаген при Баркидах

Жизнь Карфагена при Баркидах, с материальной точки зрения, довольно хорошо задокументирована. Город Дар-эс-Сафи, расположенный на Кап-Боне неподалеку от Керкуана, был разрушен Регулом в 256 году до н. э. В отличие от большинства средиземноморских городов, существовавших в то время, он не имел регулярного плана, где прямые улицы пересекались под прямым углом. В Дар-эс-Сафи улицы были достаточно широкими. Дома сооружались большей частью из небольших камней, скрепленных известковым раствором, или из саманного кирпича. Стен, сложенных из крупных камней, мало, и они встречаются только на фасадах. Дома были большими и удобными, с внутренним двором, где часто стоял алтарь, посвященный богам жившей здесь семьи и украшенный красной штукатуркой. В одном из таких двориков сохранились окружавшие его массивные колонны (перистиль), которых было девять: в самой Греции подобные колонны в частных домах широко распространились только после смерти Александра Македонского. Тот факт, что мы находим в Африке пример перистилия, датируемый первой половиной III века до н. э., доказывает, что об эллинских модах здесь узнавали очень быстро и тут же перенимали. У другого дома имеется крытая часть, которую поддерживали всего две колонны, стоявшие по углам прямоугольного двора. Подобное сооружение найдено в Олинте, который был разрушен Филиппом Македонским в 348 году до н. э. Комфорт и элегантность домов в Дар-эс-Сафи усиливал пол, который обычно делался из розового цемента с вкраплениями маленьких обломков белого мрамора, а иногда – кусочков битого стекла. В нескольких случаях они составляют символ Танит, который в одном месте окружают два дельфина. Мозаик подобного рода в эллинском мире не было, хотя она быстро распространилась в Италии и по всему Западнему Средиземноморью под названием пуническое мощение. И наконец, в каждом доме имелась комната с ванной в форме комнатной туфли и бассейном. И тут жители Дар-эс-Сафи следовали последней моде.

Общественные здания и храмы Дар-эс-Сафи еще не обнаружены. Этот город процветал благодаря тому, что в нем производился пурпурный краситель, и на берегу сохранились огромные кучи разбитых раковин мурекса, из которых и добывали этот краситель. Единственным предметом, найденным при раскопках этого города, который можно отнести к

памятникам изобразительного искусства, является полная жизни скульптура быка, похожая на иберийские «олепихи». Среди мелких находок можно назвать довольно грубые терракотовые пластинки с изображением морских божеств и одну керамическую фигурку охотящейся богини, которая вооружена двумя дротиками.

Изящные вещицы почти полностью импортировались из Южной Италии и Египта. Такое же преобладание импорта находим и в гробницах. Много могил было раскопано на Кап-Боне. В Карфагене крупнейшим было кладбище Сент-Моники, которое появилось уже в IV веке до н. э. Здесь продолжали хоронить умерших до конца Пунических войн.

В искусстве все более и более заметны эллинские веяния. Это особенно ярко проявляется в украшении священных бритв. На некоторых находим выгравированное изображение Мелгарта-Геракла, что свидетельствует о новой волне популярности этого бога. Ученые обнаружили бритву, на одной стороне которой изображен сидящий бог, отождествлявшийся теперь с греческим героем; а на другой – стоячая фигура, облаченная в пестрый гиматион и держащая в руках птицу и корень. Она, по-видимому, изображает преданного спутника Геракла – Полая с двумя талисманами: перепелкой и корнем колокасиона, разновидностью водяной лилии, растущей в Ливане, которая помогла ему вылечить хозяина после смертельной схватки с Тифоном.

В Карфагене жило много греков, и на кладбище неподалеку от бань Антонина была найдена эпитафия, посвященная женщине, переехавшей сюда из Кирены. Другие греки оттуда жили при баркидском дворе. Среди них были художники, вроде кузнеца по имени Боэта из Карфагена, подпись которого была найдена в Эфесе. Иные, вероятно, приехали с Сицилии, где обучались при дворе царя Гиерона. Одному из них властями было поручено изготовить изображения Гамилькара Барки, Гасдрубала и Ганнибала, которые были установлены в общественных зданиях, как это делалось у восточных владык. Вскоре они превратились в культовые центры. Изображения Гамилькара и Гасдрубала известны нам только по монетам – тоже работы опытных гравировщиков. Что касается портрета Ганнибала, то до нас дошли несколько его круглых изображений; самый лучший, отлитый из бронзы, был найден в Волюбилесе (Марокко) в 1944 году. Когда-то он входил в коллекцию царя Юбы II Мавританского, который был потомком Баркидов и в I веке н. э. преданно хранил память о своих великих предках.

Греческое влияние все больше и больше проявлялось в вопросах религии. Тем не менее на тофетах по-прежнему приносили в жертву богам детей, хотя обычно человеческую жертву заменяли ягненком, а самые

ужасные церемонии, по-видимому, утратили свою роскошь. Латинские авторы, яростно обличавшие жестокость карфагенян, не упоминают о человеческих жертвах того времени. Хотя Баркиды поклонялись Баал Шамину и Мелгарту, они построили в Карфагене и храм Баал Хаммона, но никогда не приносили ему здесь человеческих жертв, даже в самые тяжелые времена. В любом случае смысл жертв Молоху, по-видимому, претерпел серьезные изменения. Большая часть стел сооружалась бедняками: небогатыми ремесленниками, отпущенниками и рабами, которым хотелось стать похожими на богатых, и для этого они «предлагали» Танит и Баалу своих детей. Под влиянием дионисийской религии Молох превратился в жертву «во имя спасения»: ребенок, которого убивали, считался «излеченным», то есть превращался в бессмертного. Его принимали Шадрапа, эквивалент Хора или Спасителя, и Дионис, символы которых украшали теперь Саламбо, бок о бок с лавровыми венками и символами победы над смертью. Стелы этого времени по большей части сделаны весьма неумело. Изображения по-прежнему высекались на камне, но линии стали вялыми, неуверенными и утратили свою текучесть. Тем не менее есть одно изображение, являющееся настоящим произведением искусства. Это портрет молодого человека, выполненный в том стиле, в каком Апеллес представил нам Александра Великого и который после этого стал эталоном для изображения всех эллинских монархов. В этом смысле стела тесно связана с бюстом из Волюбилиса, хотя предмет изображения совсем иной. Возможно, здесь мы видим портрет одного из членов семьи Баркидов, например одного из младших братьев Ганнибала. На другой стеле находим те же самые мотивы, что и на реверсе монет, выпущенных в Испании, которые стали символами националистической пропаганды. Это галеры, боевые слоны и кони, а также всадник, изображающий пунического Марса.

Особенно популярными сделались боги, пришедшие из Греции, например Деметра. К ее культовым статуям постоянно приносили пожертвования: терракотовые курильницы для фимиама в виде бюста этой богини. Шадрапе тоже приносили тофетовые предметы, но он имел и свои собственные храмы. Его и Мелгарта все больше и больше отождествляли с их греческими эквивалентами – Дионисом и Гераклом.

Молодые аристократы получали очень хорошее, в том числе и международное образование. Благодаря урокам своих греческих учителей Ганнибал и его братья, а также Софонисба, дочь Гасдрубала и внучка Гиско, ничем не отличались от других принцев и принцесс Востока. Очень много времени уделялось изучению искусств – в особенности у девочек,

которых обучали музыке и танцам.

Что касается одежды, то в те дни на улицах Карфагена, вероятно, можно было встретить людей в самых разнообразных одеяниях, как и на улицах современного Туниса. Мужчины в основном носили длинные, разлетающиеся финикийские туники без пояса или куртки. Жрецы и магистраты добавляли к ним головные уборы и украшения, а также «эпитогу» (короткую тогу), которая была признаком их высокого положения и богатства. Для некоторых религиозных церемоний жрецы надевали традиционный костюм – тяжелую, богато украшенную и обшитую тесьмой куртку, открытую спереди, из-под которой виднелась короткая юбка. Голову украшала коническая митра. На некоторых священных бритвах находим выгравированное изображение жреца, облаченного в подобный костюм, вливающего жидкость в гробницу. Зато те люди, которые вели активный образ жизни, охотно носили короткую тунику, а поверх нее плащ, закрепленный, по греческому обычаю, на одном плече. Такой была и форма офицеров, а латы больше уже ничем не отличались от греческих. В Ксоур-эс-Сафи в Бизациуме была обнаружена могила ветерана Ганнибаловых войн, который был облачен в прекрасный парадный железный нагрудник, приобретенный им в Капуе. Бедняки – несомненно, они лучше всех чувствовали себя во время жары – продолжали носить юбки, к которым, во время церемоний, добавлялись оборки или бахрама. Женщины одевались как гречанки – в тунику и паллиум (накидку).

От этого периода сохранилось много надписей. Одним из наиболее интересных текстов является список жертвоприношений, найденный в Марселе (хотя нам неизвестно, в какое время он туда попал). В нем указывается, какие суммы должны уплатить люди, собиравшиеся сделать жертвоприношение Баал Сафону, вероятно карфагенскому Марсу. Февриер показал, что этот тариф соответствовал гораздо более сложному ритуалу, чем тот, о котором нам рассказали надписи в других местах. Вот что он пишет: «По-видимому, официальный ритуал, описанный в так называемом Марсельском тарифе, демонстрирует, что самую важную часть службы составляли теперь жертвоприношения во искупление грехов, как и в ивритском культе после Изгнания... Если нам хочется думать, что эволюция религиозных обычаев всегда связана с конкретными политическими событиями – а должен признать, что терпеть не могу этой произвольной психологии, – то нам придется признать, что причиной появления жертвоприношений во искупление грехов в карфагенском мире стали Сицилийские войны».

Эта историческая гипотеза, которая так не нравилась Февриеру, может, в определенной степени, найти свое подтверждение в той конституционной информации, которая приводится в надписи. В ней упоминается о двух магистратах: одном комитете из 30 человек, которые следили за уплатой налогов и о которых говорится в другом тарифе (CIS 167 с), и еще одном, куда входили два суффета: Гиллесбаал, сын Бодастарта, и Гиллесбаал, сын Бодесмуна, вместе со «своими коллегами». Упоминание об этих суффетах помогает нам датировать эту надпись, подтверждая попутно, что магистратов ежегодно переизбирали. Упоминание о «коллегах» тезок-суффетов беспокоило некоторых ученых, убежденных, что в Карфагене всегда было не больше двух суффетов. Кое-кто высказывал предположение, что этими коллегами могли быть старейшины или члены совета тридцати. Обе эти гипотезы можно проигнорировать, поскольку срок службы советников не ограничивался одним годом. Автор этой книги полагает, что «коллегами» были «младшие суффеты» – это отголоски тех дней, когда магистратов было больше двух. Здесь они подчинены нашим тезкам и выполняют функции помощников. Если наша версия справедлива, то надпись, вероятно, появилась во время переходного периода, когда многолюдные магистраты сменили органы, состоявшие из двух человек. Словом, в то время, когда демократическая революция уже началась, но не была еще завершена. Таким образом, надпись, вероятно, была сделана в последние годы войны с Римом, или во время наемнической войны. Что касается комитета из 30 членов, которые должны были «следить за уплатой налогов», то Февриер отождествляет их с пентархами Аристотеля, которые собирались, чтобы обсудить финансовые вопросы. Но, может быть, правильнее видеть в этом комитете знаменитый совет тридцати? Аристотель о нем не упоминал, а Полибий^[32] и Ливий считали его чем-то вроде внутреннего комитета при совете старейшин, с очень широким кругом полномочий. Но ведь есть все причины полагать, что этот внутренний комитет был создан, по мнению Февриера, как комиссия по контролю за финансами и появился ближе к концу IV века до н. э. – вполне возможно, как объединение шести «пентархов». Поскольку эта комиссия занималась распределением общественных фондов и делала это, как считала нужным, она могла легко парализовать любое действие гражданских или военных магистратов. Более того, в ее ведении находились и богатства храмов. Это позволяет понять, как комиссия, не имевшая специального названия, могла играть роль верховного исполнительного совета.

То немногое, что нам известно о внутренней ситуации в Карфагене

того периода, создает впечатление хорошо сбалансированного государства, где соблюдалось равновесие между властью народа и властью аристократии. Следует добавить, что в совете старейшин и совете тридцати большинство членов относились к сторонникам Баркидов.

Если мы сравним карфагенский текст, который был высечен на камне во время правления нумидийского царя Миципсы (139–118 до н. э.), с различными латинскими документами, то сможем, в определенной степени, воссоздать административное устройство карфагенских владений в Африке в III и II веках до н. э. Эти владения включали в себя в первую очередь территорию самого Карфагена, которую Полибий называл *хорой* и в которую, вероятно, входил весь полуостров Кап-Бон. Все дружественные ему города, которые, по-видимому, пользовались автономией, также имели собственные владения, и главными среди них были Гиппо Диарритус (Бизерта), Утика и Гадрументум. Остальная часть страны делилась на семь или восемь областей (по-латыни паги). Область Махси, вероятно, располагалась северо-западнее Карфагена, позади Утики и Бизерты; область Великих равнин со столицей в городе Вага соответствовала плодородной равнине среднего течения Меджерды и ее притоков. Область Зевгей, известная в римские времена как Зевгитания, вероятно, дала свое имя современному городу Загуану и включала в себя, по-видимому, Зевгитанский хребет и плодородную долину Вади-Милиана. Сразу же к югу от нее, долина Квед-эль-Кебир, несомненно, являлась сердцем области Гунзузи. Область Фуска располагалась на плато Макетар и внутренних впадинах Силианы. И наконец, весь регион Сахели, за исключением обширной свободной территории Гадрументума и других союзных городов, входил в состав Бизациума. Всеми этими областями управляли главные администраторы, обязанности которых в разных местах были разными. Им подчинялись крестьяне, которые, вероятно, почти везде были крепостными, а также городские сообщества, которые имели некоторую автономию и могли выбирать свой собственный городской совет. Правительство в Карфагене, гражданское и военное, управляло областями. Мы видим в этом сходство с Итальянской конфедерацией, включавшей в себя города разных категорий, в которых существовали разные режимы. Можно также провести параллели и с административной системой эллинских царств.

Глава 6

Ганнибал

Личность ганнибала

Ганнибал родился в 246 году до н. э. и к моменту смерти Гасдрубала в 221 году до н. э. совсем недавно достиг совершеннолетия. Тем не менее он стал его наследником и в течение последующих двадцати лет играл на средиземноморской политической сцене главную роль. Его кумиром был Александр Великий, который, подобно ему, получил верховную власть в том возрасте, когда энергия и силы пока не растрочены, а жизненный опыт еще не остудил юношеской горячности.

Мы знаем о том, как он выглядел, по описаниям в современных ему источниках, хотя авторы Античности больше всего места уделяли характеристике моральных качеств человека, а не его внешности. До нас дошел портрет Ганнибала на монетах, которые чеканились с 221 по 219 год до н. э. и которые были точно идентифицированы Э.Г.С. Робинсоном. И наконец, сохранились два мраморных бюста Ганнибала, один – в Копенгагене, а другой – в Мадриде, плюс еще один бронзовый бюст, найденный при раскопках 1944 года в Волюбилесе. Мы видим гладко выбритого молодого человека с коротко стриженными выющимися волосами, увенчанного на скульптурах диадемой, а на монетах – лавровым венком. У него высокие, изящные надбровные дуги и заостренный нос с горбинкой, острым кончиком и хорошо очерченными ноздрями; рот Ганнибала не велик, и уголки его опущены вниз, губы полные, причем верхняя выдается вперед, и сильный округлый подбородок.

Обликом он похож на эллинского царевича, например на Гиерона II Сиракузского. Тем не менее у него имеются и африканские черты, что заставило специалистов по античной иконографии высказать предположение, что все эти бюсты изображают вовсе не Ганнибала, а Юбу II Мавританского, который правил в конце I века до н. э. Однако в тофете Карфагена сохранилась стела, на которой высечен похожий портрет, что является доказательством того, что карфагеняне в III веке до н. э. тоже могли иметь такую внешность.

Физический облик Ганнибала вполне соответствует тому, что нам известно о его характере, образовании и склонностях. Когда он родился, Карфаген уже находился под сильным влиянием эллинизма; он вырос в царстве, которое было организовано в соответствии с греческими политическими принципами; и наконец, для борьбы с Римом ему пришлось объединить несколько самых разных стран Средиземноморья.

Единственное, что их объединяло, – это приверженность эллинизму. Ему удалось сделать это без ущерба для своего патриотического чувства и без отказа от основных традиций своего народа. И это превратило его в лидера мирового масштаба, каким был Александр Великий. Именно таким изобразил Ганнибала греческий историк Силен из Кале-Асте. «Подвиги Ганнибала», написанные этим автором, стали эпосом в прозе, окружив имя его героя мифологическим ореолом. Рациональный Полибий крайне неодобрительно относился к этому автору и его последователям, которые, например, писали, что, когда пуническая армия совершала свой переход через Альпы, путь ей указывали боги и мифологические герои. Ряд фрагментов произведений подобного типа сохранил для нас Силий Италик, написавший эпическую поэму «Пуника» в конце I века н. э., когда ненависть римлян к своему великому противнику уже немного остыла, уступив место восхищению.

Однако подобное отношение вовсе не было присуще людям, которые воевали с Ганнибалом в Италии и оставили нам несколько рассказов об этой войне. Это Фабий Пиктор, Цинций Алимент и, особенно, Энний. Для них Ганнибал был чудовищем, уничтожавшим все на своем пути, безжалостным и безбожным, основными пороками которого были жестокость и вероломство. Ливий, которого цитируют чаще всего, создал свой портрет Ганнибала по работам этих историков. Если верить Полибию, он почти ничего не менял в их оценках. Боги наградили это чудовище (Ганнибала) внешностью, которая отражала его черную душу. Это правда, что красивые черты, запечатленные на бюсте из Волюбилиса, не пережили страданий и тягот войны; особенно сильно изменила внешность Ганнибала ужасная зима 218–217 годов до н. э., ибо в ледяной сырости долины По он лишился одного глаза. С тех пор Ганнибал появлялся на страницах исторических книг как дикий циклоп, описанный Ювеналом: «Cum Gaetula ducem portaret bellua luscum».

Полибий приложил максимум усилий, чтобы выяснить, каким же на самом деле был Ганнибал, и с одинаковым вниманием выслушивал и чрезмерные похвалы ему, и чрезмерную ругань в его адрес. Он восхищался умением Ганнибала управлять людьми даже больше, чем его талантом полководца. Карфагенский полководец сумел объединить скопление разнородных войск в единую армию и заразить этих людей, явившихся к нему из самых разных уголков земли, своим горячим патриотизмом. Он умел поддерживать в войсках дисциплину во времена поражений даже тогда, когда всякая надежда на победу была утеряна. Полибий также тщательно изучил все основные обвинения, выдвинутые против Ганнибала

римлянами, а именно в жестокости и алчности. Он доверял в основном свидетельствам тех людей, которые не были вовлечены в конфликт, вроде Масиниссы, и пришел к выводу, что Ганнибал жестоким не был, но очень любил деньги, что заставляло его совершать политические и стратегические ошибки.

Впрочем, самым интересным портретом Ганнибала, созданным во времена Античности, является описание Диона Кассия, который жил в III веке н. э. и был римским сенатором. Он родился в Малой Азии, получил греческое образование и создал свою книгу во времена правления императоров пунического происхождения, поэтому не разделял предубеждений, которые влияли на суждения его предшественников. Кроме того, он, по-видимому, пользовался работами Сосила, который был учителем Ганнибала. По словам Сосила, Ганнибала нельзя назвать ни импульсивным, ни торопливым; он тщательно обдумывал свои планы; во время одиноких раздумий тщательно взвешивал все за и против и объявлял об этих планах в самый последний момент. Тем не менее, когда представлялась благоприятная возможность, он тут же стремился ею воспользоваться и действовал с той же молниеносной быстротой, которая отличала Александра Великого. Ганнибал ставил на карту все, что у него было, но только после того, как тщательно продумал свои действия, опираясь на достоверную информацию, и понимал, что у него есть все шансы на выигрыш. Именно поэтому он никогда не атаковал город Рим, ибо прекрасно знал, что его укрепления слишком мощны для него, даже после победы при Каннах. Он умел отлично приспосабливаться к различным ситуациям и людям, и с галлами вел себя как галл, а с греками – как грек. Он не любил предаваться фантазиям – гораздо меньше, чем Александр и его преемники (кроме достойного Птолемея), – и никогда не был рабом идеологии. Он никогда не объявлял себя борцом за свободу от римского господства или защитником демократии от олигархии, хотя всегда опирался на поддержку народа в самом Карфагене и в итальянских городах. В отличие от большинства семитских вождей он не руководствовался религиозным вдохновением, за что враги обвиняли его в безбожии. Даже ненависть к Риму, которую он пронес через всю жизнь, не помешала ему пойти на компромисс с врагом, когда он понял, что уничтожить Рим невозможно.

Древних больше всего восхищало умение Ганнибала обращаться с людьми, но они не смогли оценить то, что мы называем его необыкновенно оригинальной и революционной стратегией. В XIX веке немецкие генералы изучили его маневр под Каннами и превратили в образец для своих

сокрушительных атак. Он состоял в том, чтобы отвести войска, расположенные в центре, вглубь, заманить врага в образовавшийся разрыв, а после этого окружить его и атаковать с тыла. Этот маневр пытался провести пунический флот в 246 году до н. э., во время первой войны с Римом, но безуспешно, а Гамилькара использовал против наемников в битве при Утике. Сам Ганнибал применил его всего лишь один раз. Сыновья Гамилькара, которых обучал спартанец Сосил, несомненно, изучали трактаты по военному делу, которые стали в изобилии появляться в Греции. Впрочем, их не заставляли специализироваться в чем-нибудь одном: эллинистическое образование, особенно готовившее будущих правителей, должно было быть разносторонним. Греческие царевики обязаны были быть политиками, военными, учеными, философами и художниками. Ганнибал получил от такого образования очень много, и оно помогло ему, когда его изгнали из родной страны, стать министром и политическим советником при дворе Антиоха III и Прусия Вифинского и придерживаться своей линии в отношении с другими эллинистическими восточными царями.

Однако есть один аспект жизни Ганнибала, о котором мы практически ничего не знаем, – его личная жизнь. Ливий и Силий Италик сообщают нам, что он женился на финикизированной испанской девушке из маленького города Кастуло, а поэт даже сообщает нам ее имя: Имилика или Гимилькат. Это имя мы часто встречаем в пунических надписях. Больше ничего об этом браке не известно, хотя Силий Италик утверждает, что у них родился сын, еще до того, как их разлучила война. Но этот сын не оставил в истории никакого следа, так что вполне возможно, что поэт его просто выдумал.

Вместе с тем о главных генералах и сподвижниках Ганнибала до нас дошло довольно много документов. Следуя примеру отца и древней традиции пунических монархов, он доверял основные посты в государстве своим ближайшим родственникам, начиная с двух младших братьев, Гасдрубала и Магона. Первый стал губернатором Испании и в 207 году до н. э. повторил поход старшего брата, пересек всю Галлию, чтобы помочь Ганнибалу и обратить ситуацию в пользу Карфагена. И ему удалось бы во второй раз принести победу пунической стороне, если бы не неожиданная стойкость римского генерала Клавдия Нерона, который до этого ничем выдающимся себя не проявил. Магон принимал участие в великом походе 219–218 годов до н. э. и во впечатляющих победах, которые за ним последовали, но особенно прославился в конце войны, когда остался последним генералом, воевавшим на итальянской земле. И наконец,

племянник Ганнибала, Ганнон, сын царя Бомилькара и дочери Гамилькара Барки, прославившийся при переправе через реку Рону. В Каннской битве он руководил правым флангом армии Ганнибала, а во время последней кампании в Африке был командиром одного из отрядов, сражавшихся со Сципионом.

Бок о бок с Баркидами мы видим суровых и гордых старых офицеров, которых, вероятно, научил воевать еще Гамилькар. Их звали Карфало и Махарбал, который прославился своими протестами против чрезмерной осторожности своего лидера после битвы при Каннах. Они были опытными командирами нумидийской кавалерии и имели под своей командой офицеров из союзных Карфагену городов. Среди этих офицеров был Муттин из Бизерты или из Боне, который предал Ганнибала и закончил свою военную карьеру в римской армии. Арьергард и в особенности организацию лагерей возглавлял человек по имени Гасдрубал, который время от времени принимал участие в боях. В битве при Каннах он, к примеру, командовал левым флангом. Был еще один, неистовый Ганнибал, которого прозвали Мономахом (по-гречески это «человек, сражающийся в одиночку»); говорят, что он предложил научить солдат поедать человеческую плоть, что помогло бы упростить проблемы со снабжением. Гражданский и политический штаб полководца Ганнибала включал в себя делегатов совета тридцати и совета старейшин. Благодаря Полибию нам известны их имена – он записал их, когда они поставили свои подписи под договором о взаимопомощи с Македонией, заключенным в 215 году до н. э.

План Ганнибала

Нет никаких сомнений в том, что, возглавив государство, созданное его отцом в Испании, Ганнибал думал только о том, как разгромить Рим. Гасдрубал надеялся на достижение компромисса, который позволил бы независимому государству Баркидов на Западе процветать безо всяких помех. Но для Ганнибала, как и для его отца, Испания представляла собой лишь базу, которая давала ему средства отомстить Риму и которой можно будет без сожаления пожертвовать, когда цель будет достигнута. Перейдя через Альпы, молодой полководец забыл о существовании страны, в которой вырос, и мысль о том, чтобы вернуться в Испанию, никогда не приходила ему в голову, даже в те времена, когда он отчаянно искал убежища.

Решив начать войну, Ганнибал, должно быть, очень долго обдумывал свой план, тщательно взвешивая шансы на победу и сравнивая свою армию с армией Рима, как сообщает нам Дион Кассий. Он, несомненно, хорошо понимал, как силен Рим. Полибий сохранил для нас знаменитый документ, известный как *formula togatorum*, в котором приводится список римских войск, составленный в 225 году до н. э. Постоянная армия состояла из шести легионов, включавших в себя 32 тысячи римских пехотинцев и 1600 римских кавалеристов; к ним нужно добавить еще 30 тысяч пехотинцев и 2 тысячи кавалеристов из союзных государств. Эта армия, великолепно обученная и дисциплинированная, была постоянно готова к войне. По своим качествам она значительно превосходила все другие армии Средиземноморского бассейна. Первое резервное войско можно было мобилизовать исключительно быстро; по своим размерам оно почти не уступало основной армии. В нем было 20 тысяч бойцов римской пехоты, 1,5 тысячи кавалеристов, 30 тысяч пехотинцев и 2 тысячи кавалеристов союзных стран. Среди римлян и кампанцев можно было мобилизовать 273 тысячи человек, из них 23 тысячи конников. Боле того, различные итальянские народы держали у себя ополчение при условии, что оно тут же будет призвано на защиту Рима, если в страну вторгнется враг. Это добавляло еще 340 тысяч человек пехоты и 37 тысяч – кавалерии. Все эти резервные войска – в особенности ополчение – были очень разного качества, а на их верность полагаться было нельзя. В 225 году до н. э. галлы без труда сокрушили ополчение Этрурии, хотя оно сражалось за свою страну и свои дома. Тем не менее всю эту массу бойцов, сгруппированных

вокруг прочного ядра римской армии, можно было разгромить только с помощью столь же хорошо обученной армии, по численности не уступающей римской. Ганнибал имел в своем распоряжении иберийских ветеранов своего отца и его великолепную нумидийскую кавалерию – их можно было считать равными по силе римским легионерам и кавалерии. Но ему надо было найти необходимое количество войск для борьбы с теми массами солдат, которых могли призвать в армию римские консулы.

Существовала еще одна проблема, и при этом гораздо более сложная, – море. Во время 1-й Пунической войны Рим построил крупнейший в Средиземном море флот. Полибий показал, что он был гораздо сильнее, чем любой флот, принадлежавший самым могущественным государям эллинского мира. В промежутке между двумя войнами страх мести со стороны Карфагена заставил верфи продолжать свою работу, и по первому же приказу Рима в море могли выйти несколько сотен кораблей. Для создания такого флота потребовалось разрешение, поскольку корабли сооружались в основном на вервях греческих и кампанских союзников Рима, ибо морская слава Этрурии осталась в далеком прошлом. Случилось так, что Кампанья в ту пору находилась на вершине своего коммерческого и промышленного расцвета. Поражение Карфагена открыло для ее купцов все западные рынки, и их присутствие в любой стране выдавали черные полированные суда, на которых они перевозили свои товары. От этой конкуренции пострадала Великая Греция, но ей все-таки удалось сохранить большую часть своих богатств, которые она накопила в IV веке до н. э. Эти регионы вполне могли позволить себе строительство военных кораблей, которые должны были гарантировать свободу их коммерческих предприятий. Более того, их лидеры стремились к сохранению сложившегося положения вещей, поскольку, вложив огромные средства в поддержание римской мощи, они могли оказывать сильное влияние на его политику и способны были заставить сенат и Итальянскую конфедерацию, в случае необходимости, прислушаться к их мнению.

Такова была ситуация в мире, и было бы весьма удивительно, если бы Карфаген не предпринял никаких усилий для восстановления своего превосходства или, по крайней мере, равенства в военно-морских силах, ибо это было необходимо для его безопасности. В договоре 241 года не было ничего, что могло бы ему помешать. Финансовое положение Карфагена этому не препятствовало – его военные расходы сильно сократились после потери Сицилии и Сардинии. Армия в Испании сама себя содержала, а войско в Африке, вероятно, кормилось за счет обработки земли. Контрибуция Риму, выплата которой закончилась в 221 году,

составляла меньше 200 талантов в год (около 50 тысяч фунтов стерлингов). Самые крупные рудники в Испании находились в районе Картахены, и на одном лишь руднике Баебело ежемесячно добывалось руды на эту сумму! Более того, таможенные пошлины от одной лишь провинции Триполитания составляли 365 талантов в год, и все они поступали в распоряжение государства.

Во время Ганнибаловых войн Карфагену удалось создать два довольно крупных флота: в 213 и 212 годах до н. э. адмирал Бомилькар имел под своей командой 255 галер и 700 транспортных судов, которые участвовали в осаде Сиракуз. В то время он обладал численным превосходством над римлянами, но не воспользовался им. Многие современные историки считают, что Ганнибал не использовал карфагенский флот по политическим соображениям. Гсел же, наоборот, показал, что в ту пору правительство и общественное мнение в Карфагене полностью поддерживали Баркидов, а оппозиционная партия Ганнона начала усиливать свое влияние только в 217 году, но так и не сумела добиться контроля над государственными делами.

Для того чтобы понять, почему Ганнибал не сделал попытки атаковать Италию с моря, нужно вспомнить о том, что у карфагенян к тому времени не было уже ни единой морской базы на итальянском полуострове или поблизости от него, поэтому они должны были обладать неоспоримым превосходством в кораблях, чтобы компенсировать этот недостаток. Однако политическая ситуация не позволяла им добиться этого превосходства.

Война на Сицилии нанесла сокрушительный удар по экономике Карфагена – промышленное развитие прекратилось, а африканские рынки попали под контроль итальянских купцов. Наступивший мир не принес изменений, и мы будем напрасно искать произведения местной промышленности в археологических слоях III века до н. э.; лишь в Гиппоне на Кап-Боне мы находим черную кампанскую керамику. Крупномасштабный импорт из Испании не смог возродить местное производство металлов. Более того, именно из-за ввоза испанских богатств, которые позволяли закупать импортные товары, и не смогла восстановиться местная промышленность. Почти то же самое произошло и в XVI веке н. э., когда мощный поток золота из Перу парализовал развитие испанской экономики, отчего в конце концов выиграли английские и голландские противники монархии Габсбургов.

Гасдрубал попытался было создать промышленное производство в самой Испании, особенно верфи, но потерпел полный провал. Удалось открыть только одну верфь в Картахене, где трудились 2 тысячи рабочих.

В 218 году до и. э. Баркидский флот состоял из 50 галер с пятью

гребцами и 5 трирем, но 18 галер первого типа не были оборудованы для боя. Этот флот был в четыре раза меньше римского флота мирного времени; он не только не мог атаковать Италию, но и защитить Испанию. Более того, он был частично уничтожен во время битвы при Эбро, а верфи не смогли заменить корабли, потопленные в бою. Когда Сципион в 209 году захватил столицу Баркидов, он нашел в ее гавани лишь 18 галер. Вполне возможно, что Ганнибал урезал субсидии на сооружение кораблей, а ряд верфей просто закрыл.

Эпизод 226 года показал, что сенат начал очень внимательно следить за развитием нового государства, чтобы не дать ему превратиться в угрозу для Рима. Ганнибал пришел к заключению, что прямое морское нападение на итальянское побережье невозможно. Чтобы уничтожить Рим, надо было внезапно атаковать его там, где он меньше всего ожидал.

Более того, события 225 года показали, что внезапное нападение может привести к успеху только в том случае, если в нем будут участвовать галлы. Галльские отряды вытеснили кельтов из долины реки По за Альпийские горы; они застали итальянцев врасплох, и еще немного, и им удалось бы повторить то, что случилось в Бренне. Ганнибал запомнил это. С тех пор Карфаген рассматривал Галлию как землю, в которой можно набрать много наемников. А после 225 года сотни агентов тщательно изучили политическую ситуацию в этой стране и пришли к выводу, что она нестабильна. До середины III века до н. э. граница кельтских владений проходила по Рейну: западнее лежали владения Франции, а восточнее – Южной Германии и Богемии. Около 250 года германские племена, которые в течение нескольких веков медленно продвигались на юг, неожиданно ускорили свое движение и вытеснили кельтов на запад и юг. Самым северным племенем в этом движении были белги, тесно связанные с германскими племенами во многих аспектах. Они расселились на территории, расположенной между Рейном и Сеной. Галлы, жившие раньше в этих краях и на территории современной Шампани, вынуждены были переселиться на земли, расположенные западнее Парижского бассейна, ближе к Нормандии и Бретани. Отголоски этих мощных сдвигов доходили даже до побережья Средиземного моря. Так, иберийское население средиземноморской части Лангедока попало под власть вольсков, правда, не без борьбы, следы которой археологи обнаружили в Энзеруне и в Ле-Гайле-де-Маиллак. Солдаты удачи, которых называли гесатами, среди которых были белги и даже германцы, хлынули в долину Роны и в Северную Италию. Это стало еще одним результатом переселения народов. Именно появление этих солдат стало одной из главных причин

восстания трансальпийских галлов против Рима в 225 году до н. э.

Подобная ситуация многое обещала вождю с Ганнибаловым складом ума. Весь Запад заполнили согнанные со своих мест люди, которые мечтали найти себе новый дом и готовы были в поисках этого дома дойти до стран, расположенных на самом юге. Эти жестокие и храбрые варвары имели ужасную репутацию и могли дать Ганнибалу недостающих ему солдат для разгрома Рима.

У Ганнибала были все основания полагать, что хорошо подготовленный прямой удар может сокрушить то, что мы весьма неточно называем Итальянской конфедерацией. Для создания этого странного, сложного комплекса потребовалось чуть больше столетия; его создавали чисто эмпирическим путем; она была основана на сочетании военной и политической силы, предоставленной Римом, и экономической мощи Капуи. Этот дуализм хорошо заметен на монетах Конфедерации. Для своих собственных нужд и для нужд той части Центральной Италии, которая находилась под его властью, Рим чеканил тяжелую бронзовую монету. Эта монета выглядела крайне архаично и представляла собой то прямоугольные «кирпичики», то – крупные круглые куски бронзы. Это был фунтовый ас (*as libral*), весивший 373 грамма. Одновременно с этим кампанские мастерские выпускали серебряную монету для стран Конфедерации, основанную на греческом стандарте и имевшую хождение по всему Средиземноморью.

Согласно исследованию датского нумизмата Р. Томсона этот дуализм продолжался с 289 по 269 год до н. э. Где-то между двумя этими датами был период, когда Рим чеканил серебряную монету греческого типа, в дополнение к фунтовому асу; монетный двор в Кампанье сохранил свою автономию. Наконец в 235 году все изменилось: романо-кампанская драхма была заменена квадригатом (*quadrigat*) – серебряной монетой, изготовленной по итальянском стандарту. Вскоре после этого вес и ценность бронзовых монет сильно уменьшились, после чего две независимые до этого системы слились в одну. Стандартными стали теперь серебряные монеты, а бронзовые – мелкой монетой.

Эти изменения, очевидно, отражают стремление Рима отобрать экономическое лидерство у Кампаньи и стать не только политическим и военным центром Конфедерации, но и экономическим. У нас есть археологические доказательства этой теории. Они были найдены на территории, прилегающей к Пренесте, и относились к той эпохе, когда началось развитие промышленности в Риме. В конце 1-й Пунической войны латинская литература неожиданно выдвинулась на первое место, и

почти сразу же появились такие выдающиеся произведения, как труды Плавта и Энния. И это снова – отражение быстрой социальной революции. И наконец, именно в этот период, судя по традиционным источникам, патриархальная структура общества дала трещину, а появление крупных состояний, основанных на сельскохозяйственных, промышленных и коммерческих сделках, привело к определенной социальной нестабильности.

Все это, естественно, породило тревогу и беспокойство в деловых кругах Кампаньи и в особенности в Капуе, которая, несомненно, была столицей этого процветающего региона. Ряд лидеров начал задумываться, выгоден ли им союз с Римом, или он приведет их к гибели, если они не поторопятся возвратить себе полную независимость. Главу этой фракции звали Пакувий Калавий Цекус, ему было суждено в скором времени привести Капую к расколу. Богачи Кампаньи, чье состояние базировалось на бизнесе, а не на сельском хозяйстве (в чем упрекает их Ливий), сильно пострадали от экономического развития Рима. Промышленный кризис, возникший в результате растущей конкуренции, естественно, повлиял и на ремесленников, и на владельцев лавок, которые составляли большинство среди населения Кампаньи. В результате началось брожение, которое вызвало тревогу у городских властей, и, как сообщает нам Ливий, Пакувий и Виррий встали во главе этого революционного движения, опасаясь, что оно их поглотит. Те же самые настроения царили в других итальянских и эллинских городах на юге Апеннинского полуострова, например в Таренте. Этот город стал приходить в упадок еще раньше, чем Капуя. Все это стало результатом возматившей гегемонии Рима.

Вполне обоснованна мысль, что Ганнибал прекрасно об этом знал. В испанских портовых городах было много итальянских купцов, и, аналогичным образом, в Италии достаточно карфагенских торговцев (или гуггасов, как их тут называли) для возникновения нужных контактов. И как только Ганнибал вторгся в Италию, еще до того, как он одержал свою первую крупную победу под Треббией, комендант крепости Кластидиум тут же сдал ее карфагенцам. А ведь ему поручено было оборонять ее по приказу Рима. Этого офицера звали Дасий, он родился в Бриндизи и, вполне вероятно, изменил Риму не из неожиданного каприза, а в результате подрывной работы, которую пунические агенты вели в Южной Италии среди недовольных союзников Рима.

Если бы все пошло хорошо, то есть если бы карфагеняне, объединившись с галлами, сумели сильно ослабить римскую военную мощь, Ганнибал мог бы рассчитывать на то, что Итальянскую

конфедерацию покинет множество городов Южной Италии. И тогда карфагенский флот, который до того времени стоял в резерве, вступил бы в игру, используя базы, которые новые союзники предоставили бы Карфагену. Рим потерял бы господство на море и был бы окружен армией Ганнибала. И ему пришлось бы принять условия победителя.

На первый взгляд, план Ганнибала выглядел авантюрным и поспешным, но при более тщательном изучении становится ясно, что он был очень хорошо продуман и вполне реален. В те времена, когда солдаты и государственные мужи были уверены в том, что главным повелителем человеческих судеб является удача, карфагенский командующий в гораздо меньшей степени полагался на удачу, чем Пирр и даже Александр Великий.

Положение дел в Риме

Имея столь решительного противника, который единолично командовал всеми родами войск и распоряжался всеми имевшимися у него средствами, лидеры Римской республики были разделены на несколько партий и имели различные представления о том, какой политической линии должна придерживаться их страна.

Как обычно, самую традиционную политику проводила семья Фабиев, лидером которой снова стал Квинт Фабий Максим Веррукоз, получивший, из-за своей осторожной тактики во время предыдущей войны, прозвище Кунктатор, или Отлагатель. Историки, работавшие при сенате, и в особенности его кузен Фабий Пиктор, несомненно, сильно преувеличивали таланты этого лидера, но он, по-видимому, обладал сильным характером. Вокруг него объединилось некоторое число благородных римских семей вместе с рядом патрицианских и плебейских сановников, самым выдающимся из которых был, без сомнения, Клавдий Марцелл (он принадлежал не к патрицианской семье Аппиев Клавдиев, а к плебейской семье с той же фамилией). Последний завоевал громкую военную славу, *spolia optima*, убив своими собственными руками галльского царя Виридомара в битве при Кластидиуме в 222 году до н. э. Он закончил свою карьеру захватом Сиракуз в 212 году до н. э. Эта партия зависела от голосов крестьян, значение которых возросло после реорганизации Народных собраний. Она считала, что Рим должен расширяться на север, и не верила в успех заморских экспедиций. Она хотела бы сохранить мир с Карфагеном, и ее симпатии, вполне естественно, были на стороне африканских землевладельцев, которых возглавлял Ганнон Великий. Фабии были популярны в конце 1-й Пунической войны и в течение нескольких лет после нее. Однако между 230 и 225-м годами они попали в немилость. Вторжение во владения галлов и захват долины По вернул им прежнюю популярность. Власть Рима в этих краях была еще непрочной, но она уже открыла для римского народа массу возможностей: завоевание стран Запада и Испании, с одной стороны, и Истрии, Иллирии и Балкан – с другой. В 229 году до н. э. уже были предприняты первые шаги в этом направлении. Различные «империалистические» фракции воспользовались возможностью завоевать в Комитии больше голосов в свою поддержку.

Среди этих империалистических групп были Аппии Клавдии, но ведущую роль играли теперь Корнелии Сципионы, интересы которых, по

традиции, распространялись на Сардинию и Корсику, но которые теперь уже зарились и на Испанию. Эту прославленную семью одно время возглавляли два брата, которые были самыми яркими врагами Баркидов: Публий, отец будущего Африкана, и Гней по прозвищу Лысый. Большинство Эмилиев поддерживали их политику. За экспансию на Запад больше всех ратовали Валерии и Марк Ливий Салинатор, служивший в 219 году до н. э. консулом. Он был *bete hoire*, предметом ненависти для Фабиев, который взял в жены дочь Капуана Пакувия Калавия. Эти патриции больше не считали себя связанными традиционными предрассудками и не постеснялись обратиться за поддержкой к самым беспринципным торговцам, большая часть которых явилась в Рим из городов его союзников. Они постепенно превращались в богатых буржуа, к величайшему возмущению традиционалистов.

Где-то посередине между этими двумя аристократическими фракциями находились «новые люди», идеи которых довольно трудно объяснить и которых обычно, но при этом совсем несправедливо осуждали древние историки. Гай Фламиний был трибуном плебса, цензором и консулом во второй раз в 217 году до н. э. и, как сообщает нам Ливий, лидером народной партии. По-видимому, в Риме в ту пору существовало нечто вроде демократической партии. Кассола писал, что политические взгляды Фламиния часто совпадали со взглядами Фабия Максима, и они часто сотрудничали. Фламиний был горячим сторонником политики колонизации севера: именно он в 223 году разделил Пиценум на Адриатическом побережье. Будучи цензором, он в 220 году начал сооружение дороги, которая до сих пор носит его имя и которая играла в римских отношениях с северо-востоком такую же роль, как Аппиева дорога для Кампаньи. В 218 году он добился нужного числа голосов, одобрявших создание двух римских колоний – в Кремоне и Плацентии (Пьяченце), которую он сам помог завоевать во время своего первого консульского срока в 223 году. Галлы ненавидели его лютой ненавистью, и в конце концов он был заколот копьем кельтским бойцом вспомогательных войск Ганнибала, севернее Тразименского озера. Поскольку Фламиний был представителем народа, купеческая буржуазия его не любила; в 229 году, при поддержке трибуна Клавдия, он провел плебисцит, после которого сенаторам было запрещено заниматься морской торговлей, что сильно ограничило их политическое влияние. Впрочем, он не был реакционером, и его страсть к переменам ограничилась лишь областью религии. Будучи цензором, он велел построить на Кампус-Мартиус (Марсовом поле) цирк, который носит его имя, и организовал вокруг него новый культовый центр.

Часть этого центра была обнаружена при раскопках Ларго Аргентина. Он открыто выражал презрение к традиционной политике, а к рекомендациям сената и жрецов относился с презрением, граничившим с богохульством. Фабий Максим поэтому старался держаться в стороне от своего опасного союзника, и консервативные историки называли его козлом отпущения за его безбожие, поскольку он был разгромлен и погиб во время битвы у Тразименского озера.

Таким образом, основными оппонентами Ганнибала в Риме в 220 году были: Фабий Максим, Марцелл, Сципионы и Фламиний. На втором этапе войны добавились еще два молодых человека: Клавдий Нерон и Сципион Африканский.

Если бы войны не было, эти люди в большинстве своем так и остались бы посредственными политиками. К 219 году, например, больше половины карьеры Фабия Максима было уже позади, и ничего особенно выдающегося он не совершил. Из этого можно сделать вывод, что достижения этих «великих предков», которых прославляли в течение всего периода существования Римской империи и о которых рассказывают нам учебники истории, были сильно преувеличены или полностью выдуманы римскими авторами панегириков. Несомненно, многим из них повезло, что они попали под софиты истории в самый благоприятный момент своей карьеры. Даже Сципион Африканский, несомненно, не смог бы проявить своих талантов, если бы ему, подобно отцу и дяде, пришлось воевать с Ганнибалом, когда тот находился в самом зените своей карьеры. Впрочем, следует признать, что все эти люди, за исключением одного Фламиния, совершившего величайшую ошибку в своей жизни, сумели подчинить себя благу нации и принести ему в жертву свои личные интересы: Ганнибалу так и не удалось расколоть римский фронт, и все его атаки потерпели поражение благодаря несокрушимому римскому единству.

Сагунт и объявление войны

Нет необходимости подробно обсуждать вопрос о том, что стало поводом к войне, – об этом уже много раз говорилось. Как утверждал Полибий, инциденты, которые приводят к войне, имеют лишь второстепенное значение, это лишь предлоги. Нет сомнений, что Ганнибал всячески стремился спровоцировать конфликт и что его агрессивность была полностью оправдана той политикой, которую Рим проводил после заключения мира с Лутацием. Полибий, однако, запутывает дело, приводя неверную трактовку мирного договора 226 года до н. э., когда Рим очень грубо надавил на Карфаген. Этот договор, в гораздо большей степени, чем захват Сардинии, оправдывает то недоверие, которое испытывал к римлянам молодой карфагенский генерал.

Поэтому все три года, прошедшие с момента прихода Ганнибала к власти и до начала его экспедиции, он делал все, чтобы сгладить вредные последствия соглашения, которое вынужден был заключить Гасдрубал. Кампании 221 и 220 годов до н. э. были призваны свести к нулю то стратегическое преимущество, которое Рим и его союзники получили по этому договору. Карфагенянам запрещено было переходить реку Юкар. Неподалеку от своего устья эта река течет с запада на восток, а дальше поворачивает на север. Ганнибал воспользовался этой географической особенностью, о которой римляне, вероятно, ничего не знали. Сначала он покорил олькадов, которые жили на правом берегу реки Юкар, а потом вторгся в Старую Кастилию и дошел до самой провинции Леон, подчинив себе сильное племя вассиенти. Так, не нарушая условий договора, Ганнибал сократил территорию, находившуюся под защитой римлян, до узкой прибрежной полосы, которая со всех сторон оказалась окруженной подданными Баркидов.

Этого удалось достичь с трудом, но Ганнибал получил возможность напасть прямо на Сагунт. Город располагался далеко к северу от Юкара и, более того, был связан союзническим договором с Римом. Ганнибал, однако, не забыл, что несколько лет назад, между 226 и 222 годами, часть городского населения восстала и потребовала разорвать этот договор. Рим ввел в Сагунт свои войска, и вождь революционеров был казнен. Мы полагаем, что Ганнибал с возмущением говорил об этом убийстве на съезде всех иберийских вождей, который он, как и Гасдрубал в свое время, созвал вскоре после своего восшествия на престол. На этом съезде они доверили

ему верховное командование; этот пост до него занимал Гасдрубал. И на этом съезде союзники римлян сагунты выглядели как предатели общего дела. Более того, между Сагунтом и соседним иберийским племенем турдулов вспыхнул конфликт, и Ганнибал, как главнокомандующий войсками Иберийской лиги, обязан был оказать тур дулам помощь.

В последние восемь месяцев 219 года до н. э. сагунты оказали отчаянное сопротивление врагу, которое мы часто встречаем в истории Испании. Первые атаки Ганнибала были отбиты; тогда он обложил город со всех сторон и подтянул к его стенам осадные машины. Однако у него в тылу вспыхнул мятеж, в районе Мадрида и Ламанчи, и ему пришлось временно ослабить свою хватку. Осаждавшие понесли большие потери, сам Ганнибал был ранен. Город пришлось брать квартал за кварталом; позади пробитых в стенах брешей защитники сооружали временные валы. Наконец руководители про-римской партии совершили самоубийство, и оставшиеся в живых осажденные запросили мира. Однако во время переговоров карфагеняне воспользовались тем, что стража утратила бдительность, и вырезали всех жителей города.

Эта осада преподала Ганнибалу урок: он больше уже никогда не устраивал осад. Карфагеняне были очень искусны в них, но он понимал, что осады истощают войска и лишают их подвижности.

Перед началом блокады Сагунта к Ганнибалу явилось римское посольство и потребовало отказаться от своих намерений. Однако это требование было с негодованием отвергнуто, и посольство отправилось в Карфаген, чтобы убедить пуническое правительство отозвать своего генерала. И хотя Ганнон Великий поддержал требования римлян (которые были выражены теперь в относительно умеренном тоне), старейшины заявили, что Сагунт сам спровоцировал войну и что Карфаген был союзником Рима задолго до того, как им стал Сагунт.

Не успело это посольство сообщить об этом сенату, как пришло известие о том, что Сагунт пал. В курии вспыхнул яростный спор. Умеренная фракция опять одержала верх, и были предприняты новые дипломатические шаги. Карфагену был отправлен ультиматум: карфагеняне должны немедленно оставить Сагунт, а Ганнибал и его генералы подвергнуться аресту и передаче римлянам, которые должны осудить их как военных преступников. Посольство предстало перед советом старейшин, председателем которого был царь Карфагена. Член совета, выступивший с заявлением о позиции Карфагена, подчеркнул, что так называемый договор 226 года до н. э. был личным делом Гасдрубала, в котором Карфаген не принимал никакого участия; римско-пунические

отношения подчинены Лутатскому договору, в котором ни Испания, ни Сагунт совсем не упоминаются. С юридической точки зрения этот довод казался неотразимым, хотя в нем имелся один изъян: Карфаген никогда официально не признавал независимости баркидского государства и конечно же был прекрасно осведомлен о действиях Гасдрубала.

В истории Римской республики нет другого такого же периода длительного бездействия и шокирующего безразличия к страданиям своих союзников. Единственным объяснением является то, что внутренняя и внешняя политическая ситуация в стране была весьма неустойчивой, и Ганнибал, вероятно, очень хорошо об этом знал.

Римское общественное мнение разделилось: одни считали, что политические амбиции республики следует ограничить итальянским полуостровом (естественно, вместе с долиной По и окружающими островами); другие выступали за более агрессивные действия. Более того, среди последних многие теперь обратили свои взоры на Адриатику и даже Балканы. Чтобы обеспечить безопасность Адриатики, Риму пришлось в 221 году ввести свои легионы в Истрию, а в 219 году – и в Иллирию. Здесь консулам Ливию Салинатору и Эмилию Павлу пришлось вмешаться, чтобы наказать изменившего им союзника, Димитрия Фаросского. Димитрия открыто поддерживала Македония, которая только что восстановила свое господство над Грецией, одержав победу в битве при Селласии. Большинство сенаторов прекрасно понимало, что сражаться на два фронта – глупо, особенно если учесть, что один из врагов – древнее царство Александра Македонского – был, по-видимому, еще очень силен. Фабиям без труда удалось убедить сенаторов не обострять отношений с Карфагеном, особенно после того, как было установлено, что Ганнибал пользуется поддержкой своих соплеменников. Тем не менее сторонникам более решительных действий удалось добиться включения двух своих представителей в первое посольство, направленное для разрешения конфликта. Это были Валерий Флакк, один из тех, кто составлял договор 226 года, и Бебий Тамфил, принадлежавший к клану Сципионов. Когда первое посольство возвратилось ни с чем, второе возглавил член клана Фабиев по имени Бутео, и он, естественно, предложил найти подходы к фракции Ганнона. Впрочем, его коллеги, Ливий Салинатор и Бебий Тамфил, принадлежали к группе империалистов.

К этому времени общественное мнение выступало уже против сдержанности сената; оно расценило падение Сагунта как национальный позор. В 218 году Комития выбрала консулами сторонников войны: Публия Корнелия Сципиона (отца Сципиона Африканского) и Семпрония Лонга.

Одновременно Фабий Бутео понял, что достичь компромисса ему не удастся, и покинул собрание совета старейшин в Карфагене сразу же после того, как этот совет проголосовал за войну с Римом.

Этот конфликт, вероятно самый крупный во времена Античности, отвечал в значительной степени чаяниям Ганнибала и его народа. Рим сделал все, чтобы при жизни одного поколения не оставить Карфагену другого выбора, как только начать отчаянную борьбу за свое существование.

Начало войны: переход через Галлию

Весной 218 года до н. э. Ганнибал вышел из Картахены с армией иберов и африканцев, численность которой, по мнению Полибия, составляла 102 тысячи человек. Он перешел через реку Эбро и в Северной Каталонии встретился с сильным сопротивлением иберов, часть которых только что заключила союзнический договор с Римом. Это препятствие удалось устранить, правда с довольно крупными потерями. Управление покоренными народами было поручено некоему Ганнону. После этого, не отвлекаясь на завоевание Эмпорие и Роде, которые были готовы к обороне, Ганнибал пересек

Перт. Его армия к тому времени сократилась до 50 тысяч пехотинцев и 9 тысяч кавалеристов. После этого он вошел в страну, которая совсем недавно была завоевана вольсками. Большинство местных кельтов приветствовало приход карфагян, который не стал для них неожиданностью, поскольку Ганнибал за несколько лет до этого разослал своих агентов по всей Галлии. Пунический гарнизон закрепился в укрепленном пункте Энсеруна; следы его пребывания сохранились там до сих пор.

В порту Русцино корабли снабжения карфагян разгружали привезенные товары. В этом порту была найдена амфора. По всей Галлии разошлось большое число монет карфагенского типа – с головой Деметры на аверсе и конем под пальмой – на реверсе. Часть монет попала даже в руки северных племен – например, племени паризиев, которые стали чеканить свои деньги по их образцу.

Салии, жившие восточнее Экса, последовали примеру вольсков, и карфагяне дошли до Роны, не нанеся ни единого удара. Впрочем, форсировать реку без боя им не удалось. По-видимому, некоторые вольски, недовольные политикой своих соотечественников, бежали в эти края, чтобы без помех организовать сопротивление Ганнибалу. Хуже того, марсельским агентам удалось распропагандировать кельтско-лигурийские племена, попавшие под финикийское влияние. Одновременно лидеры Марсея, этого старого греческого города, обратились за помощью к консулу Сципиону, и он только что высадился в дельте. Ганнибал понял, что оказался зажатым между римскими легионами и довольно сильной галльской армией, стоявшей на левом берегу Роны, вероятно где-то в районе Бокера.

Впервые в жизни Ганнибал получил возможность проявить свои таланты тактика. Он велел отряду легких войск, под командованием своего племянника, сына царя Бомилькара, форсировать реку вверх по течению^[33]. Этот отряд атаковал галлов с тыла, и основное войско Ганнибала смогло без помех переправиться через Рону. Прибыв в тот пункт, где начинается дельта Роны, Сципион узнал, что карфагенская армия ушла на север и вторглась в земли аллоброгов.

Такой оборот дела может показаться удивительным, и некоторые современные историки, и среди них сэр Гевин де Бир, отказываются в это верить. Однако Ганнибал был всегда хорошо информирован и знал, что галлы Дофине и Савойи воюют между собой и что на трон претендуют два самозванца. Вмешавшись в этот конфликт, карфагеняне приобретут себе нового союзника – того, кому они помогут захватить власть. Дружба галлов Дофине и Савойи была очень нужна Ганнибалу, поскольку он не мог рассчитывать на поддержку лигурийских племен в Альпах. Эти племена были дикими и подозрительными и грабили и брали в плен ради выкупа любого иностранца, кем бы он ни был.

Переход Ганнибала через Альпы потряс его современников и до сих пор вызывает интерес у людей, совершенно не интересующихся древней историей. Несколько лет назад была предпринята попытка повторить его, но совсем в других условиях. Ганнибал знал, как настроить общественное мнение в свою пользу, и не видел никакого вреда в том, что тогдашние «журналисты» всячески приукрашивают и преувеличивают его подвиг, наполняя свои описания массой придуманных подробностей. Детский восторг этой пропаганды раздражал уже Полибия, а позже и самого Наполеона. Последний не постеснялся написать: «Сложности, которые сопровождали переход через Альпы, сильно преувеличены; их не было, и только слоны могли доставить некоторые трудности». Тем не менее этот скептический отзыв сильно преувеличен. Карфагеняне, вероятно, поднялись по долине Морьенны к перевалу Сен-Бернар, сильно страдая от холода, ибо на дворе уже стоял октябрь. Им необходимо было превратить горные тропы в нечто похожее на дороги (всякий школьник знает, что они использовали для этой цели огонь и уксус); к тому же они постоянно подвергались нападениям горных племен. Армия понесла большие потери: из 50 тысяч пехотинцев и 9 тысяч кавалеристов, вышедших из Испании, после форсирования Роны осталось 38 тысяч пехоты и 8 тысяч конников, и это были не боевые потери. Ганнибалу пришлось на всем своем пути оставлять гарнизоны для захваченных крепостей.

По прибытии в Италию у него осталось лишь 20 тысяч пехотинцев, 6

тысяч кавалеристов и всего три слона. Горы и их обитатели погубили почти половину армии! И если бы в Пьемонте Ганнибалу пришлось столкнуться с сильным врагом, то с такой слабой армией он бы потерпел поражение. Однако он вовремя получил послание Магила, царя цизальпинских галлов, который прислал в лагерь Ганнибала на Роне гонца, сообщившего об общем восстании галлов. Бойи Болоньи и инсурбы в районе Милана поднялись, как один человек, и вырезали агентов сената, которые проводили границы территорий новых римских колоний в Кремоне и Плацентии. Восставшим удалось около Брешии загнать в угол небольшое римское войско, которым командовал претор по имени Манлий и которому было поручено подавить бунт. На помощь к нему поспешил консул Семпроний, готовивший до этого вторжение в Африку. А тем временем его коллега Сципион вынужден был отказаться от контрнаступления в Испании – а эта идея была так дорога его сердцу! – и отплыть из Марселя в Геную. Более того, ему пришлось оставить в Марселе большую часть своей армии под командованием брата, которому он поручил выполнение этого проекта. Поэтому Ганнибала ждал растерянный и дезорганизованный враг, которым он уже начал помыкать как хотел.

Великие победы: 218–216 годы до н. э

Великую битву Ганнибала с Римом на итальянской земле можно разделить на три этапа. Во время первого, самого короткого (218–216 до н. э.), он одерживал победу за победой и делал с врагом что хотел. Но в тот самый момент, когда Рим должен был вот-вот пасть, его армия оказала неожиданное сопротивление, и, хотя она была еще очень слаба, чтобы перейти в наступление, ей удалось ликвидировать все преимущества, которых добился Ганнибал: этот период равновесия продолжался с 216 по 212 год до н. э. И наконец, во время последнего этапа, продолжавшегося 10 лет, армия Ганнибала лишилась своей силы, его наступление было остановлено, а войска постепенно вытеснены в Южную Италию. В это же время театр войны переместился в другие страны, в особенности в Испанию и на Сицилию.

Первый из этих этапов был самым интересным – о великих победах у Тразименского озера и под Каннами известно всем. Второй этап был более сложным и менее захватывающим, и в школьных учебниках упоминается лишь Фабий Кунктатор, олицетворявший римское упорство и непоколебимое спокойствие, которое само по себе могло победить карфагенян. Тем не менее эта фаза войны была наиболее значимой и потому заслуживает самого подробного описания. Нет никаких сомнений в том, что в тщательно продуманном плане Ганнибала уничтожение военной мощи Рима должно было стать лишь первой задачей: за ней должна была последовать целая серия военных и в особенности политических и экономических шагов, которые и должны были обеспечить окончательную победу. Мы увидим, почему этот замысел потерпел неудачу, несмотря на то что чисто тактические предварительные действия принесли Ганнибалу победу. Достаточно лишь вспомнить о двух великих кампаниях, сделавших Ганнибала одним из лучших тактиков своего времени.

Переход через Галлию и Альпы занял все лето и осень 218 года до н. э., и война за Цизальпинскую Галлию пришлось на середину зимы, что было совершенно неслыханным делом в эпоху Античности. Против Ганнибала воевали оба консула. Первым выступил Сципион, но у него было слишком мало сил, чтобы одержать победу, а сам он получил сильное ранение в битве, которая произошла неподалеку от Верчелли. Поэтому командование войсками принял на себя Семпроний Лот, вернувшийся с Сицилии. Однако он действовал слишком поспешно, и Ганнибал

использовал его торопливость в своих интересах. Холодным декабрьским утром легионеры пошли в атаку на голодный желудок. Им пришлось переходить вброд реку Треббия, а потом взбираться на крутой холм, на вершине которого пуническая армия устроила свой лагерь. Ганнибал приготовил для них ловушку, спрятав на берегу реки свой отряд. На поле боя полегло 20 тысяч римских воинов из 30.

Этот беспощадный разгром был очень унижителен для Рима, но не сильно уменьшил мощь его армии. Теоретически Ганнибал стал хозяином долины реки По, но его галльские союзники испытывали недовольство его постоянными требованиями, считая их чрезмерными. Более того, они заметили, что он пожертвовал в битве не своими закаленными в боях ветеранами, а вспомогательными войсками союзников. Венеты, жившие в дельте реки По, сохранили верность Риму, как и кеноманы Брешии, и, хотя последние были кельтами, они отказались присоединиться к своим соплеменникам. Эти племена снабжали продовольствием Кремону и Плацентию, что помогало этим городам держаться. Ганнибал же навсегда отказался от осад и даже не пытался взять эти города приступом.

А тем временем в Риме шли политические игры. Предвыборную кампанию возглавлял Фламин, критиковавший авантюрную политику Сципиона. Он пообещал крестьянам провести девальвацию денег, что позволил бы облегчить бремя долгов. И Комития избрала его консулом на второй срок, вместе с Сервилием Геминионом.

В начале 217 года до н. э. Ганнибал сосредоточил все свои войска в Болонье и позволил им отдохнуть после затянувшейся кампании предыдущего года, отложив начало военных действий на конец марта. Консулы не знали, с какой стороны от Апеннинских гор нанесет свой удар карфагенянин; поэтому Фламин сосредоточил свои войска в Ареццо, чтобы защитить Этрурию, а Сервилий занял позицию в Римини, намереваясь оборонять Адриатическое побережье.

Ганнибал сначала решил обрушиться на Лигурию. Отсюда он мог легко установить контакт с карфагенянами, жившими на Сардинии, которые сгорали от желания сбросить с себя римское иго. Поход Сервилия на север предоставил карфагенскому флоту свободу действий, и он готовился вступить в борьбу, а в этрусских городах патриоты только и ждали того момента, когда они снова получат возможность объединиться со своим традиционным союзником и вернуть себе утерянную независимость. Однако планы Ганнибала нарушила природа; если бы не это, римлянам не удалось бы отбить его натиск. Весной 217 года до н. э. из-за сильных дождей в Италии начались наводнения; в пунической армии

вспыхнули болезни, и ей пришлось отступить. Ганнибал в болотах подхватил глазную болезнь и ослеп на один глаз.

Снова собрав свою армию, на этот раз в Болонье, Ганнибал прошел по долине верхнего течения реки Арно и спустился в долину около Фьезоле^[34]. Здесь он вышел на дорогу, ведущую в Рим через Кортону, и проследовал мимо Ареццо, где засел Фламин со своей армией. Консул опасался прямой атаки на столицу и бросился вдогонку за Ганнибалом, не дождавшись подхода армии Сервилия, который шел форсированным маршем по Фламинской дороге. Поэтому Ганнибалу удалось заманить два легиона Фламина в ловушку, устроенную им в горах на берегу Тразименского озера. 21 июня 217 года, когда римская колонна в полном порядке шла по берегу этого озера, в ее голове и на левом фланге неожиданно появился враг, который начал теснить римлян в сторону озера. Фламин погиб, пронзенный стрелой, пущенной инсурбийским галлом, а с ним погибло и 15 тысяч его солдат. После этого пуническая кавалерия под командованием Махарбала отправилась навстречу армии Сервилия и уничтожила ее авангард (примерно 4 тысячи человек).

Многие историки полагали, что эта победа создала все условия для захвата Ганнибалом Рима, но это не так. Услышав о разгроме, римляне обратились к необычной процедуре и выбрали диктатора. (По закону диктатором мог стать лишь один из консулов. Но из них один был мертв, а другой – полностью отрезан от Рима.) Избранником римлян стал Фабий Максим, который в то время активно собирал новое ополчение и готовил город к осаде. Но Ганнибал не хотел рисковать всем, нанеся удар по Риму. Он ждал результатов подрывной работы, которую вели его шпионы среди итальянцев, и психологического эффекта от своих побед. Он уже добился успеха в сражении, который, однако, не был закреплен, – и ему пришлось отступить. В Капуе власть захватил Пакувий Калавий, угрожая сенату социальным взрывом. Однако он не решался объявить о своем предательстве открыто, ожидая подходящего момента. В то же время на Сардинии Ганпикора дала сигнал к национальному восстанию. К сожалению, римский флот был еще цел и невредим, и, когда на сцене появились пунические корабли, посланные

Карфагеном на помощь восставшим, римляне отогнали их, преследуя до самой Пантелларии. Сервилий Гемин сначала перевез на судах два легиона из портов Этрурии и подавил восстание, а потом пошел на Рим, где передал свои войска в распоряжение Фабия.

Так, шесть месяцев после битвы при Тразимене продолжалась тонкая, но не богатая событиями игра, призом в которой стала Капуя.

Из Этрурии Ганнибал двинулся в Кампанию, на соединение с армией Пакувия Калавия, но шел он кружным путем, по побережью Адриатического моря. Сепонские галлы из Пиценума приветствовали его как своего освободителя; после этого он ушел в Апулию, еще раз пересек Апеннинские горы и вторгся в те части Кампании, которые назывались Фалерпский Агер. Эти районы были захвачены Римом, и их поля ежегодно засеивались. Как только Фабию удалось собрать войска, он двинулся навстречу Ганнибалу, но удовлетворился лишь наблюдением и редкими стычками, избегая открытого сражения. Ганнибал занялся разрушением экономических и политических центров Кампании, которые контролировали эту римскую провинцию. Фабий, в свою очередь, занимался укреплением гарнизонов, в особенности в Касилиуме (стоявшем на месте современной Капуи), ибо он располагался всего лишь в нескольких милях от великого города, который призван был охранять. Эти тактические операции сопровождались столь же тонкой политической игрой. Ганнибал и его итальянские союзники повсюду, где бы они ни появились, пробуждали надежды народных партий. Римляне, со своей стороны, опирались на местную аристократию, которой они поручали управление их родными городами. Благодаря этому им удалось, сразу же после Тразименской битвы, удержать от измены Этрурию. Они также пригрозили народам Италии, что предательство повлечет за собой репрессии против молодых людей их национальности, которые сражались в римской армии в составе вспомогательных войск. Они стали заложниками Рима. Фабию, по-видимому, удалось выиграть эту партию. Ганнибал не сумел занять положение, которое можно было бы назвать стратегически важным, и несколько раз оказывался на грани окружения. В конце концов он ушел из Кампании и вернулся в Апулию, где захватил Геруний, около горы Гаргано, где хранились богатые запасы продовольствия и где он провел зиму 217/16 года до н. э.

Политика откладывания решений, проводимая Фабием, одобрялась в Риме не всеми, хотя он был единодушно избран диктатором после Тразименской битвы. Поскольку он был представителем консервативных кругов, ему был придан заместитель, пользовавшийся поддержкой городского плебса. Его звали Минукий, и он возглавил кавалерию. Но, поскольку обязанности этих двух руководителей не были четко разграничены, разногласия между ними приводили к постоянным раздорам. Фабию удалось утвердить свою власть над помощником только тогда, когда он, из-за своих неосторожных действий, попал в беду и его надо было спасать. Во время выборов 216 года до н. э., которые должны

были восстановить нормальный режим с двумя консулами, люди попали под влияние пропаганды врагов Фабия и, вероятно, новостей из Испании. Оба Сципиона, несмотря ни на что, осуществили задуманное ими контрнаступление в Иберии, и их упрямство оказалось вполне оправданным. Первый же удар показал, как слаба на самом деле империя Баркидов. Сципионы высадились в Эмпорие и без особого труда сумели привлечь на свою сторону каталонские племена, которые Ганнибал покорил год назад. Они разбили и захватили в плен своего пунического губернатора, отбили контратаку Гасдрубала Барки, уничтожив его флот, захватили Сагунт и, наконец, подняли восстание против Карфагена, распространившееся до самой Бетики. Эти победы вернули римлянам самоуважение; по сравнению с ними успехи, достигнутые терпеливой политикой Фабия, показались крошечными. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в 216 году Комития избрала консулами Луция Эмилия Павла, близкого друга Публия Корнелия Сципиона, чей сын женился на его дочери, и Теренция Варрона, новичка в политике, который был ставленником Корнелиев.

Историки сената утверждают, что среди консулов не было согласия, но в том, что произошло позже, винят одного Варрона. На самом деле приказы о массовой мобилизации, изданные в начале 216 года, говорят о том, что оба консула и большинство сенаторов согласились пойти на решительные действия, чтобы поскорее закончить войну. Были снаряжены восемь легионов, после чего римское войско стало в два раза больше армии Ганнибала. Минуний, кавалерийский командир, противостоявший Фабия, получил крупный пост в армии, а старого диктатора лишили всяческих полномочий.

Эти приготовления заняли шесть месяцев, во время которых Ганнибал сидел в своей крепости в Геруниуме, спокойно ожидая нападения. В начале лета он спустился в богатые равнины Южной Апулии, чтобы пополнить запасы продовольствия и привлечь врага к тому месту битвы, которое подходило для его планов. И 2 августа 216 года до н. э. обе армии сошлись на берегах Ауфиды, неподалеку от небольшого города Канны.

Это была самая знаменитая битва Древнего мира, и мы не будем ее здесь описывать, поскольку она тщательно изучена современными специалистами по тактике. Достаточно лишь отметить, что Ганнибал выстроил своих солдат в форме выпуклой дуги, направленной в сторону врага. Римляне расположили свои лучшие части напротив ее центра, где стояли галльские вспомогательные войска, которые очень быстро начали отступать. Римляне бросились за ними в открывшуюся ловушку, а

карфагенский правый фланг, где находилась нумидийская кавалерия Махарбала, окружил легионеров и безжалостно вырезал. Если верить Ливию, цифры которого ниже тех, что приводит Полибий, и поэтому кажутся более достоверными, было убито 46 200 римских солдат, и среди них консул Луций Эмилий Павел. Если добавить сюда погибших в битве при Треббии и у озера Тразимен, становится ясно, что за полтора года Рим потерял треть своих солдат, и среди них – самых опытных своих бойцов. Так Ганнибал достиг своей первой цели: военная мощь Рима, объединявшая Италию, была сокрушена, и народы, которых она сдерживала, могли теперь снова распоряжаться своей судьбой.

Борьба за морские базы: 216–211 годы до н. э

Благодаря победе под Каннами результаты первой части программы Ганнибала превзошли все его ожидания. Военные силы Рима уменьшились вдвое, и итальянцы, как он думал, получили возможность освободиться от римского господства и открыть свои гавани для карфагенского флота, позволив ему вернуть утраченное господство на море. И тогда, блокированный со стороны моря и суши, Рим вынужден будет принять условия мира, продиктованные его противниками.

И вправду, с конца 216 года до н. э. римляне удерживали всего лишь несколько укрепленных пунктов в Южной Италии, и их гарнизоны, не получавшие никакой помощи, сопротивлялись безо всяких надежд на победу. Первой приветствовала Ганнибала-победителя Капуя. В Сиракузах, где недавно умер Гиерон, к власти пришел его молодой преемник, Гиероним, приходившийся ему внуком, который тут же принял сторону Карфагена. Сардиния снова восстала, а в Цезальпинии галлы вырезали 25 тысяч человек, которых привел против них консул Постулий.

Магон, самый младший брат Ганнибала, привез известие о его победе в Карфаген, и город забурлил. Началась мобилизация войск, которые должны были помочь Ганнибалу нанести решающий удар. Пунические флотилии, снабженные всем необходимым для сражений, отправились к берегам Италии, Сицилии, Сардинии и Испании. Только в этой стране Риму еще улыбалась удача – Гасдрубал был снова разбит в устье реки Эбро. Впрочем, к нему с подкреплениями шел Магон, который должен был помочь Баркидам свести счеты со Сципионом, набрать новую армию из дружественных галлов и вернуться в Италию для окончательного разгрома Рима.

И наконец, к военным победам добавился и крайне важный дипломатический успех. Молодой царь Македонии Филипп прислал к Ганнибалу посольство и заключил с ним союзнический договор. Царь обещал прийти к нему на помощь с двумя сотнями судов – для этого ему нужно было пересечь Адриатику. Сокрушив Рим, Карфаген и Македония рассчитывали получить верховную власть в одном из бассейнов Средиземноморья. Полный текст договора сохранил для нас Полибий, и это один из самых важных документов, дошедших до нас, касающихся религиозных взглядов и дипломатических способностей Ганнибала, а также того, каким он представлял себе устройство Средиземноморского

региона после своей окончательной победы. Никто не собирался уничтожить Рим, но он должен был стать безвредным в результате создания Итальянской конфедерации под председательством Капуи и признания верховенства Карфагена.

Все карты находились на руках у Ганнибала, и весь мир ожидал, что он будет продолжать игру по своему желанию, пока полностью не разгромит противника. Однако этого не произошло. После Канн война потеряла яркость и четкость, столь характерные для нее в первые три года; Ганнибал завяз в мелких операциях, которые были весьма запутанными и в которых все время одерживали верх римляне. Создается такое впечатление, что Ганнибал утратил свой военный гений или был проклят судьбой. Эту перемену заметили уже древние историки, которые считали, что в этом частично виноват и сам Ганнибал. Одни утверждают, что он умел побеждать, но не знал, как распорядиться победами; другие полагают, что его «размягчила» капуанская роскошь. Римские историки, естественно, сравнивают ослабление своего врага с усилением своей нации, традиционные достоинства которой лишь закалились в годы испытаний.

И хотя последнее объяснение кажется весьма шатким, оно, вероятно, самое убедительное. Римское государство было сильно ослаблено, но Ганнибаловы войны практически не затронули самого его ядра – более 9 тысяч квадратных миль территории. А обитатели этого ядра были необыкновенно дисциплинированными людьми. Большинство из них составляли крестьяне-воины; помимо этого, республикой стали управлять люди, которые поддерживали консервативную партию Фабиев. Фабий Максим проявил себя еще более талантливым государственным мужем, чем во времена своей диктатуры. Вместе со своими друзьями Клавдием Марцеллом и Фульвием Флакком он почти все время занимал пост консула, пока не миновала опасность. Но самым важным было то, что Рим уже не являлся примитивным сообществом, вся экономика которого основывалась на войне и сельском хозяйстве. Ганнибал, по-видимому, этого не понимал. После 1-й Пунической войны в Риме появился промышленный и торговый район, который помог ему выдержать измену Капуи без гибели всей экономики. Публиканцы, или представители этого района, впервые заявили о себе во время второго этапа Ганнибаловой войны: они сыграли решающую роль в организации и финансировании партизан, предоставив необходимые гарантии укрепления монетарной системы Рима. В самый разгар войны появился денарий; театры военных действий были обеспечены всем необходимым. Благодаря этому римский флот сохранил свое господство на море и разрушил пуническо-македонский союз, а

Сципион получил контроль над Северной и Центральной Иберией и обратил внимание Рима на Бетику. Мечта о великой антиримской морской коалиции, которая должна была объединить все народы Средиземноморья, постепенно умерла.

Перед лицом римской стабильности итальянские народы доказали свою неспособность к объединению. Драматическая измена Капуи оказалась бесполезной, поскольку Неаполь, контролировавший выход к морю, сославшись на свою традиционную враждебность к осканам, остался верен союзу с Римом. Римские и латинские колонии в Северной Кампанье также не собирались переходить на сторону карфагенян. В течение двух лет (216–214 до н. э.) Ганнибал безуспешно пытался преодолеть все эти препятствия. В конце концов он сдался, и кампанцы вынуждены были воевать с Римом в одиночку, пока в 211 году тоже не сдались. Ганнибал обратил свое внимание на Тарент, который решил отколоться от Рима только в 213 году; за ним последовали остатки его Италиотской конфедерации. Марк Дивит, комендант цитадели Тарента, однако, упорно не желал складывать оружие, и это свело к нулю стратегическое значение Тарента для Карфагена – они так и не смогли без помех воспользоваться великолепной гаванью этого города. А тем временем большая часть Сицилии перешла на сторону Карфагена. Впрочем, это мало помогло Ганнибалу, ибо Марцелл сумел организовать успешное контрнаступление и полностью обложил старую столицу Перона.

В 211 году Капуя и Сиракузы попали в руки римлян, и судьба Ганнибала и Карфагена была решена. С тех пор инициатива в войне перешла в руки Рима, а он был настроен сражаться, пока противник не будет полностью уничтожен.

Впрочем, в том же 211 году Карфагену представился еще один шанс победить Рим: в священном единстве этого государства наметилась брешь. Фабий, Марцелл и их друзья вовсе не были людьми, готовыми полностью посвятить себя своему делу, какими изображал их Ливий. У них, помимо интересов государства, были и свои собственные интересы. Военные победы давали прекрасную возможность обогатиться – стоит только вспомнить о том, какой обильной добычей были Капуя и Сиракузы, – и люди, стоявшие у власти, вовсе не собирались делиться награбленным с теми предпринимателями, честность которых вызывала сомнение и помощь которых они с презрением приняли в суровую годину поражений. В результате этого самые влиятельные публикане, Постилус и Помпоний, были отданы под суд. Эти два человека, по своей собственной инициативе, снабдили Сципионов средствами для ведения войны и дипломатии,

которые государство решило считать частным предприятием. Постилус был приговорен к смерти, а Помпоний погиб в битве с карфагенянами со всеми своими людьми, к величайшей радости Фабиев. Однако вполне возможно, что именно это и стало причиной внезапного изменения политического курса в Испании. В 211 году испанские вспомогательные войска обратили свое оружие против Рима, и Сципионы, вместе с лучшей частью римских войск, были убиты.

Сенат сначала решил заменить Сципионов молодым патрицием Клавдием Нероном. Он вскоре проявил себя талантливым военачальником, но подчинить себе ветеранов, сумевших избежать гибели, ему не удалось. К Комитии обратился юный сын Публия Сципиона с просьбой доверить ему командование армией, в обход всех правил. К несчастью для Карфагена, этот юноша в двадцать четыре года уже обладал даром стратега, не уступавшим, вероятно, дару самого Ганнибала. Прибыв в Испанию, он тут же доказал это на деле, решительно захватив баркидскую столицу Картагену. А ведь пунические генералы были уверены, что она расположена достаточно далеко и ей ничто не угрожает! Престиж Карфагена в Испании рухнул в одну ночь; Сципион освободил заложников, которых он обнаружил в городе, и иберийские царевичи, в благодарность за это, даровали ему титул царя, принадлежавший когда-то Гасдрубалу и Ганнибалу.

Впрочем, у Карфагена было еще три свежие армии: две под командованием братьев Ганнибала, Гасдрубала Младшего и Магона, а третьей руководил Гасдрубал, сын Гиско, не испытывавший никакой симпатии к Баркидам. И тогда Гасдрубал Младший ответил на смелость Сципиона еще большей смелостью. Он без сожаления отказался от царства, которое завоевал его отец и которое все истинные Баркиды всегда считали лишь источником средств для борьбы с Римом. Он перешел через Пиренеи в их западной части, минуя Каталонию, которая находилась в руках римлян, и вторгся в Галлию, где присоединился к пуническим гарнизонам и кельтским союзникам, которые более десяти лет охраняли путь в Италию. Он провел с ними зиму 208/07 года до н. э., а потом перешел через Альпы, которые до сих пор, с итальянской стороны, удерживали за собой цизальпинские бунтовщики.

Эта неожиданная помощь могла повернуть ход войны в пользу Ганнибала. Последние два года его преследовали неудачи, которые изредка прерывались какими-нибудь удачными событиями. Одно из них произошло как раз тогда, когда Гасдрубал был уже на подходе, – был убит Марцелл. Самым тяжелым ударом для Ганнибала стал захват Фабием Максимом

Тарента в 209 году до н. э. А после того, как этот крупный дорический порт пал, его последние надежды вернуть карфагенскому флоту господство на море развеялись без следа. К тому же следует признать, что адмирал Бомилькар оказался совершенно бездарным. Он позволил римлянам захватить Сиракузы, а потом не сумел помочь Филиппу Македонскому, который одержал в Греции ряд побед над союзниками Рима, хотя это и не повлияло на ход войны. После падения Тарента Ганнибалу осталось одно – вернуться в Калабрию и превратить ее в обширный укрепленный лагерь, который с течением времени становился все меньше и меньше.

Впрочем, римляне уже устали от войны, ибо, чем дольше она продолжалась, тем больше погибало людей (число жителей Римской республики уменьшилось с 270 тысяч до 130 тысяч), а проблемы экономики все усиливались. Союзники, в особенности этруски, открыто бунтовали; даже латины выступали за скорейшее заключение мира, что граничило с изменой: в 209 году двенадцать римских колоний из тридцати категорически отказались выплачивать свою долю военных расходов. Население Рима, под влиянием своих трибунов, выражало недовольство и начало уже уставать от Фабиев и их фракции. Если бы войска двух баркидских братьев сумели соединиться, общественное мнение, без сомнения, потребовало бы заключить мир, основанный на компромиссе, и Карфагену удалось бы, хотя бы частично, восстановить свою мощь.

Именно Клавдий Нерон, молодой аристократ, который потерпел поражение в Испании, лишил Ганнибала последнего шанса на победу. Он, вместе с Ливием Салинатором, стал консулом в 207 году. Ливий поддерживал Сципиона, которого Нерон ненавидел. Ливий остановил Гасдрубала между Римини и Анконой и задержал его там. Клавдий шел по следам Ганнибала, который слишком поздно узнал о прибытии брата, оставил Брутии и пошел на север в Апулию. Солдатам Нерона удалось взять в плен одного из разведчиков Гасдрубала. Оставив небольшой заслон на пути Ганнибала, Нерон поспешил соединиться со своим коллегой на берегах реки Метавр. Армия Гасдрубала не могла противостоять войскам двух консулов; карфагеняне были разбиты, а Гасдрубал погиб в бою. Через несколько дней его голова скатилась с холма в лагерь Ганнибала.

Ему не оставалось ничего иного, как снова укрыться в своем убежище в Калабрии. Ганнибал стремился затянуть войну, надеясь еще сильнее измотать римлян и удержать за собой несколько важных пунктов в Италии, чтобы было чем торговаться, когда дело дойдет до переговоров. И этот план мог принести ему удачу, если бы Фабий остался у власти. Старого Кунктатора совсем затмила слава молодого Сципиона, подавившего в 207

году до н. э. последние очаги пунического сопротивления в Испании. Младший брат Ганнибала, Магон, бежал до самой Лигурии, где организовал партизанскую войну. Сципион тем временем вернулся в Рим, чтобы участвовать в выборах консула в следующем году. Фабию не удалось помешать его избранию, но он сделал все, что было в его власти, чтобы сорвать осуществление проекта, который помог ему привлечь на свою сторону Комитию: он хотел перенести войну на африканскую землю и там ее и закончить. Поэтому поддержка, которую оказывали Сципиону официальные круги, резко сократилась. Тем не менее его кандидатуру поддержали антиконсервативные группы и районы, что и решило исход выборов. На флоте, к примеру, служили в основном этруски из городов, которые еще совсем недавно требовали прекратить войну.

План вторжения был подготовлен очень тщательно. Находясь в Испании, Сципион сумел получить очень точную информацию о политической ситуации в той части Северной Африки, которая не находилась в прямой зависимости от Карфагена. Примерно за сто лет до этого ряд племен из Алжирского и Тунисского района Телл сумели создать свои царства. Царство нумидийцев из племени массивы охватывало внутренние горные и равнинные области Тунисского Верхнего Телла, главными городами которого были Зама (Джама) и Фугга (Дугга). Массивские нумидийцы занимали район, границы которого примерно совпадали с границами современной провинции Константин. Далее к западу располагались царства мавров, но их границы определить очень трудно. Организованы эти маленькие государства были очень примитивно, и они частично входили в Карфагенский протекторат или зону контроля. Мир в этих районах поддерживали пунические крепости, располагавшиеся в центре нумидийской территории, вроде Сикки (Эль-Кефа). Карфаген сохранял свое влияние с помощью умелых дипломатических маневров, опиравшихся на соперничество племен и их вождей.

В 213 году до н. э. царь массивских нумидийцев Сифах решил обратиться к Риму за поддержкой и освободить свою страну от власти Карфагена. Для этого он вступил в переговоры со Сципионом в Испании. Узнав об этом, Гайя, царь Массивы, послал своего сына Масиниссу воевать в Испании бок о бок с карфагенянами. Однако в 207 году Гасдрубал, сын Гиско, вынужден был уйти из Испании, и он помог Сифаксу вернуться в пунический лагерь. После этого Гиско скрепил свой союз с Сифаксом, выдав за него свою дочь Софонисбу, которая славилась не только красотой, но и умом и воспитанием. Узнав об этом, массивы немедленно переметнулись к римлянам. Однако их маленькое царство было окружено

землями Карфагена и Масаесили и не могло проводить независимую политику. Но тут Гайя умер, и Сифакс завладел его наследством, так что Масиниссе не оставалось ничего иного, как стать разбойником в горах Кроумирии.

Сципион в награду стал губернатором Сицилии. Он провел первую половину 204 года до н. э. в подготовке к войне, которую сильно затрудняли интриги его политических противников. В их число теперь, помимо старого Фабия, входил и молодой Катон. Так что Сципиону удалось высадиться недалеко от Утики только в конце лета. Он устроил свои зимние квартиры в укрепленном лагере в устье реки Баградас (Меджерды), на холмах, которые теперь венчает город Калаат-эль-Анд елее. Карфагеняне сначала поручили командование Гасдрубалу, сыну Гиско, который получил поддержку от своего зятя Сифакса. Последний наивно надеялся, что может послужить посредником. Сципион сделал вид, что заинтересовался этим предложением, напал на ничего не подозревавших карфагенян в их лагере и убил, как полагают историки, около 40 тысяч человек (203 до н. э.).

Вскоре последовало другое поражение – в районе современного города Беджы. Оно стало фатальным и для карфагенского, и для нумидийского лидеров. Масинисса спустился с гор и в одно мгновение превратился в царя. Он вторгся в пределы Масаесили и осадил их столицу Цирту (Константину). Когда в июне 203 года она пала, Сифакс был захвачен вместе со всей своей «смалой» (двором). Среди пленников оказалась и царевна Софонисба, которой удалось вернуть себе привязанность своего первого жениха, Масиниссы. Однако Лаэлий, легат Сципиона, заподозрил ее в предательстве, и она вынуждена была принять яд. А тем временем отцу этой несчастной царевны пришлось держать ответ перед Карфагеном. Гасдрубал, сын Гиско, принадлежал к умеренной олигархической партии, политические взгляды которой находились где-то посередине между взглядами демократов и ультраконсерваторов Ганнона Великого. Он никогда не был в хороших отношениях с Баркидами. Люди проголосовали за то, чтобы он оставил свой пост и отправился в ссылку. Его место занял Ганнон, сын царя Бомилькара и племянник Ганнибала. Гасдрубал какое-то время воевал в сельской местности с отрядом партизан, но в конце концов покончил с собой в семейном мавзолее.

Народная партия возлагала все свои надежды на то, что Ганнибалу удастся вернуться домой, но он не смог убежать из Бруттии. Олигархи предложили начать переговоры, и совет тридцати согласился. Сципион стремился поскорее закончить войну. Он опасался, и не без оснований, что его политическим врагам удастся заменить его другим генералом. Более

того, он не испытывал ненависти к Карфагену; город мог держаться сколько угодно долго, а пунический флот только что разгромил римский. Поэтому условия, выдвинутые совету тридцати, были довольно умеренными: Карфаген должен отказаться ото всех своих владений за пределами Африки, – которых он уже и так лишился, – выплатить 5 тысяч талантов контрибуции и сократить свой флот до 20 судов. Мир был уже почти подписан, когда в Карфаген прибыли гонцы из Гадрументума и заявили, что только что у стен их города высадился Ганнибал.

Разбив флот Сципиона под Утикой, пуническая эскадра сняла римскую блокаду этого города, и остатки великой армии Баркидов высадились на берег во главе со своим командующим. Это известие было встречено в Карфагене с радостью. Посольство уже отправилось в Рим, чтобы ратифицировать договор, но карфагеняне разорвали соглашение, захватили конвой, оскорбили и напугали до смерти посланцев Сципиона. Римская пропаганда получила еще один повод проклясть непостоянство Карфагена.

Ганнибал высадился в Бизациуме по двум причинам: здесь располагались его земли и жили его крестьяне, и он хорошо знал, какими ресурсами он может располагать, и мог использовать их, не давая никому отчета. К тому же Гадрументум и столицу владений массили соединяла хорошая дорога, которую можно было без особого труда пройти за пять-шесть переходов. Ганнибал собирался захватить земли массили точно так же, как последние в свое время отобрали владения у Сифакса. Если бы ему удалось это сделать, римляне оказались бы зажатыми между Нумидией и Карфагеном, и их положение стало бы невыносимым.

Вот так решилась судьба Карфагена. Это произошло в конце лета или в начале осени 202 года до н. э., неподалеку от Зами, столицы Массильского царства, вероятно, на Силианской равнине, где дорога из Гадрументума (Суссе) в Сикку (Эль-Кеф) пересекала дорогу, идущую прямо из Карфагена по долине Вади-Милиана.

Согласно Аппиану, у Ганнибала было около 50 тысяч пехотинцев, чуть больше, чем у римлян. С другой стороны, его кавалерия по числу всадников уступала кавалерии Масиниссы. У Ганнибала было 80 слонов, а у его противников слонов не было. Ход сражения можно разделить на два этапа. Во время первого карфагеняне безуспешно пытались прорвать центр римских войск. Они несколько раз атаковали его, причем в первой атаке участвовали слоны. На втором этапе римская кавалерия завязала бой с кавалерией Карфагена, а потом окружила фалангу Ганнибала и разнесла ее в пух и прах. Из всех великих битв Ганнибала эта была самая бездарная: он даже не попытался использовать особенности местности, как в битве при

Треббии или на Тразименском озере, и не маневрировал, как в Каннском сражении. Сципион тоже не отличался воображением, но в результате этой битвы стал одним из самых прославленных полководцев своего времени.

Вечером, после разгрома своей армии, Ганнибал, в сопровождении нескольких всадников, поскакал в Гадрументум. Он покрыл все расстояние за один переход, снова продемонстрировав свою необыкновенную физическую выносливость. Его дух тоже не подвел: он не мог больше послужить своей стране как солдат, но надеялся спасти ее с помощью своих дипломатических и военных талантов.

К счастью, эта последняя выходка Карфагена не заставила Сципиона изменить свои взгляды. Он не хотел разрушать Карфаген, а если бы даже и хотел, то слишком хорошо понимал, как трудно это сделать, – а он не хотел рисковать своей репутацией. Условия мира, согласованные до прибытия Ганнибала, подверглись лишь незначительным изменениям: количество судов пунического флота сокращалось до десяти, а контрибуция была увеличена вдвое. Карфаген сохранил все свои африканские владения, хотя в договор была внесена статья, по которой Масиниссе возвращалось все, что раньше принадлежало его предкам. Нумидийский царь позже использовал это условие в качестве оправдания для своих постоянных набегов, ибо пуническая территория, обозначенная словами «финикийские границы», включала в себя такие районы, как Фуске, например, хотя большинство ее населения составляли нумидийцы, и она сравнительно недавно была захвачена Карфагеном. В то время, однако, Сципион трактовал текст договора в пользу Карфагена и приказал просто вывести всех жителей из городов Сикка и Тевесте, которые располагались за пределами «финикийских границ».

Так завершилось великое предприятие, начатое около семидесяти лет назад. После битвы при Заме Карфаген, вероятно, был не слабее, чем после мира с Лутацием, но теперь он, несомненно, лишился возможности играть заметную роль в международной политике. Самое лучшее, что он мог сделать, – это жить себе мирно на доходы от торговли и сельского хозяйства и стать клиентом Рима. Именно этого и добивался Сципион, и его умеренность объясняется нежеланием слишком сильно ослаблять экономику Карфагена. Этого хотела и одна часть населения: старый Ганнон Великий был доволен заключенным договором. Удовлетворил он и Гасдрубала Младшего, одного из участников мирных переговоров, который подписывал это соглашение. Одним из главных доказательств ума и самоконтроля Ганнибала служит тот факт, что он понял и принял одно – его стране лучше выполнять условия этого позорного договора, чем быть

уничтоженной.

Однако возникает вопрос: не было бы лучше, если бы он понял это раньше, еще до того, как потерял все преимущества, которые его отец и зять завоевали для народа Карфагена? Ганнибал, вероятно, относится к тем людям, которые изменили ход истории, как недавно показал профессор Тойнби, и лучше всего последствия его действий прослеживаются на фоне развития Рима. Он сделал гораздо больше для превращения Рима из города-государства в государство в полном смысле этого слова, чем сами римляне. Карфаген во многом обязан Ганнибалу своей славой, но этот полководец, вне всякого сомнения, сократил срок его жизни – не столько ослабив его, сколько превратив в предмет ненависти и тревоги Рима, что в конце концов и привело Карфаген к гибели.

Культура Карфагена в эпоху Ганнибала

Без литературных источников нам трудно поверить, что Карфаген Баркидов был богатым городом и вызывал зависть у своих соперников. Тем не менее он уже не считался главным культурным центром пунического государства. Двор теперь находился в Испании, где поселились греческие художники, удовлетворявшие запросы царей. Присутствие в Испании этих художников подтверждается монетами, о которых мы уже говорили, рассказывая об их политическом значении. Сходство изображений Гасдрубала и Гиерона II на этих монетах свидетельствует о том, что граверы, изготовлявшие их, по-видимому, прибыли сюда с острова Сицилия. Бронзовый бюст Ганнибала тоже, вероятно, создал скульптор, получивший образование в мастерских Сиракуз. Если, как было сказано выше, этот бюст, найденный в Волюбилисе, был копией бюста царя Юбы II, созданного в последние годы до начала н. э., тогда, по крайней мере, его прототип был изготовлен в указанные выше годы. Некоторые художники, вероятно после завоевания Испании, переехали в Карфаген, и их влияние чувствуется в некоторых изящных стелах из тофета: например, в стеле, посвященной стратегу. Мы видим голову и плечи мужчины; это не Ганнибал, но изображенный на ней человек очень на него похож. Эта работа тесно связана с группой портретов эллинских царей, образцом для которых стали изображения Александра Великого, сделанные Лисиппом и Апеллесом. Один из пунических скульпторов прославился на весь мир – это Боэф Карфагенский, подпись которого была обнаружена в Эфесе. О нем упоминает Павсаний, который видел в Олимпии бронзовую статую сидящего обнаженного ребенка, созданную этим скульптором. Боэф Карфагенский был сыном Аполлодора и, возможно, родственником и учеником Боэфа I Великого из Халкидона. Прекрасная работа этого автора – скульптура Атона, коронующего Гермеса, – была выброшена на берег Туниса после кораблекрушения. Один из греческих мастеров, вероятно, изготовил и великолепный щит Гасдрубала, который римляне обнаружили в карфагенском обозе, захваченном ими после битвы у Метавра и установленном на Капитолийском холме.

Тем не менее сам Карфаген мог выиграть от того, что Баркиды покровительствовали искусству, но пожар 146 года до н. э. уничтожил все следы этого города. Дошедших до нас остатков недостаточно для того, чтобы реконструировать его в том виде, в каком он был во времена

Ганнибала.

Теперь, когда культ в тофете Саламбо стал доступен всем классам общества, в нем уже больше не устраивали прежних церемоний. Сохранилось несколько прекрасных стел, вроде тех, что были украшены гравированными портретами, о которых мы только что рассказали. Другие были выполнены в каких-то фантастических архитектурных формах. Подавляющее большинство погребальных предметов, наполнявших святилище в тот период, можно считать ширпотребом. Все эти предметы в основном представляют собой плоские стелы. Они выполнены в виде фасада целлы (внутреннего помещения античного храма), увенчанного треугольным фронтоном с орнаментом и обрамленного колоннами по обе стороны от надписи, говорящей, кому посвящена эта стела. На фронтоне и ниже текста скульптор попытался вместить как можно больше изображений, охраняющих умершего, нисколько не заботясь о красоте. В основном они располагаются совершенно хаотично, чаще всего изображая символическое значение основной идеи.

После потери Сицилии карфагеняне уже больше не устанавливали в гробницах мраморные саркофаги, а качество погребальных предметов сильно ухудшилось. Украшения вообще лишены какой-либо ценности. Тем не менее испанские рудники поставляли сырье для производства бронзы, которое, по-видимому, процветало. Мы находим ряд очень интересных бронзовых изделий. Среди них кувшин, украшенный крылатыми сфинксами, и красивые бритвы, на которых выгравированы изображения скульптур, созданных в Великой Греции и на Сицилии. Стекольные мастерские выпускали подвески в форме разноцветных масок с тугими завитками волос, которые были выполнены с большим мастерством. Они производили также изящные флакончики для духов. Краснодеревщики инкрустировали шкатулки для украшений и туалетные коробочки крошечными пластинками из слоновой кости, которые отличались очень красивой и необычной формой. Все эти предметы говорят о богатстве и хорошем вкусе своих владельцев, но они встречаются крайне редко, так что мы вынуждены признать, что в тот период карфагеняне перестали класть в могилы самые дорогие предметы роскоши.

По-видимому, счастье, которое ждет умершего в другом мире, не было уже тесно связано с тем, что он найдет в «вечном покое», а концепция жизни после смерти претерпела изменения. Более того, начиная с середины III века до н. э. в Карфагене все чаще начинают кремировать умерших, а пепел складывать в небольшие каменные сундучки, лишенные украшений. По-видимому, жизнь после смерти потеряла свой материальный характер.

Обычай класть в могилу лампы, керамику и некоторые полезные предметы и амулеты сохранился, но произведений искусства, украшавших дома, мы больше не находим.

Талисманы вечности, к которым относятся бритвы и стелы жертв Молоху, стали теперь украшаться новыми символами. Их главной темой сделалась не земная и загробная жизнь, которые бог дарует своим верным слугам, а победа человека над смертью, которой он добился своими собственными руками. На одной гравированной бритве изображена колесница, которой управляет крылатая Победа. На множестве других видим Мелгарта-Геракла, о котором мы уже говорили. Этот бог либо сражается с критским быком, либо наслаждается отдыхом после битвы, облачившись в шкуру льва и опираясь на свою дубинку. Иногда гравер изображал, в символическом виде, победу героев Сардинского восстания: их олицетворял бог Сардус, который возвышался над римлянином, стоящим перед ним на коленях. На стелах из тофета Саламбо находим божественные эмблемы в сочетании с лавровыми венками и трофеями в виде нагрудника, висящего на столбе. Победа над смертью – теперь уже не привилегия добродетельных; ее может достичь любой человек своими патриотическими или военными подвигами. По этой причине в могилах спутников Ганнибала находим высеченные на стелах инструменты их победы – оружие или носовые части галер, – которые они посвящали богам потустороннего мира: Танит, Баал Хаммону и их помощникам.

Как же эти победители представляли себе жизнь после смерти? К сожалению, до нас не дошли тексты, которые могли бы об этом рассказать. Если верить нумидийской стеле, которая была изготовлена уже после падения Карфагена, но украшена пуническими рельефами, это похоже на путешествие по различным районам неба, после чего умерший пересекает океан, за которым находит вечное счастье среди бессмертных. Такое путешествие на колеснице изображено на рельефах мавзолея, сооруженного для Дугга, современника Масиниссы.

Набожные люди, не принимавшие личного участия в славных походах, не могли изображать себя в подобном виде. Они по-прежнему принадлежали к религиозным братствам, которые служили богам спасения: марзеа или фиасе. Эти братства были посвящены Шадрепе-Дионису (о них мы уже говорили). Существовало также общество, поклонявшееся пунической Церере и Изиде. Символы этих мистических религий последних лет III века до н. э. были найдены на стелах в Саламбо: корзина, знак Изиды, состоящий из диска и изображения змеи на короне фараона, систр (трещотка)^[35] или ситулу (сосуд), а также кратер – символ веры в

вечное счастье. По мере того как военное счастье отворачивалось от Карфагена, этих символов становилось все больше и больше.

Глава 7

Агония Карфагена

После битвы при Заме Карфаген просуществовал чуть больше полувека. Это было тяжелое время для несчастной республики, которая по-прежнему внушала тревогу своим врагам, но не имела возможности оказать им достойное сопротивление. Рим стремился уничтожить всякое воспоминание о былой славе Карфагена, и преуспел бы в этом деле, после смерти последних участников великой войны, если бы не проблемы с Нумидией. Отношение Масиниссы к Карфагену сильно напоминало отношение современных колоний, которые только что получили независимость, к своей бывшей метрополии – они испытывают чувство горькой обиды, более или менее оправданной, странным образом сочетающейся с привязанностью к цивилизации, к которой они уже больше не принадлежат.

Попытка Ганнибала возродить мощь Карфагена и ее провал

Подобно всем государствам, которые только что завершили продолжительную войну и проиграли ее, Карфаген около 200 года до н. э. пережил внутренний кризис.

Демократы, пребывавшие у власти в течение всей этой войны, после поражения раскололись. Экстремисты разорвали первое перемирие с Римом, а некоторые из них хотели продолжать войну и после битвы при Заме. Один из них даже выступил с подобным предложением перед советом старейшин. Ганнибал собственноручно стащил его с трибуны, но это вызвало такой взрыв негодования, что ему пришлось извиниться.

Старая олигархия, возглавляемая Ганноном Великим, более тридцати лет находилась в оппозиции и утратила свое былое влияние. Однако после поражения в войне она получила шанс сыграть новую роль. Один из ее лидеров, Гасдрубал по прозвищу Ребенок, возглавлял посольство, подписавшее мир с Римом. Тем не менее аристократы, принадлежавшие к этой партии, так и не смогли вернуть себе доверие народа.

Третья партия, без сомнения, сформировалась на втором этапе войны, вокруг Гасдрубала, сына Гиско. Некоторое время она возглавляла страну в союзе с пробаркидской партией, но в конце концов, во время дипломатических событий, стоивших ее лидеру жизни, была оттеснена от власти.

Конституция не помогла решить проблемы страны. Подобно большинству народов Античности, карфагеняне даже не пытались скоординировать работу институтов, которые появились в разные периоды и выполняли функции различных политических партий. Тот или иной институт временно возвышался над другими только тогда, когда этого требовал ход событий. Народное собрание имело право, которое оно приобрело благодаря Баркидам, проводить голосование по самым значимым событиям в жизни города. Наиболее важными его представителями были суфеты, избираемые собранием ежегодно. Существовали и другие магистраты, не зависящие от Народного собрания напрямую, например чиновник, отвечавший за финансовые вопросы, которого Ливий называл латинским словом «квестор». Старый трибунал Одной Сотни и Четырех по-прежнему существовал. Его членами, как и в римском сенате, становились экс-магистраты – особенно квесторы. Они

заседали в этом трибунале до самой своей смерти. «Они распоряжались собственностью, честью и жизнью людей, – рассказывает нам Ливий, – и тот, кто оскорблял кого-нибудь из них, навлекал на себя гнев всех остальных, поэтому не было недостатка в обвинителях, выступавших перед трибуналом, который был заранее настроен [против обвиняемого]». Чисто политические дела судил теперь народ, как в Афинах. Одна Сотня и Четыре рассматривала дела о взятках и растрате средств, и это давало ее членам способ продвигать одних политиков и избавляться от других.

Таким образом, контроль за расходом денежных средств находился в руках олигархов. Посредником здесь выступал совет тридцати, о котором Марсель Тарнор упоминает в связи с контролем за налогами. Этот совет, вероятно, можно отождествить со Святым советом Ливия. Это не мешало Баркидам распоряжаться ресурсами империи по своему усмотрению, что позволило им проводить независимую политику. Должностные лица при них тратили бюджетные деньги, как им вздумается, и во многих случаях чиновникам удавалось более или менее честным способом направить часть государственных средств в свой собственный карман. Однако при существовавших обстоятельствах Ганнибал решил, что Карфаген больше не может позволить себе терпеть подобные безобразия. Более того, он поставил перед собой задачу завершить демократическую революцию, начатую его отцом: все назначения производились теперь в результате народных выборов, и должности можно было занимать лишь в течение определенного времени.

Эта политика, естественно, не понравилась Риму, но он был занят своими проблемами на Востоке. С 201 по 196 год до н. э. римляне воевали с Филиппом Македонским за контроль над Грецией, а победа под Кинокефалом (197 до н. э.) дала им власть над Балканами. Тем не менее с 222 года Антиох III, по прозвищу Великий, занимался возрождением империи Селевкидов; в 198 году он отвоевал у Египта Кельскую Сирию. За эту территорию оба государства боролись с момента своего основания; Египет не смог ее удержать из-за глубокого упадка, который воцарился после смерти Птолемея III в 221 году.

Это означало, что финикийцы, неожиданно для себя, оказались подданными Селевкидов. Отношения между Карфагеном и его старой метрополией были по-прежнему тесными – несмотря на то что метрополия почти полностью эллинизировалась. Эти отношения можно было легко использовать для заключения союза между Антиохом и Ганнибалом. Все располагало к согласию этих государей: у Антиоха не было причин ненавидеть Рим, но он не мог позволить ему доминировать в Греции. Более

того, Антиох решил овладеть той частью Малой Азии, которой правил царь Пергам, а последний уже находился под покровительством Рима. Другим союзником Рима в греческом мире была республика на острове Родос, и если бы селевкидскому царю удалось, как он собирался, установить свой контроль над проливами, то этой республике грозила бы гибель. И наконец, Ганнибал и Антиох готовы были поддерживать демократические государства, в то время как Рим оказывал помощь олигархическим режимам.

К несчастью для Ганнибала, он сумел подчинить себе Карфаген, когда Рим уже завершил войну с Македонией, но не успел еще начать военных действий против великого царя. Нам неизвестно, что помешало Баркиду стать суфкетом раньше. Вероятно, ему нужно было сначала восстановить единство народной партии и привлечь на свою сторону экстремистов, которые упрекали его в том, что он слишком рано закончил войну с Римом. Писатели Античности оставили нам противоречивые рассказы об этом периоде, и при этом совершенно неправдоподобные. Дион Кассий утверждает, что Ганнибал был отдан под суд, а Корнелий Непот сообщает, что он до 200 года оставался главнокомандующим пунической армией, пока римляне не потребовали его убрать.

Таким образом, в 196 году Ганнибал, вероятно в паре с преданным ему человеком, был избран суфкетом. Вскоре после этого он пригласил к себе государственного казначея и потребовал дать отчет о финансовом положении страны. Этот шаг создал серьезную конституционную проблему. В большинстве городов Античности магистраты работали независимо друг от друга, и их власть ограничивалась рамками их должности. В Карфагене суфкеты в основном занимались правосудием и не имели никаких прав требовать отчета о расходе финансовых средств. Казначей, несомненно, принадлежал к олигархической партии и, скорее всего, не избирался народом, так что он имел все основания считать, что Ганнибал превысил свои полномочия. Баркид же, несомненно, придерживался рациональной и демократической концепции о вещах, которая требовала не обращать внимания на установившиеся формы и практики: если верховная власть принадлежит народу, а суфкет является его законно избранным представителем, то все должностные лица обязаны ему подчиняться. В римской истории имеется несколько примеров аналогичных конфликтов. Самый серьезный произошел через сто лет, когда Тиберий Гракх обнаружил, что политика, за которую он выступал и которую поддерживал народ, не может проводиться из-за постоянного, парализующего всякие действия вето со стороны его коллеги, трибуна

Октавия. Гракха не смутил тот факт, что трибуна нельзя было убрать, и добился от Комитии отставки Октавия.

В деле, которое мы описываем, квестор Карфагена отказался подчиниться. Тогда Ганнибал применил свою полицейскую власть и отдал его под суд Народного собрания, которое в то время обладало верховной властью в вопросах политической юрисдикции и конституционных прав. Ганнибал предложил собранию принять новый закон, по которому судьи – то есть Одна Сотня и Четыре – будут избираться непосредственно народом и при этом только на один год. У нас есть все основания полагать, что подобные меры уже были проведены по отношению к совету старейшин и членам верховного совета. Вряд ли Ганнибал встречал какое-либо противодействие со стороны обоих этих органов, но он, вероятно, не задумываясь, лишил бы их власти, если бы они стали ему мешать. Власть аристократии, таким образом, была ограничена юридическими и финансовыми вопросами, но она понимала, и при этом совершенно справедливо, что благодаря этому держит под своим контролем все жизненно важные посты.

Нет никаких причин поддерживать мнение Гсела о том, что предложение Ганнибала было незаконно, поскольку он не посоветовался с советом старейшин. Во-первых, законы, бывшие в силе во времена Аристотеля, ко II веку до н. э. сильно устарели. Во-вторых, ход событий подтверждает, что законы, обсуждавшиеся в ту пору, с юридической точки зрения вполне оправданны. Ведь Ганнибала осуждали не за то, что он нарушил законы своей страны, а за то, что разорвал договор с Римом.

Получив контроль над финансами, он сразу же организовал широкомасштабное расследование по вопросу о том, на что расходовались денежные средства в предыдущие годы. Дело было в том, что чиновники, отвечавшие за это, представили бюджет с огромным дефицитом и потребовали введения новых налогов. Однако в речи, с которой Ганнибал выступил перед Народным собранием, он утверждал, что республика вполне может обеспечивать себя и нести военные расходы без новых налогов, при условии что смещенные им управленцы возвратят растраченные деньги. По недосмотру властей, некоторые из них спускали государственные деньги, позволяя ненужные расходы; другие назначали себе зарплату и компенсации, на которые не имели никаких прав, или незаконно присваивали себе бюджетные средства. Были расследованы махинации за несколько предыдущих лет; при этом выяснилось, что те, кто их проводил, скорее преувеличили, чем преуменьшили скандальные факты, которые раскрыли. В любом случае в результате этого расследования

большая часть аристократических семей потеряла свое состояние, а к политической революции прибавилась социальная.

Ганнибал был очень похож на Тиберия Гракха в своих планах по улучшению общества и пренебрежении к закону. Ни тот ни другой для достижения своих политических целей не боялись ущемлять интересы своего класса. Ганнибал уже проявил удивительную просвещенность, когда пообещал своим варварским войскам, что после его победы они получат равные с карфагенянами гражданские права. Карфаген, по традиции, имел тесные связи со Спартой, и вполне допустимо предложить, что Ганнибал, ученик Сосилия, уроженца Македонии, мог вдохновляться в своей революционной политике примером Клеомены и Набиса. Последний разогнал коллегию пяти в древней Спарте, а Ганнибал запретил Одну Сотню и Четырех. Цари Спарты тоже притесняли богатых и перераспределяли средства не только в своих собственных городах, но и в захваченных ими странах. В обоих случаях революция происходила не из-за желания улучшить положение бедняков, а из стремления пробудить национальное самосознание.

Противники Ганнибала, впрочем, вовсе не собирались сдаваться и, чтобы избежать разорения, не постеснялись обратиться за помощью к Риму, подобно тому как ахеец Арат попросил македонцев ввести свою армию в Спарту, чтобы предотвратить распространение революционных идей. Ливий сообщает нам о том, что в Рим были посланы письма и посольства из Карфагена, которые заявляли, что Ганнибал собирается отомстить римлянам. Большинство сенаторов восприняли эти известия, которые на самом деле являлись клеветой, с большой радостью. Впрочем, дело Ганнибала получило поддержку в совершенно неожиданном месте: Публий Корнелий Сципион Африканский выступил в курии с заявлением, что его возмущает тот факт, что влиятельные римляне верят наговорам предателей, и потребовал уважать независимость Карфагена, которую гарантировал ему договор с Римом. Сципион твердо и искренне верил, как и его друг Квинтий Фламин, освободитель Греции, в то, что Рим способен управлять сообществом свободных людей. В случае с Ганнибалом, как и в других похожих случаях, мы не можем не понимать, что карфагенец проявил больше великодушия, чем политической мудрости. Всем было хорошо известно, что Ганнибал поддерживает контакты с Антиохом, поэтому сенаторы легко поверили, что он хочет начать новую войну с Римом. Они выбрали трех человек, которые отправились в Африку, чтобы избавиться от Ганнибала. Известно также, что взгляды Сципиона на дипломатию были своеобразными: он от своего имени вел переписку с

царями разных стран, даже с теми, которые на тот момент воевали с Римом! Ему было проще договориться с этими царями, чем со своими соотечественниками, и Ганнибал – в его глазах – тоже принадлежал к этому «клубу героев», которые возвышались над остальными вульгарными людьми.

Римское посольство прибыло в Карфаген в середине 195 года до н. э. Срок пребывания у власти Ганнибала уже завершился^[36], но его партия была столь сильна, что олигархи посоветовали послам держать цель своего приезда в тайне. Поэтому они заявили, что прибыли, чтобы стать арбитрами в одном из бесконечных пограничных споров, которые возникали из-за того, что Масинисса весьма вольно трактовал условия договора. Впрочем, Ганнибала это не обмануло; он опасался, что его тайно убьют, и бежал из города при драматических обстоятельствах, подробнейшим образом описанных Ливием.

Смерть Ганнибала не связана напрямую с историей его родной страны. Он с триумфом был принят в Тире и стал советником Антиоха, но в войне, которая очень быстро показала слабость Селевкидского государства, сыграл весьма незначительную роль. Приезд этого знаменитого, но неудобного союзника, способного создать для Тира большие неприятности, вызвал у министров Антиоха тревогу; многие из них попытались дискредитировать его в глазах царя, и им это удалось. Ганнибалу поручили командовать армией, а потом, правда с большим опозданием, подчинили и флот. Но ему не удалось осуществить высадку на западе, которую он предложил Генеральному штабу Тира. Еще до официального разрыва Антиоха с Римом Ганнибал составил план своего возвращения в Карфаген. В 193 году он послал туда своего секретного агента, по имени Аристо, который был тирийцем. Впрочем, его очень быстро раскрыли, и он вынужден был бежать, чтобы не оказаться под арестом. Эта затея привела к тому, что демократы Карфагена попали под подозрение, а Рим начал подозревать в измене весь Карфаген.

После заключения мира в Апамее, который означал, что Ганнибал уже не может больше рассчитывать на защиту Антиоха, великий полководец провел пять тоскливых лет в ссылке, при дворах тех азиатских царей, которые менее всего зависели от Рима. Прусий, царь Вифинии, был смертельным врагом Эвмена Пергамского, и некоторое время Ганнибал служил ему, пока в конце концов Прусий не согласился выдать его Риму. Ганнибал был осажден в своем замке и принял яд, чтобы избежать пленения и пыток (183 или 182 год до н. э.).

Бегство Ганнибала привело к тому, что его партия лишилась власти. В

193 году, когда в Карфагене появился Аристо, магистраты и большинство старейшин решили сделать все, чтобы не скомпрометировать себя в глазах Рима. Это, однако, вовсе не означает, как полагал Гсел, что конституция снова подверглась изменениям и юридические и финансовые реформы Ганнибала были отменены. Разумеется, их теперь проводили в жизнь не столь энергично, как раньше, и благородным семействам удалось избежать полного разорения. Тем не менее власть Народного собрания, по-видимому, не была ограничена, и через несколько лет суффеты снова стали лидерами демократической партии. Народ Карфагена славился решительным характером, так что вряд ли кто-нибудь осмелился бы предложить им провести реакционные преобразования, за которые им пришлось бы заплатить из собственного кармана. А это означало, как мы еще увидим, что во II веке до н. э. социальные различия в Карфагене несколько сгладились, и это в определенной степени было заслугой реформ Ганнибала.

Угроза со стороны Нумидии

Смерть Антиоха и Ганнибала могла бы спасти Карфаген. Во всем Средиземноморье не осталось ни одного человека или страны, которые способны были бы заставить Рим дрожать от страха и, соответственно, возродить его старого соперника. Время шло, и память о войне угасала. Карфагеняне, у которых появились свои интересы в Италии, называли гуггами – это были хитрые и колоритные торговцы, к которым относились с подозрением и насмешками, но только из-за того, что они одевались весьма необычно, имели экзотические привычки и отличались непомерной жадностью. Даже Плавт, который в начале пьесы заставляет нас смеяться над своим Пенулом, под конец обнаруживает в нем человеческие черты и трогательно описывает его радость, когда он находит свою потерянную дочь. Между аристократами обеих стран завязалась дружба. Сенатор Силан, как нам сообщают, очень хорошо знал карфагенский язык. Впрочем, этим языком вполне прилично владели многие римляне, ибо, в противном случае, они не смогли бы понять юмор Плавта. Гугги привозили в Рим множество заманчивых вещей: не только свою собственную продукцию из Африки, но и свежие финики, которые однажды принес в сенат Катон, а также леопардов, которых показывали во время игр, и еще дорогую мебель, благовония, всевозможные безделушки и засахаренные фрукты из Греции, Сирии и Египта.

Римским чиновникам, однако, постоянно приходилось выступать арбитрами в спорах между Карфагеном и Масиниссой. Следует отметить, что последний имел причины испытывать недовольство по поводу договора 201 года, а также тем, как трактовал его Сципион. Финикийские границы между его царством и Пунической территорией охватывали несколько районов, населенных ливийцами, которые были родственным для нумидийцев народом. Восточная столица Масиниссы, город Зама, стоял всего лишь в 6 милях от границы, а большая часть плодородных и лучше всего орошаемых земель принадлежала соседнему Карфагену. Надеясь заткнуть рот Масиниссе, римляне, скорее всего, внесли в договор, который они предложили ему подписать, особую статью. Эта статья даровала ему право требовать возвращения всех земель, которые когда-то принадлежали его предкам, а теперь находились во владениях Карфагена. Масинисса немедленно занялся составлением генеалогии своей семьи, пытаясь доказать, что он является потомком всех ливийских правителей, которых он

смог вспомнить. Одновременно он совершил несколько набегов на спорные территории, во время которых захватил богатую добычу и заставил местных жителей признать его своим царем.

Эти набеги начались еще до 195 года до н. э., поскольку посольство, приехавшее в тот год в Карфаген, заявляло, что сделало это якобы для того, чтобы уладить пуническо-нумидийский конфликт. Через два года после этого Масинисса захватил Триполитанию и сумел увезти с собой всю дань, которую местные жители собрали для Карфагена. А ведь один лишь город Лепсис платил один талант в день! (Это примерно 250 фунтов стерлингов) [37]. Это дело было передано на рассмотрение римского царя. У Карфагена была очень сильная позиция: не только Сципион настаивал на том, что Сиртика должна быть возвращена Карфагену, но и сам Масинисса, после заключения мира, обратился к Карфагену с просьбой разрешить его людям пройти через территорию Сиртики и схватить мятежного подданного по имени Афтир, который бежал в Киренаику. Ливий сохранил для нас речь нумидийских делегатов, которую стоит процитировать: «Они заявили, что карфагеняне обманывают их, говоря о границах, установленных Сципионом. Если вообще задуматься о правах коренного населения, то скажите, какая часть африканской территории принадлежала карфагенянам? Они были беженцами, которым было дано временное разрешение занять небольшой участок земли, на котором можно было построить город. А он не превышал площади, занимаемой бычьей шкурой: все, что находится за пределами жилых кварталов в Бирсе, было приобретено ими жестокими и несправедливыми средствами».

Точно такие же аргументы используются сейчас при рассмотрении международных конфликтов. Ответ сената тоже выглядит вполне современным: была назначена комиссия под председательством Сципиона Африканского. А комиссия пришла к выводу, что с окончательным решением надо подождать! Права карфагенян были неоспоримы, но совсем недавно римляне поймали шпиона Ганнибала по имени Аристо, и это произвело на римлян неприятное впечатление. Скоро должна была начаться война с Антиохом – Риму следовало сохранять дружбу с Масиниссой, а на соотечественников Ганнибала люди смотрели с подозрением.

Историки того времени пишут, что в течение последующих 30 лет Масинисса несколько раз вторгался в пунические пределы, а в Рим из Карфагена постоянно поступали жалобы. И всякий раз, когда сенат принимал решение, оно, по-видимому, было в пользу Карфагена. И за весь этот период Карфаген не потерял обширных территорий. Масинисса тем не менее надеялся, что ему удастся когда-нибудь раз и навсегда решить этот

спор в свою пользу. В Карфагене появилась партия, которая требовала объединения всех африканских территорий вокруг Нумидии. Ее столицей должен стать Карфаген, не потеряв при этом ни своей автономии, ни самобытности. Члены этой партии, которую возглавлял Ганнибал по прозвищу Скворец, не имели недостатка в аргументах. Города, которые создавал и развивал в своем царстве Масинисса, были финикийскими по своей сути. В Цирте, например, все большую популярность в тофете Эль-Хофра приобретал культ Баал Хаммона и Танит, введенный здесь, вероятно, во время краткого правления Софонисбы. В Нумидийское царство переселилось множество карфагенян: это были купцы, художники и буржуа всех типов. Царь Масинисса, не собираясь отказываться от семейных уз, которые связывали его с Баркидами, не стесняясь, чеканил на своих монетах не только боевого коня – старый символ «пунического Марса», – но и слона, которого изображал на своем гербе Ганнибал.

Как отмечал Кампе, нумидийскому царю «не удалось создать в своих городах настоящую нумидийскую цивилизацию; наоборот, он предпочел широко распространить пунические религиозные культы, обычаи, язык и письмо, с которыми познакомился еще в юности», когда воспитывался в Карфагене. Естественно, этот процесс сильно ускорился бы, если бы Карфаген решил стать частью Нумидийского царства. Тогда, возможно, нумидийский царь сумел бы отказаться от подозрительного отношения к своим финикийским подданным и позволил бы им занимать политические и военные посты, которые до этого разрешено было занимать лишь ливийцам, а финикийцы должны были довольствоваться техническими или религиозными должностями. Карфагеняне помогли бы ему уменьшить влияние других иностранцев – итальянцев и греков.

Масинисса, по-видимому, с одобрением отнесся к этому плану. Он позволил одной из своих дочерей выйти замуж за карфагенского аристократа. Сын, родившийся в этой семье, был наречен Гасдрубалом и в 149 году до н. э. стал генералом. Поэтому его родители поженились до 170 года, скорее всего, около 180 года. Уже тогда Масинисса должен был понимать, что Рим в конце концов положит конец его захватам карфагенской территории, и он должен завязывать новые политические связи. Стремясь к этому, он установил контакты с ведущими греческими государствами. Роль преданного слуги римского сената стала ему надоедать.

Культура Карфагена во II веке до н. э

Когда сенат повелел Сципиону Эмилиану стереть Карфаген с лица земли, тот выполнил этот приказ буквально. Руины, оставшиеся после 17-дневного пожара, сровняли с землей, а их место было вспахано и засыпано солью. Та же участь постигла и другие города, которые оказали сопротивление римской армии. Тем не менее полностью уничтожить все следы города Сципиону не удалось. И если от предков Ганнибала до нас дошли только гробницы и погребенные в них предметы, то от последних защитников города сохранились останки их домов.

Самые важные находки были сделаны на южных склонах холма Бирса. Легионеры Сципиона уничтожили сооружения, стоявшие на вершине плато, и дома, располагавшиеся на склонах, оказались погребенными под их обломками. Позже, когда жители римской колонии решили расширить площадь для застройки на вершине холма, весь район жилых кварталов был засыпан слоем мусора и земли толщиной от девяти до двенадцати футов (2,7–3,6 м). В центре города земля была очень дорогой, поэтому ее старались использовать по максимуму. Улицы были очень узкими, а размеры домов – ограничены. Ни о каких внутренних двориках, куда поступали бы солнечный свет и тепло, не могло быть и речи – все это шло только с улицы. Комнаты были квадратными или прямоугольными и располагались как придется, безо всяких архитектурных изысков. Впрочем, определенная роскошь внутренней отделки говорит о том, что эти дома принадлежали состоятельным людям. Потолки поддерживали ионические колонны, украшенные лепниной; стены были сложены из саманного кирпича или небольших камней, скрепленных известковым раствором. Эти стены имели систему вертикальных скреп, которые тоже были украшены лепниной из искусственного мрамора, в соответствии с греческой модой. Вода поступала из многочисленных цистерн; в городе существовала сложная дренажная система. Многочисленные обломки амфор, привезенные с Родоса, которые были обнаружены при раскопках, свидетельствуют о том, что современники Ганнибала любили вино и готовы были тратить на него деньги. Полибий сообщает нам, что Гасдрубал, последний защитник Карфагена, любил хорошо поесть и выпить. И конечно же не только он! Карфагеняне тратили много денег на мебель, и пунические краснодеревщики славились повсюду. До нас дошло несколько фрагментов их работы. К примеру, небольшая головка из

слоновой кости, найденная в Саумане среди пепла от пожара 146 года до н. э., украшала какой-то предмет дорогой мебели. Троны богов, изготовленные из терракоты и украшенные в александрийском стиле фигурками богини Победы, были обнаружены доктором Картоном в часовне в Саламбо; они, несомненно, воспроизводят стулья, которыми пользовались повсеместно.

Часовня в Саламбо располагалась под станцией электрической железной дороги, менее чем в 300 ярдах западнее тофета. Из всех сооружений того периода, найденных археологами, это здание сохранилось лучше всего. Прямоугольная часовня была построена из саманного кирпича и имела два помещения, в одном из которых находилось святилище. Первоначально в нем имелся прямоугольный постамент, украшенный лепниной, который располагался напротив двери, у задней стены. Его обрамляли четыре небольшие дорические колонны, соединенные с этой стеной маленькими перпендикулярными перегородками. Позже к стене были пристроены скамьи, и древние декорации стали не видны. Пол был покрыт розовым цементом с вкраплениями кусочков белого мрамора. Постамент и скамьи предназначались для погребальных предметов и терракотовых фигурок. Здесь были найдены статуэтки двух богинь, сидящих на богато украшенных тронах; одна из них попирает ногами лежащего льва; рядом с ней стоят двое слуг. Верхняя часть трона другой богини украшена изображениями богинь Победы. Одной из них, вероятно, является Танит. Баал Хаммона олицетворяет голова, которую венчает трехэтажный головной убор, украшенный перьями. Деметру представляют несколько бюстов, которые использовались как курильницы для благовоний. Два торса в латных нагрудниках, вероятно, олицетворяли бога войны. Здесь имелись также изображения масок горгоны Медузы. Большую часть этих предметов и фрагментов архитектурного убранства можно было бы найти в любом районе Средиземноморья. Однако следует отметить, что с годами все больше усиливался воинственный характер божеств – об этом свидетельствует богиня, сидящая между двумя фигурами богинь Победы, а также изображение бога в латном нагруднике. Это объясняется тем патриотическим подъемом, который испытывали последние жители Карфагена, а также свидетельствует о сильном влиянии эллинистического культа богов Победы, который был введен в Карфагене Баркидами.

Другое, очень похожее святилище, которое могло прилегать к пригородной вилле, было найдено севернее Карфагена, в районе, называемом сейчас Амилькар. Среди прочих вещей в нем был обнаружен

терракотовый фриз, на котором изображены члены Дионисова братства. Это еще одно свидетельство влияния эллинистической культуры на местную религию.

Самые поздние стелы в тофете весьма многочисленны, но располагаются в беспорядке, поскольку их использовали римляне, создавшие на месте Карфагена свою колонию. Эти памятники в большинстве своем отличаются невысоким качеством работы. На многих довольно грубо высечено изображение овцы – скорее всего, той, что была принесена в жертву вместо ребенка. Хаос, царящий в верхних уровнях тофета, не позволяет нам определить, какова была доля подобных жертвоприношений.

Гробницы из некрополя Одеон, датируемые описываемым периодом, тоже содержат очень грубые стелы.

Небольшой городок Дар-эс-Саф на Кап-Бон был, вероятно, разрушен Регулом и больше уже не возродился, тем не менее его остатки помогают нам представить, как выглядели такие городки в последний период пунической истории. Дома здесь были гораздо комфортабельней, чем в Бирсе. Все они имели большой круглый внутренний дворик, в одном из которых сохранился портик в греческом стиле. Все они имели ваннные комнаты, оборудованные в соответствии с последними идеями о комфорте и отдыхе. Тем не менее последний жилой слой демонстрирует значительное снижение жизненного уровня горожан^[38].

Нет никаких сомнений в том, что во II веке до н. э. карфагеняне были гораздо беднее, чем в III. Монеты того времени не отличаются высоким качеством. Тем не менее Полибий считал, что перед самой гибелью Карфаген был богатейшим городом в мире. У него были огромные запасы капитала, который не был реализован. Это подтверждают произведения искусства и погребальные предметы, сохранившиеся в тофетах. Та необыкновенная быстрота, с которой он возродился после войны, говорит о том, что Карфаген был очень богат. По-видимому, его жители, как и большинство их соотечественников в Греции и даже в Италии, в отличие от своих предков, не горели желанием отдавать свои сокровища богам умерших. Новые формы религии, менее требовательные и более личные, а также менее суровый образ жизни постепенно заменили старые обычаи и старую веру, как и повсюду. Тем не менее патриотизм карфагенян был еще очень высок, как и их необыкновенная стойкость, благодаря которой они выжили в суровых условиях и чуть было не создали мировую империю. И карфагеняне вскоре доказали, что остались верны этим добродетелям, предпочтя массовое самоубийство подчинению захватчикам и упадку.

Гибель Карфагена

Мы, наверное, так никогда и не узнаем, почему Рим терпел существование Карфагена целых 50 лет, а потом неожиданно начал несправедливую, жестокую и, более того, тяжелую войну на уничтожение города, который больше уже не представлял для него никакой опасности. Гсел высказал предположение, что Масинисса был уже недалек от осуществления своих планов, и Рим не хотел смириться с тем, что в Африке появится новое мощное объединенное царство. Эта гипотеза в свое время безо всякого обсуждения была принята всеми историками, в том числе и автором этой книги. Только один человек – Б.Х. Уормингтон – высказался в 1960 году против нее. Автор данной книги теперь считает, что Уормингтон был прав, хотя и не смог объяснить тогда, почему Рим так неожиданно изменил свою политику. Этот историк считал разрушение Карфагена преступлением, совершенным безо всяких причин.

Гсел основывал свою интерпретацию событий на тексте речи, которую, по словам Аппиана и Диодора Сикула, произнес друг Сципиона Африканского – вероятно, Цецилий Метелл – во время дискуссий, происходивших перед подписанием договора 201 года до н. э. Однако, как утверждает Уормингтон, для того чтобы Карфаген не попал в руки Масиниссы, вовсе не надо было его уничтожать. Нумидийская партия Ганнибала Скворца была создана, вероятно, приблизительно около 170 года, то есть в те времена, когда пуническо-нумидийские отношения немного улучшились. Эта «центристская» партия состояла из умеренных аристократов, находившихся между ультраконсерваторами Ганнона III Великого и демократами. До 155 года она, по-видимому, была очень популярна. Но в 155 году до н. э. эта партия стала жертвой яростного взрыва народного гнева, и ее лидеров отправили в ссылку. Вскоре после этого Карфаген объявил войну Масиниссе. Именно в этот момент, когда пуническо-нумидийские отношения резко ухудшились, Рим и решил вмешаться, чтобы противодействовать захвату, хотя, когда у власти находился Ганнибал Скворец, он этого не сделал, находясь с Карфагеном в хороших отношениях. Гсел, без сомнения, считал, что разгром карфагенской армии нумидийцами привел к тому, что к власти вернулись друзья Масиниссы. На самом деле демократы оставались у власти, пока не стало ясно, что Рим готовится к войне. Только тогда управление страной было поручено настоящим союзникам Рима, то есть олигархам Ганнона, и

они руководили ею до смены политики после ультиматума консула. В 150 году Масиниссе было уже 88 лет. Если бы он и стал правителем Карфагена, у него все равно не было бы времени на то, чтобы организовать какое-нибудь предприятие, которое создало бы угрозу для Рима. Можно было легко себе представить, что решение вопроса о престолонаследии будет крайне сложным, поскольку у него было три законных наследника и бесчисленное множество побочных сыновей. Поэтому пестрое по национальному составу царство вряд ли сумело бы пережить его самого. Шансов на это стало бы еще меньше, если бы ему удалось в последний момент присоединить Карфаген, ибо этот город сразу бы вернул себе независимость, при правлении того или иного царевича. Поэтому «неминуемая опасность», которая, как думают, заставила Рим начать войну, была чисто гипотетической и совершенно надуманной.

Следует добавить, что меры, которые предпринял Рим для того, чтобы устранить угрозу, могли только усилить ее. После длительной отсрочки решение сената было бы сообщено консулом совету тридцати. Карфагеняне получили бы приказ покинуть свой город и переселиться в глубь материка. Это был самый лучший способ заставить людей, лишенных всяких средств к существованию, явиться к царю Нумидии и предложить ему свои услуги – ибо только он мог найти для них занятие. И тогда Масинисса или его преемники оказались бы окруженными массой финикийских эмигрантов, ненавидевших Рим и готовых на все, чтобы вернуть себе потерянные земли.

Поэтому мы должны отказаться от мысли о том, что «Рим поспешил наказать Карфаген за нападение на Масиниссу еще до того, как Масинисса стал его господином и смог его защитить» (С. Гсел). Можем ли мы после этого отказаться от всякой надежды найти причину столь внезапного гнева Рима на своего бессильного врага? Катон обладал тяжелым характером и не отличался широтой взглядов, но ни глупцом, ни легковозбудимым человеком его не назовешь. Он не мог начать тяжелую войну по чисто эмоциональным причинам.

Как мы уже несколько раз видели, трудности, которые возникали в понимании пунической истории, часто исчезают, если рассматривать их не в изоляции, а на фоне событий во всем Средиземноморском регионе. Все хроники отмечают, что в 146 году до н. э. произошли два крупных события: Сципион Эмилиан уничтожил Карфаген, а Муммий – Коринф. Тем не менее в третьем томе истории Гсела о гибели Коринфа не упоминается вовсе.

Причины разрушения Коринфа лежат на поверхности. Афинская

конфедерация была главным оплотом греческого консерватизма, и со времен 2-й Македонской войны являлась верной союзницей Рима. Но в 150 году до н. э. ее политика неожиданно изменилась, причем самым коренным образом. Стратеги Диаей и Критолай начали проводить националистическую политику, систематически освобождая рабов и конфискуя собственность богатых. Они надеялись главным образом на Коринф, который снова стал крупным коммерческим и промышленным центром, где проживало много рабочих с крайне передовыми идеями. Как совершенно правильно отмечал Пиганиол, сенат, после своей победы, приказал стереть Коринф с лица земли, чтобы напугать революционеров.

Развитие Ахеи и Карфагена в эти критические годы шло параллельными путями. Примерно в 155 году до н. э. народная партия Карфагена изгнала из города друзей Масиниссы, а Карфало, один из лидеров демократов, напал на его царство. Аппиан, оставивший нам описание этих событий, утверждал, что Карфало хотел поднять в Ливии восстание фермеров против нумидийцев. Это крайне важная информация, поскольку она свидетельствует о том, что в государстве Масиниссы не все было так хорошо, как нам кажется. Мы знаем, что Масиниссе постоянно приходилось подавлять небольшие восстания: сначала мятеж Афтира, потом – Агасиса и Соубаса, который в 150 году бежал в Карфаген. Эти мятежники, по-видимому, были племенными сайдами, которые никак не хотели смириться с усилением власти царя. Полибий сообщает нам, что Масинисса завел в своем царстве сельское хозяйство, поэтому его можно считать защитником оседлых людей от кочевников. Кемн продемонстрировал, что главной заботой Масиниссы было приобретение личной монополии на все предприятия в стране; он велел, чтобы все собранное зерно свозилось в его собственные житницы, откуда он экспортировал его для своей собственной выгоды. Крестьян, должно быть, нещадно эксплуатировали, но Карфало не смог бы поднять их на мятеж, если бы не пообещал им улучшить их положение в случае их присоединения к Карфагену. Но для этого демократическая партия должна была сначала принять закон, по которому условия жизни крестьян, живших на пунической земле, подверглись бы значительному улучшению.

Нападение Карфало было остановлено прибытием римского посольства. Удивительно, что римляне тогда не придали значения тому, что, напав на Масиниссу, карфагеняне нарушают договор 201 года до н. э., о чем они вспомнили позже. Масинисса отомстил Карфагену тем, что потребовал отдать ему огромный кусок пунической территории – три района из семи или восьми, входивших во владения Карфагена. Это были (с севера на юг):

Великие равнины Средней Меджерды с Вагой (Беджей); район Фуске в стране Мактар с ее 50 городами и, наконец, Триполитания. И снова римское посольство взяло на себя роль арбитра в ссоре и снова не смогло ее разрешить. Впрочем, одним из членов этой миссии был престарелый Катон. То, что он увидел в Карфагене, его очень встревожило. И с тех пор он не уставал повторять – на заседаниях сената или там, где обсуждался этот вопрос, – свое знаменитое изречение: «Карфаген должен быть разрушен», несмотря на все протесты человека, возглавлявшего в ту пору клан Сципионов, Насики.

До этого времени Катон не был особенно фанатичным в своих антипунических взглядах. Должно быть, он увидел в Африке то, что заставило его занять радикальную и непримиримую позицию. Что же это было? Он восхищался плодородием местных почв, но это не было для него откровением, ведь он учился у знатока сельского хозяйства, Магона, и лучше других знал, как карфагеняне умеют добиваться высоких урожаев. Нет никаких причин думать, что страх конкуренции со стороны умелых карфагенских фермеров заставил вдруг Катона поменять свои прежние взгляды на экстремистские. Аналогичным образом, нет причин и считать, что его беспокоил тот вред, который гугги могли нанести итальянской торговле.

Неудача Карфало никак не повлияла на популярность народной партии. Наоборот, в 152 году до н. э. собрание избрало суфжетом демократа, который придерживался особенно радикальных взглядов. Это был Гиско, сын Гамилькара. Сторонники Масиниссы, числом около сорока, были приговорены к ссылке. Тем не менее Гиско не удовлетворился наказанием нумидийцев. Его речи породили в народе гнев против самого Рима. Другие трибуны, вроде Гамилькара Самнита и Гасдрубала, проводили ту же политику. Эти люди добились того, что народ проголосовал за перевооружение; военные арсеналы и военно-морские силы лихорадочно пополнялись. Говорили, что Аркобарзане, один из внуков Сифакса, собирает на пунических территориях огромную армию, которая должна была помочь ему вернуть земли своих предков.

Даже если сбросить со счетов все преувеличения римской пропаганды, все равно не останется сомнений в том, что Катон и его коллеги увидели, что Карфаген бурлит. В нем часто устраивались собрания, на которых Рим осыпал бранью. Аристократы – сторонники Ганнона – не скрывали своей тревоги: на самой северной оконечности Африки, неподалеку от Сицилии и Южной Италии, формировался смертельно опасный революционный центр.

Нет ничего удивительного в том, что известия об этом вызвали у большинства сенаторов тревогу. В середине II века до н. э. революционное движение распространилось по всему Средиземноморью. В Малой Азии последние цари Пергама Аттал II и Аттал III пришли к выводу, что установившийся социальный порядок можно сохранить, только подчинившись Риму. Восстание началось в 133 году до н. э.; его возглавил Аристоник. В Египте и Сирии эллинизм пал под ударами местных революций. В Македонии Андриск в 152 году объявил себя защитником независимости и прав пролетариата. Об ахейском кризисе мы уже упоминали. Не удалось избежать потрясений и Западу – уже в 198 году городской претор раскрыл в Сетии заговор рабов. Необходимо отметить, что заговорщиками были карфагеняне, слуги пунических заложников, интернированных в латинской колонии. К ним присоединились их соотечественники, купленные в качестве рабов. Это были захваченные в плен воины Ганнибаловой армии, которых отправили работать на поля. Вполне возможно, что именно этот инцидент и заставил Рим избавиться от Ганнибала. Другое восстание рабов вспыхнуло в Этрурии в 196 году, и в Апулии – в 185-м. Вполне возможно, что репрессии против вакхического культа, завершившиеся в 186 году знаменитым решением сената о вакханалиях, могли быть вызваны в значительной степени социальными причинами, а не только стремлением сохранить чистоту религии. На Сицилии скопилось огромное количество рабов, и ситуация здесь тоже становилась взрывоопасной.

Аристократы Рима, к своему ужасу, обнаружили, что, сломав установившийся в мире политический и социальный порядок и проводя политику безжалостного подавления бедных богатыми, которые служили агентами Рима и собирали для него налоги, они высвободили огромные и трудно контролируемые силы, грозившие погрузить все страны в хаос. И хотя в мире не было государства, способного сокрушить Рим, аристократы понимали, что он должен быть в любой момент готовым везде и повсюду совершенно неожиданно столкнуться с восстанием своих врагов. И пусть они будут плохо вооружены, но их будет великое множество, и сражаться они будут отчаянно.

Если принять во внимание все эти факты, то мы не станем обвинять Катона в том, что он преувеличивал угрозу со стороны Карфагена. Карфаген был единственным большим городом в Западном Средиземноморье, который не попал под контроль Рима. Его население состояло из тех слоев, которые всегда были подвержены мятежным настроениям. Более того, Карфаген не мог простить Риму всех страданий и

унижений, которые вынес по его вине. Его культурная и религиозная история, хотя и пыталась смягчить наиболее оригинальные аспекты финикийской культуры, способствовали тому, что Карфаген вступал в тесный контакт с другими народами, помогая обмениваться разрушительными идеями и проектами.

Перед тем как уничтожить Карфаген, римское правительство решило дать его жителям последний шанс на спасение. Им было предложено покинуть город и поселиться там, где они пожелают, но не ближе 80 стадиев (примерно $8\frac{3}{4}$ мили) от моря. Консул Ценсорин, сообщая об этом совету тридцати, согласно Аппиану, произнес речь, где посоветовал им с благодарностью принять это предложение. На первый взгляд эта речь состоит из общих фраз. Тем не менее она довольно точно воспроизводит слова консула. Цицерон известил нас о том, что Ценсорин был поклонником платонизма. Поэтому в своей речи он кратко изложил знаменитую теорию, развитую Платоном в «Законах», которую специально адаптировал для этого случая: «Близость страны к морю делает повседневную жизнь приятной, но это вредно и отвратительно; город из-за этого становится подозрительным и недружелюбным по отношению к самому себе и по отношению к другим людям, поскольку в нем расширяется торговля и подвоз товаров, а в душу внедряются неустойчивые и ненадежные привычки».

Доктрина Платона была отвергнута Аристотелем; но она оказала огромное влияние на римскую аристократию, которая унаследовала от своих предков крестьянскую мораль. Довольно большое число сенаторов, должно быть, искренно верило в собственные аргументы и в то, что, заставляя карфагенян навсегда «вернуться на землю», они помогают им возвысить свои души и, одновременно, превратить их в безобидные для Рима существа.

Полибий сообщает нам, что большинство сенаторов, мнение которых он разделял, искренне верило, что Карфаген уже миновал стадию политического могущества, пережитую им в IV веке до н. э., и теперь постепенно деградирует. Причиной этой деградации является присутствие в городе купцов, моряков и ремесленников, которые во всех странах поддерживают самую крайнюю форму демократии – охлократию, горячо осуждаемую всеми без исключения философами. Это и стало причиной столь странного решения сената. Только вряд ли стоит думать, что оно заставило Карфаген решиться на войну – просто от отчаяния. Наоборот, оно, по замыслу сената, должно было помочь ему интегрироваться в тот

порядок вещей, который установило Провидение и те мудрые законы, которые призван был распространить на весь мир Рим.

Успокоив тем самым свою совесть, римляне принялись выполнять свой план с привычным им отсутствием гибкости и привычной решительностью.

Теперь нам надо вернуться в 150 год до н. э., когда, как мы уже видели, в Карфагене правила народная партия, которая конфликтовала с Масиниссой. Царь сначала прислал туда своих сыновей Миципсу и Гулуссу с требованием отпустить на родину своих сторонников. Но сделать это не удалось, и на обратном пути Гулуссу атаковал один из карфагенских генералов, Гамилькар Самнит. Разразилась война; основная борьба шла за город Ороскопа, хотя нам неизвестно, где он располагался. После первой битвы, не принесшей победы ни одной из сторон, пуническая армия, которой руководил Гасдрубал, преемник Карфало, была окружена и в конце концов была вынуждена капитулировать из-за голода. Некоторое число воинов, после того как они сложили оружие, было убито. Масинисса сохранил контроль над Великими равнинами, Фуской и Триполитанией.

После этого в Карфаген пришло известие о том, что Рим мобилизует свои войска. Город охватило возмущение. Со своей обычной непоследовательностью карфагеняне набросились на лидеров, считая, что в этом виноваты именно они. Гасдрубала, Карфало и других руководителей демократической партии приговорили к смерти, хотя Гасдрубалу удалось бежать. Власть снова перешла к друзьям Ганнона Великого; они поторопились отправить в Рим посольство с просьбой простить и помиловать Карфаген.

После этого наступил ужасный период неизвестности. Сенат давал послам уклончивые, тревожащие ответы, а в римскую армию набирали все новых и новых солдат. Люди Утики давно уже завидовали Карфагену и дали знать в Рим, что находятся на их стороне. Благодаря этому весной 149 года консулы Маний Манилий и Луций Марций Ценсорин смогли безо всяких проблем высадиться в Африке. А тем временем в Рим явилась еще одна пуническая делегация, которая отказалась от своих прежних обещаний, и Карфаген оказался в руках Рима безо всякой надежды на спасение. Претор заявил этой делегации, что Карфаген сохранит свою независимость только в том случае, если он выдаст Риму заложников и будет соблюдать секретные инструкции консулов, о которых ему сообщат, когда придет нужное время. Некоторые делегаты с растущей тревогой отметили про себя, что претор ни разу не произнес слово «Карфаген». И вправду, Манилий вскоре сообщил совету тридцати, что сенат решил

уничтожить город, и предложил карфагенянам найти себе другое место жительства в глубине материка.

Это заявление пробудило в карфагенянах патриотические чувства. Все сторонники Рима, которым не удалось спастись от народного гнева, были убиты, включая живших в Карфагене итальянцев. В попытке объединиться собрание избрало генералами Гасдрубала, бывшего лидера демократов, приговоренного к смерти совсем недавно, и его тезку, внука Масиниссы. Второго, правда, вскоре обвинили в измене и в ходе вспыхнувших волнений казнили. Все ремесленники города работали день и ночь, изготавливая новое оружие взамен того, что совсем недавно было передано римлянам. Было сделано все, чтобы помочь им, и вскоре ежедневно изготавливалось 100 щитов, 500 дротиков и копий, 1000 метательных снарядов для катапульта и несколько самих катапульти, число которых в разные дни было разным. Консулы могли положить конец этим приготовлениям, оккупировав город, но они надеялись на добровольную капитуляцию. Когда же наконец римляне решились на штурм, легионеры были отброшены.

Поэтому Манилию пришлось приступить к регулярной осаде. Он расположил свой лагерь на перешейке, у передовых укреплений, которые были обнаружены в 1949 году генералом Дувалом. Здесь был вырыт ров глубиной более 18 метров, позади которого соорудили деревянный палисад. Все эти сооружения пересекали полуостров в самом узком его месте, примерно в 2,5 мили к западу от Бирсы. Ценсорин устроил свой лагерь на участке земли, отделявшем озеро от моря, на берегу лагуны. Впрочем, это место оказалось нездоровым, и он перенес лагерь на пляж со стороны Хереддина.

Римляне сначала думали, что их ждет небольшая прогулка, но теперь они поняли, что им предстоит тяжелая война.

Многие финикийские города, большей частью расположенные в Бизациуме, среди них и Гадрументум, последовали примеру Утики. Но равнинные районы и города, основанные Карфагеном, остались ему верны: ливийские крестьяне поддерживали реформы Карфало и понимали, что перемена хозяев к добру не приведет. Демократ Гасдрубал расположил свою армию на высотах, соединявших Кап-Бон с массивом Зажуан, лишив Бизациум связи с римлянами. Пытаясь отбросить его с этих высот, Манилий подвергся неожиданной атаке в долине Хангет-эль-Хеджай и сумел избежать гибели только благодаря умению и храбрости одного из молодых военных трибунов, которого звали Сципион Эмилиан.

Этот юноша был сыном Эмилия Павла, завоевателя Македонии, и

приемным внуком Сципиона Африканского. Его престиж вырос еще больше после того, как Масинисса, умерший в возрасте девяноста лет, завещал Сципиону Эмилиану решить сложную проблему престолонаследия по своему разумению. Сципион разделил царство между тремя законными сыновьями Масиниссы – Миципсой, Гулуссой и Мастанабалом. Гулусса был назначен генералом и явился в лагерь римлян. Этим шагом он обязал ливийских подданных Карфагена перейти на сторону захватчиков; Фамайя, командир пунической кавалерии, сам стал изменником, вместе с большим числом своих бойцов.

А тем временем под Карфаген явились консулы, избранные на 148 год, чтобы сменить своих предшественников. Это были Луций Калпурний Пизон и Луций Гостилий Манцин; но вскоре выяснилось, что они ничуть не лучше прежних. Они не хотели брать Карфаген штурмом, решив, что сначала надо захватить те города, которые остались ему верны. Однако Бизерта и Аспис (который тогда уже начали называть римским именем Клупея), среди прочих, наголову разгромили римские войска. Тем не менее, когда срок консульства Манцина подходил к концу, он решил, что сможет одним ударом положить конец войне. Высокие утесы Сиди-Боу-Саида (Мегары) круто обрывались в море и были поэтому плохо защищены и небрежно охраняемы. С горсткой людей консул сумел на них подняться, однако подвергся мощной контратаке и снова был спасен неожиданным, но очень своевременным прибытием Сципиона Эмилиана.

Впереди него шли ликторы с фасциями; Комитии надоели бездарные генералы, и она решила избрать консулом Сципиона в нарушение всех правил и установок. Сципион прибыл в Утику в ответ на отчаянные призывы Манцина о помощи. Вскоре он атаковал Мегару (на этот раз, вероятно, со стороны Л а-Марсы) и сумел на некоторое время овладеть ею. Но, увидев, что штурмовать отсюда Карфаген будет очень трудно, он вскоре ее оставил.

В самом Карфагене власть находилась теперь в руках ярых сторонников демократии во главе с Гасдрубалом. Ему удалось избавиться от своего тезки – внука Масиниссы, который, по его приказу, был убит прямо на собрании совета. Гасдрубал пришел в ярость, узнав о нападении Сципиона, и, чтобы исключить любую возможность компромисса, велел казнить на городских стенах римских пленников. Всех, кого подозревали в слабости или пораженческих настроениях, безжалостно устранили.

А тем временем Сципион методически готовился к захвату города. Он начал с того, что полностью перекрыл перешеек, построив там обширный, обнесенный рвами лагерь. После этого он приступил к постройке дамбы,

которая должна была перегородить вход в гавань, чтобы суда, прорывавшиеся сквозь блокаду, не могли в нее войти, даже при попутном ветре. Тогда осажденные построили другой канал, соединивший их военную гавань непосредственно с морем. Они выслали туда импровизированную военную флотилию, которая сильно потрепала римские суда. Тем не менее Сципиону удалось захватить обширное плато Саламбо, которое располагалось прямо у входа в гавань. Борьба за овладение этим плато продолжалась несколько месяцев. 147 год закончился, не принеся римлянам особых успехов. Зимой Гасдрубал попытался начать переговоры через посредничество Гулуссы. А тем временем Сципиону удалось уничтожить пуническую армию в районе Хангета и полностью подчинить себе ливийских крестьян, многие из которых до сих пор сохраняли верность Карфагену, несмотря на карательные экспедиции кавалерии Гулуссы.

Весной 146 года Сципион собрал все свои силы, собираясь начать штурм Карфагена. Но, прежде чем дать сигнал к выступлению, он торжественно произнес магические заклинания, которые должны были заставить богов, защищавших город, покинуть его и высвободить силы зла, чтобы они накинулись на Карфаген. Карфагеняне тоже обратились за помощью к богам, но они уже больше не приносили им в жертву своих детей, как во времена Агафокла. Богинями, которых они просили о помощи, были все те же Деметра и Кора, привезенные ими из Сиракуз два с половиной века назад. Гончары в керамических мастерских Дермеха работали не покладая рук, чтобы приготовить необходимое число священных сосудов, которые должны были нести во время процессии посвященные. В начале этого века Гоклер обнаружил их совершенно нетронутыми; они стояли в печах, ожидая обжига.

И вот наступило утро (точной даты мы не знаем), когда римляне покинули свои фортификации со стороны доков и начали штурм стен военной гавани. Карфагеняне ослабели от голода и недосыпания и едва могли сопротивляться. Легионеры прошли из гавани к располагавшейся неподалеку агоре, по пути ограбив храм Аполлона (они унесли его золотой шатер). После этого они атаковали Бирсу, продвигаясь по ее узким улочкам, по обеим сторонам которых высились шестиэтажные дома. Эти дома, прежде чем разрушить, надо было сжечь. Цитадель продержалась еще шесть дней, и Сципион даровал жизнь тем 50 тысячам человек, которые нашли в ней убежище. Они закончили свою жизнь в качестве рабов. В Карфагене находилось также 900 дезертиров из римской армии, которые знали, что пощады им не будет. Чтобы избежать распятия, они

забаррикадировались в храме Эшмуна, который стоял на холме к северу от Бирсы, на склонах, где позже был обнаружен римский театр. Они подожгли храм и сгорели вместе с ним. Жена Гасдрубала с двумя сыновьями решила последовать их примеру, а сам Гасдрубал бросился к ногам Сципиона, умоляя о пощаде. Жена Гасдрубала осыпала его проклятиями за трусость, а потом бросила в огонь сыновей и последовала за ними сама.

Так закончилась жизнь Карфагена. Эта трагедия вызывает смешанные чувства – жалость и ужас. Но по воле судьбы за ней лично наблюдал самый образованный человек того времени, который записал все, что видел, для будущих поколений. Это был Полибий из Мегалополиса, присоединившийся к Сципиону, когда тот был назначен консулом. К сожалению, его книга XXXVIII, в которой рассказывается об осаде, почти полностью утрачена. Впрочем, ее довольно точно пересказал Аппиан во II веке н. э., и даже его риторика не смогла испортить этот рассказ! Поэтому разрушение Карфагена – одно из тех событий истории, о которых мы знаем очень много – и не только о том, что касалось материальных вещей, но и о психологии его участников. Полибий был учителем Сципиона и остался его другом; он замечал и понимал самые тайные движения души полководца. Увидев страдания своего врага, Сципион предался романтической скорби, и это внесло нотку человечности в последний акт ужасной трагедии. Вместе с тем Гасдрубал не вызывает у историка никакой симпатии. По мнению Полибия, он относился к числу тех тиранов и демагогов, которых он искренне презирал. Полибий сумел с безжалостной точностью выразить то опьянение боем, которое охватило римлян во время уличных сражений; его отстраненное описание трогает гораздо больше, чем красноречие оратора, когда он описывает мучительную смерть горожан, сгоревших в своих домах или погибших под их руинами. Он рассказывает нам, как римляне тащили крюками еще живых карфагенян и бросали их в ямы, в которых те еще некоторое время шевелились.

Хронология

Даты и события

<i>Даты до н. э.</i>	<i>События</i>
Ок. 1100 г.	Основание Гадеса, по Страбону
1101 г.	Основание Утики, по Плинию
969—935 гг.	Хирам I, царь Тира
821—774 гг.	Пигмалион, царь Тира
814 г.	Основание Карфагена, по Тимею
753 г.	Основание Рима, по Варрону
751 г.	Основание Карфагена, по Аппиону
733 г.	Основание Сиракуз, по Фукидиду
Ок. 725 г.	Строительство «часовни Кинтаса» в тофете Карфагена
725—700 гг.	Самые древние гробницы Карфагена
До 700 г.	Основание Мотьи
700—675 гг.	Могилы на холме Юноны и в Дуиме; впервые появляются маски дьявола
Ок. 680 г.	Баалу, царь Тира
Весна 671 г.	Осада Тира Асархаддоном; переселение большого числа тирийцев в Карфаген
650 г.	Финикийское (или гадетское) поселение в Магадоре
650—600 гг.	Основание Великого Лепсиса
630 г. (?)	Колеус, Самиец, в Тартессе Основание Кирены Финикийская колонизация Сардинии
628 г.	Основание Селина
600 г.	Основание Марселя
Ок. 600 г.	Первые жертвоприношения в тофете Гадрументума. Финикийские моряки Нехо обошли вокруг Африки
591 г.	Карфагеняне колонизируют Ивису. Сооружение гробницы в Карфагене и Утике; появление саркофагов и сундуков в тофете Саламбо;

	первое появление известняковых стел и женских масок; большое количество импортной коринфской керамики в Карфагене
580 г.	Основание Агригентума
559—530 гг.	Правление Кира
Ок. 550—530 гг.	Правление Магона (?) Завоевание Сардинии карфагенянами. Карфагеняне — хозяева Мотьи
535 г.	Битва при Алалии; расцвет этрусско-пунического союза. Стелы в форме тронов и египетских саркофагов в тофете Саламбо
Ок. 530—510 гг.	Гасдрубал, сын Магона, царь Карфагена Мужские маски в могилах Карфагена
524 г.	Первая победа Аристодема Кумского над этрусками
Ок. 520—510 гг.	Дорией пытается обосноваться сначала в Триполитании, а потом в Эриксе. Война карфагенян с ливийцами
Ок. 510 г.	Гибель Гасдрубала на Сардинии
509 г.	Этрусских царей изгоняют из Рима
508 г.	Первый пунический договор с Римом
504 г.	Битва при Ариции
Ок. 500 г.	Карфаген приходит на помощь Гадесу Оставление Могадора Основание Ликсуса
Ок. 510—490 гг.	Гамилькар, внук Магона, царь Карфагена
Ок. 500—490 гг.	Дарий отправляет посольство в Карфаген
493 г.	Анаксилай, тиран Региума
Начало V в.	Тэфари Велиунас, царь Керы, вводит в Пирги культ Астарты. Мужские и женские маски в карфагенских гробницах
485 г.	Гелон захватывает Сиракузы
480 г.	Химерская битва
480—440 гг. (?)	Ганнон Мореплаватель, царь Карфагена
480—460 г.	Завоевание африканских территорий
470 г.	Плавание Сатаспа
Ок. 470 г.	Экспедиция Ганнона и Гимилько вдоль Атлантического побережья. Стелы в форме тронов, с надписями, посвященными одному Баалу, в тофете
459—450 гг.	Восстание на Сицилии против греков
453 г.	Война между Селином и Сегестой
440—406 гг. (?)	Ганнибал, царь Карфагена
416 г.	Афинская экспедиция на Сицилию
413 г.	Разгром афинян под Сиракузами. Селин нападает на Сегесту

410 г.	Вторжение Ганнибала на Сицилию
Весна 409 г.	Разгром Селина
Конец 409 г.	Разгром Химеры
	Карфагенское посольство в Афины
Весна 406 г.	Смерть Ганнибала
406—396 гг.	Гимилько, царь Карфагена
Декабрь 406 г.	Разгром Агригентума
405 г.	Дионисий, тиран Сиракуз. Захват Гелы. Осада Сиракуз
Конец 405 г.	Первый договор между Дионисием и Карфагеном
398 г.	Дионисий объявляет Карфагену войну
397 г.	Основание Лилибея
Зима 397/96 г.	Осада Сиракуз.
Весна 396 г.	Второй договор между Дионисием и Карфагеном.
	Раскаяние и самоубийство Гимилько
396—375 гг.	Магон, царь Карфагена
	Восстание в Ливии
396 г.	Введение культа Деметры/Коры в Карфагене. Уничтожение тофета. Первое появление Танит. Создание трибунала Одной Сотни и Четырех
393 г.	Кампания Магона на Сицилии. Третий договор с Дионисием. Гегемония Дионисия в Италии
386 г.	Захват Рима галлами
382 г.	Возобновление войны с Сицилией. Пунические экспедиционные силы в Южной Италии
378 г.	Реставрация Гиппониона карфагенянами
375 г.	Разгром Кабала; смерть Магона. Разгром Дионисия. Четвертый договор между Дионисием и Карфагеном
Ок. 370 г.	Конец династии Магонидов. Эпидемия в Карфагене; восстание в Ливии и на Сардинии. Ганнон I Великий захватывает власть в Карфагене
368 г.	Возобновление войны с Сицилией. Суд над Эшмуниатом
367 г.	Смерть Дионисия I. Восхождение на престол Дионисия II. Кампании Ганнона в Африке. Танит окончательно занимает верховенствующее положение по отношению к Баал Хаммону. Первая стела с эпитафией в тофете. Утверждение пунического господства на африканском и испанском побережьях

360 г. (?)	Падение Ганнона Великого; в Карфагене окончательно устанавливается аристократический режим правления
357 г.	Дион, с помощью Карфагена, захватывает власть в Сиракузах
354—350 гг.	Рим освобождается от власти Керы
348 г.	Второй романо-пунический договор. Артаксеркс III захватывает Сидон
347 г.	Дионисий II возвращает себе власть
345 г.	Гражданская война между Дионисием и Хикетом. Ганнон высаживается на Сицилии
344 г.	Тимолеон в Сиракузах
343 г.	Флот Магона в Сиракузах; суд над Магоном и его самоубийство. Рим объединяется с Капуей
341 г.	Гасдрубал и Гамилькар на Сицилии
339 г.	Битва при Кримисе; суд над Гасдрубалом и его смерть. Гиско, сын Ганнона Великого, царь Карфагена
338 г.	Заключение мира между Тимолеоном и Карфагеном. Появление первого мраморного саркофага в Сент-Монике
334 г.	Захват Тира Александром Македонским
328—303 гг.	Самнитские войны
325 г.	Плавание Пифея
319 г.	Гамилькар, царь Карфагена
316 г.	Гамилькар помогает Агафоклу захватить власть в Сиракузах
313 г.	Гамилькар, сын Гиско, царь Карфагена. Договор между Гамилькаром и Агафоклом
311 г.	Разрыв союза между этрусками и Карфагеном. Рим захватывает Северную Этрурию
20 августа 310 г.	Агафокл высаживается на Кап-Боне
Конец 310 г.	Агафокл в Тунисе
309 г.	Гамилькар, сын Гиско, погибает в Сиракузах. Бомилькар, царь Карфагена
Лето 308 г.	К Агафоклу присоединяется Офеллас
Октябрь 308 г.	Убийство Офелласа. Попытка государственного переворота и смерть Бомилькара. Конец монархии в Карфагене
307 г.	Агафокл, с помощью этрусков, входит в Сиракузы
306 г.	Возобновление романо-пунического союза. Титул царя принимают диадохи

306—284 гг.	Птолемей I Сотер, царь Египта. Важные экономические отношения между Карфагеном и Александрией. Саркофаги в эллинистическом стиле в Сент-Монике; стелы, украшенные завитками, в тофете
289 г.	Смерть Агафокла. Мессину захватывают мамертинцы
288—282 гг.	Финтий, тиран Агригентума, вступает в союз с Карфагеном. Хикет, тиран Сиракуз
281 г.	Пирр высаживается в Италии
281 г.	Битва при Аскулуме
Осень 279 г.	Карфагенский флот Магона у стен Остии. 4-й романо-пунический договор
Начало 278 г.	Сосистрат и Фенон делят между собой Сиракузы. Флот Карфагена входит в гавань Сиракуз
Осень 278 г.	Пирр в Сиракузах
277 г.	Пирр захватывает пунические владения на Сицилии
276 г.	Восстание на Сицилии против Пирра
Лето 276 г.	Карфагенский флот уничтожает флот Пирра
Осень 276 г.	Пирр возвращается в Италию
264 г.	Римское вторжение в Мессину
263 г.	Союз между Римом и Гиероном II
262 г.	Римляне оккупируют Агригентум
260 г.	Битва при Милах
259 г.	Жителей Эрикса переселяют в Дрепанум
256 г.	Битва при Экноме
256—255 гг.	Экспедиция Регула в Африку
254 г.	Римляне захватили Палермо
250 г.	Начало осады и блокады Лилибея
249 г.	Битва при Дрепануме
248 г.	Заключение вечного союза между Римом и Гиероном II
247 г.	Гамилькара Барку отправляют на Сицилию. Карфагеняне оккупируют Тевесте. Рождение Ганнибала (?)
244 г. (?)	Гамилькар на горе Эрикс
241 г.	Битва у Эгадских островов. Заключение мира между Римом и Карфагеном. Прибытие наемников в Африку
240—237 гг.	Наемническая война
238 г.	Карфаген оставляет Корсику и Сардинию
237 г.	Гамилькара посылают в Испанию
232 г.	Разделение Ажера Галльского и Ажера Пиценского

231 г.	Римское посольство, прибывшее к Гамилькару
229 г.	Римское военное вторжение в Иллирию
Зима 229/28 г.	Смерть Гамилькара
226 г.	Романо-баркидский договор
225 г.	Вторжение галлов в Италию. Битва у мыса Теламон
222 г.	Римляне оккупируют Медиолан
221 г.	Убийство Гасдрубала. Ганнибал становится главнокомандующим войсками в Испании. Экспедиция Ганнибала против Олкадов
220 г.	Ганнибал захватывает Саламанку. Цензорство Гая Фламиния
219 г. (?)	Второе римское вторжение в Иллирию
219 г.	Ганнибал захватывает Сагунт
218 г.	Рим отправляет свою армию в Испанию. Ганнибал переходит через Альпы. Битвы при Тичине и Треббии. Восстание в Галлии
217 г.	Битва у Тразименского озера. Диктаторство Квинта Фабия Максима
216 г.	Битва при Каннах. Измена Капуи
215 г.	Разгром Гасдрубала под Дертозой. Смерть Гиерона II. Союз Ганнибала и Филиппа V Македонского. Появление первого общества публиканцев
215—213 гг.	Восстание Сифакса
214 г.	Убийство Гиеронима. Римляне захватывают Сагунт
213 г.	Гимилько и Бомилькар на Сицилии
212 г.	Союз Рима с этолийцами
211 г.	Марш Ганнибала на Рим. Римляне захватывают Сиракузы и Капую. Смерть Сципиона в Испании
210 г.	Назначение главнокомандующим в Испании Сципиона
209 г.	Римляне захватывают Картахену
208 (?)	Битва при Бекуле
207 г.	Битва при Метавре
207—206 гг.	Эсалк, царь Массилии
206 г.	Битва при Илипе. Гадес отказывается открыть ворота перед Магоном. Магон на Минорке
205 г.	Консульство Сципиона. Фойникский мир.

204 г.	Союз Карфагена с Сифаксом и Рима с Масиниссой.
203 г.	Магон в Лигурии; Ганнибал в Кротоне Высадка Сципиона в Африке Битва при Кампи-Магни — отзыв Ганнибала и Магона.
202 г.	Перемирие между Карфагеном и Римом Битва при Заме
201 г.	Заключение мира между Карфагеном и Римом
200 г.	Война Рима с Филиппом V
196 г.	Ганнибала избирают суфкетом
196 г.	Ганнибал покидает Карфаген
193 г. (?)	Масинисса оккупирует район Эмпории. Ганнибал посылает в Карфаген шпиона по имени Аристо
183 (?) или 182 (?)	Ганнибал кончает жизнь самоубийством
182 г.	Пуническо-нумидийский территориальный конфликт
172—171 гг.	Рим выступает арбитром в конфликте между Карфагеном и Масиниссой
157 г.	Новый арбитраж Рима
155 г.	«Демократическая» партия снова приходит к власти в Карфагене
153 г.	Посольство Катона в Карфаген
Конец 151 г.	Лидеров пронумидийской партии изгоняют из Карфагена
150 г.	Осада Ороскопы. Масинисса присоединяет к себе Великие равнины и район Фуске. Гасдрубала и других демократических лидеров Карфагена приговаривают к смерти
Начало 149 г.	Переговоры между римлянами и карфагенянами в Риме.
Апрель 149 г.	Утика переходит на сторону Рима Римский сенат объявляет Карфагену войну. Консулы Манилий и Марций Ценсорин в Лилибее. Армия консулов высаживается в Кастра Корнелии. Консулы сообщают карфагенянам о решении сената уничтожить их город. Карфагеняне прекращают переговоры и начинают готовиться к обороне
Июнь—июль (?) 149 г.	Начало римской осады Карфагена
Ноябрь 149 г.	Маний Манилий терпит поражение под Неферисом. Смерть Катона
Начало 148 г.	Смерть Масиниссы

Апрель (?) 148 г.	Дезертирство Гимилько Фамеаса
Май (?) 148 г.	Командование римским войском принимают Пизон и Манцин
Лето 148 г.	Римляне отброшены от Клупеи и Бизерты
Зима 148/47 г.	Убийство Гасдрубала, внука Масиниссы. Демократические экстремисты захватывают власть в Карфагене
Ноябрь 148 г.	Сципион Эмилиан избирается консулом
Весна 147 г.	Неожиданное нападение Манцина на Мегару. Прибытие Сципиона Эмилиана в Африку
Лето 147 г.	Сооружение дамбы, перегораживающей вход в гавань Карфагена. Римляне захватывают причал в гавани. Полибий изучает марокканское и мавританское побережья
Осень 147 г.	Переговоры между Гасдрубалом и Гулуссой
Зима 147/46 г.	Разгром пунической армии под Неферисом
Март или апрель 146 г.	Захват и разрушение Карфагена

notes

Примечания

1

Весной 1965 года у французского побережья в Лангедоке был обнаружен затонувший корабль. Он вез груз металлических предметов, принадлежавших к хальнетадской культуре (первая половина I века до н. э.), что доказывает существование морской торговли, организованной автохтонными народами.

Иосиф Флавий упоминает (*Contra Apionem* I, 119) об экспедиции, которую Хирам Тирский организовал против Утики. Флавий узнал об этом от Менандера Эфесского, который, вероятно, вычитал об этой экспедиции в царских хрониках Тира. Вполне возможно, что, превратившись в богатый город, Утика отказалась платить дань. Однако Иосиф Флавий не говорит нам, что это была африканская Утика, и многие в наши дни полагают, что он имел в виду другую Утику, хотя остается только гадать, где она находилась.

«Храмовые анналы» начинают свое повествование с «первого года» – даты основания храма.

Тимей датирует 814 годом до н. э. основание не только Карфагена, но и Рима. Обычно считалось, что Апион, говоря об одновременном появлении обоих городов, хотел согласовать эти даты с хронологией Рима, которая существовала в его дни. При этом Цицерон, Веллей Патеркул и многие другие готовы были признать, что Карфаген древнее Рима.

Слово МЛ К в семитских языках означает «царь». Его применяли и к богам, а в иврите – это также имя собственное. Нам известен один случай использования этого имени в Карфагене, но исследователи эпитафий считают, что это была аббревиатура длинного имени вроде МЛКХЛС, которое означает «царь (то есть бог) помог».

Паул Оросий, писатель V века, тоже упоминает о нем, называя его современником Цируса. Впрочем, он, скорее всего, позаимствовал эти сведения у Помпея Трога.

Элимийцы, вероятно, пришли из Азии во II веке до н. э. и создали свою столицу в Сегесте.

Существует лишь одна стела подобного типа, но она, несомненно, была сюда привезена.

Фукидид и Павсаний ссылаются в своих трудах на морскую победу, которую греки из Массалии одержали над Карфагеном. Приведенная ими датировка этого события совершенно произвольна и в одном случае абсолютно неверна (утверждение о том, что в честь этой победы был основан Марсель). Вероятно, оба автора имели в виду битву при Артемизионе, о которой мы расскажем ниже.

В течение V века большой храм превратился в руины, и его камни около 400 года до н. э. были использованы для создания фортификационных сооружений. Скучные жертвоприношения в тофете также свидетельствуют о том, что гарнизон жил в нищете.

Вполне возможно, что в это время Этрурия и Карфаген соперничали за овладение неизвестным нам островом в Атлантическом океане – быть может, Мадейрой? Об этом рассказал нам Диодор.

Когда произошло это событие, неизвестно. Этот вопрос обсуждается в книге Ф. Виллара «Греческая керамика в Марселе». Битва под Артемизионом, несомненно, произошла около 495 года до н. э., поскольку в ту пору Гераклид Миласский воевал в Ионии. Однако мы не согласны с Вилларом, который утверждает, что она случилась раньше Химерской битвы: карфагенцы просто не успели бы набрать солдат для этой битвы в Руссильоне и Лигурии, если бы они потерпели поражение от марсельцев. Как раз более вероятен другой ход событий: узнав о разгроме карфагенцев под Химерой, от которого пострадал и пунический флот, марсельцы, вероятно, и взялись за оружие. Они могли даже вступить в союз с Гелоном и Гиероном.

Так, по-видимому, следует толковать слова Диодора, ибо, хотя Ганнибал уже был царем, в 410 году до н. э. его избрали стратегом, чтобы он смог возглавить поход на Сицилию.

Гсел полагает, что армия раньше состояла из жителей Карфагена. Этот вывод он сделал из истории о Малхусе, но это заключение неприемлемо, как и другая «историческая» информация, которую дает нам в этой связи Юстин. В начале VI века до н. э. население Карфагена было гораздо меньше, чем в более поздние времена. Более того, необходимо было держать в городе постоянный гарнизон, поскольку ему постоянно угрожали ливийцы.

Проблема отношений Карфагена и Черной Африки будет решена только после археологических раскопок южнее Сахары. После 1944 года Уильям Фэг обнаружил в Северной Нигерии культуру Нок, которая свидетельствует о том, что негры знали металлургию и терракотовую скульптуру. Время появления этой культуры разные авторы определяют по-разному – от 900 года до н. э. до 250 года н. э. По общему мнению, она могла просуществовать до конца I века н. э., а может, и до конца II. Таким образом, она была современницей Карфагена. Ученые отказываются признавать, что культура Нок находилась под влиянием Западного Средиземноморья, но тогда трудно понять, каким образом сложная и редкая техника терракотовой скульптуры могла процветать одновременно к северу и к югу от Сахары, а потом исчезла в обоих этих районах, если бы между ними не было никакой связи. Более того, культура Ифе, которая тоже является нигерийской и которая, по мнению Уильяма Фэга, была производной от культуры Нок, использовала процесс *cireperdue* для бронзового литья. Если верить Элси Лейзингеру («Африка: искусство негритянского народа» – серия «Мировое искусство», Лондон, 1960), эта техника могла попасть в Нигерию двумя путями: с верхнего Нила через Судан или через Сахару. Наличие второго пути доказывается тем, что в искусстве культуры Ифе присутствуют сардинские и этрусские мотивы. Если это так, то посредником был, несомненно, Карфаген.

Об этом говорит название одной из основанных Ганноном колоний – Карикон Тейхос, «Карианская стена». Возможно, он создал ее специально для беглецов, которым пришлось покинуть Карию после победы Афин под Эвримедоном в 468 году. Кариане довольно продолжительное время воевали в составе финикийской армии – у Афаля были карианские наемники (2 Цар., XI: 4; неправильно переведенные в авторизованной версии Библии как «капитаны»).

Несколько лет назад на берегу Бретани был найден золотой статир (монета) из Кирены. Ж. Буске полагает, что он был привезен сюда купцом из Марсея, но нельзя исключить и того, что его доставил корабль из Карфагена.

В законе о boule, изданном в Афинах, упоминается о Ганнибале и Гимилько.

Л. Морен считает, что Гимилько не мог быть сыном Ганнона Мореплавателя (или сабеллийцем) из-за большой разницы в годах. Однако в том, что один кузен был старше другого на двадцать и более лет, нет ничего удивительного. Ганнон Мореплаватель в 450 году до н. э. был в самом расцвете сил и вполне мог родить сына.

Монеты с надписями RS MLROT обычно приписывают этому городу.

Урей – изображение змей на короне фараона.

С. Гсел полагает, что карфагеняне, встретив в Северной Африке обезьян, решили, что это особый тип людей. Однако это совсем не обязательно, поскольку для берберской обезьяны и гориллы имеются разные слова.

Этот отчет впервые упоминается в книге *De mirabilibus auscultationibus*, автором которой ошибочно считали Аристотеля, но которая была написана современником Агафокла Сиракузского.

Маловероятно, чтобы главная площадь Карфагена была окружена портиком. Даже в Греции портики на агоре, построенные по ионическому образцу, получили широкое распространение лишь в IV веке до н. э. В городах Лептис и Мактар, где сохранилась пуническая планировка, вокруг площадей нет портиков.

Если бы в деле были замешаны рабы Ганнона, Юстин, вероятно, выразился бы более определенно, употребив слово *ипсиус*; в любом случае мы знаем, что рабы Ганнона остались ему верны до самой его гибели.

Во всех пунических надписях, куда входят и посвящения тофетов, опущены гласные. Имя богини написано как ТНТ. Поэтому имя ее лишь предполагается. На одной стеле из Эль-Хофры, расположенной неподалеку от Константина, содержится эпитафия, сделанная греческими буквами, где встречаются имена Тинит и Тенеит. Скорее всего, это имя произносилось как Тинит.

Некоторые исследователи предполагают, что это не кто иной, как сам Ганнон I Великий (эту гипотезу приводит в своей в книге «Х.А.А.Н» С. Гсел, но это вовсе не означает, что он ее разделяет). Мы уже приводили доводы против общепринятой даты падения Ганнона I Великого. В любом случае Ганнон – самое популярное из пунических мужских имен.

См. книгу Р. Бриллианта «Жест и ранг в римском искусстве»; ср. также различные стелы, например стелы в Суссе, которые посвящены Баалу, где бог и поклоняющийся ему человек делают одинаковые жесты. Сохранились также votivные и погребальные статуи и статуэтки. Этот жест распространен и у других семитских народов.

Лицо Танит из Сент-Моники похоже на лицо «Дамы из Эльче», тяжелая прическа которой подчеркивает его правильные классические черты. «Дама из Эльче» – иберийское изображение, на которое оказала огромное влияние пуническая культура. Ее можно датировать IV веком.

Согласно Юстину (XXII, 7), этот самый Гамилькар был дядей по отцу царя Бомилькара, распятого в 307 году до н. э. В речи, которую он произнес перед казнью, Гамилькар упрекал карфагенян в том, что они предали Ганнона Великого и Гиско, так что он никак не мог перейти на сторону врагов своей семьи.

Хронология этих событий не точна, поскольку свидетельство Диодора противоречит надписи в Паросе. Гамилькар, сын Гиско, несомненно, умер ближе к началу лета 309 года до н. э. Офеллас и Бомилькар умерли в один и тот же месяц – Гсел и Бел ох называют октябрь 309 года, а Диодор – 310 года. Автор этой книги считает, что в этом вопросе прав Диодор, и вот почему: а) Бомилькар был провозглашен царем после смерти Гамилькара. Этого нельзя было сделать без согласия старейшин, а Бомилькар в это время, как мы уже говорили, был популярен в народе. Его падение стало результатом яростного несогласия со старейшинами и с народом. Поэтому между приходом к власти и попыткой переворота должно было пройти некоторое время, в течение которого он лишился своей популярности, б) Все источники и эксперты датируют реорганизацию пунической армии и назначение генералами Гимилько, Ганнона и Гасдрубала 307 годом до н. э. Вряд ли старейшины стали бы проводить реорганизацию армии более чем через год после смерти Бомилькара.

Полибий не совсем уверен, что на самом деле представлял собой этот совет. В книге I он утверждает, что Государственный совет, который он называл герусией, включал в себя, по-видимому, более 30 членов. Он называет совет старейшин синклитом.

Точное место битвы неизвестно. Ученые спорили, произошла ли она на правом берегу реки Ауфидус (современной Офанто) или на левом. Кладбище на правом берегу принимали за кладбище погибших в этой битве, но на самом деле это средневековый некрополь (Ф. Берточи).

Вопрос о том, каким путем Ганнибал шел через Галлию и Альпы, стал предметом дискуссии во времена Сенеки. Чтобы изложить все версии, потребуется отдельная книга. Мы излагаем маршрут, предложенный К. Юлианом, с которым согласны и Гсел, и Дион.

Систр – род кастанъет, употреблявших в Египте при богослужении в честь Изиды.

Человек мог занимать эту должность только один год и не имел права быть переизбранным. В противном случае Ганнибал добился бы своего переизбрания. Это еще одна причина не соглашаться с предположением Гсела о том, что цари, правившие в течение нескольких лет до конца IV века до н. э., могли занимать должность суфетов, переизбираясь на эту должность по несколько раз.

Ливий сообщает нам, что Лепсис был единственным городом в этой местности. Однако американские раскопки показали, что Сабрата в V веке до н. э. уже существовала. Вероятно, латинские историки употребляли слово *civitas* (город) в его политическом значении. Сабрата, вероятно, находилась во владении Лепсиса.

На стелах, найденных в Эль-Хофре, и в пунических надписях на нумидийской территории обычно указываются имена жрецов или мастеров своего дела, но не чиновников. В Мактаре, после того как он вошел в состав Нумидийского царства и до I века н. э., все суффеты были нумидийцами.